ТЕЛЕКС

НЭП

И КРИЗИС ПАРТИИ

Воспоминания

1991

Н. ВАЛЕНТИНОВ

НЭП И КРИЗИС ПАРТИИ

Воспоминания

Телекс • 1991 • Нью-Йорк

Н. Валентинов
НЭП и кризис партии
Воспоминания

Перепечатка с издания 1971 г.

Редактор А. Серебренников

ISBN 0-938181-22-X

ОБ АВТОРЕ

Н. Валентинов — псевдоним Николая Владиславовича Вольского (1879-1964), известного журналиста, экономиста и философа. С юных лет участник революционного движения, после 2-го съезда РСДРП (1903) большевиков, известный в киевском подполье под именем «Самсонов». Эмигрировал в Швейцарию, близко сошелся с Лениным, но вскоре порвал с ним, не пожелав участвовать в интриганских затеях вождя. После революции 1905 отходит от большевиков, ревизует марксизм, пытаясь соединить его с позитивистской философией Эрнста Маха. Редактирует совместно с Власом Дорошевичем московскую газету «Русское слово». После Октября в годы НЭПа — фактический редактор органа ВСНХ «Торгово-промышленная газета». В 1930, командированный в советское торгпредство в Париже, перешел на положение «невозвращенца» и остался жить во Франции. В последующие годы активно работал в эмигрантской прессе, написал несколько книг.

Важнейшие работы Н. Валентинова

Философские построения марксизма. М., 1908
Э. Мах и марксизм. М., 1908
Мы еще придем! О современной литературе. М., 1908
Пути решения аграрного вопроса. М., 1917
Встречи с Лениным (1903-1905 гг.). Нью-Йорк, 1953
Чернышевский и Ленин. — «Новый журнал», 1951, кн. 26 и 27
Из прошлого: П. Б. Струве о Ленине. — «Соц. вестник», 1954 № 8/9
Ранние годы Ленина. Ленин в Кокушкине. — «Новый журнал», 1954, кн. 36
Выдумки о ранней революционности Ленина. — «Новый журнал», 1954, кн. 39
Превращение Вл. Ульянова в Ленина. — «Новый журнал», 1955, кн. 41
Два марксизма. — «Соц. вестник», 1955, № 7/8
О предках Ленина и его биографиях. — «Новый журнал», 1960, кн. 61
Еще о Ленине и его предках. — «Соц. вестник», 1961, № 5

Посмертно опубликованы:

Беседы с Г. В. Плехановым в августе 1917 г. — «Новый журнал», 1965, кн. 79
Ленин в Казани и Самаре. — «Новый журнал», 1965, кн. 80
Два года с символистами. — Станфордский ун-т, США, 1969
Малознакомый Ленин. — Париж, 1972

Редактор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Мои воспоминания об эпохе НЭП (1922—1928 гг.) состоят из двух частей. В первой части, относящейся к 1922—1923 гг., я описываю рождение НЭП, отношение к ней беспартийной интеллигенции, появление оппозиции, борьбу за власть на верхах диктатуры, болезнь и смерть Ленина.

Эта часть моих воспоминаний служит как бы введением ко второй части, посвященной, главным образом, деятельности Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) за период 1922—1927 гг. Во второй части, одна глава описывает ВСНХ под управлением Дзержинского, большую роль в нем с.-д. меньшевиков и их трагическую участь. Другая глава относится к подготовке пятилетних планов, разрабатываемых в «Освоке». Глава эта также включает мои отношения с заместителем председателя ВСНХ Пятаковым и зловещую теорию Вознесенского о первоначальном социалистическом накоплении.

Следующие две главы касаются деятельности Владимирова, заместителя Дзержинского и краткого пребывания Троцкого в ВСНХ.

Последняя глава — мое участие в органе ВСНХ — «Торгово-Промышленной Газете»: официально в качестве заместителя ответственного редактора, в действительности — ее фактического редактора.

Должен предупредить: я не пишу историю советской революции периода НЭП. О ней писали другие и о ней много и многие будут писать, так как в сущности настоящей ее истории еще нет. Она не написана. Это теперь, в 1956 г., признали даже Хрущев и Микоян и все за ними идущие. Составляя свои воспоминания, хочу сообщить то, что я видел, что слышал, причем *главнейшая* моя цель — это сообщить то, что не известно, что в печать не попадало, а если упоминалось, то неполно и под иным углом зрения, иным освещением. То, что я слышал не есть какая-то непререкаемая истина. Возможно, что приводимые мною указания или высказывания некоторых лиц не совсем соответствовали действительности, но я счи-

тал нужным их привести, так как, во-первых, в то время, которое описывается, они мне казались несомненной правдой, а, во-вторых, лишь их сопоставление (а этим я не занимаюсь) с другими указаниями, высказываниями и фактами могло бы установить полную истину. Обстоятельства сложились так, что ряд фактов сейчас известен только мне одному. Остальных лиц, их знавших, кажется, уже нет в живых. Следовательно, если эти факты и события, мне известные, своевременно не зарегистрировать, не передать, они из писанной истории, как это часто уже бывало, исчезнут без следа. Например, о существовании в 1923-27 гг. кружка меньшевиков («Лиги наблюдателей») и его меморандума «Судьба основных идей октябрьской революции», основанном на анализе идей Ленина, никогда и ничего в печать не попадало. Между тем, передавая без малейших прикрас, без исправлений, подлинные мысли, взгляды, чувства участников этого кружка, их своеобразное понимание эволюции взглядов Ленина за 1917—1923 гг., только и можно дать объяснение: почему они, как и значительная часть российской интеллигенции, стали в эпоху НЭП с большим рвением участвовать в хозяйственном строительстве советской власти и в этом отношении резко разошлись со взглядами эмиграции. Из того, что я сообщаю, будет легче понять и другое: подчиняясь каким мотивам, эта интеллигенция была против появившейся в 1923 г. троцкистской оппозиции, склоняясь к позиции Центрального Комитета Партии, потом к политике правых коммунистов, но всегда отталкивалась от Сталина, даже и тогда, когда он защищал НЭП.

Передавая, что слышал и видел, я мог бы все это представить просто в виде отдельных эпизодов, речей, фактов. Так, со слов заместителя председателя ВСНХ, М. К. Владимирова, мог бы сообщить, что Сталин уже после первого (легкого) удара и паралича Ленина решил, что «Ленину капут» и, в соответствии с этим, установил свою «линию». Мог бы рассказать, что́ в Москве говорилось под впечатлением, вызванном статьей Радека «Лев Троцкий — организатор победы», появившейся в марте 1923 г. Вне всякой связи с этим и другими эпизодами мог бы сообщить что́ слышал о поездке больного Ленина из Горок в Москву на сельскохозяйственную выставку и в Кремль, где он обнаружил исчезновение из своего кабинета какого-то важного документа. Я мог бы рассказать о подпольной литературе 1923 г. против Троцкого или о том, кем и когда было задумано сооружение мавзолея с мумией Ленина. Но такое повествование, грубо протоколируя отдельные, обрубленные, отгороженные друг от друга сообщения, было бы уж слишком «нелитературно». Поэтому я решил изложение фактов, событий и слухов вести в рамках некоторой их связанности, последовательности, логичности. Для этого, в целях «смычки» сообщений, устранения провалов, установления некоторой «кантилены», я рядом с тем, что только лично мне известно, вставлял вещи, факты, известные из существующей литературы. Иногда этими известными данными я пользовался в самом сжатом, только в несколько строк, объеме. Например, зачем мне было распространяться об отношении Троцкого к военным специалистам и «полководцам-партизанам» вроде луганского слесаря

Ворошилова, когда об этом говорит сам Троцкий в своих сочинениях? Но были вопросы, когда к существующей документации требовалось прибегать в большем объеме. Так, понадобились довольно обширные цитаты из брошюры «Новый Курс» того же Троцкого, так как она вызвала у некоммунистической интеллигенции некоторые ложные надежды, о которых мало кому известно, о которых нужно рассказать, и я должен был это сделать, будучи свидетелем того времени. Все-таки к цитатам я прибегал лишь в меру необходимости. Если бы в целях полноты картины я соблазнился бы большей утилизацией и интерпретацией известных фактов и сообщений, то создалось бы впечатление, что я пишу историю того времени. А такой широкой цели, такого намерения, повторяю, у меня не было. У меня была другая задача.

Люди, знакомые с литературой о Советской России в 1923—1928 гг., конечно увидят (странно, если бы не увидели), что о Дзержинском, Пятакове, Троцком, Владимирове, Сталине (его таинственная встреча с Троцким), о Ленине с его чрезвычайно интересным «напутствием» Владимирову, о других лицах, в частности о немецком профессоре Баллоде, авторе книги «Государство Будущего», — я даю сведения *никогда* и *нигде* в печати не появлявшиеся. Эти сведения, как результат моих встреч и бесед, мог дать только я, а этого до сих пор я не делал и, если бы эти сведения теперь не записал и не передал, они были бы обречены на бесследное исчезновение.

Ко многому совершенно неизвестному я прибавлял кое-что известное. При затрате времени на розыски, его можно найти в советских изданиях. Маленькие дополнения такого рода нужны не только для «утрамбовки» повествования. Прибегать к цитатам из напечатанных речей Дзержинского или из произведений Преображенского необходимо по более важной причине. Описываемое время наполнено страстным и почти свободным обсуждением социально-экономических проблем. Позднее, начиная с 1929 г., все это исчезает, заменяясь решениями, изготовленными жрецами Кремля и в порядке грозного приказа спускаемыми сверху вниз в головы людей, уже потерявших право рассуждать и обсуждать. Так не было в 1924—25 гг. Люди тогда остро интересовались экономическими вопросами. За них хватались, о них спорили, о них рассуждали, их обсуждали и не одни коммунисты, а, вместе с ними, параллельно, широчайший слой, так называемой «беспартийной интеллигенции». Если бы я не привел несколько характерных цитат из удивлявших нас в то время речей Бухарина, Рыкова о частном капитале, Дзержинского о техническом персонале, не изложил бы сути зловещей теории Преображенского о социалистическом накоплении, о которой тогда много говорили, — в моих записках несомненно был бы пропуск.

Через все главы второй части моих записок проходит, как рефрен в разных вариациях, одно указание и к нему-то и хотел бы привлечь возможно больше внимания. 1925 год был особенным годом, но прошу не понимать его в узко-календарном смысле. В него входит часть 1924-го и частица 1926-го. 1925 г. — год максимального расширения НЭП. Достаточно напомнить, что зажиточные крестьяне («кулаки») получили тогда право арендовать землю и нани-

мать батраков. 1925 г. — это год, когда на всю экономическую политику накладывали «умиряющую» печать правые коммунисты. В хвосте за Рыковым брел Сталин, клеймивший «классовую борьбу» в деревне, взывавший к примирению и соглашению с кулаками. В 1925 году ревностно работавшие во всех хозяйственных областях кадры беспартийной интеллигенции отнюдь не считали себя последней спицей в советской колеснице. Наоборот, чувстовали себя огромной творческой *силою,* восстанавливающей хозяйство, его преобразующей и *им управляющей.* Работы *Освока,* — потому я о них и говорю подробно, — пример проявления творческой мысли беспартийной интеллигенции. 1925 — год надежд и великого оптимизма у одной части этой интеллигенции, поставившей ставку на благостную эволюцию власти, верившей, что советская страна, уйдя от военного коммунизма, но не возвращаясь к капитализму, сможет при самоотверженной работе интеллигенции построить «дом» удобный для всех классов общества. Эта вера, эти чувства, это сознание, этот оптимизм — носились в воздухе 1925 года, делали его для многих годом больших надежд, но я не знаю *ни одного произведения, ни одного автора,* который передал бы «воздух» 1925 года, изобразил «сознание» его. Видимо это недоступно тем, кто в то время не жил в Советской России, не погружался с головой в общественную работу, не имел постоянного контакта с представителями власти, короче сказать — не дышал «воздухом 1925 года».

В записках я часто упоминаю «Лигу наблюдателей», — условное наименование кружка из восьми бывших меньшевиков как в прошлом, так и при советской власти, имевших общественный вес. Конденсированное представление о чувствах и мыслях «людей 1925 года» дают собрания именно этой «Лиги наблюдателей» с ее докладами, сообщениями, всегда оживленным обменом мнений и оптимистическими взглядами на будущее. Этим собраниям следовало бы посвятить целую главу, но мои записки и без того разрослись чрезмерно.

Пятая глава моих записок, на многих страницах, с упоминанием мелочей, говорит о Дзержинском — председателе ВСНХ. Большое внимание к нему объясняется тем, что Дзержинский, будучи, как и его заместитель Владимиров, ультраправым коммунистом, был как бы «принадлежностью 1925 года», находился в том слое коммунистических правителей, с которыми беспартийная интеллигенция могла очень легко работать, не чувствуя никакого ущемления своего достоинства. Нарисованный мною его «портрет» покажется многим неверным и, допускаю, может даже шокировать тех, кто смотрит на Дзержинского только как на главу ВЕЧЕКа—ОГПУ, проводника кровавого террора в 1918—1920 гг. Но Дзержинский в ВСНХ и Дзержинский ВЕЧЕКа — не одно и то же. Два с половиной года наблюдений и встреч с этим человеком создали у меня то представление о нем, изменять которое ничто не обязывает.

Глава, посвященная Троцкому, не делает из него, хотя он был талантливым публицистом и оратором, большого и симпатичного «героя». С 1924 года проступает его *малость* и, вместе с тем, его ог-

ромная и трагическая *вредоносность*. Ведь он один из вождей оппозиции, а на базе идей ее и вырос сталинизм, сделавший своими — и зловещую теорию Преображенского о накоплении, и все без исключения мысли, посылки, рассуждения, слышанные мною от Пятакова.

История Советской России не пошла по направлению, указываемому ей «стрелкой 1925 года». Стрелка метнулась в другую сторону. Это из маленького кустарника, выращиваемого в годы НЭП стараниями Троцкого, Пятакова, Преображенского и прочих представителей оппозиции, вроде Зиновьева, — выросло отравленное преступлениями гигантское дерево сталинизма и тень от него ныне падает на весь мир.

Париж, 1956. *Н. Вольский (Н. Валентинов)*

ГЛАВА I

РОЖДЕНИЕ НЭП-А И «ЛИГА НАБЛЮДАТЕЛЕЙ»

В 1917 году, накануне октябрьской революции, Ленин утверждал, что когда власть попадет в их руки, даже 240 000 коммунистов, составлявших тогда ленинскую партию, справятся со всеми вопросами, выдвинутыми социалистической революцией, сумеют управлять страною. Довольно скоро он убедился, что его расчеты ложны и для строительства им задуманного нового социально-экономического строя нужных людей крайне мало, почти не было. Это убеждение, укрепившись у Ленина в 1919 году, не оставляло его вплоть до смерти. О том говорят последние его статьи, написанные в январе 1923 года. Указывая на повсеместное неумение вести дело, «быть настоящими организаторами и администраторами», жалуясь на царящее отсутствие культуры, Ленин искал повсюду нужных ему людей, в том числе среди прежних своих знакомых, особенно тех, кто когда-то принадлежал к большевистской партии, но потом от нее отошел.

Нужно думать, что по этой причине (Ленин знал меня с 1904 г.), он дважды, в 1919 и 1920 годах, осведомлялся, что́ я делаю, в каком учреждении служу, а если не служу, каковы тому причины. Оба раза, когда мне передавали вопросы Ленина, я отвечал, что будучи больным, не могу брать на себя даже небольшую работу. Хотя я действительно в то время болел, все-таки не в этом была основная причина моего нежелания служить, работать по-настоящему, а не заниматься мимикрией, каким-то подобием работы, к которым прибегали мы все, чтобы иметь право на продовольственную карточку и не числиться паразитами и буржуями.

В период, названный потом «эпохой военного коммунизма» (1918—1920 годы), я чувствовал, что никак не могу ужиться с устанавливаемым тогда строем. И главной причиной бегства, уклонения от службы, был все-таки не террор, а самое существо этого строя. Я считал его нежизненным, искусственным, придуманным, неспособным длительно существовать, противоречащим всему тому, что я считал элементарными законами социологии, экономики, психологии. Чтобы жить не служа, я с горечью предпочитал по частям ликвидировать свою библиотеку — три тысячи с лишком книг, собиравшихся в течение многих лет. Так, в обмен на два пуда муки, пошли 84 тома «Энциклопедического словаря», изданного Брокгаузом и Эфроном, в нормальное время стоящего более чем 250 пудов муки.

За какую-то ничтожную цену было продано и мое собрание очень ценных и редких книг по византологии, и в том числе сочинения «отцов церкви» — Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Великого, Иоанна Дамаскина и пр. Эту литературу, в руки марксистов обычно не попадающую, но для меня необходимую при писании книги о византийском комплексе в русской национальной мысли, купил у меня Университет Народов Востока, учреждение, в котором уже тогда выращивались будущие коммунистические правители Китая, Кореи, Монголии, Индокитая. «Отцы церкви», вероятно, там понадобились для доказательства тезиса «религия — опиум для народа», а этот лозунг был тогда всюду расклеен в Москве.

В течение первых лет советской власти я делал все для меня доступное, чтобы этой власти не служить. Что же побудило меня, освободившись от этой психологии, в *1922 году* кинуться в работу? Именно кинуться, отдаться ей с увлечением, поступить на службу в Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), в его печатный орган «Торгово-Промышленную Газету». Если бы такая метаморфоза была бы *частным случаем*, моим личным казусом, о ней не стоило бы и говорить. Но в том-то и дело, что это не частный случай, а нечто, что одновременно со мною, правильнее сказать, даже несколько раньше меня, произошло с довольно значительной частью российской интеллигенции: с беспартийными специалистами, людьми, прежде находившимися в рядах кадетской партии, в партии социал-демократов-меньшевиков и в партии социалистов-революционеров.

Эволюция этой части русской интеллигенции, *окончившаяся для нее великой трагедией*, абсолютно не нашла себе освещения в большевистской литературе, в написанной ими истории, а в том, что о ней писали не-большевики, видно и незнание, и недостаточный учет многих важнейших фактов. Совершенно в тени остался такой важный факт, что, в тесной связи с происшедшей метаморфозой у указанной части российской интеллигенции и с развернутой ею работой, находятся очень *большие* успехи, достигнутые в 1922—28 гг. в советском национализированном хозяйстве.

Внимания заслуживает и другой факт. В 1921 и в 1922 г. советское правительство производило массовые высылки за границу нежелательной для нее части интеллигенции. Правительство Ленина этим отличалось от правительства Сталина, предпочитавшего неугодных ему лиц расстреливать или морить в концентрационных лагерях. Отличие от «эпохи Сталина» было в том, что тогда можно было легко перебраться за границу. Это делалось через Кавказ, а больше всего через границы Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, через которые и эмигрировало довольно значительное число интеллигентов. И вот именно в это время, когда происходил усиленный уход части интеллигенции за границу, в форме как насильственной, так и добровольной высылки, *другая часть* этой интеллигенции с *большим подъемом* принималась за работу в разных областях советского аппарата. Это происходило не из-под палки, а добровольно и указываемая мною интеллигенция, ни в коей мере не принадлежала к разряду лиц, «примазавшихся» к коммунистической партии, о которых с такой ненавистью говорил Ленин в статье о «Чист-

ке Партии», помещенной в сентябре 1921 г. в «Пра́вде». Например, в том слое социал-демократов-меньшевиков, о котором я буду говорить, ни один человек в коммунистическую партию не вступил, тем не менее, взгляды этих меньшевиков и их психология разошлись в значительном числе пунктов со взглядами и психологией тех, оказавшихся за рубежем, в эмиграции, меньшевиков, которые с 1921 г. начали издавать «Социалистический Вестник». Произошло некое политико-психологическое *расщепление* интеллигенции, отчасти нашедшее себе место и среди социалистов-революционеров, и даже кадетов.

Какие же мотивы, какого рода идеи, взгляды, выводя из состояния охватывавшего ее анабиоза, толкнули интеллигенцию принять самое активнейшее участие в советском строительстве? Еще раз скажу — в обширной литературе всего мира, посвященной этому периоду советской истории, в сущности нет анализа этого факта. Поведение значительной общественной группы так и не нашло себе освещения в написанной истории 1917—1928 гг. Делая опыт устранения этого пробела, я буду ссылаться на один документ, сведения о котором никогда не появлялись в печати, хотя он мне представляется очень важным, потому что в нем ясно отражены идеологические мотивы, психология, ошибки, иллюзии и оптимистическая вера именно той части интеллигенции, которая, как я сказал, бросилась принимать *самое активное участие* в советском строительстве.

Происхождение его таково. В Москве, с декабря 1922 года, существовал кружок интеллигентов из восьми человек, к которым иногда присоединялся девятый. Семь из них по своему основному воззрению были меньшевиками, двое остальных к ним близко примыкали. Кроме меня, *никто* из этого кружка за границу не попал. Один из членов этого кружка, по дошедшим за границу сведениям, был расстрелян в 1937 или 1938 г.; два других были куда-то сосланы, о них нет и не поступало никаких известий; четвертый подвергся многолетнему тюремному заключению, жив ли он сейчас — неизвестно; двое умерли естественной смертью; двое, возможно, еще живы и до сих пор. Вполне понятная боязнь им повредить обязывает меня не называть вообще имен членов этого кружка. *

Эти лица, будучи во многих отношениях типичными представителями русской интеллигенции, занимали в довоенное время видное общественное положение и с ними во время НЭП-а весьма считалось советское правительство. Некоторые из них занимали важное место в советском хозяйстве. Начав свои собрания в самом конце 1922 г., они особенно часто их вели в 1923, 1924, 1925 гг. С 1926 г. эти собрания стали реже и почти прекратились в 1927 г. Так как первые собрания имели целью поделиться информацией, наблюдениями над тем, что происходит в стране, сообщить свои впечатле-

* Опасение Валентинова огласить имена членов «Лиги наблюдателей» относится к 1956 г., когда он писал свои воспоминания. С тех пор прошло 14 лет и вдова Валентинова решила (в феврале 1970 г.), что опасность миновала, что «наверное никого из них нет в живых». По этой причине было решено огласить имена членов этого кружка в виде приложения к концу книги. Ред.

ния от встреч с лицами из правительствующей среды, один из участников кружка в шуточной форме назвал кружок *«Лигой наблюдателей»* или как, тоже в шуточной форме, его определил другой участник, «Лигою объективных наблюдателей». Такое название наших собраний, могущее при телефонных разговорах или при назначении дня собрания привлечь к себе совсем нежелательное внимание ГПУ, было потом отброшено. Его никогда больше не употребляли, но в моем изложении я его все-таки удержу, что позволит избегать ненужных повторений и делать, уже без дополнительных объяснений о каком кружке идет речь, ссылки на взгляды и на поведение членов этого кружка.

В 1923 году один из его участников сделал небольшой доклад о том, как жизнь разгромила провозглашенные Лениным в 1917—1918 гг. идеи, привела к НЭП (Новой Экономической Политике) и этот отход от утопизма к реалистической политике дал право оптимистически смотреть на ближайшее хозяйственное развитие России. Этот доклад в «Лиге наблюдателей» в январе и феврале 1923 г. подвергся в течение нескольких собраний *всестороннему рассмотрению,* был развит, получил ряд важных дополнений и, в конце концов, стал выражением взглядов всего кружка.

Главнейшее внимание было отведено возможно более точному определению именно *основных специфических идей* октябрьской революции, причем в учет брались не только идеи, бросавшиеся Лениным в 1918—1920 гг., но и другие, формулированные до октябрьской революции и служившие в качестве важных теоретических импульсов к этой революции. Составленный таким образом доклад, памятка, меморандум под заглавием *«Судьба основных идей октябрьской революции»* был переписан на пишущей машинке и занял около 38 страниц. Так как каждый из членов кружка вкладывал в памятку свои дополнения — то, что ему казалось нужным отметить, записать (а какой-либо общей редакции обрабатывающей записи не было), доклад в целом не был хорошо смонтированным произведением: одни части его были подробно развиты, другие гораздо менее. Этого доклада у меня нет, но я постараюсь дать о нем, насколько это возможно, точное и полное представление, что мне кажется важным, так как записанные в нем мысли и выводы были *характерны не только для восьми членов «Лиги наблюдателей», но и для большого слоя русской интеллигенции.*

Конечно, если к докладу «Лиги наблюдателей» подойти с тем знанием СССР, которое мы имеем в *1956* году, несомненно бросится в глаза и слабость его анализа, и неумеренный оптимизм его выводов. Но нужно брать этот документ таким, каким он был в его *подлинном виде,* а не в виде приукрашенном или исправленном позднейшими знаниями и наблюдениями. Впрочем, должен сознаться, что излагая документ, я иногда никак не мог удержаться от критических замечаний, которые тогда, в 1923 году, я сделать *не мог бы:* настроение и знание сейчас и тогда несоизмеримы. Главнейшую часть доклада составляли цитаты, взятые из сочинений, статей и речей Ленина — творца и мозга революции. Суть доклада в том и состояла, чтобы, пользуясь именно этими цитатами, показать, как

особый сорт идей, с которыми выступила октябрьская революция, был к началу 1923 г. (время составления доклада) *замещен другими идеями*. Разумеется, я не могу поручиться, что в своем изложении привожу именно те самые цитаты из Ленина, которые были в докладе. Ряд цитат у меня выпадает уже потому, что я даю сокращенное изложение памятки, но за точность всего остального, за верную передачу *«духа»* доклада могу поручиться. Критикуемые идеи я представляю в порядке, в каком они излагались в докладе, но некоторых из идей, помещенных в самом конце доклада (о концессиях, о фабрике и заводе как основной ячейке государства и избирательной единице), я не привожу: они были вставлены в доклад большим юристом — членом нашего кружка, но в такой специально-юридической форме, которую мне передать трудно; эта форма была мне и тогда и до сих пор осталась чужда.

Итак, вот каковы «Основные идеи октябрьской революции», которые, по убеждению «Лиги наблюдателей», *жизнь разбила и отказалась принять*.

ПЕРВАЯ ИДЕЯ. Призывая к октябрьской революции и считая, что она на всех парах «должна понестись к социализму», Ленин писал:

«Империалистическая война есть канун социалистической революции. Социализм смотрит на нас через все окна современного капитализма».

Чем же он мотивировал готовность современного общества перейти к социализму? Ленин утверждал, что всемирный капитализм дошел (к 1917 г.) до ступени империализма, того состояния хозяйства, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, а банковский капитал громадной концентрации слился с промышленным. «Империалистическая война из-за господства над миром, из-за рынков для банковского капитала, из-за удушения малых и слабых народностей неизбежны при таком положении дела». Именно так началась империалистическая война 1914 года. Происходящая «смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, подготовка банками и союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, гнет синдикатов над рабочим классом, рост дороговизны, ужасы, бедствия, разорение, порождаемые войною, делают из ныне достигнутой ступени развития эру пролетарской, социалистической революции».

Что нужно для построения социализма? Диктатура пролетариата, захват капиталистических монополий рабочим классом, ибо «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией». [1]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, XXI, 187. Подчеркнуто Лениным. Ссылки на произведения Ленина сверены большей частью по третьему изданию сочинений Ленина. Отступления от этого правила отмечены в соответствующих примечаниях. Ред.

«Монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, преддверие его, та ступенька исторической лестницы, между которой и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Накануне октябрьской революции эти мысли Ленин развивал в ряде статей, в том числе в статье о «Грозящей катастрофе и как с нею бороться». Обоснование их он дал в книге «Об империализме, как о новейшем этапе капитализма», написанной в 1916 году и напечатанной после октябрьской революции. По ряду мотивов участники «Лиги наблюдателей» решили *не входить в анализ и оценку книги Ленина,* не ставить вопроса: верно ли он изобразил предвоенное положение капитализма за границей. Они сосредоточили свое внимание на другом вопросе: применима ли теория Ленина к России, если даже допустить, что она верна для ряда главнейших стран Западной Европы и Америки? Можно ли считать, что Россия к 1917 г., подобно другим странам зрелого капитализма, вошла в стадию монополистического капитализма и на этом основании готова к социалистической революции. Отвечая на это утвердительно, Ленин в доказательство ссылался на существовавшие в России «Продуголь» (синдикат по продаже угля), «Продамет» (синдикат по продаже металла) и на сахарный синдикат, по его словам, свидетельствующие воочию о «перерастании монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм».[2] Кроме этих трех синдикатов, Ленин не привел *никаких других аргументов,* что хозяйственная база России состоит из предприятий монополистического капитализма и по этому самому и в ней социализм смотрит или может смотреть из всех окон. В числе членов нашего кружка было лицо, специально изучавшее и превосходно знавшее положение промышленных синдикатов России, их значение и вес в общем хозяйстве страны. И это лицо показало полную необоснованность аргументов Ленина. Лучшим доказательством, что его ссылка на три указанные синдиката была придуманной, притянутой за уши, искусственной аналогией, служит тот факт, что упоминания об этих синдикатах совершенно нет у Ленина после октябрьской революции. В хаосе разгромленной хозяйственной жизни эти синдикаты бесследно исчезают и базой для начавших с 1921 года строиться трестов и синдикатов ни в малейшей степени не являются. Более того, опровергая самого себя, Ленин обрушивался на тех, кто не понимает, что *«никакой материальной базы для социализма в России нет».* «Мы слабы и глупы, мы боимся посмотреть прямо в лицо низкой истине». «Посмотрите на карту РСФСР — на необъятных пространствах, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств, царит дикость и полудикость и самая настоящая дикость. Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму .... Неужели не ясно, что в материальном, эко-

[2] Ленин. Соч., XXI, 186.

номическом и производственном смысле мы еще в преддверии социализма не находимся.[3]

Подводя итог всем заявлениям Ленина на эту тему, «Лига наблюдателей» пришла к выводу, что его ссылка на три синдиката, не имея за сабой никакой объективной опоры, была субъективно ему нужна как самогипноз, как некоторое теоретическое (фактически — ложное и лживое) укрепление его жажды толкнуть страну «делать социалистическую революцию».

ВТОРАЯ ИДЕЯ. Ленин утверждал, что в эпоху империализма и монополистического капитализма происходит сращение банковского капитала с промышленным:

> «Банки это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства, здесь нерв всей капиталистической жизни. Без крупных банков социализм неосуществим. Крупные банки есть тот государственный аппарат, который нам *нужен* для осуществления социализма... .Единый крупнейший из крупнейших *Государственный Банк* с *отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых социалистического аппарата.* Это — общегосударственное счетоводство, и общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества».[4]

Все эти мысли были введены в программу, написанную Лениным и принятую партией на съезде в 1919 году.

Планы Ленина относительно Государственного Банка, отделения которого якобы должны быть «при каждой фабрике» и таким образом составить «девять десятых социалистического аппарата», «Лига наблюдателей» считала фантастическими, невежественными, детски наивными. Лансируя эту идею, Ленин преследовал ту же цель, что и в пропаганде о якобы охватившем Россию монополистическом капитализме. Здесь был все тот же призыв не бояться «нестись на всех парах к социализму», так как в России для этого есть предпосылки, существует такое важное учреждение, как Государственый Банк, и захватив его (как о том и учил Маркс) можно через него сложить «скелет социалистического общества». По указу Ленина были национализированы все частные банки, городские и губернские кредитные общества, Московский Кооперативный банк, сберегательные кассы. Все их функции были сосредоточены в едином Народном Банке. Идея Ленина о крупнейшем из крупнейших Государственном Банке полностью осуществилась, но никаких «неслыханных богатств», с помощью которых можно строить здание социализма, она не дала. Денежные средства, «денежные знаки», как говорили тогда, дает только печатный станок, в сумасшедшем масштабе ведущаяся эмиссия, и эти денежные знаки распределяются в хозяйстве вроде хлеба по карточкам по ассигновкам Народного Комиссариата Финасов. Никаких банковских операций, никакого кредитования и финансирования измышленный Лениным Банк не

---

[3] Цитировано по памяти. Ред.

[4] Ленин. Соч., XXXIV (пятое издание), 307. Подчеркнуто Лениным. Ред.

осуществлял. Он был *просто не нужен* и декретом Совнаркома от 19 января 1920 года сей Банк упраздняется. Когда наступает НЭП, в 1921 году снова учреждается Государственный Банк, потом Промышленный Банк, Сельско-Хозяйственный Банк, Кооперативный Банк, Электрокредит, Коммерческий Банк, и т. д. Но образование и функционирование этих банков совершалось по всем правилам самой обыденной капиталистической ортодоксии и не имело ничего общего с фантастической теорией об Едином Банке-Левиафане, изобретенном в революционном хмелю. Эту надуманную идейку жизнь раздавила. Выступая 19 октября 1921 года на московской губернской партийной конференции, Ленин обмолвился следующей фразой: «О Государственном Банке у нас в конце 1917 г. было написано весьма достаточно вещей, оказавшихся в достаточной степени только исписанной бумагой». Ленин не указал, что именно он-то и был творцом этой зря исписанной бумаги.

ТРЕТЬЯ ИДЕЯ. В статье «Удержат ли большевики государственную власть?», появившейся за две недели до октябрьской революции, Ленин без всякого колебания решая положительно этот вопрос, пояснял:

«У нас есть 'чудесное средство' сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может . . . Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством».[5]

«Мы требуем, чтобы *обучение* делу *государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами* и чтобы . . . к обучению этому делу начали немедленно привлекать *всех* трудящихся, всю бедноту . . . . Мы сможем сразу привлечь в государственный аппрата миллионов десять, если не двадцать человек, аппарат невиданый ни в одном капиталистическом обществе».[6] Указывая на черты государственного аппарата в социалистическом обществе, которое он хотел видеть установившимся не только в России, а повсюду в мире, Ленин в книге «Государство и революция» писал:

> «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефон и пр. и на этой базе громадное *большинство функций старой государственной власти так упростилось*, может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что *эти функции станут вполне доступными всем грамотным людям*».[7]

К выполнению государственных функций может быть привлечено *«поголовно все население»* и «эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».[8] У нас, восклицал позднее Ленин, не будет полиции, не будет особой военной касты, у нас нет

---

[5] Ibid., 313 (пятое издание).
[6] Ibid., 315—316 (пятое издание).
[7] В. И. Ленин. Соч., XXI (третье издание), 399. Курсив автора. Ред.
[8] Ibid.

иного аппарата, кроме сознательного объединения рабочих. Видя в почте образец социалистического хозяйства Ленин писал:

> «Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры... получали жалование не выше 'заработной платы рабочего', под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша *ближайшая цель»* [9]
>
> «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». [10] «При *социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»*.

Бессмысленность этой идеи, держа которую в голове, Ленин начинал октябрьскую революцию, ему стала, конечно, ясна в первый же год его правления. Члены «Лиги наблюдателей», составляя свой меморандум, не сочли даже нужным доказывать, что нельзя управлять государством и хозяйством *«всем по очереди»*. Вместо этого был поставлен другой вопрос: чем объяснить появление ленинской идеи; — демагогией или наивным невежеством человека, постоянно находившегося в подполье и потому совершенно незнакомого с жизнью? Часть нашего кружка была склонна видеть в теории Ленина только *демагогию*, но тот член кружка, которого я назову «Кассандрой», [11] язвительно заметил, что дело тут не в сознательной демагогии, а в полной непродуманности взглядов, идей, постулатов, составляющих основу не только ленинского, а *всего социалистического мировоззрения*. Члены «Лиги наблюдателей» считали себя социалистами и замечание «Кассандры» им было неприятно. Они видели в нем отшатывание от социализма, реакцию на искажающий социализм большевистский эксперимент. Но замечание «Кассандры» было правильно. Члены «Лиги наблюдателей», подобно социалистам всех других стран, ясного представления о том, чем может быть реально в жизни социализм, конечно, не имели. В 1923 году никто из них не представлял себе, что, еще до «наступления социализма», в жизнь может быть проведено, например, социальное законодательство такого рода, которое ныне существует в Англии и во Франции.

ЧЕТВЕРТАЯ ИДЕЯ. «Мы все берем на учет, все национализируем», — с чувством удовлетворения и гордости восклицал Ленин в 1918 году. Тогда действительно шла сплошная национализация всего, что попадало под руку. Национализировались не только крупные предприятия «монополистического капитализма», а и самые мелкие. Два члена «Лиги наблюдателей», большие знатоки статистики, на одном из наших собраний дали цифры бессмысленно национализированных крошечных предприятий с двумя или одним рабочим, и ярко нарисовали картину их гибели и также и всего ремесла. Лишь в 1921 г. Ленин признал, что «мы наэкспроприировали много больше того, чем сумели учесть, контролировать, управлять». [12]

---

[9] Ibid., 404.
[10] Ibid., 440.
[11] См. приложение к этой главе. Ред.
[12] Ленин. Соч., XXI, 61.

«Мы очень много погрешили, слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюли, не знали, как ее соблюсти. Факт несомненный, и его не скрывать в агитации и пропаганде, что мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо».

Нужно, замечал Ленин, дать некоторую свободу кустарной промышленности, ремеслу, отдать в аренду и возвратить владельцам небольшие предприятия. Все должно быть пущено в ход, чтобы оживить омертвевшую хозяйственную жизнь. «Это будет лучше, чем думать о чистоте коммунизма». Допущением, что наряду с национализированной крупной промышленностью может существовать *частный сектор* из предприятий мелкой промышленности, вносилась *важная поправка* в традиционную, постоянно всеми повторяемую фармулу, гласящую, что социализм требует «социализации *всех* средств и орудий производства». Констатируя огромное оживление хозяйственной жизни, принесенное быстро создавшимися новыми и восстановленными старыми мелкими промышленными предприятиями, — а в первую очередь появились хлебопекарни, — «Лига наблюдателей» (речь идет о начале 1923 г.) полагала, что их значение в экономике должно быть теперь твердо усвоено и поэтому не будет иметь места *вторичная попытка* уничтожения таких предприятий, тем более что они ничем не угрожают положению национализированной промышленности. В этой области, как и в других, убеждение нашего кружка было в дальнейшем опрокинуто. В эпоху царства Сталина все частные промышленные предприятия были уничтожены, а кустари и ремесленники насильно кооперированы, вернее сказать, *огосударствлены*.

ПЯТАЯ ИДЕЯ. Октябрьская революция, национализируя всю землю, передала значительную часть помещичьей и частновладельческой земли в руки крестьян для ведения на них хозяйства так, как они того хотят. Но Ленин немедленно заявил, что «дележка земли хороша лишь *для начала*. Этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства». «Общественная обработка земли дело в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное, без которого освобождение трудящихся быть не может».

Чтобы организовать в сельском хозяйстве коллективные хозяйства *(колхозы)*, декрет 11 июня 1918 г. образует в деревне комитеты бедноты *(комбеды)*.[13] На них возложена миссия обуздать спекуляцию кулаков и вызвать к активной политической жизни те слои деревни, которые способны проводить задачи пролетарской социалистической революции. Ленин требовал, чтобы комбеды «*покрыли всю страну*». Их деятельности он придавал огромнейшее значение.

---

[13] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1918, № 43, ст. 522—524.

С образованием комитетов бедноты «мы от социализма неустроенного *переходим к истинному социализму*». Благодаря комитетам бедноты «мы перешли ту грань, которая отделяет буржуазную революцию от социалистической. Один переход всех фабрик в руки пролетарского государства не в состоянии был бы закрепить и создать основы социалистического общества, если бы в деревне мы не создали себе не общекрестьянской, а действительно пролетарской опоры.... Нами теперь сделан величайший шаг к социалистической революции в деревне. Деревенская беднота, сплачиваясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительно социалистического строя. Только теперь образуются те хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере. Вот *величайший переворот, который привел нас к социализму в деревне.* С образованием комитетов деревенской бедноты *только теперь социализм перестал быть фразой и становится живым делом*». «Наша революция подошла вплотную конкретно, практически, — и в этом ее неистребимая заслуга, — к задачам осуществления социализма». «Идем в последний и решительный бой. Бой против кулаков мы называем последним решительным боем». [14]

Если комитеты бедноты привели к созданию социализма в деревне и он перестал быть фразой, тогда почему декретом 23 ноября 1918 года, т. е. через *пять* месяцев после их образования, эти строющие социализм чудесные комитеты бедноты Лениным упраздняются? Просто потому, — и мы жившие тогда в СССР это прекрасно знали, — комитеты бедноты строили не социализм, а, получив поддержку власти, занимались самым беззастенчивым, разбойничьим грабежом своих соседей по селу. Лично мне, деятельность комитетов бедноты была *особенно хорошо известна,* так как, например, в Тамбовской губернии во главе комитетов бедноты стоял двоюродный брат моей жены, бывший помещик, превратившийся после октябрьской революции в яростного и безумного коммуниста.

Узнав и поняв, чем в действительности были комитеты бедноты, Ленин с 1919 г. в духе свойственных ему резких импрессионистских поворотов, выбрасывает свои прежние заявления и отказывается от мысли, что нужно проводить в деревне строительство колхозов:

> «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Надо опереться на единоличного крестьянина. Он таков и в ближайшее время иным не будет, мечтать о переходе к социализму не приходится. *Крестьяне социалистами не являются.* Строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не научиться проводить наши начинания в соответствии с той нищей, убогой действительностью, в которой мы находимся. Опыт коллективных хозяйств только показывает, как не надо хозяйничать. Крестьяне — мелкие хозяева, и никакие коллективы, колхозы, коммуны раньше чем через долгий и долгий ряд лет переделать этого не могут. Мелкое производство никакими декретами пе-

---

[14] Цитировано по памяти. Ред.

ревести в крупное нельзя. Нужно *постепенно* основывать социалистическое общество. Дело переработки мелкого земледельца, всей его психологии и навыков, есть дело, требующее поколений. Такое дело может исчисляться не менее чем десятилетиями. Мелкобуржуазной стихии, мелких хозяйчиков гораздо больше, чем нас. Они сильнее, чем социалистическое хозяйственное производство. Пока мы живем в мелко-крестьянской стране для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма».

На основании этих деклараций Ленина «Лига наблюдателей» пришла к выводу, что эксперимент с комитетами бедноты *больше уже не повторится* и хозяйственное развитие деревни не пойдет по руслу искусственной, насильственной коллективизации, в которую ее ввергали в течение 1918 года.

Приходится и в этом случае констатировать полную ошибочность прогноза «Лиги наблюдателей». Уже через пять лет (в 1928 г.) ее участники могли наблюдать явные признаки, что деревню возвращают во времена военного коммунизма, а в 1930 г. варварски и полностью коллективизируют, сгоняя в террористически и насильственно создаваемые колхозы.

ШЕСТАЯ ИДЕЯ. Новая программа, написанная Лениным и принятая VIII съездом партии в марте 1919 года требовала:

> «неуклонно продолжать *замену торговли планомерным*, организованном в общегосударственном масштабе *распределением продуктов*. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных *коммун*, способных ... распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат».[15]

«Наша предыдущая экономическая политика, — пояснял Ленин в 1921 г., — предполагала, что произойдет *непосредственный переход от старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах»*.[16] Этот переход должен быть сделан «велениями пролетарского государства». «При оценке возможного развития мы исходили, я даже не помню исключений, из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых, о непосредственном переходе к социалистическому строительству».[17] Значит, уничтожение свободной торговли, закрытие базаров, распределение продуктов по карточкам в строго централизованном порядке, — должно объясняться не только тем, что во время гражданской войны, при падении производства и отсутствии товаров, карточная система была лучшим способом обеспечить население от голода. К подобным мерам ведь прибегали все страны Европы во время войны. В

---

[15] VIII съезд РКП(б) (стенографический отчет), Москва, 1919, стр. 351, курсив автора. Ред.

[16] Ленин. Соч. X+VII, 37—38. Курсив автора. Ред.

[17] Цитата близко подходит к тому, что Ленин сказал 6 ноября 1921 г. (Соч. XXVII, 29). Автор, очевидно, не имел источника под рукой и цитировал по памяти. Ред.

противоположность им, Ленин и его партия видели в этой системе не временную меру, вызванную тяжелыми обстоятельствами, а нечто гораздо большее: то, что должно существовать и позднее при избытке товаров и продуктов, и быть характерной и основной частью социалистического и коммунистического строя. По глубокому убеждению Ленина, внушенном главным образом Марксом, такой строй не может быть построен на товарном производстве и торговле, ибо это база капитализма. Государство должно *не торговать, а распределять* продукты и товары, Ленин не хотел допустить торговли. «Свободная торговля, это поворот назад к господству и всевластию капиталистов. Мы не ходим и не пойдем назад». При свободной торговле «капиталисты могут вернуться в Россию и стать более сильными, чем мы». Но к весне 1921 г. недовольство существующей и ничего не дающей системой распределения достигло крайней степени. Открытия базаров, свободы торговли требовали повсеместно бунтующие крестьяне, и тот-же лозунг был на устах восставших матросов Кронштадта. Чувствуя, что атмосфера опасно накаляется, Ленин выбросил из багажа октябрьской революции еще одну из ее основных идей и пошел на «свободу оборота». Мотивируя необходимость НЭП, Ленин на X съезде партии говорил:

> «Пытаться запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, то есть торговли, то есть капитализма, — было бы *глупостью* и *самоубийством* той партии, которая испробовала бы такую политику. Глупостью — ибо эта политика экономически невозможна; самоубийством, — ибо партии, пробующие подобную политику, терпят неминуемый крах. Не того надо бояться, что мелкая буржуазия и мелкий капитал вырастут. Надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов. Конечно, свобода торговли означает рост капитализма. Из этого никак вывернуться нельзя и кто вздумает вывертываться и отмахиваться, тот только тешит себя словами. Можно ли до извесной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим корней политической власти пролетариата? — Можно, ибо вопрос в мере».[18]

Боязнь недовольства крестьян, их восстаний против «пролетарской диктатуры», толкает Ленина произнести на XI съезде партии в марте 1922 года следующие слова:

> «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что тот капитализм, который мы можем и должны допустить ... необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо поставить дело так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо *это нужно народу*, без *этого жить нельзя*».[19]

---

[18] Цитировано по памяти. Ред.
[19] Ленин. Соч. XXVII, 237.

Весь абзац нашего меморандума, посвященный «шестой идее» был переполнен многочисленными цитатами из речей Ленина о свободе торговли. При анализе и критике их в «Лиге наблюдателей» возник большой спор: можно ли и правильно ли, как это делал Ленин, в замене торговлей системы распределения товаров и продуктов видеть возвращение к капитализму? Этого вопроса придется касаться дальше в связи с моим письмом к Ленину.

СЕДЬМАЯ ИДЕЯ. Социализм всегда и во всех его видах (марксистском и всяком ином), считал отсутствие *денежной* системы основным признаком социалистического строя. Раз при социализме уничтожалось товарное производство, товарное обращение, торговля и заменялись «планомерным распределением» продуктов и товаров, деньги становились ненужными. Они, как учили теоретики социализма, могли быть заменены простым свидетельством о числе проработанных часов, дающим право на получение соответствующего количества продуктов. В согласии с этим, составленная Лениным и, как уже сказано, принятая в марте 1919 г. программа партии указывала, что

> «опираясь на национализацию банков, российская коммунистическая партия стремится к проведению мер расширяющих область безденежного рассчета и подготовляющих *уничтожение денег:* обязательное держание денег в Народном Банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п» [20]

Придя к власти большевизм не уничтожил денег, но дав им презрительное название «денежные знаки», фабриковал их в таком количестве, что они потеряли всякую покупательную силу. Центры и Главки, управлявшие промышленностью, вели свои операции без участия денежных знаков. Был установлен бесплатный безденежный отпуск населению продовольственных продуктов, предметов широкого потребления, отменена плата за почтово-телеграфные услуги, за жилье, топливо, коммунальные услуги. В освобожденной, как писали советские газеты, от «власти денег» стране, с омертвелым и разоренным хозяйством, население погибало от холода и голода (в 1921 г., по официальным данным, 3 миллиона душ умерло от голода) и требовало от правительства изменения его политики. Вместо «разверстки», отнимавшей у крестьян *весь их хлеб*, сырье, фураж, был введен более легкий продовольственный налог, оставлявший в распоряжении деревни некоторое количество продуктов. В начале НЭП правительство не позволяло крестьянам продавать за деньги их излишки продовольствия, а только обменивать их на товары и только в пределах местного рынка. Продолжая неуклонно проводить политику уничтожения денег, оно допускало лишь *безденежный товарообмен*, продуктообмен, но отнюдь не торговлю, не куплю и продажу. В октябре 1921 г. Ленину пришлось сознаться, что

---

[20] Ibid., XXIV, 704. Курсив автора. Ред.

«сейчас уже нельзя говорить о товарообмене потому, что он как поприще борьбы выбит у нас из рук. Это факт несомненный, как бы он ни был для нас неприятен. Товарообмен, как система, оказался несоответствующим действительности, которая нам преподнесла вместо *товарообмена денежное обращение*, куплю-продажу за деньги. Экономическое строительство привело нас к тому, что нужно прибегать к такой неприятной штуке, как торговля».[21]

Допустив торговлю, денежное обращение, перевод национализированных предприятий на коммерческий расчет, Ленин, естественно, должен был сделать следующий шаг и стараться заменить абсолютно негодные денежные знаки солидной монетой. 13 ноября 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, указывая, что количество рублей в обращении превышает квадриллион, он говорил, что самый важный теперь:

«это вопрос о стабилизации рубля. Над этим вопросом мы работаем, работают лучшие наши силы и этой задаче мы придаем решающее значени. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии *навсегда* стабилизировать рубль — значит, мы выиграли. Тогда все ... эти триллионы и квадриллионы ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать».[22]

Дирижировать установлением стабильной монеты был приглашен буржуа, бывший член конституционно-демократической партии, Н. Н. Кутлер и, следуя его советам, была по всем правилам «буржуазной» финансовой науки, создана «крепкая» монета-червонец, покрытая на 25% золотом и иностранной устойчивой валютой, а на остальные 75% краткосрочными векселями, краткосрочными обязательствами и легко реализуемыми товарами.

Когда составлялся наш меморандум, червонец был окружен, еще тонул в «квадриллионах денежных знаков», но Н. Н. Кутлер, с которым в общении находились некоторые члены нашего кружка, нас уверил (и он оказался прав), что через полгода червонец, как твердая и солидная монета, будет играть решающую роль в денежном обращении страны. Мы без всякого колебания могли заключить, что *пресловутые идеи об уничтожении товарного обращения, торговли, уничтожении денег, которыми Ленин (в согласии с основными постулатами социализма) питал октябрьскую революцию, потерпели полнейшее фиаско*.

ВОСЬМАЯ ИДЕЯ. Когда в январе 1918 года собрался первый при большевизме всероссийский съезд профессиональных союзов, он, как и нужно было ожидать, провозгласил в своей декларации то, что ему внушал Ленин. А Ленин в это время еще не отошел от основной мысли своей книги «Государство и Революция»: все насе-

---

[21] Ленин. Соч. XXVII, 76. Первые два предложения этого параграфа — цитаты из «заключительного слова» Ленина на VII московской губконференции. Последние два предложения в дословном виде отсутствуют в речи Ленина, но выражают его мысль и вероятно цитированы по памяти. Ред.

[22] Ленин. Соч., XXVII, 346.

ление поголовно и по очереди должно управлять государством и хозяйством. В соответствии с указаниями Ленина, первый съезд профсоюзов объявил, что при диктатуре пролетариата профсоюзы превращаются из органов борьбы продавцов рабочей силы в аппарат правящего рабочего класса. Они должны взять на себя «организацию производства». Задачей дня профсоюзов является «самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности».[23] В программе партии, принятой в 1919 г., Ленин еще более ясно определяет задачи профсоюзов.

«Организационный аппарат обобществленной промышленности должен опираться в *первую голову* на профессиональные союзы. Они должны... превращаться в крупные производственные объединения, охватывающие большинство, а постепенно и *всех поголовно* трудящихся данной отрасли производства. Будучи уже, согласно законам Советской республики и установившейся практике, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны придти к *фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым*.... Профессиональные союзы должны в самых широких размерах вовлекать массы трудящихся в непосредственную работу по ведению хозяйства».[24]

Можно быть уверенным, что, когда писалась эта декларация — со всеми принятыми в партийном обращении громкозвучащими революционными словами — Ленин абсолютно не отдавал себе отчета, к чему практически она может привести. Лишь позднее у него возник вопрос: если управление промышленностью целиком сосредоточивается в руках профсоюзов, что остается тогда делать органам государства и партии? И другое: управление индустрией дело сложное, требует специальных знаний, навыков, особых способностей. Может ли индустрия управляться выборными людьми, постоянно сменяемыми по воле массы, входящей в профсоюзы? В 1920 г. Ленин уже отходит от идей, с которыми делал октябрьскую революцию: он теперь уже не утверждает, что править государством и хозяйством может всякий грамотный человек. В дискуссии и полемике о роли профсоюзов, разгоревшейся в 1920—1921 гг., он говорит:

«Разве знает каждый рабочий как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки.... Мы даже неграмотность не ликвидировали. Можете ли вы сейчас, говоря по совести, сказать что профсоюзы способны выставить пригодных управляющих? Всякого сколько-нибудь способного адми-

---

[23] Первый всероссийский съезд профессиональных союзов, Москва, 1918, стр. 120, Курсив автора. Ред.

[24] Ленин. Соч., XXIV, 701. Курсив автора. Ред.

нистратора из рабочих мы ищем и рады взять. Мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека, а из рабочих втройне, мы берем обеими руками. Но у нас таковых нет». [25]

Более чем критическое отношение к управлению промышленностью широкими массовыми организациями и начавшееся знакомство с тем, как в действительности управляются и ведутся хозяйственные предприятия, приводит Ленина к убеждению, что нужно отказаться от выбора администраторов профсоюзами и коллегиального управления хозяйственными предприятиями. Принцип выбора управляющих индустрией должен быть заменен «принципом подбора на основе практического стажа, технической компетентности, твердости, организаторской способности и деловитости». «Весь синдикалистский вдор ... нужно бросить в корзину для ненужной бумаги». [26] В январе 1922 года, уже полностью расставаясь с идеями, защищавшимися в 1919 г., Ленин составил постановление, определяющее роль союзов в условиях новой экономической политики.

> «Самым коренным интересом пролетариата после завоевания им госвласти является увеличение количества продуктов, повышение в громадных размерах производительных сил общества .... Быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности ... требует безусловно, в современной российской обстановке, *сосредоточения* всей *полноты власти* в *руках заводоуправлений*. Эти управления, составленные по общему правилу на *началах единоличия*, должны самостоятельно ведать установлением размеров зарплаты ... пайков ... всяческого иного снабжения на, основе и в пределах заключенных с профсоюзами коллективных договоров. *Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями должно быть признано вредным и недопустимым»*. [27]

Произошел явный поворот на 180 градусов! От коллегиального управления предприятий людьми, выбранными профсоюзами, — к единоличной власти на предприятиях. От передачи всего хозяйства в руки профсоюзов — к признанию такого акта недопустимым и вредным. Профсоюзы могли вмешиваться в производство только на первых порах революции, когда нужно было действовать тараном, выгонять силою прежнюю администрацию, пробовать как-то ее заменить. Тогда для разжигания энергии рабочих можно и нужно было говорить о передаче в их руки всего управления индустрией. Но как только «Мавр» сделал предназначенную ему черную работу, роль его окончена. Параллельно этому процессу шла и метаморфоза понятия диктатуры пролетариата. Сначала под нею понимается акция, действие революционных миллионов, напор бедноты, творческая воля массы пролетариев, поголовно организующихся в

---

[25] Ibid., XXVI, 103. Последние три предложения очевидно цитированы по памяти. Ред.

[26] Ibid., XXVI, 104.

[27] Ibid., XXVII, 151. Курсив автора. Ред.

союзы. Изгоняя буржуазию и помещиков, они управляют государством и это для них, якобы, выполнимая задача, так как (по Ленину) государственные функции столь упростились, что могут выполняться всеми грамотными людьми. Однако наступает момент, когда даже самый тупой человек понимает бессмысленность мысли об управлении государством и индустрией миллионами еле грамотных людей, даже если они «поголовно» организованы в союзы. И тогда Ленин объявляет: «При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но она *через поголовную организацию рабочих не осуществляется*. Партия вбирает в себя авангард пролетариата и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата».

Нужно было два с половиной года эксперименов советской власти, чтоб уточнить понятие диктатуры пролетариата. «Мы, — говорил Ленин в 1921 году на X съезде партии, — после двух с половиной лет советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что *диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию*. И нас тогда, бешено ругали анархисты и синдикалисты, которые говорили: «вот как они думают» . . . Но мы это сказали перед всем Коммунистическим Интернационалом». [28]

Отрицая за профсоюзами право вмешиваться в производство и право мыслить себя органами, выражающими диктатуру пролетариата, какую роль намечал им Ленин при НЭП? Написанная Лениным и принятая XI съездом партии в марте—апреле 1922 г. резолюция на это отвечает: профсоюзы *отнюдь* не органы государства и государственного принуждения, это «организации воспитательные». Нужно отказаться от *принудительного* зачисления в союзы «поголовно всех лиц наемного труда», нужно «со всей решительностью осуществить добровольное членство», «никоим образом» не требовать от членов профсоюзов определенных политических взглядов». «В этом смысле, как и в вопросе об отношении к религии, профсоюзы должны быть *беспартийны*». «От членов профсоюзов следует требовать лишь понимание товарищеской дисциплины и необходимости единения рабочих сил для отстаивания интересов трудящихся и помощи (по отношению к власти трудящихся, т. е. Сов. власти»). (Приводимая в скобках фраза до невозможности корява. — Н. В.). «Пролетарское государство должно поощрять профессиональное объединение рабочих в отношении как правовом, так и материальном. Но никаких прав не должно быть у профсоюзов без обязанностей». [29]

Нашему кружку стало известно, что Стеклов, редактор «Известий» ЦИК», встретясь с Лениным, указал, что в его формулировке роли и положения советских профсоюзов есть черты, сближающие их с реформистскими европейскими профсоюзами (добровольность, аполитичность и т. д.) . . .

> «Страшного в том не вижу, — ответил Ленин. — Пустить немного европейского духа в нашу Азию не так уже плохо».

---

[28] Ibid., XXVI, 227. Курсив автора. Ред.
[29] Ibid., XXVII, 449—456.

Находя, что постановлением XI съезда, советские профсоюзы, как будто, действительно ставятся в положение, напоминающее европейские профсоюзы, некоторые члены «Лиги наблюдателей» полагали, что в *недрах советского государства в лице этих профсоюзов может появиться сила*, способная умерять насилие диктатуры партии и прививать советскому строю черты европейских демократических государств. Недостатком оптимизма наш кружок не страдал.

ДЕВЯТАЯ ИДЕЯ. Мысль о мировой революции, опрокидывающей повсюду капитализм, была родственна Ленину более чем кому-либо из других вождей и представителей международного социализма. Он был убежден, что войну 1914—1918 гг. нужно и должно окончить мировой пролетарской революцией. Поэтому он резко и навсегда разошелся с социалистами Европы, клеймя их за то, что вместо восстания против войны и превращения ее в гражданскую войну, они стали «социал-патриотами» и защищали свое отечество. Его жажда пролетарской революции в нескольких передовых странах разжигалась уверенностью, что *только* при этом условии может оказаться победоносной и октябрьская революция. Без этого она погибнет. Существование Советской республики, говорил он в 1919 г., рядом с империалистическими государствами, продолжительное время *немыслимо*. В конце концов, либо одно, либо другое победит. «Пока остались капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо по Советской Республике будут петь панихиду, либо по мировому капитализму». Ленин верил, что октябрьская революция, прелюдия к мировой революции, лишь часть ее. С особенной силою он это подчеркивал в речах 1918—1919 гг.:

> «От побед октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани. Взрывы в других странах должны начаться».
>
> «Русская революция — только пример, только первый шаг... всем странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия».
>
> «На долю страны отсталой выпала честь идти во главе великого мирового движения».
>
> «Никогда мы не были так близки к мировой революции, никогда не было так очевидно, что русский пролетариат установил свое могущество, и ясно, что за нами пойдут миллионы и десятки миллионов мирового пролетариата».
>
> «У нас есть всемирная основа».
>
> «Интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов Государства».
>
> «Если ты социалист, так ты должен все свои патриотические чувства принести в жертву во имя международной революции, которая придет, которой еще нет, но в которую ты *должен верить*, если ты интернационалист».

В октябре 1918 г. он писал Свердлову:

> «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с нею надо считаться как с событием

дней ближайших. Все умрем, чтобы помочь немецким рабочим. Вдесятеро больше усилия на добычу хлеба для нас и немецких рабочих. Армия в три миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции».

Революции действительно произошли в Германии, Баварии, Италии, Венгрии и все кончилось совсем не так, как думал и хотел Ленин. Мало-помалу теряя веру в близость мировой революции, он в 1921 г. заявляет, что «мы были бы просто сумасшедшими, если бы сделали предположение», что к нам из Европы в короткий срок «помощь придет в виде прочной пролетарской революции». Ленин стал с раздражением относиться к тем, кто «возводит революцию в нечто почти божественное», не понимая, что от революционных методов и ставки на революцию нужно в соответствующий момент переходить к осторожной реформистской политике. «Революционеры погибнут, если потеряют трезвость и вздумают будто 'великая, победоносная мировая революция' обязательно — все и всякие задачи, при всяких обстоятельствах, во всех областях действия — может и должна решить по-революционному. Кто 'вздумает' такую вещь, тот погиб, ибо вздумал глупость в коренном вопросе».[30]

В последний период жизни Ленина его отношение к мировой революции с наибольшей ясностью и определенностью выражено в речи на IX Всероссийском съезде советов (декабрь 1921 г.):

«Первой заповедью нашей политики ... это ... помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы *всегда на волоске*. Мы все сделаем, что только в наших силах, чтобы это бедствие предупредить. Мы испытали такую тяжесть империалистической войны, какую едва ли испытал на себе какой-нибудь другой народ. Мы испытали после этого тяжесть гражданской войны.... Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война. Поэтому мы должны самым осторожным и осмотрительным образом относиться к этому вопросу. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценою».[31]

К этому он добавлял: «наши усилия теперь направлены на то, чтобы добиться перехода от отношений войны с капиталистическими странами к отношениям *мирным и торговым*».

Переходу к торговле с внешним капиталистическим миром Ленин придавал такое значение, что когда, например, был заключен мир с карликовой страной Эстонией, Ленин, не отдавая себе отчета в комичности того, что пишет, разразился следующими победными восклицаниями:

«Мир с Эстонией заключен! Мы пробили окно в Европу! Это *неслыханная* победа над всемирным империализмом (Sic!). Капиталисты нам мешали заключить мир с Эстонией. Мы их

---

[30] Цитировано по памяти. Ред.

[31] Ленин. Соч., XXII, 117. Курсив автора. Ред.

победили. Это первый мир, за которым последуют другие, открывающие нам возможность товарообмена с Европой и Америкой».

Ленин никогда не замыкал свой горизонт пределами России. Ее задачи всегда мыслились им в связи с международным положением и мировым революционным движением. Редкая речь его не касалась внешней политики. Собирая и анализируя ленинские заявления в этой области, наш кружок констатировал, что в течение пяти лет произошло огромное изменение взглядов Ленина, находящееся, конечно, в зависимости от сознания слабости России. От разжигания мировой революции, от ставки на нее, от призывов не бояться гражданской войны, от желания нести международной революции помощь Красной Армии, — Ленин от всего этого ушел, став защитником сохранения мира хотя бы ценою самых больших уступок. Так *мы думали* и отсюда наш кружок делал крайне оптимистический вывод, что в течение очень многих лет Советское Правительство будет без всяких авантюр вести миролюбивую, разумную, осторожную внешнюю политику. Уверенность подкреплялась еще и тем, что мы все (за исключением Кассандры) полагали, что Европа, пережившая тяжкую войну, даже при скованности некоторых ее стран договорами «версальского» типа, пойдет дорогой мирного развития. В ней не следовало ждать где-либо больших революций, способных вызвать изменение в осторожной, без авантюр, внешней политике России.

Насколько мог точно, но с очень большими сокращениями (не менее чем на *15—18 страниц) я* изложил меморандум кружка меньшевиков, его специфический дух, его иллюзии и надежды. Восстановить этот документ было не легкой задачей, нужно было заставить себя быть в «том времени», *отделаться от знания того*, что потом произошло и убило существовавшие в 1923 г. надежды. Попробуем теперь резюмировать выводы, которые «Лига наблюдателей» делала из своего обзора «судьбы идей октябрьской революции». Ленин был мозгом революции, он думал за нее, она жила только его идеями и мыслями, и поскольку он отходил от своих прежних идей, нужно было полагать, надеяться, что следуя за ним, от них уйдет и вся революция. Идеи Октября, как фата-моргана, вели страну по ложной дороге, в ложную сторону. В их основе, по мнению «Лиги наблюдателей», лежала не жизнь действительная, а искаженная политическими иллюзиями, надуманными отвлеченными экономическими представлениями. Если с горизонта страны удалялись эти влекущие ее ложные идеи, тогда появлялась совершенно обоснованная надежда, что страна пойдет уже по другой и на этот раз уже правильной, разумной дороге. Вот почему все члены «Лиги наблюдателей» были настроены *крайне оптимистично*, за исключением того участника кружка, которого я назвал Кассандрой, — абсолютно не верившего, что власть идет и может идти в русле какой-либо разумной эволюции.

Говоря, что наш кружок откидывал «Идеи Октября», настойчиво подчеркну, что отметался особый сорт идей, очерченный выше, тот специфический комплекс, в который входила идея о диктатуре пролетариата, мысли о скачке в идеальное бесклассовое социалистическое общество, об управлении государством «всем поголовно и по очереди» и прочие тому подобные, на наш взгляд, вредные или нелепые постулаты. Но если бы кто-нибудь сказал, что совсем не это было кардинальнейшей идеей октябрьской революции, а максимально-возможное преображение, улучшение жизни, быта рабочих и крестьян, то такую цель, такую идею «Лига наблюдателей», конечно, *не отвергала*. Вопрос о благосостоянии всего населения, а не только одного пролетариата, был всегда в центре нашего мировоззрения. Этот социалистический постулат настолько внедрился, въелся в наше мировоззрение, что его никогда не приходилось подвергать сомнению или о нем спорить. Нам не нужно было делать на этот счет громогласных деклараций. Это само собою разумелось. Не в этом был вопрос, а как этого достигнуть? А на это мы единогласно отвечали: только *не* с помощью специфических идей Октября. Добавлю: происшедший, на наш взгляд, разгром этих идей Октября совсем не вызвал ни падения, ни разложения Советской власти. С окончанием гражданской войны, исчезновением иностранной интервенции, переходом к НЭП эта власть стала много сильнее, чем когда-либо до этого. *Никакой другой власти не было и не предвиделось*. В падение ее «Лига наблюдателей» не верила. Считая своим «патриотическим» долгом содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни, считая аксиомой, что только при этом условии может создаться благосостояние населения, «Лига наблюдателей» заключала, что для этого у интеллигенции, не желающей быть вне жизни, нет другого пути, как только честно и добросовестно работать вместе с советской властью. А это представлялось тогда тем более возможным, что власть, уйдя от идей 1917—1920 гг., принуждалась, по нашему убеждению, *стать иной*. Это значило, что отныне интеллигенция могла бы работать по совести, а не из-за страха, и не под палкой, как было до этого. Конечно, существующая советская власть совсем не была таковой, о которой мечтала всегда *демократическая интеллигенция*, но только она одна существовала и с этим фактом нужно было считаться.

Проповедуемый нашим кружком наклон в сторону советской власти, разумеется, резко расходился с политическими установками и взглядами эмиграции, ставившей ставку на падение советской власти и на всякие подтачивающие ее кризисы. Меньшевики из «Лиги наблюдателей» смотрели на положение дел и на свои задачи совсем не так, как меньшевики «Социалистического Вестника», издававшегося в Берлине. Веруя в возможную здоровую эволюцию советской власти и стремясь в этом ей всемерно содействовать, «Лига наблюдателей» надеялась, что «контакт власти» с демократической и социалистической интеллигенцией, работающей в советском хозяйстве, будет в некоей степени благоприятно влиять на психику членов коммунистической власти, способствовать их демократи-

зации, отходу от постоянного грубого провозглашения «диктатуры партии». Как выразился один член нашего кружка, *«мы заразим их, большевиков, нашей культурностью»*.

Ленин, как известно, ненавидел меньшевиков. Этой ненавистью дышат все его сочинения. Меньшевиков он считал нужным держать в тюрьме, а при случае и не стесняться расстреливать (таких случаев, впрочем, кажется не было). «Мы, — писал Ленин, — никогда не ожидали, что вы, меньшевики, станете коммунистами, в вашей дряблости мы никогда не сомневались, но что вы нам нужны, этого мы не отрицаем, потому что вы *культурный элемент*». Отбрасывая и преследуя меньшевиков, именно как политических деятелей, Ленин совсем иначе на них смотрел, когда, работая в советском аппарате и хозяйстве, они выступали в качестве специалистов, полезных и нужных, знающих работников. Тогда отношение к ним Ленина немедленно менялось, и они подлежали тому особому благожелательному ухаживанию, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни.

> «Если, — писал Ленин, — все наши руководящие учреждения, т. е. компартия и Соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы *как зеницу ока* берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы совершенно *чуждого коммунизму идейно*, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи. Мы еще не скоро сможем осуществить. но во что бы то ни стало должны осуществить то, чтобы спецам, как особой социальной прослойке, которая останется особой прослойкой впредь до достижения самой высокой ступени развития Коммунистического общества, жилось лучше при социализме, чем при капитализме в отношении и материальном, и правовом, и в деле товарищеского сотрудничества с рабочими и крестьянами, и в отношении идейном, т. е. в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов». [32]

Резолюция с призывом «беречь спецов», написанная Лениным и принятая по его настоянию, в апреле 1922 г. XI партийным съездом, появившись когда наш кружок еще не начинал собираться, произвела на будущих участников «Лиги наблюдателей» большое впечатление и *несомненно* (я это подчеркиваю) *усиливала* психологию, которая, по ряду других идейных мотивов, уже склонялась к контакту, к тесной работе с советской властью. Здесь будет кстати рассказать, что повлияло на Ленина при составлении его декларации. Об этом я слышал от М. К. Владимирова, заместителя председателя ВСНХ. Ленин однажды в крайне грубой форме заявил и где-то написал, что есть простейшее средство иметь специалистов на стороне коммунистической власти и заставить их хорошо работать: «Для этого

---

[32] Ленин. Соч., XXVII, 454. (Первое предложение этой цитаты отсутствует из той части резолюции XI съезда ВКП(б), которую цитирует автор. Однако, идея выраженная в этом предложении безусловно ленинская идея. Ред.)

нужно только им хорошо платить. Больше ничего не требуется. *Купить* за деньги можно любого специалиста, их всегда покупали капиталисты и к этой купле их они цинично привыкли».

По этому поводу один из специалистов, Дукельский, профессор Воронежского сельскохозяйственного института, прислал Ленину полное возмущения письмо:

> «Если вы хотите, — писал он, — использовать специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их как людей, а не как нужный вам до поры — до времени живой и мертвый инвентарь. Неужели вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы собираетесь ему обеспечить. Из среды людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками, потому что они подход к будущему строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Специалисты, которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его ни оплачивали». [33]

Письмо Дукельского (я привожу лишь часть его) с большим критическим примечанием Ленин поместил в «Правде» № 67, 28 марта 1919 г. Доказательством, что это письмо произвело на него большое впечатление, — тот факт, что он вызвал в Москву Дукельского и в Кремле, но не в своем кабинете председателя Совнаркома, а у себя на квартире, имел с ним двухчасовой разговор. Прощаясь с Дукельским, Ленин заявил:

> «В очень резкой форме вы указали на большую политическую и психологическую ошибку, нетактичность, которую я сделал. За это вас благодарю. Могу вам обещать, что такую ошибку больше не повторю, к столь большому и важному вопросу как вопрос о специалистах буду подходить так, что все добросовестно работающие с нами, коммунистами, Дукельские не будут иметь повода жаловаться и нами возмущаться». [34]

Я сказал, что составленный нашим кружком меморандум «Судьба основных идей октябрьской революции» был переписан на пишущей машинке и занял *38* страниц. Переписывал его тот участник кружка, которого я назвал Кассандрой. У него он и хранился. Получил ли он какое-нибудь распространение, вышел ли он из пределов нашего кружка, на то никакого ответа дать не могу. Меня это не интересовало, ведь доклад составлялся не для распространения (что было бы и опасно), а главным образом, чтобы записать, ясно зафиксировать мысли и выводы, к которым мы пришли после

---

[33] Это не дословная цитата из письма Дукельского. Однако, автор правильно передал смысл и дух этого письма, так что, даже не в дословной передаче, оно не лишено исторического интереса. Ред.

[34] Источник этой цитаты автором не указан. Ред.

оживленных собраний, для всех нас интересных обменов мнений и обсуждений. Были ли еще другие кружки, подобные нашему? Кажется были —один эсеровский, другой кадетский. Важно то, что, без всяких коллективных обсуждений, без образования каких-либо кружков, значительная часть интеллигенции в 1921 и 1922 годах пришла, если не к столь продуманной как в «Лиге наблюдателей» концепции, то к тем же *настроениям, к тем же практическим выводам*. В советском аппарате и советском хозяйстве работали десятки тысяч всяких специалистов всех категорий квалифицированной интеллигенции. Часть их, наиболее буржуазная, приняла НЭП главным образом, а иногда единственно, потому, что с ней кончалась тяжкая полоса холода и голода при ничего не дававшей карточной системе. Но другая часть, о численности которой, я конечно не могу дать никаких данных, смотрела на вещи много шире. В НЭП-е она видела не одну только «отмену» ненавистной карточной системы, а отмену системы идей, сковывающих и убивающих жизнь. Из множества разговоров, которые за 1921—23 гг. привелось вести на эту тему, приведу только три, на мой взгляд, достаточно характерные.

Вот что́, например, я услышал от инженера-текстильщика Федотова, большого специалиста в области производства хлопчатобумажных тканей:

> «Почему до НЭП-а мы, специалисты, так плохо работали? Ведь не только потому, что нам плохо платили и смотрели на нас как на приспешников капитала, саботажников и тайных контрреволюционеров. Бывало идешь на службу, а самого тошнит. *На службе нужно было воду решетом таскать*, делать то, что осмысленным быть не могло. Руки опускались от бессмысленных заданий, которые на́м давались разными главками и центрами. От меня, например, требовалось произвести калькуляцию стоимости такого-то сорта текстиля для обмена его без денег на такой-то сорт других изделий. Я привык калькулировать стоимость в деньгах. Мне говорили, что так было при капитализме, а при социализме учет в денежных знаках нужно заменить «непосредственно-трудовым учетом». А что такое этот учет, как его производить, мое коммунистическое начальство не знало, а лишь повторяло без смысла слова, надерганные из каких-то книжек. Так было во всем. Можно ли было производительно работать в этих условиях? Все стало иным, когда установился НЭП. Мы тогда точно вышли из склепа, где не было воздуха, стали дышать и, засучив рукава, принялись за настоящую работу».

В 1930 г., когда страна очутилась под террористическим хлыстом Сталина, Федотов был привлечен к делу о, так называемой, «Промышленной партии» , обявлен вредителем и заключен в тюрьму на десять лет.

На роль НЭП-а, развязавшего скованную энергию специалистов, мне указывал работавший в Госплане И. А. Калинников. Встреча с ним была мимолетная, но очень хорошо запомнившаяся.

«В 1920 г. мы должны были работать над планом электрификации страны и, попутно, ее индустриализации. Задание, что и говорить, превосходное, но весь этот план мысленно развертывался не в абстрактном проостранстве, а в совершенно определенной экономической обстановке. И не план, а именно эту-то обстановку мой рассудок, даже при самом большом нажиме на него, никак не соглашался считать разумной. Чтобы работать в эпоху военного коммунизма, нужно было постоянно гипнотизировать себя мыслью, что сей неразумный строй есть строй идеальный и, как таковой, устанавливается на вечные времена. Получалось что-то вроде упражнений барона Мюнхаузена, желавшего вылезть из болота, приподнимая себя за волосы. Все состояние духа оздоровело с тех пор, как провозглашена и проводится новая экономическая политика. Говорю это не о себе только. У многих из нас было такое чувство, что благодаря НЭП-у мы, слава Богу, с *луны спрыгнули на землю*. Таким образом, была развязана скованная до сих пор энергия интеллигентных и полезных слоев страны».

В 1929 году под редакцией Калинникова, с предисловием члена президиума Госплана Квиринга, вышел в издании Академии наук представленный таблицами и диаграммами пятилетний план развития промышленности на 1928/29—1932/33 гг. А в 1930 г., Калинников, как и Федотов, был привлечен к делу «Промышленной партии», объявлен «вредителем» и ввержен на десять лет в тюрьму. За границу (я был в это время уже в Париже) долетели слухи, что в 1937 г., в эпоху безумных кровавых сталинских чисток, Калинников и Федотов, как и многие тысячи других заключенных, были расстреляны... чтобы освободить место для массы поступающих новых заключенных, для которых не хватало тюрем. Расстрелян был и коммунист Квиринг.

Весьма любопытные речи о НЭП-е довелось слышать от Н. К. Мекка, до революции председателя правления и крупнейшего пайщика Московско-Казанской железной дороги. По причинам мне неизвестным, он, видимо, не успел, подобно Гучковым, Коноваловым и другим промышленникам и крупным буржуа, перебраться в эмиграцию, за границу. До революции я был знаком с ним поверхностно, знал только, что он придерживался крайне правых, как говорили, «черносотенных» убеждений. Поэтому я был очень удивлен, когда случайно встретив меня, насколько помню в 1923 г., на Лубянской площади, он завел со мной разговор, из которого следовало, что фон Мекк примирился с советским строем. Лгать мне у него, конечно, не было абсолютно никакого основания. От одного нашего общего знакомого он превосходно знал, что я не коммунист. Он был вполне искренен. Мекк мне поведал, что служит в Народном Комиссариате Путей Сообщения, и до НЭП-а чувствоал себя там сидящим, по его выражению, как на «жаровне с горящими углями».

«Но с тех пор как Ленин приказал своим товарищам лучше относиться к специалистам, а, главное, с тех пор как объявлена новая экономическая политика, мы, т. е. я как и другие бур-

жуа-специалисты, работающие в Народном Комиссариате Путей Сообщения, почувствовали, что наконец-то можем выпрямиться и делать полезное для страны дело. После всего нами пережитого меня совсем не страшит и не смущает, что советское правительство национализировало огромную часть хозяйства страны. У нас всегда и в прошлое время, при царском режиме, очень значительные отрасли хозяйства принадлежали государству. Кажется, ни в одной стране мира не была так широко проведена национализация. У нас военные заводы принадлежали государству, ему принадлежали недра, огромные лесные площади, земли, винная монополия, а железные дороги как правило выкупались у частных лиц и становились государственными. Конечно, есть пределы национализации, и новая экономическая политика, возвращая прежним владельцам ряд зря и необоснованно отнятых у них мелких предприятий, сама ясно намечает эти пределы. Многое в советском строе долгое время мне было и неприемлемо, и непонятно, и даже дико. Но вот однажды попала в руки книга о Новой Зеландии, а жизнь и порядки в ней очень отличаются от европейских и от наших прежних русских. Это уже что-то новое. Под влиянием этой книги я как-то сразу понял, что новое, никогда не существовавшее ни в какой стране, создается сейчас и у нас в России. Как это назвать: коммунизмом, социализмом — не знаю. Только вижу, что это новое имеет право существовать и каждый из нас должен ему содействовать. Например, нам, связанным с железнодорожным делом, нужно способствовать восстановлению, укреплению и расширению железнодорожного транспорта, сильно пострадавшего во время войны и особенно гражданской войны. Под начальством Дзержинского делаем это совсем не плохо. В нашем комиссариате мы не ограничиваемся восстановлением транспорта, мы мечтаем и о большем — о его полной, рациональной реконструкции, большой постройке новых линий, укрупнению паровозов и вагонов, переустройстве железнодорожного полотна, автоматической сцепке и так далее».

Какова судьба фон Мекка? В 1929 году, как и другие инженеры путейцы, он был расстрелян.

ГЛАВА II

РАЗБРОД В ПАРТИИ И БОЛЕЗНЬ ЛЕНИНА

Ссылаясь на доклад кружка меньшевиков, добавляя к нему высказывания (их легко можно было бы умножить) некоторых беспартийных специалистов, я хотел представить, с какими мыслями, с какими чувствами, *приняла активная часть интеллигенции политику НЭП-а.* А теперь надлежит показать, как эту политику приняла сама коммунистическая партия, как на нее она реагировала. Говоря о партии, я имею в виду, конечно, настоящих правоверных коммунистов, а не тех, кого называли «примазавшимися», «липовыми», для которых весь НЭП выразился в отмене продовольственных карточек, в спекуляциях, воровстве, темных делах и веселой жизни.

В октябре 1921 года на московской партийной конференции Ленин указал, что о необходимости «новой экономической политики *никто* не спорил, вся партия на съездах, на конференциях и в печати приняла ее совершенно *единогласно*». В марте 1922 года на XI съезде, Ленин снова ссылался на единодушие:

> «Поворот к новой экономической политике был решен на прошлом съезде с чрезвычайным *единодушием*, с бóльшим даже единодушием, чем решались другие вопросы в нашей партии (которая, надо признать, вообще отличается большим единодушием) . . .[35] Никаких колебаний в партии по вопросу о том, что новая экономическая политика неизбежна, не было».[36]

Мы подходим к вопросу, очень мало освещенному в печати и обычно решаемому самым трафаретным образом. Нужно в историю этого важнейшего вопроса внести некоторые непоявлявшиеся в печати данные, причем заранее скажу, что хотя мы в «Лиге наблюдателей» этими данными и располагали, но вытекающие из них последствия и выводы сознавали и оценивали *слабо* и *недостаточно.* Дело в том, что Ленин по разным соображениям сказал неправду: *никакого единодушия в принятии НЭП в партии не было.* Вот что я слышал от коммуниста «середняка» П. Н. Муравьева, одно время бывшего вместе со мною членом редакции органа ВСНХ — «Торгово-Промышленной Газеты»:

> «Во время военного коммунизма жилось тяжко, мучил холод, мучил голод, даже мороженый картофель считался ред-

---

[35] Ленин. Соч., XXVII, 228.
[36] Ibid., 229.

ким экзотическим фруктом. Но самый остов, самый костяк существовавшего в 1918—1920 годах строя был прекрасным, был действительно коммунистическим. Все было национализировано, частная собственность вытравлена, частный капитал уничтожен, значение денег сведено к нулю, а вместо торговли по капиталистическому образцу — в принципе равное для всех распределение, получение материальных благ. Мы осуществили строй, намеченный Марксом в его «Критике Готской программы» (Sic!). Нужно было только влить в него материальное довольство и все стало бы сказочно-прекрасным. Словно молотом по голове ударило, когда услышали, что нужно нефть в Баку и Грозном отдать заграничным капиталистам в концессию, что им нужно отдать в концессию леса на Севере, в Западной Сибири и множество всяких других предприятий. В тот самый момент, когда появилась такая мысль, здание Октябрьской революции *треснуло*, пошатнулось. Это означало поворот к капитализму. Ну, а когда к этому добавилась НЭП, денационализация многих частных предприятий, свобода торговли, реставрация экономических отношений прошлого, многие из нас это восприняли, и не могли не воспринять, как *измену коммунизму*, явное и открытое отступление от всего, за что боролась Октябрьская революция. Она была побежденной. Начав отступление, будем откатываться назад; мы на этой наклонной плоскости удержаться не можем, скатимся уже к самому полному восстановлению капитализма со всеми отсюда вытекающими последствиями. Частный сектор постепенно, но несомненно съест весь национализированный сектор.

«Вы, — говорил Муравьев, обращаясь ко мне, — наверное думаете, что я пьяница от рождения. Нет, пьяницей я никогда не был до этого, я с горя стал пить, когда увидел, что от моего идеала, от коммуниза, кроме слов, в сущности ничего не осталось. Коммунистов, которые теперь думают и мучаются, как я, *очень много*».

В статьях и речах Ленина, посвященных НЭП, можно найти подтверждение, что в партии было действительно немало лиц, думавших и говоривших как Муравьев. *Забывая*, что он говорил об единодушном принятии НЭП, Ленин признает, что в партийных кругах, в связи с НЭП, проявляется «настроение уныния и упадка», часто «негодования», «настроение весьма кислое, почти паническое», «настроение подавленное».

«Если сейчас, — говорили многие коммунисты, — выдвигаются обыкновенные, простейшие, вульгарнейшие, мизернейшие торговые задачи, то что может тут остаться от коммунизма?» Ленин указывает, что есть партийцы, которых он называет поэтами, утверждающие, что прежде, в 1919—1920 гг. в Москве, «несмотря на холод и голод, все было *чисто и красиво*», а с приходом НЭП-а от нее стало вонять. Ленин с усмешкой говорил, чтона последнем расширенном Исполкоме Коминтерна «некоторые непозволительным образом, по-детски, расплакались, видя, что мы отступаем». Сражаясь с подавленным настроением, Ленин стремился доказать (вступая в противоречие с самим собой), что военный коммунизм совсем

не был стройной системой, — как на том настаивали не только «середняки»-партийцы вроде Муравьева, но и люди калибра Милютина, — а только «временной мерой, вынужденной обстоятельствами». Ленин жаловался, что в провинции новая политика «остается в громадной степени неразъясненной и даже непонятной». И Ленин начинал свирепо злиться, когда слышал, что большого внимания НЭП отдавать не следует: это, мол, новшество невсерьез и ненадолго. Отвечая на это, Ленин на X конференции партии разразился ставшей знаменитой фразой: НЭП — *всерьез и надолго*».

> «Надо, — говорил Ленин, — устранить все сомнения, что политика намеченная X партийным съездом принимается ... как политика подлежащая проведению всерьез и надолго». [37]

Принятие НЭП, как мы видим, совсем не было единодушным. Можно констатировать обратное: аргументы Ленина за НЭП отлетали от партийцев как горох от стены. Не могу здесь не вспомнить одну беседу с моим старым знакомым, Ю. М. Стекловым, ставшим редактором «Известий ВЦИК» (он был там до половины 1925 года). Редакция «Известий», где я навестил Стеклова, помещалась тогда в здании «Русского Слова» — самой большой газеты в довоенное время, и Стеклов сидел в кабинете, который занимал я в бытность мою фактическим редактором «Русского Слова».

> «Ленин, — сказал мне Стеклов,— произвел изумительный по смелости и решительности поворот политики. 'Научитесь торговать!' — мне казалось, что я скорее губы себе обрежу, а такого лозунга не выкину. С принятием такой директивы нужно *целые главы марксизма от нас отрезать*. Давать руководящие принципы они нам уже не могут. А когда Варейкис бросил Ленину такое замечание, тот крикнул: 'пожалуйста, не обучайте меня, что взять или что откинуть от марксизма, яйца курицу не учат!'».

По самому своему официальному положению Стеклов должен был в газете ВЦИК-а защищать прокламируемую Лениным новую экономическую политику. Если он и делал это, то сопротивляясь. А что при принятии НЭП происходило *на верхах партии*, я узнал от А. И. Свидерского. Его я давно знал. В 1909 и 1910 гг. мы оба жили в Киеве и ежедневно виделись в редакции «Киевской Мысли», в которой были сотрудниками. После одной весьма неприятной и грязной истории, Свидерский уехал из Киева и, как я узнал недавно от Б. И. Николаевского, в конце 1910 г. очутился в Самаре. В 1921 г. Свидерский занимал большой пост в Комиссариате Продовольствия (член Коллегии Наркомпрода), потом был заместителем Народного Комиссара Земледелия. На партийной конференции в мае 1921 г. он выступал с одобренным Лениным докладом о проведении продовольственного налога, т. е. одной из важнейших частей новой экономической политики. Как реагировали верхи партии на НЭП, он, конечно, превосходно знал и не мог не знать. При встрече со мной, он говорил обо всем без всякой утайки. Сведерский как будто хотел показать, как далеко он пошел с *1910 г.*, похвастаться своей близо-

---

[37] Ленин. Соч., XXVI, 410.

стью к верхам коммунистической партии. Когда я указал ему, что у меня такое впечатление, что в партии не все охотно идут за Лениным, Свидерский стал объяснять, что, в сущности, дело обстоит много хуже, ибо мало кто с Лениным согласен.

«Полностью согласны с ним, может быть, только Красин и Цурюпа; все другие или молчат, или упираются. На одном собрании (Свидерский не указал на каком, а я о том не спросил) Ленин говорил: 'когда я вам в глаза смотрю, вы все как будто согласны со мной и говорите *да*, а отвернусь, вы говорите *нет*. Вы играете со мной в прятки. В таком случае позвольте и мне поиграть с вами в одну принятую в парламентах игру. Когда в парламентах главе правительства высказывается недоверие, он подает в отставку. Вы мне высказывали недоверие во времена заключения мира в Бресте, хотя теперь даже глупцы понимают, что моя политика была правильной. Теперь снова вы высказываете мне недоверие по вопросу о новой экономической политике. Я делаю из этого принятые в парламентах выводы и двум высшим инстанциям — ВЦИК-у и Пленуму — вручаю свою отставку. Перестаю быть председателем Совнаркома, членом Политбюро и превращаюсь в простого публициста, пишущего в «Правде» и других советских изданиях'».

— Ленин, конечно, шутил!

«Ничего подобного. Он заявлял о том самым серьезным образом. Стучал кулаками по столу, кричал, что ему надоело дискутировать с людьми, которые никак не желают выйти ни из психологии подполья, ни из младенческого непонимания такого серьезного вопроса, что без НЭП неминуем разрыв с крестьянством. Угрозой отставки Ленин так всех напугал, что сразу сломил выражавшееся многими несогласие. Например, Бухарин, резко возражавший Ленину, в 24 минуты из противника превратился в такого страстного защитника НЭП, что Ленин принужден был его сдерживать. 'У меня, с иронией указывал Ленин, допустим, *25* аргументов за введение НЭП; товарищ Бухарин к ним хочет прибавить еще *50*. Боюсь, что своей массивной прибавкой он просто утопит НЭП, превратит ее в нечто такое, с чем я уже согласиться не могу. Поэтому, лучше останемся с 25 аргументами'».

В некрологе о Ленине Бухарин писал: «Ленин вел за собой партию, как власть имеющий. Он мог идти против течения со всей силой своего *бешеного* темперамента».

Бешено идя против течения, он властно хлыстом заставил партию принять и политику концессий, и НЭП, но *глубокое* непокоренное сопротивление всему этому в партии несомненно осталось, не было уничтожено. В марте 1923 г. (Ленин тогда лежал, пораженный параличем) Молотов в «Правде» писал, что несмотря на два года проведения НЭП «нельзя сказать, что эта политика вполне понята и правильно оценена». «Где-то около (?) партии продолжают делать попытки распространения мутно-меньшевистских идей под флагом коммунистического радикализма». В замысловатой форме Молотов констатировал простой факт, что продолжают существовать пар-

тийцы, считающие строй 1918—1920 гг. в его основе действительно коммунистическим и потому скорбящие, что от этого строя партия ушла к капитализму. Сопротивление НЭП — в виде остро проявляющейся почти панической боязни ее — жило не где-то около партии, а в партии *самой* и в самых ее *высших* сферах. В том же 1923 г. в апреле на XII съезде партии, на котором больной Ленин не мог присутствовать, Троцкий в своем докладе о положении промышленности говорил о громадной опасности, созданной тем, что *«мы вызвали в свет рыночного дьявола»*. Фраза много говорящая. С точки зрения последовательно мыслящего ортодокса марксиста-коммуниста, рынок — феномен «дьявольского» характера и происхождения. Боязнь этого дьявола, т. е. вообще НЭП-а, проявилась у Троцкого в сильнейшем виде в следующих словах в том же докладе 1923 г.: «Начинается эпоха роста капиталистической стихии. И кто знает, не придется ли нам в ближайшие годы каждую пядь нашей социалистической территории: *отстаивать зубами, когтями против центробежных тенденций частнокапиталистических сил?»*[38]

«Зверь» прыгал совсем не большими прыжками и был похож скорее на котенка, но испуганному воображению не какого-нибудь Муравьева, а самого Троцкого, казался страшным зверем Апокалипсиса. Осенью 1923 года об этом звере, поедающем социалистическую экономику, постоянно говорил Пятаков, заместитель председателя ВСНХ: «Зародыши товарной капиталистической системы выросли и грозят неисчислимыми напастями социалистической системе». Всякие вариации речей Пятакова на эту тему я *слышал много раз собственными ушами.* «Всерьез и надолго» НЭП не был принят. Это нужно знать. Без должного внимания к этому факту, без знания и анализа его, *вся последующая история большевизма остается непонятной.*

Наша «Лига наблюдателей» в своем оптимизме, в своей ставке на здоровую «эволюцию» советского строя — несомненно *недооценивала силу* сопротивления НЭП. Мы, например, просто прошли мимо следующего показательного факта. В общей программе НЭП Ленин отводил очень важное место концессиям; поэтому в конце 1923 года, работая в «Торгово-Промышленной Газете», я хотел посвятить концессиям целую серию статей, с целью проанализировать, что такое представляют *300* поступивших на этот счет из-за границы предложений. Мое начальство (Савельев) мне сказало: «погодите заказывать статьи на эту тему, нужно предварительно *понюхать,* как на вопрос смотрят в ЦК». И, понюхав, Савельев мне рекомендовал: «Не раздувайте это дело, в сущности почти *никто* на концессии не смотрит серьезно». Это лишний факт, свидетельствующий, что только под хлыстом Ленина партия пошла на НЭП.

Здесь будет уместно рассказать, как в связи с НЭП изменилось лично мое отношение к Ленину. В 1901—1903 гг. я был «стопроцент-

---

[38] XII Съезд российской коммунистической партии (большевиков). (Стенографический отчет). Москва, 1923, стр. 321. Курсив автора. Ред.

ным» ленинцем и в 1904 г. активнейшим большевиком; попав после тюрьмы в Женеву, стал «лейтенантом» Ленина. Он ко мне, по выражению Крупской, «очень благоволил». Обо всем этом я подробно рассказал в моей книге «Встречи с Лениным», изданной Чеховским издательством.[39] Потом произошло резкое столкновение с Лениным, и я ушел из большевистской организации. В последующие годы Ленин совершенно перестал меня интересовать. Его политику в первую революцию 1905—1907 гг. я считал *вреднейшей*, а захват власти в 1917 г. актом *преступным*, сделавшимся возможным только потому, что Временное Правительство Керенского было абсолютно неспособно ни оказать Ленину физическое сопротивление, ни провести те смелые мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т. д.), которые, по моему убеждению, предохранили бы страну от октябрьской революции.

Первые ее годы — 1917—1919 — я, конечно, следил за Лениным, всегда отталкиваясь от его политики, постоянно критикуя ее, считал бессмысленным почти все, что тогда делалось. С 1921 года, с началом НЭП, мое отношение к Ленину изменяется. Я с радостью видел как постепенно снимаются со страны удушающие ее обручи военного коммунизма. С напряженным вниманием следил за каждой речью, статьей Ленина, каждым его шагом, поворотом, мероприятием. Он снова начал меня остро интересовать. Большое впечатление на меня произвела его речь в ноябре 1922 г. в Московском Совете. Никто тогда не думал, что это *последнее публичное* выступление Ленина и уже никаких речей он больше произносить не будет. В этой речи он говорил, что к социализму нужно подходить «не как к иконе, расписанной торжественными красками», *а по-деловому*, протаскивая его в будничную повседневность, «Россия нэпмановская будет Россией социалистической», но путь к этому лежит через НЭП». «Поэтому, — заключал Ленин, — *НЭП продолжает быть главным, очередным, всеисчерпывающим лозунгом сегодняшнего дня*».[40] Зная, что его политика встречает сопротивление в партии, что ему приходится много затрачивать энергии на преодоление этого сопротивления, я стал искренне жалеть его и у меня пробудилась былая симпатия к нему. Я видел, что он уже не тот Ленин, с которым в 1904 году в Женеве с остервенением спорил о философии Авенариуса и Маха о „esse est percipi". Это уже не Ленин-агитатор октябрьской революции, кидавший массам лозунг «Грабь награбленное!», звавший «на всех парах нестись к социализму» и «поголовно всем по очереди управлять государством». В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший в четыре года грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества *иллюзий* и, с высоты поста правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал (не только Ленин, а все мы тогда

---

[39] Так же на английском языке под заглавием *Encounters with Lenin*, Oxford University Press, 1968. Ред.

[40] Ленин. Соч., XXVII, 365—366. Подчеркнуто Лениным. Ред.

очень многое и очень важное не знали и не понимали). В 1919 и 1920 гг. Ленин узнавал у Карпова и Красикова, где я работаю. В то время я не работал (службу во Всерокомпоме, о которой расскажу в соответствующей главе, работой назвать не могу) и видеть Ленина никакого желания не испытывал. Но в 1922 г. я уже с «энтузиазмом» работал в ВСНХ, полностью принимая новую экономическую политику, проводимую Лениным, и очень хотел его повидать, познать — куда и *как далеко он идет*. Я написал ему довольно большое письмо, в конце которого просил: когда у Ленина будет свободное время, дать мне возможность его видеть и с ним побеседовать так же свободно, как в «былое время в Женеве, в Сешероне».

Что я ему написал?

Насколько помню, письмо было составлено в конце ноября 1922 г. «Лига наблюдателей», наш кружок, еще не сформировалась. Еще не был коллективными силами произведен обзор проблем советского строя, в результате которого появился доклад о «Судьбе основных идей октябрьской революции». До этого лично меня больше всего интересовали следующие вопросы.

Ленин писал, что меньшевиков, сеющих панику и твердящих, что «отступление» коммунистической партии неминуемо ведет к полному восстановлению капитализма, нужно *расстреливать*. К этой категории, подлежащей расстрелу, я как будто никак не принадлежал по той простой причине, что, по моему убеждению, НЭП отнюдь не означал восстановление капитализма, хотя на частичное его восстановление настойчиво указывал сам Ленин. О каком капитализме, говорил я, может идти речь, когда после «отступления» в руках государства остается вся крупная промышленность, весь железнодорожный, морской, речной транспорт, вся банковская система, вся (или почти вся) оптовая торговля, громадная часть жилищного фонда, вся земля, все леса, все недра страны? Капитализм предполагает частную собственность на средства и орудия производства. А этог нет. Где и в какой стране существует капитализм с такой широчайшей национализацией всех важнейших отраслей народного хозяйства? Такого капитализма *в мире нет*. Это все, что угодно, только не капитализм; поэтому заявлять, что отступление ведет или привело к капитализму, просто бессмысленно. Позднее, когда начала собираться наша «Лига наблюдателей», я несколько раз защищал вышеизложенную точку зрения. Не могу сказать, что она была принята без оговорок всеми участниками нашего кружка, но часть их была со мной полностью согласна. В этом пункте особенно обнаруживалось наше расхождение с тем, что писала эмигрантская печать — «сменовеховцы» и «Социалистический Вестник» берлинских меньшевиков. «Вестник» утверждал, что НЭП будет благодетельна для частного капитала, но принесет крах национализированной государственной промышленности, что такая отсталая страна, как Россия, не может развить индустрию, лишь становясь на капиталистические рельсы, что национализированное советское хозяйство есть только «лабораторный опыт», «оранжерейное хозяйство» и что вообще, «хотя диктатуры упорствуют», для них *приходит последний 12-й час*».

Второе замечание. Когда пускали в обращение термин «отступление», с ним обычно в коммунистической партии связывали отход от высшей и лучшей ступени к чему-то низшему и худшему. Наоборот, я видел, что от плохого, построенного на иллюзиях, разлетевшихся при соприкосновении с жизнью, отступление ведет к чему-то более здоровому, построенному на реалистической основе, учитывающей прежде всего интересы многомиллионного крестьянства и такой фактор, как личный, частный интерес. В отличие от капиталистической экономики советская экономика должна быть управляемой (термин «планируемая» появился несколько позднее), но это управление нельзя установить с помощью поучений, заимствованных из старых социалистических учебников, вроде книги Бебеля, которая, как и «Утопия» Томаса Мора, строила хозяйство *без денежной системы и денежного расчета.*[41] Без учета в деньгах, все основные категории управляемого хозяйства (государственный бюджет, себестоимость, прибыль, заработная плата и т. д.) повисают в воздухе. Четырехлетний опыт советской власти, расходясь со старыми учебниками и «торжественно расписанными иконами», показал, что полная социализация, без исключения, всего хозяйства не должна «иметь места», так как это экономически вредно и бессмысленно. Рядом с национализированным сектором должен быть и может быть допущен частный сектор в виде крестьянского хозяйства, мелких предприятий в индустрии, ремесле и торговле, не представляющих никакой опасности для национализированных командных высот, а только дополняющих их активность. В сельском хозяйстве еще до революции, несмотря на неблагоприятствующую им политическую обстановку, ускоренно развивались разные виды добровольно создающейся кооперации. При советской власти, такого рода кооперативы должны получить сильное мощное развитие и, соединяясь с разными мероприятиями для поднятия производительности крестьянского труда, они сделают в сельском хозяйстве то, что предполагалось достигнуть *принудительной, неудачной, отвергаемой крестьянами организацией колхозов.* Мимоходом замечу, что до революции, в 1908—1911 гг. я, в «Вестнике Кооперации», в «Киевской Мысли» и других изданиях за 1909—1911 гг. много писал о кооперативах в сельском хозяйстве и их организацию считал важнейшей частью решения «аграрного вопроса».

---

[41] Я никогда не мог себе представить ведение современного хозяйства без денежной системы, т. е., в сущности, без фактора о ц е н к и. Когда, в 1898 году, будучи студентом, я сказал проф. М. И. Туган-Барановскому (это он был моим первым учителем марксизма), что не представляю себе, как социалистическое общество может обойтись без денег, тот мне ответил: «А вы об этом не думайте, это же глупость!» Характерно, что в СССР три раза делали попытку уничтожить денежное обращение, заменяя его «прямым, непосредственным продуктообменом, прямым товарообменом». Первый раз это произошло при Ленине, второй раз — позднее, в тридцатых годах и, наконец, третий раз необходимость уничтожить денежное хозяйство, перейти к прямому «товарообмену», «продуктообмену», стал доказывать Сталин в своем последнем «гениальном труде» — в ничтожной безграмотной брошюре «Экономические Проблемы Социализма». Наследники Сталина его призыв, найдя вредным и негодным, отбросили. О всей этой истории с троекратной попыткой уничтожения денежного обращения я писал в «Нов. Журнале», книга 31, за 1952 г.

Делая общую характеристику НЭП, я полагал, что это и есть «*совершенно новое слово в теории строительства хозяйственной базы социализма*»; оно радикально отличается от старых «икон» прежних социалистических схем тем, что сочетает национализированный сектор и сектор частный, интерес *общий*, государственный, с *интересом частным.* [42]

Вот какие мысли были в моей голове, когда я составлял письмо Ленину, и лишь в немного иной, чем в предыдущих строках, словесной форме, они и занесены в мое письмо. Копии этого письма у меня нет. Но вспоминаю, что в нем с *большим перегибом* было восхваление по адресу проводимой Лениным политики. В шутливой форме я напомнил ему мой спор с ним о философии эмпириокритицизма, но, когда отослал письмо, стал с досадой думать, что напоминание о философии сделал *в неудачной форме,* дающей Ленину какое-то основание заключить, что будто я, как и другие, отказался от преследуемой Лениным философии Авенариуса и Маха. А этого у меня не было.

На посланное письмо в течение долгого времени никакого отклика не было. Я решил, что оно застряло где-нибудь в секретариате Ленина или брошено в корзину, как сотни тысяч других писем, посылавшихся Ленину со всех концов России и до него не доходивших. У меня было даже предположение, что оно могло быть сознательно погребено в секретариате Ленина. В числе других там работала О. Б. Лепешинская (ее я знал еще с 1904 года в Женеве), весьма косившаяся на меня за отход от большевизма (о Лепешинской, ставшей «великим ученым» в эпоху Сталина, я писал в моей книге «Встречи с Лениным», стр. 128—131). Оказалось, что я ошибся. Не помню точно когда (на даты, *в отличие от разговоров*, у меня нет хорошей памяти) — думаю, что это было на последней неделе декабря (1922 год), я был вызван в редакцию «Правды» Марией Ильиничной Ульяновой, сестрой Ленина, бывшей в то время секретарем «Правды». Она мне сказала, что Ленин получил мое письмо, «благодарит вас за него и как только будет чувствовать себя лучше, непременно назначит вам свидание». Если Ленин, — подумал я, — благодарит за письмо, это очень важно: значит ничего, его шокирующего, он там не нашел. «А разве Владимир Ильич болен? Что такое у него?» спросил я Ульянову. Мария Ильинична не была лживой. Сказать мне, что у Ленина был второй удар паралича она, конечно, не могла. Характер болезни его *тщательно скрывали.* О ней знали лишь немногие лица. Не пускаясь в объяснения, но не отрицая болезнь Ленина, М. И. Ульянова на мой вопрос, уклончиво и, по своему обыкновению краснея и опуская глаза, ответила: «Сейчас Владимир Ильич чувствует себя много лучше».

Мне в голову не приходило, что Ленин опасно болен, хотя, что он болеет, я знал еще в 1920 году. М. Горький и М. Ф. Андреева были в это время у Ленина, и Андреева, зайдя к нам, рассказала, что

---

[42] Нелишне указать, что в современном хозяйстве Франции, Англии, Австрии в частный сектор вдвинут обширный национальный сектор.

Ленин страдает от постоянной головной боли и бессонницы, от которой его не спасают никакие прописываемые средства.

Первый удар паралича у него произошел 24 мая 1922 года. Он был в Горках, в своей летней резиденции, в 29 километрах от Москвы, в бывшем имении одного из магнатов капиталистической России — Морозова. Тогда обнаружились первые признаки поражения мозга — частичный паралич правой руки и ноги и небольшое расстройство речи. Бюллетень о болезни Ленина появился 4 июня и составлен так, что никто, даже врачи, не мог, судя по этому бюллетеню, сказать или предположить, что Ленин серьезно болен. В бюллетене говорится, что он захворал гастро-энтеритом, что у него переутомление и на этой почве небольшое расстройство кровообращения. Явно ничего важного. Второй бюллетень 18 июня отмечает, что желудочно-кишечный тракт теперь в порядке, что явления расстройства кровообращения исчезли, «больной покинул постель, чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием».

Под первым бюллетенем, кроме имен русских врачей (Крамер, Кожевников, Гетье, Левин [43]), стоит подпись проф. Форстера, а под вторым проф. Клемперера — иностранных (немецких) врачей. На это тогда в Москве обратили внимание: «Смотрите, как оберегают Ильича, крошечное нездоровье и уже немедленно выписываются на помощь русским врачам иностранные знаменитости». Другие злословили: «Выписки иностранных врачей и бюллетени напоминают времена 'царствующих особ'; прежде маленькое нездоровье царя вызывало появление бюллетеней о ходе его болезни, а теперь то же самое происходит около Ленина 'красного царя'».

Насколько серьезно заболевание Ленина, о том не подозревала даже и та малюсенькая группа, знавшая о его болезни. Однако, среди них было лицо, которое тогда же, *уже с 1922 года,* решило, что *«Ленину капут».* На это обстоятельство, бросающее свет на то, что произошло позднее, я не *встречал никогда и никаких указаний в печати.* Оно попало ко мне из уст Владимирова, заместителя Дзержинского на посту председателя ВСНХ. В дальнейших главах моих воспоминаний, прямо относящихся к ВСНХ, я подробно расскажу при каких обстоятельствах, какими словами, мне о том рассказывал Владимиров.

Лицо, убежденное, что *«Ленину капут»* — был Сталин. Не могу указать, — Владимиров ничего об этом не сказал, — с кем, с какими врачами, иностранными или русскими, Сталин беседовал. Но их расспрашивая, прибегая для большего уяснения вопроса к медицинским книгам, добавляя сюда свои наблюдения за давно падающим здоровьем Ленина, Сталин пришел к выводу, что Ленин не протянет долго, за первым ударом последуют другие. Главным образом для проверки своего заключения он и ездил в Горки, где, — это можно установить по данным из других источников, — был 11

---

[43] Л. Г. Левин — это тот доктор Кремля, которого 16 лет позднее сумасшедший Сталин будет обвинять в убийстве, с помощью отравления, Менжинского, Куйбышева и Горького.

июля, 5 августа и 30 августа. В два первых туда приезда он узнал, что, несмотря на бюллетени, успокоительно извещающие, что больной на пути к выздоровлению и «чувствует себя хорошо», припадки продолжались, выражаясь в кратковременном параличе конечностей и неожиданной, временной, иногда на 20—30 минут, потери речи или ее затруднении. Подкрепляясь этими наблюдениями, Сталин решил, что:

> «интересы страны, революции, партии властно требуют не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ленина в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро должно работать так, как будто Ленина уже нет среди нас, ждать от него директив и помощи не приходится, и соответственно этому положению, умело распределить между членами Политбюро все руководство страной». [44]

Однако, Сталин поспешил с выводом, что Ленину уже капут. После длительного ухода в декабре 1921 г. от работы и многомесячного пребывания в Горках, Ленин почувствовал себя настолько выздоровевшим, что 2 октября 1922 г. возвратился в Москву и развил кипучую энергию. Из записей его главного секретаря — Фотиевой (опубликованных в 1945 году) видно, что на протяжении двух с половиной месяцев Ленин председательствовал на 25 заседаниях (трех заседаниях Политбюро, четырех заседаниях Совета Труда и Обороны, семи заседаниях Совета Народных Комиссаров и т. д.) собственноручно написал 110 писем и принял 175 человек. Кроме того, он сделал три публичных выступления. Первое на 4-й сессии ВЦИК в Кремле, в Андреевском зале, в присутствии представителей дипломатического корпуса, второе 13 ноября на IV конгрессе Коммунистического Интернационала, где, что было для него не легко и требовало большого напряжения, произнес речь на немецком языке. Наконец, третье его выступление, меньше чем за месяц до второго удара, произошло на пленуме Московского Совета. Двум моим коллегам из «Торгово-Промышленной Газеты» удалось эту речь слышать. По их словам, она была сказана с большим подъемом и силой и произвела *огромное впечатление;* овациям, бурным аплодисментам не было конца. Кое-что все-таки поразило нашего сотрудника. Во время речи, а Ленин произносил ее стоя, он неожиданно замолк, открыл как-то странно рот, зашатался, присел, но тут же, каким-то усилием воли, заставил себя вскочить, быстро выпрямиться и уже без всякого дальнейшего перерыва, продолжать говорить. Кажется никто не обратил на это внимания, но через четыре месяца, когда уже все знали о страшной болезни Ленина, наш сотрудник вспоминал об этом происшествии и, без достаточных оснований, уверял всех, будто он тогда уже понял, что Ленин очень болен.

Речь в Московском Совете была последним публичным выступлением Ленина. Отчаянные головные боли, бессонница, утомление, охватили его снова. Для отдыха он уезжает в Горки, через неделю возвращается в Москву и здесь 16 декабря 1922 г. его сразил второй удар, уже стойкий паралич правых конечностей. Крамер, один из

---

[44] Источник этой цитаты автором не указан. Ред.

докторов лечивших Ленина, всегда говорил, что ленинская живучесть, сила его сопротивляемости болезни, представляют в истории этой болезни феноменальное явление. И действительно, несмотря на только что испытанный сильнейший приступ болезни, Ленин уже через неделю вызывает к себе секретарей, требует газеты, диктует, так называемое «завещание», в котором указывает, что отношения между Сталиным и Троцким таковы, что если не принять мер, то из этого может получится раскол. В дополнение к этому «завещанию» Ленин 4 января 1923 г., советует снять Сталина с поста Генерального секретаря партии. Об этом «завещании» столько уже писалось, что мне повторяться незачем. Будет более интересным сообщить то, что до сих пор не указывалось. Желая быть в курсе того, что делается в советском хозяйстве и государстве, Ленин заставлял Крупскую для получения интересующих его сведений обращаться к Каменеву, Рыкову и Сталину. Последний, в качестве Генерального секретаря партии, имел больше чем кто-либо интересующих Ленина данных. Сталин делал это очень неохотно, притом в такой форме, которая оскорбляла Крупскую. Из того, что мы все много позднее узнали, например, из воспоминаний Троцкого, следует, что Сталин был с Крупской до крайности груб. Дав раза два требуемые ею сведения, он потом просто послал ее «к чёрту» и всякие разговоры с ней прекратил. Возмущеная Крупская подняла по этому поводу большой скандал, жаловалась на Сталина Каменеву, Зиновьеву и, в конце концов, рассказала обо всем Ленину. [45]

Чем объяснить такое поведение Сталина? В свете того, что мне говорил Владимиров, оно делается понятным. Раз Сталин решил, что хотя Ленин еще и жив, но безнадежно болен и прежним властным вождем быть не может, то особенно церемониться с ним и прислушиваться к нему не нужно. До этого Сталин рабски следовал во всем за Лениным, вечно подлизывался к нему, но так как умирающий, разбитый параличем человек ему уже не страшен, он хамски повертывается к нему спиной. Именно так, — это я вывел из слов Владимирова, — нужно объяснить его грубое обращение с Крупской, его нежелание давать что-либо на суд и решение Ленина. В течение длительного отхода последнего от работы (он начался, в сущности, уже с декабря 1921 года) Сталин, по словам Ленина, «сосредоточил в качестве Генерального секретаря партии *необъятную власть*». А приобретя ее, он, очевидно, думал, что теперь, с этой вла-

---

[45] Эти строки были уже давно написаны, когда 4 июня 1955 г. Государственный Департамент США опубликовал секретный доклад, сделанный Хрущевым на XX съезде партии. Из него впервые становится известным написанное 23 декабря 1923 г. письмо Крупской к Каменеву о Сталине. В нем очень важны следующие строки, которые я цитирую по тексту, приведенному в „Le Monde" (6 июня 1956 г.):

> «Я обращаюсь к Вам и Григорию (Зиновьеву) как старым товарищам Владимира Ильича и умоляю вас защитить меня от грубых вмешательств (Сталина) в мою личную жизнь, от его подлых оскорблений и низких угроз. У меня нет ни сил, ни времени заниматься этой тупой ссорой. Я человек, мои нервы натянуты до крайности».

В том же сообщении Государственный Департамент приводит письмо Ленина к Сталину от 5 марта 1923 г., с угрозой прервать с ним всякие отношения.

стью, уже можно и не сгибаться перед обреченным на смерть человеком.

Узнал ли Ленин, что Сталин считает его окончательно выбывшим из строя? Да, узнал. *Так утверждал Владимиров* в беседе со мной в декабре 1924 года. Ленина тогда уже не было в живых. На чем покоилось его утверждение, не знаю. Владимирова я о том не расспрашивал и по ряду причин *не мог* этого делать. По его словам, Ленин сказал:

> *«Я еще не умер, а они, со Сталиным во главе, меня уже похоронили».*

При таком, неожиданно обнаружившемся, отношении Сталина, неприязнь к нему у больного Ленина естественно и сразу появилась и, под влиянием жалоб Крупской, крайне обострилась. Вероятно, эта вспыхнувшая неприязнь и вызвала у него рекомендацию снять за грубость Сталина с поста Генерального секретаря, а потом решение порвать с ним всякие личные отношения. Этого Владимиров мне не сказал. Это уже мое заключение, сделанное после прочтения т. н. «завещания» Ленина, с которым я познакомился много позднее. Но Владимиров сказал другое:

> «Владимир Ильич в личных отношениях не был злопамятным, но обида его на Сталина все же была так сильна, что *после второго приступа болезни, он Сталина уже больше видеть не хотел и не видел».*

Вот это очень важно и надлежит запомнить.

Тот же Владимиров сделал предположение, что Ленин в январе, феврале и марте 1923 года написал пять статей «директивного» характера, именно с целью показать, что его еще рано хоронить и что голова его работает превосходно. Эти статьи ему дались тяжко, с огромным трудом. Об этом есть сведения из многих источников и, в том числе, от всегда находившихся при Ленине врачей. Писать он не мог, правая рука была парализована, мог только диктовать, а к этому он не был привычен. Его смущало, что он подолгу ищет нужные ему слова, нужные формулировки мысли, а в это время машинистка молча томится бездействием и ждет от него полчаса, а иногда и более, продолжения фразы. Чтобы его не смущало присутствие машинистки, ее посадили в комнату рядом с Лениным, провели туда нечто вроде телефона и с его помощью Ленин мог, уже не спеша, диктовать свои статьи. Составление этих статей, требуя от него большого умственного напряжения, сопровождалось страшными головными болями. Чтобы уменьшить боль, ему все время клали на голову холодные компрессы.

Крупская, вероятно, следуя внушениям самого Ленина, называла его предсмертные статьи *«завещанием в подлинном смысле слова»*. Нужно думать,что они появились не только потому, что Ленин хотел показать, что рано считать его умершим, а больше всего потому, что у него было, как всю его жизнь, крепкое сознание необходимости давать партии *новые, важные директивы*, в связи с изменяющейся обстановкой в стране. Это было его *«завещанием»*, а не та характеристика нескольких наиболее ответственных партийных работников (Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова,

Троцкого и Сталина), которую неправильно назвали «завещанием».[46]

Как к предсмертным статьям Ленина отнеслись мы *в нашем кружке* (в «Лиге наблюдателей») и многие другие интеллигенты?

Ввиду того, что это несколько особый вопрос, я не говорил о нем раньше, описывая на какой критической основе создавался меморандум «О судьбе основных идей октябрьской революции». К тому же некоторые статьи Ленина появились после того, как меморандум был составлен. Посмотрим — какие же мысли, тезисы, советы, признания особенно *бросались именно нам* в глаза в последних предсмертных статьях Ленина, вызвав у одного из участников нашего кружка почти торжествующее заявление такого характера: «Господа, чего вы хотите? Ведь нельзя найти лучшего, более убедительного, самим Лениным сделанного, подтверждения, что мы *правильно оцениваем здоровое направление советского государства»*.

В доказательство, что Россия вполне ушла от идей октябрьской революции, приводились следующие цитаты из предсмертных статей Ленина,[47] казавшиеся императивно определяющими всю дальнейшую новую атмосферу страны, пережившей революцию и от нее отошедшей.

> «От всеобщей грамотности мы отстали еще очень сильно и даже прогресс по сравнению с царским временем оказался слишком медленным. Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Мы не заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи не может быть ни о какой культуре».
>
> *«Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры»*.
>
> «Мы до сих пор не выбрались из полуазиатской бескультурности».
>
> «Теперь центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную, организационную 'культурную' работу».
>
> «У нас хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не подтверждено опытом, не закреплено. Иначе и не могло быть в революционную эпоху при головокружительной быстроте развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю».
>
> «Надо вовремя взяться за ум. *Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному быстрому движению*. Надо задуматься над проверкой шагов, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность. *Вреднее всего здесь было бы спешить*. Семь раз примерь, один раз отрежь. *Лучше меньше,*

---

[46] Нельзя удержаться, чтобы не напомнить, что из указанных лиц пять были потом убиты Сталиным.

[47] Главным образом статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, но лучше». Соч., XXVII, 402—418. Ред.

да лучше. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем. Элементы знания, просвещения, обучения у нас до смешного малы по сравнению со всеми другими государствами. Надо, во-первых учиться, во-вторых — учиться, в-третьих — учиться».

«Мы должны свести наш государственный аппарат до максимальной экономии. Ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства мы получим возможность добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии».

«В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян, к которым *теперь допущены на известных условиях и 'нэпманы', т. е. буржуазия*».

«Теперь мы нашли ту степень соединения частного капитала, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которые *раньше составляли камень преткновения для многих и многих социалистов*».

Из всех приведенных цитат из статей Ленина я обращал особое внимание на последнюю. Ее содержание как будто совпадало с мыслью, высказанной мною в письме к Ленину: в понятие НЭП входит управляемый национализированный сектор, рядом с ним, допускаемый к существованию частный сектор, и все это при денежной системе, товарном производстве, товарном обращении, торговле, а не распределении товаров — это и есть *новое слово* в теории создания экономической базы социализма.

Какое общее впечатление вынесли мы в 1923 году из чтения предсмертных статей Ленина, из его «подлинного завещания»? Убеждение было таково: от всех статей веет явным концом революции, ее выдыханием. Осуждено «скоропалительно быстрое движение». Ураган промчался, бушующее море улеглось. Только теперь, после того как испробованы все революционные методы и отброшены вдохновляющие утопический максимализм идеи, открывается реальная возможность перейти к широкой *реформаторской* работе, в которой мы, конечно, должны принять участие самое горячее. Вот что заключила из предсмертных статей Ленина наша «Лига наблюдателей» и сходная с нею по настроениям интеллигенция. При обсуждении этого вопроса участник нашего кружка, указанный мною как его девятый член, сделал следующую параллель. Революция 1905—1906 гг. потрясла самодержавную власть, все же она не исчезла, продолжала существовать, но происшедшие в стране изменения были таковы, что дали возможность вести реформаторскую деятельность с надеждой, что ход дальнейших изменений приведет к радикальной трансформации власти. *Аналогичная ситуация* будто бы складывается и в 1923 г. Мы принуждены были приспосабливаться к условиям самодержавного строя. Большевистскую власть мы опрокинуть не можем, она остается, она *не наша*, не та демо-

кратическая власть, с которой мы хотели бы иметь дело, но эта власть явно меняется, *эволюционирует* к лучшему и это особенно видно из предсмертных статей Ленина.

Как о том будет сказано позднее, многое в этих статьях Ленина нами было понято *совсем не так*, как это делали его наследники, а на нечто очень важное мы совсем не обратили внимания. Вот пример. В своей статье «О нашей революции» и в конце статьи «О кооперации» [48] Ленин резко критиковал социалистов, педантов, «дураков», героев II Интернационала, твердящих по старым учебникам, что для установления социализма нужны *«объективные экономические предпосылки»*, некая предварительная *высота развития производительных сил*. Политическая победа пролетариата, согласно со старыми учебниками марксизма, должна следовать *за* предпосылками, появиться на созданной базе, а не упреждать ее появление. Этой старой теории, с которой он сам прежде постоянно носился, Ленин противопоставил диаметрально противоположную: *сначала* захват, завоевание политической власти, а *потом* уже построение «предпосылок». Мы знаем теперь, что после второй мировой войны, в завоеванной Москвой Восточной Европе и на всем азиатском Востоке (Монголии, Китае, Корее, Вьетнаме) по этому новому «методу» и начало строиться то, что стало называться социализмом. Как это и ни удивительно, но на эту новую теорию, имевшую в дальнейшем огромное *мировое значение*, — в то время когда Ленин ее формулировал, *никто из нас*, ни в «Лиге наблюдателей», ни в других интеллигентских кругах, не обратил *никакого внимания*. Впервые на «исправление» марксизма этой теорией, мне указал зам. председателя ВСНХ Г. Л. Пятаков, при одном разговоре с ним в 1926 году, а, может быть в 1927. Он полностью, разумеется, разделял новую теорию и весьма оригинально ее обосновывал. Но и тогда большого значения я ей не придал. Значит, нужно сознаться, что мы — я, как и другие меньшевики и другие интеллигенты — оказались слепыми в этом важном вопросе и стали разбираться в нем с большим опозданием (многие и до сих пор в нем не разбираются).

Есть еще и другой не менее важный вопрос, в котором интеллигенты двадцатых годов оказались снова слепыми. Ленин настойчиво обращал свой взор на движение «колониальных и полуколониальных народов». По его убеждению, ошибаются те, кто усматривает в этом *«незначительное и совершенно мирное движение»*. Он утверждал, что «в грядущих, решающих сражениях мировой революции» «движение колониальных народов сыграет *огромную роль»*. Направленное на национальное освобождение, оно обратится против капитализма и империализма». «Мы, — говорил он в июне 1921 года, — в первый раз в нашем Интернационале подошли к подготовке этой борьбы». В своей предсмертной статье «Лучше меньше, да лучше», возвращаясь к этому вопросу, Ленин писал:

> «Исход борьбы зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. д. — составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения втягива-

[48] Ленин. Соч., XXII, 391—401.

ется с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы... Окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».[49]

Огромное значение националистического движения народов Востока — Азии, Африки, арабских народов — с полной ясностью и силой обнаружилось в наше время (Конференция Бандунг). Но Ленин — нужно это признать — предощущал его уже 35 лет тому назад. Ведь первый Коминтерн им основан в 1919 году и в нем уже тогда стали появляться революционные фигуры из стран Востока — Китая, Индонезии, Кореи, Японии, Индии, Филиппин, Персии, Турции и других. Уже тогда Москва стала формировать кадры для революции на Востоке. Коммунистическая власть в Китае подготовлялась в Москве, в ней получили политическое воспитание и Хо-Ши-Мин, будущий глава коммунистического Вьетнама, и Ким, будущий правитель Северной Кореи. Это в Коминтерне, под влиянием Ленина, стала с 1919 г. укрепляться теория, что развитие отсталых восточных стран обязательно должно идти *некапиталистическим путем*.

Опять нужно сознаться, что все это прошло мимо нас и, говоря «нас», я имею в виду не один только *наш кружок* («Лигу наблюдателей»), но и другие интеллигентские некоммунистические круги Москвы. Мы прозевали огромное, нарастающее движение колониальных стран. Мы не придавали значения ни тому, что писала о том коммунистическая пресса, — а об этом вопросе она много писала, — ни тому, что на конгрессах в России, в Ленинграде, появились революционеры, говорившие от имени цветных народов. Мы даже открывали ухо для разных ходивших по Москве анекдотов о том, что в Коминтерне делегаты некоторых стран настолько дики, что, по обычаю их стран, ходят с кольцами в носу. Все наше внимание было притянуто в 20-х годах *только к Европе*. В «Лиге наблюдателей», в частности, благодаря одному из ее участников, давнему знатоку политической жизни Европы, мы были превосходно, детально осведомлены о всем, что происходило в Германии, Австрии, Франции, Англии, Бельгии, но уже о Соединенных Штатах Америки, несмотря на их роль в мировой войне, знали слабо. Соединенные Штаты казались не совсем подлинной Европой.

Два течения национальной мысли, в течение веков, существовали и боролись друг с другом в России: византийский антиевропеизм и европеизм. «Лига наблюдателей», подобно всем меньшевистским организациям, страстно тянулась к Европе и видела в ней «пуп земной». Эта склонность, тяга к Европе, заслонила у нас существование иного, не европейского, восточного и колониального мира. Участник нашего кружка, названный мной Кассандрой, не видевший ни в НЭП-е, ни в чем другом никаких данных для веры в возможность здоровой эволюции советского государства, представлял собой крайнее крыло российского европеизма. Он верил, что избав-

---

[49] Ленин. Соч., XXVII, 416—417.

ление России от советской власти принесут, подчиняясь самым идеалистическим побуждениям, немецкие социал-демократы. По его убеждению, невероятно наивному, управляемая этими социалистами Германия военной рукой непременно свергнет диктаторов Кремля и поможет установить в стране истинно-демократический строй. Походом на Россию пошли не немецкие социалисты, а Гитлер и Ко.

Второго марта 1923 г. Ленин закончил отделку своей статьи «Лучше меньше, да лучше» (о рабоче-крестьянской инспекции, т. н. «Рабкрине»), и послал ее для напечатания в «Правду». Шестого марта, составлял телеграмму для защиты Мдивани и Махарадзе от скандальных нападок на них Орджоникидзе, действующего с согласия Сталина и Дзержинского. Седьмого марта читал книгу против идеализма Л. Аксельрод и книгу Древса «Миф о Христе». О чтении им этих книг Л. И. Аксельрод слышала от Крупской, а я от Аксельрод, при встрече с ней в 1926 году. А девятого марта Ленина бьет третий удар такой силы, что превращает в полутруп. Он не может говорить, только мычит. Скрывать о болезни, как то делалось до сих пор, уже больше нельзя. И 12 марта наряду с медицинским бюллетенем о состоянии здоровья Ленина, подписанным проф. Минковским, проф. Форстером, проф. Крамером и приват-доцентом Кожевниковым, появляется правительственное сообщение. Кратко изложив, начиная с 1 мая 1922 г., ход болезни, заставившей Ленина «отойти от руководства делами Советской Республики», оно указывало, что «вследствие значительного ухудшения в состоянии здоровья Ленина» правительство признает необходимым оповещать о нем публикацией медицинских бюллетеней. Бюллетени 12 и 13 марта составлены с максимальной осторожностью в терминах. В сущности, они скрывают действительное состояние Ленина. Они говорят «о некотором ослаблении двигательных функций правой руки и ноги», о «некотором расстройстве речи». Люди все же догадываются, что это значит: Ленин разбит параличем или, как вульгарно говорили, «Ленина ударил кондрашка».

Нужно знать, что Москва 1923 года была абсолютно не похожа на привыкшую дрожать от страха, боящуюся сказать лишнее слово Москву 1953 года, которая в марте узнала, что Сталин разбит параличем. Чтобы почувствовать различие общей атмосферы, следует взять такой хороший показатель, как газеты; например, сравнить «Правду» и «Известия» за те же годы. Газеты 1923 года интересны, они живые. Они обсуждают острые вопросы. Целые страницы наполнены полемикой друг с другом ответственных руководителей советского государства и хозяйства. В статьях и в отделах печати цитируется, что пишет о СССР иностранная и эмигрантская печать — «Руль», «Последние Новости», «Социалистический Вестник». С последней ведется постоянная полемика. В газетах много интересных корреспонденций из провинции, они печатают цены всяких товаров и продуктов, дают объявления синдикатов и трестов, предлагающих и рекламирующих свои изделия. Во время праздников

Пасхи можно даже было узнать из объявлений, где и за какую цену следует приобрести «шоколадные яйца». В сравнении с печатью 1923 года, газеты 1953 года, притом выходящие в сильно уменьшенном объеме, являются мертвыми, серыми, скучными, невыносимыми листками, предназначенными для прославления Сталина и сталинизма. Такое же различие и в общей обстановке. Когда Сталина разбил паралич, никто не смел не только расспрашивать — как и при какой обстановке это произошло, а и слова сказать. Не так было в марте 1923 г. Москва загудела тогда, как разбуженный улей. Кажется, не было дома, где не говорилось о болезни Ленина. Правительственное сообщение поразило своей неожиданностью. Ведь кроме крошечной группки, никто не знал насколько опасно болен Ленин и что у него уже третий удар. Почти все, особенно те, кто совсем недавно читали его статьи, были уверены, что он по-прежнему управляет страной. Одни, — и это, конечно, партийцы и большая часть рабочих, — Ленина любили, другие не любили, но им интересовались; третьи жгуче ненавидели и все же им интересовались. Вероятно, из этой третьей группы впервые и пополз по Москве слух, что у Ленина прогрессивный паралич, явившийся следствием сифилиса. В своих воспоминаниях о Ленине, появившихся в 1933 году, в «Славоник Ревью», а позднее, в их переводе на русский язык, напечатанных в парижском журнале «Возрождение» (1950 г., десятая тетрадь), П. Б. Струве писал: «Можно сказать почти наверное, что Ленин умер от последствий сифилиса, но на мой взгляд это было во всяком случае чистой случайностью».

На чем основывал П. Б. Струве свою почти уверенность — не знаю. Могу только указать, что об этом вопросе у меня был большой разговор с М. А. Савельевым (моим ближайшим начальством). Он мне рассказал, что к предположениям и слухам о сифилисе у Ленина часть Политбюро отнеслась только как к очередной вражеской попытке его как-нибудь опозорить, но в том же Политбюро Рыков, Зиновьев, Каменев — считали, что нельзя отбрасывать эти слухи простым их отрицанием. Поэтому была образована особая тайная комиссия ЦК, которой было поручено собрать все данные по этому вопросу. В распоряжении комиссии были всякие анализы крови и пр., сделанные еще после первого удара, результаты вскрытия тела и, наконец, все, что можно было иметь для суждения: не было ли сифилиса у предков Ленина. На основании всего собранного материала комиссия убежденно пришла к выводу, что сифилиса у Ленина *не было*. Кто входил в эту комиссию, Савельев мне не указал.

Разговорами о сифилисе слухи ходившие по Москве не исчерпывались. Делая в 1923 году свой очередной обход различных отделов ВСНХ, я встретился с Г. одним из сотрудников торгового отдела. Отведя меня в сторону, он сообщил: «вот что говорят — Ленин, хоть и очнулся немного от своего удара, но считая себя безнадежно неизлечимым, решил покончить с собой и для этого попросил, чтобы ему доставили яд». На мой вопрос: к кому же Ленин обратился с этой просьбой, Г. сказал, что этого он не знает, только передает, что́ «говорят». Так как редакции всего мира самые активные акку-

муляторы всяких слухов, я нисколько не удивился, когда о том же услышал немного позднее, от *Р.*, сотрудника «Торгово-Промышленной Газеты». И опять-таки не получил объяснения: к кому же Ленин обратился с просьбой об яде, как и от кого об этом узнали. Не прошло и двух недель, как все о том же слухе мне сообщил управляющий домом, где я жил. Этот бывший офицер-кавалергард постоянно бегал с разными рапортами в жилищный отдел нашего района, льстил там начальству и, в то же время, до бешенства ненавидел «Совдепию и все ее порядки». Зная, что я на него не донесу, он сообщил о «слухе» в оригинальной свойственной его настроению форме:

«Ленин разбил, изувечил, разгромил всю Россию. Из богатой страны превратил в голодающую и нищую. И вот теперь, когда у этого преступника руки и ноги отнялись, он понял, что такое наделал. Теперь он кается, он, видите ли, просит яду с собой покончить. В этом чудовище, наконец-то, как будто, заговорила совесть».

Когда мне пришлось говорить с Рыковым, оказалось, что слух, будто Ленин просит яд, добежал и до него.

«Интересно бы знать, — говорил Рыков, — кто, с какой целью, пустил и продолжает пускать эту пакостную болтовню. Никогда Ильич не пойдет на такое малодушие. Мы все, его знающие, уверены, что с болезнью и смертью он будет, как лев, бороться до самой последней секунды. Каждый лишний час жизни Ленина нужен нам, нужен партии, стране. Мы сделаем буквально все, чтобы Ильича снова поставить на ноги. Со всех концов света привезем самых знаменитых докторов, будем лечить его и вылечим».

Действительно, для лечения Ленина приглашались отовсюду знаменитости, самые крупные иностранные доктора: профессора Форстер, Минковский, Борхард, Бумке, Клемперер, Штрюмпель, Нонке, Кепшер, Даркшевич. Среди русских врачей, принимавших наибольшее участие в лечении Ленина, иногда по целым дням и ночам около него дежуривших, были Краммер, Гетье, Елистратов, Кожевников, Осипов. Кроме них в лечении и консилиумах участвовали: Россолимо, Розанов, Левин, Бехтерев, Кроль и чуть ли не десяок других докторов. Упоминалось имя доктора Обуха и доктора Семашко, комиссара Народного Здравия, подпись которого неизменно фигурировала в бюллетенях о состоянии здоровья Ленина. Но эти два доктора-коммуниста от лечения Ленина были отстранены, о том хорошо знали в Москве. Еще при первых приступах болезни в 1922 году, Ленин категорически заявил, что не желает, чтобы его лечили доктора-коммунисты, медицинским познаниям которых он совершенно не доверяет:

«Возможно, что они умеют написать прокламацию и произнести речь на митинге, но медицинских знаний у них, конечно, нет никаких. Откуда им быть у них, когда они их не приобретали, практики не имели, а занимались политикой. Я хочу иметь дело с настоящими врачами, специалистами, а не с невеждами».

Любопытно, что в 1923 году, может быть и раньше, к московским врачам попало и стало ходить по рукам письмо Ленина к Максиму Горькому о том, у каких врачей нужно лечиться. Горький в это время уже уехал из России и вряд ли это он пустил в обращение это письмо. Уверенно объяснить, каким образом это письмо всплыло, не могу, но опираясь на тот факт, что на XIII съезде партии (в 1924 году) депутатам были даны для прочтения два письма Ленина к Горькому о религии, о «труположестве», написанные *в то же самое время*, что и письмо, которое сейчас буду цитировать, могу допустить, что оно, как и другие письма Ленина, хранилось в копиях в его архиве, из него взято и поступило в обращение. Вот это письмо:

> «Дорогой Алексей Максимович, известие, что Вас лечит новым способом большевик, хотя и бывший, меня, ей-ей, обеспокоило. Право же, в 99 случаях из ста, врачи-товарищи — *ослы*, как мне сказал хороший врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Пробовать же на себе изобретение большевика — это ужасно».

Возможно, что это письмо извлечено из архива, главным образом, с целью еще и еще раз оповестить о желании Ленина лечиться только у первоклассных докторов, но попутно оно сильно било «врачей-товарищей». При таком же отношении к ним становится понятным, что в течение месяцев около Ленина находился, например, немец — профессор Форстер, а «ослы-товарищи» к нему не допускались, что очень обижало Наркомздрава Семашко (все всё-таки знали, что в медицине он был очень слаб).

В тесной связи со слухом, будто Ленин просил доставить ему яд, не только уместно, но необходимо остановиться на том, что писал Троцкий в своей неоконченной биографии Сталина, незадолго до того, как в Мексике его прикончил альпенштоком,[50] посланный Сталиным убийца. У меня нет сейчас под рукой этой книги, сокращенные цитаты из нее я приведу из бюллетеня «Грядущая Россия», приложенного к номеру от 18 декабря 1949 г. — «Нового Русского Слова».

> «В конце февраля 1923 года, — писал Троцкий, — на собрании Политбюро, в присутствии его членов Зиновьева, Каменева и автора этих строк (т. е. Троцкого), Сталин, после того как ушел секретарь, сообщил нам, что Ленин неожиданно вызвал его к себе и попросил достать для него яд. Вспоминаю каким загадочным и странным показалось мне тогда выражение лица Сталина. Сам Сталин не высказывал своего мнения об этом требовании Ленина, он как будто ждал, что скажут об этом другие. Я видел перед собой бледного и молчаливого Каменева и ошеломленного Зиновьева, всегда терявшегося в трудные минуты. 'Мы, конечно, не должны даже обсуждать это требование! — воскликнул я. — Ленин может выздороветь'. — 'Все

---

[50] Альпеншток это палка с заостренным железным наконечником. Ред.

это я сказал ему, — ответил Сталин. — Но он ничего не хочет слушать. Старик страдает. Он сказал, что хочет иметь яд под рукой и воспользуется им, когда будет убежден, что его положение безнадежно'. Мы разошлись как бы в безмолвном согласии, что о посылке Ленину яда не может быть и речи».

«Возможно, — добавляет Троцкий, — что последовавшие затем события повлияли на некоторые подробности моих воспоминаний, хотя, как правило, я привык доверять своей памяти. Как бы то ни было, этот эпизод оставил в моем сознании неизгладимое впечатление. Поведение Сталина, все его манеры, имели странный, зловещий характер. Чего хотел тогда этот человек?»

Должен внести поправки в сообщение Троцкого. Если Сталин, по словам Владимирова, считал, что Ленину вообще капут, у него *могло* появиться желание ускорить исчезновение Ленина, а для этого подсунуть ему в руки яд. Троцкий, считая, что именно такая мысль и бродила в голове Сталина, в подтверждение своей догадки намекает, что у Сталина вообще была склонность «играть» ядом и это он отравил, т. е. приказал главе ГПУ, Ягоде, отравить М. Горького.

Сталин — одна из самых чудовищных, зловещих фигур в истории последних столетий. Став всемогущим, он был способен на все и на всякого рода преступления. Горького он все-таки не отравил, тот умер естественной смертью от многих болезней. В доказательство ссылаюсь на полное, по моему убеждению, объяснение загадочных московских процессов 1936—1938 гг., появившееся в 1953 году в приложении к № 98 (ноябрь) бюллетеня „de l'Association d'Etudes et d'Informations Politiques Internationales", издаваемом в Париже. Желание русской эмиграции замолчать этот документ и опровергнуть его объяснение вытекало из косности ее мысли, из привычки трафаретных ссылок на «экономику» на «политику» даже там, где проступает лишь патология. [51]

Главная ошибка Троцкого все же не в этой неудачной ссылке на отравление Горького. Важнее другое обстоятельство: *когда* Ленин призвал к себе Сталина и просил доставить яд? Троцкий говорит, что об этом Сталин передал Политбюро *в феврале*. Отсюда нужно думать, что в том же феврале Ленин и призывал к себе Сталина. Но как с такой просьбой, предполагающей, по словам самого Троцкого, «доверие в величайшей степени», мог Ленин в феврале обращаться к Сталину, когда он уже давно стал к нему относиться с «чрезвычайным подозрением», а за месяц до того в постскриптуме

---

[51] "Manchester Guardien", пользуясь опубликованным в США секретным докладом Хрущева, писал (№ 5, июнь), что Сталин — этот «обожествленный вождь», пораженный манией преследования был такой же сумасшедший, как Калигула или Нерон. Французский бюллетень, на который я ссылаюсь, в своем анализе кровавых чисток 1936—38 гг. и дела врачей, указывает именно Калигулу: „Un Caligula au Kremlin. Le cas pathologique de Staline". Почти все, что только теперь узнают из доклада Хрущева, было в Бюллетене опубликовано с массой подробностей еще три года назад. Можно сообщить, что все эти сведения были получены из самого Кремля, от В. Межлаука, заместителя Молотова. Межлаук был убит Ежевым — исполнителем велений «Калигулы».

«завещания» требовал удалить Сталина с поста Генерального секретаря? На этот счет Троцкий дает довольно натянутые объяснения, входить в рассмотрение которых нам совершенно не нужно, потому что есть один факт, который все утверждения Троцкого опрокидывает. Ни в феврале, ни в январе Сталин у Ленина не был: Ленин не видел Сталина и не хотел его видеть. *Свидетельство Владимирова* на этот счет совпадает со всей логикой обстановки, со всем тем, что позднее стало известным. Не видя Сталина, не призывая его к себе, Ленин не просил его принести ему яд. Этого просто не было. Значит ли это, что Троцкий, движимый вполне законной ненавистью к Сталину, изобрел, придумал рассказанную им историю?

Троцкий допускает, что «последовавшие затем события повлияли на некоторые подробности моих воспоминаний». Мне кажется — в этом все дело. Я уже указывал, что слух, будто Ленин просит доставить ему яд, гулял буквально по всей Москве. Если он дошел до Рыкова, то он добежал и до других членов Политбюро, в том числе и Троцкого, произведя на него такое же тяжелое впечатление, как и на Рыкова.

Но тот же слух, конечно, мог дойти и до Сталина, и на заседании Политбюро тот о нем говорил, как показалось Троцкому, со «странным и загадочным видом». Все это глубоко запало в его память. И так как в 1940 г., когда Троцкий писал о Сталине, уже всем было превосходно известно, что сей зверь способен на всякие убийства, Троцкий в своих воспоминаниях, без насилия над собою, без всякого желания выдумывать и лгать, невольно зарегистрировал сцену, которая вполне могла быть, но которой в действительности не было . . . Такие казусы — превращение возможного, якобы в бывшее — в воспоминаниях и в нашей умственной деятельности случаются. Судебные процессы дают массу примеров, как свидетели с полной добросовестностью утверждают, что видели, слышали то, чего на самом деле не было, что могло быть, но не случилось. Все-таки в упорстве, с каким распространялся по Москве (в разных вариациях) слух о просимом Лениным яде, была какая-то странность. Я не стал бы об этой «странности» говорить, если бы позднее несколько раз не пришлось сталкиваться с другими «шепотами», инсинуациями, злостного характера заявлениями, — видимо, кем-то дирижируемыми, кому-то нужными и выгодными. Система слухов в Москве была так распространена, что XIII партийный съезд, заседавший 23—31 мая 1924 г., счел нужным в особой резолюции выступить «против распространения непроверенных слухов, запрещенных к распространению документов и аналогичных приемов, являющихся излюбленными приемами беспринципных групп, заразившихся мелкобуржуазными настроениями». Эта резолюция составлялась Центральным Комитетом партии, главным образом, с целью ударить по «оппозиции». Фактически она била и по тем, кто в Центральном Комитете и его организациях был активным творцом всяких слухов и бумажек, пускаемых с определенной целью. Немного далее я дам один из примеров работы этой «системы».

Правительственное сообщение об опасной болезни Ленина не было в марте 1923 г. единственным событием, о котором много говори-

лось в Москве. Было еще одно, обратившее на себя весьма большое внимание, но, конечно, в сравнении с первым событием захватившее во много раз меньший круг населения.

Четырнадцатого марта, два дня после правительственного сообщения, «Правда» выпустила особый номер, посвященный 25-летию образования Коммунистической Партии, начало которой газета сочла возможным отнести к 1898 г., когда в Минске собралось несколько социал-демократов и в своем Манифесте объявили о создании соц.-дем. рабочей партии России. В этом номере выступили все знаменитости партии — Каменев, Зиновьев, Бухарин, Покровский, Троцкий, Сафаров, Сталин, Преображенский, Н. Осинский, Радек, С. Малышев, Рязанов, Бубнов, Антонов-Овсеенко, Сапронов, Кржижановский, Каганович, Демьян Бедный, Вардин, Ярославский, Яковлева, И. Степанов, Лепешинский, Эйдельман.

Ни одна статья этого выпуска не привлекла к себе такого обостренного внимания как та, что написал Радек. В те дни, встречаясь с моими знакомыми, я, после почти обязательных слов о внезапной болезни Ленина, много раз слышал такой вопрос: «А статью Радека читали? Что это значит?». Иные к этому прибавляли: «Статья Радека, да еще в этом номере, не могла появиться случайно».

Что же такое написал Радек? Чтобы понять произведенное его статьей впечатление нужно, конечно, перенестись в то время, в обстановку 1923 г. Только незнание этой обстановки, неприсутствие в ней привело к тому, что позднейшие историки и исследователи «оппозиции» не обратили на нее почти никакого внимания. В действительности же она сыграла роль масла, брошенного в тлеющий огонь, дала разжигающий толчок к той ненависти, склоке, вражде, которые пылали в коммунистической партии в конце 1923 года.

Под заголовком «Лев Троцкий — организатор победы», Радек написал самую безудержную апологию Троцкого. Кажется, никто так до этого не писал о нем. Радек говорит о Троцком как о «великом умственном авторитете», «великом представителе русской революции»; он раскрывает «тайну величия» Троцкого, его «гениальное понимание» военных вопросов, его «организаторский гений». Нет надобности и возможности привести всю статью Радека, написанную со свойственным ему синтаксическим и прочим хроманием. Приведу из нее лишь обширные выдержки.

> «Государственная машина наша скрипит и спотыкается. А что у нас вышло действительно хорошо — это Красная Армия. Создатель ее, волевой центр ее, — это тов. Л. Д. Троцкий. ... Троцкий один из *лучших писателей мирового социализма*, и ему эти литературные качества не помешали (?) быть первым вождем, первым организатором первой армии пролетариата. Перо лучшего своего публициста революция перековала в меч. ...
>
> Я не знаю, насколько перед войною т. Троцкий занимался вопросами военной теории. Я думаю, что толчок для *гениального понимания* этих вопросов он получил не из книг, а тогда, когда во время балканской войны, он, как корреспондент, при-

сматривался к этой репетиции мировой войны. . . . Одним из замечательнейших документов его понимания классового строения армии, понимания души армии, является его речь по поводу июльского наступления Керенского . . . . В этой постановке вопроса, сделанной Троцким, — вся *тайна величия* Троцкого, как организатора Красной Армии.

Ни на минуту не допуская мысли, что добровольческая армия может спасти Россию, Троцкий строил ее как аппарат нужный ему для создания новой армии. Но если в этом выражался *организаторский гений* Троцкого, смелость его мысли, то еще более яркое выражение она нашла в мужественном его подходе к идее использования военных специалистов для строения армии . . . .

Чтобы выйти практически победителем в этом вопросе нужно было, чтобы во главе армии стоял *человек с железной волей* . . . . Но т. Троцкий не только сумел, благодаря своей энергии, подчинить себе бывшее кадровое офицерство, он достиг бóльшего. Он сумел завоевать себе доверие лучших элементов специалистов и превратить их из врагов Советской России в ее убежденных сторонников . . . . Эта великая победа на внутреннем фронте, эта моральная победа над противником была не только результатом железной энергии Троцкого, внушающей всем уважение, но . . . результатом глубокой моральной силы *великого умственного, даже военного авторитета*, который умел завоевать себе этот социалистический писатель и трибун . . . . Русская революция действовала тут через мозг, нервную систему и сердце этого *великого своего представителя* . . . . Только человек так работающий как Троцкий, только человек так не щадивший себя как Троцкий . . . . мог сделаться *знаменосцем вооруженного трудового народа* . . . . Он, как никто, умел применять науку о значении моральных факторов в войне . . . .

Если наша партия войдет в историю как первая партия пролетариата, которая сумела построить великую армию, то эта *блестящая страница русской революции будет навсегда связана с именем Льва Давидовича Троцкого*, как человека, труд и дело которого будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира». [52]

Зная, что произошло потом, т. е. когда в течение десятилетий остервенело делалось все, чтобы, опозорив, вычеркнуть из истории само имя Троцкого, — строки Радека, — особенно последние, звучат трагической иронией. Но не будем забегать в позднейшее время, останемся в 1923 году и спросим: почему многих так поразила статья Радека и почему другие о ней отзывались с такой злобой? Вдумаемся в ее содержание. Троцкий был известен как человек, сыгравший огромную роль в октябрьской революции, следовательно, и в создании Советской Республики. Но Радек пошел дальше этого, он

---

[52] Правда, № 56, 14 марта 1923, стр. 4. Курсив автора. Ред.

указывает на Троцкого как на организатора Красной Армии, организатора ее побед над всеми врагами Советской страны, в сущности, делает из Троцкого спасителя страны. В специальном номере «Правды», посвященном 25-летию партии, о Ленине говорится немного, зато Троцкий, статья которого помещена в том же номере, поставлен на высочайший пьедестал. Радек как будто хочет показать, — так его и поняли многие, — насколько Троцкий возвышается над всеми другими руководителями партии. И подобное возвеличение появляется именно в момент, когда правительственное сообщение, говоря об опасной болезни Ленина, дает понять, что от руководства партией и страной Ленин отошел. Отсюда лишь небольшой шаг до слуха, что незадолго до третьего удара Ленин оставил какое-то обращение к партии, в котором на роль своего заместителя выдвинул Троцкого. В этом выдвижении Троцкого на вакантное место после ухода Ленина видят весь смысл его статьи. Слух о заместительстве Троцким Ленина держался упорно в среде, главным образом, низовой части партии, — той, которая была далека от ее командующей верхушки. Max Eastmann, бывший в это время в России, его подхватил и говорит о нем в своей книжке „Since Lenin Died", появившейся в 1925 г. Если бы такого слуха не было, Крупской незачем было бы его опровергать в своем письме в „Sunday Worker'", копия которого помещена ею в октябре в № 16 «Большевика» за 1925 г.

Возвеличение Троцкого, сделанное Радеком, усиливается следующим обстоятельством. Месяц спустя, в апреле, происходит XII съезд партии, на котором Ленин, разумеется, не присутствует. Троцкий делает на нем не отчетный, а, по его словам, «директивный» доклад о промышленности. Подавляющая часть делегатов съезда его встречает и после доклада провожает такой овацией, что в президиуме съезда считают ее просто «неприличной». По мнению Ворошилова, подобной овацией можно встречать только Ленина, а не Троцкого. Очень много на съезде аплодируют Зиновьеву (слабо Сталину), но совсем не так как Троцкому. Известно, что Троцкий талантливый литератор и в в этом отношении, конечно, выше всех остальных писателей партии, — был большой мастер ударных словечек, вроде «Волга-честная советская река», «грызите гранит науки молодыми зубами», «подымайте технику до высот коммунистической партийности», «советская копеечка социалистический рубль бережет» и т. д. На этот раз в содержательный, блестяще сказанный, доклад он бросает социально-экономический термин, делающийся немедленно популярным и общепризнанным: «Ножницы». Советскую экономическую ткань опасно и безобразно режут «ножницы». «Ножницы» — это представленная Троцким диаграмма, весьма выразительно показывающая, как взлетели и высоко взлетают промышленные цены и, в противоположность им, как падают, снижаются сельскохозяйственные цены, создавая разрыв между городом и деревней. О докладе Троцкого много говорят. Еще бы! Он указал на важнейший вопрос. Его «ножницы» у всех на устах. Большое впечатление от директивного доклада, соединяясь с тем, что о гениальности Троцкого и его выдающихся военных заслугах написал Радек, приводит многих провинциальных делегатов к вы-

воду, что теперь, когда у руля нет Ленина, блестящий и талантливый Троцкий наверное получит большое влияние и в Совнаркоме, и в Политбюро. Словом, опять какой-то подход к тому слуху, что Ленин хотел выдвинуть Троцкого в качестве своего заместителя. Самым настойчивым образом указываю, что такого рода мысли бродили в голове у некоторых делегатов съезда. Об этом слышал из разных источников, но разговоры об этом, за которыми видели поползновение Троцкого подняться над другими членами Политбюро, вызывали крайнее раздражение у Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Сталина, Томского, Калинина. В нашем кружке («Лиге наблюдателей») мы были прекрасно осведомлены, что всякой попытке Троцкого высоко «взлететь», члены Политбюро дадут решительный отпор. Сведения о том ко мне поступали из разговоров с коммунистами ВСНХ, другой участник «Лиги наблюдателей» имел их от коммунистов Госплана, третий участник кружка постоянно имел груду всяческих сведений от своего близкого знакомого Рязанова, директора Института Маркса и Энгельса. Против Троцкого и статьи о нем Радека была особенно озлоблена группа, которую я назову — «Сталин, Ворошилов и Ко» (потом будет ясно, почему я выделяю этих лиц в особую группу). Сталин назвал статью Радека «идиотской болтовней» и неоднократно заявлял, что нельзя серьезно относиться к Радеку. «Не язык подчинен ему, а он языку». Радек — «это человек, которому дан язык не для того, чтобы управлять им, а для того, чтобы самому подчиняться своему языку, не зная, когда и что сболтнет этот язык». С такой же злобой отнесся к Радеку и его статье Ворошилов. В 1923 г. он был командующим Северо-Кавказским военным округом. На XII съезде фигурировал как делегат от организаций Северного Кавказа и в качестве почетной фигуры находился в составе президиума съезда. Когда на съезде появился Троцкий (Лев Давидович) в сопровождении Радека, Ворошилов с насмешкой крикнул: «Вот идет лев, а за ним его хвост!»

Остроумный и находчивый Радек через несколько минут ответил Ворошилову неприличным четверостишием, облетевшим всех делегатов съезда и потом ходившим по Москве:

У Ворошилова тупая голова
Все мысли в кучу свалены
И лучше быть хвостом у льва
Чем жопою у Сталина.

Почему Сталину, Ворошилову и Ко более чем другим была так ненавистна статья Радека? В нашем кружке мы имели на этот счет полное объяснение. Ленин, указывая на роль специалистов вообще, заявил в марте 1920 г., что

«если наша Красная Армия одержала победы, то это потому, что мы эту задачу (вопрос о специалистах) сумели решить по отношению к Красной Армии. Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, но десятки тысяч нам служат, [53] оставаясь сторонниками буржуа-

зии, *и без них Красной Армии не было бы.* Когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную Армию, то получилась партизанщина, разброд, получилось то, что мы имели 10—12 миллионов штыков (??), но ни одной годной к войне дивизии не было, и мы были неспособны миллионами штыков бороться с ничтожной армией белых».

Значение военных специалистов Троцкий понимал и признавал, конечно, не менее Ленина и на посту главнокомандующего Красной Армией действительно сделал все, чтобы привлечь для формирования новой армии опытных специалистов царской армии. Так как эти вопросы мне чужды, я не буду останавливаться на стратегических и военных ошибках, которые (о чем в 1924 г. и позднее твердили партийные ненавистники Троцкого) он делал в гражданской войне с Колчаком и Деникиным. Объективно к нему относясь, нужно признать, что часть того, что о нем написал в своей статье Радек, была все-таки верна. От генерал-лейтенанта Литвинова я слышал величайшую похвалу Троцкому. По его словам, у того все данные, чтобы быть «большим настоящим военачальником», и Литвинов добавлял, что это не его личное мнение, а — почти без исключения всех генералов и специалистов штаба Троцкого, людей с ним близко работающих. Такой же отзыв давал о Троцком другой мне знакомый генерал, Фролов. Именно с этим и не соглашалась та особая группа коммунистов, которая, занимая командные посты во время гражданской войны, абсолютно не признавала специалистов царской армии, называла их всех врагами и изменниками, ни в какую их военную науку не верила и считала, что для побед нужен лишь пролетарский напор, смелость, классовая ненависть к врагу. «Дайте побольше пушек и пулеметов и мы всех врагов победим».

В 1918 году к таким военным вождям принадлежали: Сталин, бывший слесарь Ворошилов, бывший портной Щаденко, фельдфебель царской армии Буденный и десятки других коммунистов, так называемых «боевиков-партизанов». На этой почве, даже вне зависимости от других причин, их столкновение с Троцким, с его признанием военной науки и военных специалистов, было неизбежно. То, что из этого получилось, можно показать на примере событий у Царицына (будущий Сталинград). Чтобы защитить Царицын от казаков генерала Краснова сюда приехал Сталин и сюда же Ворошилов привел «красные отряды», сформированные из рабочих Донецкого бассейна. У меня были в 1918 г. особые причины интересоваться тем, что делается в Царицыне: по приказу Сталина, там был расстрелян Алексеев — брат моей жены (сын ее матери от первого брака). Их мать Олимпиада Григорьевна Алексеева была очень известная народница, судившаяся в конце 70-х годов по «делу 193». Накануне отъезда в Царицын Алексеев был принят Лениным, знавшим его как сына этой старой народницы. Почему Алексеев был принят Лениным, о чем они говорили, — ни я, ни моя жена не могли установить; известно только, что вскоре после приезда Алексе-

---

[53] В Красной Армии, как сообщил Троцкий Ленину, служило 30 000 офицеров царской армии.

ева в Царицын, он и десятка два офицеров были обвинены в заговоре против советской власти и, по приказу Сталина, расстреляны. Ленин, узнав об аресте Алексеева, телеграммой приказал перевести его в Москву для допросов. Сталин этого приказа не послушался, сообщив, что он пришел с запозданием. Вместе с Алексеевым были расстреляны два его сына — шестнадцатилетний Муся и четырнадцатилетний Паня. Этот мальчик страстно увлекался нумизматикой и чисто по-детски никогда не расставался со своим ящиком с монетами разных эпох. Чекисты Сталина, найдя у него этот ящичек, решили, что он перевозит «золото» к казакам Краснова, и на этом основании подлежит казни. Солдаты, которым было приказано прикончить обоих мальчуганов, не хотели в них стрелять, и сделали это лишь после того, как их уверили, что оба юноши, якобы, адъютанты «известного белогвардейского генерала Алексеева». Привожу этот факт для характеристики атмосферы, которую создал в Царицыне Сталин. В качестве верховного начальника Царицынского фронта Сталин и назначенный им командующим войсками Ворошилов совершенно не считались с приказами Троцкого. Штабных офицеров, присланных Троцким, Сталин арестовал и посадил в тюрьму на барже, стоявшей на Волге, заявив, что в советах специалистов не нуждается. Лишь после нескольких настойчивых телеграмм Троцкого Сталин освободил из-под ареста этих офицеров. Обращение с ними было таково, что один из них, особенно озлобленный за испытанные унижения (полковник Носович), будучи переведенным из Царицына в Козлов, перебежал в лагерь белых.

Сталин и им поддерживаемый Ворошилов не только не считались с военными приказами Троцкого, но посылали в Москву дерзкие жалобы, обвинения, что Троцкий, якобы умышленно, не посылает на Царицынский фронт нужное вооружение. Тогда Троцкий, обращаясь к Ленину, поставил ультиматум: убрать из Царицына Сталина, и Ленин с этим согласился. А после этого Троцкий приказал и Ворошилову покинуть Царицын. С этого момента эти оба «полководца» затаили лютую ненависть к Троцкому и столкновения с ним продолжались у них потом и на других фронтах. (Позднее, после смерти Ленина, Царицын был представлен как место, где впервые обнаружился «военный гений» Сталина. В честь его Царицын и был переименован в Сталинград, а Алчеевка — место рождения другого сталинградского «героя», Ворошилова, сделалась городом Ворошиловском). Из очень кратко рассказанной мною истории столкновения Сталина и Ворошилова с Троцким можно понять, откуда то озлобление, с каким они реагировали на статью Радека. Стоит добавить, что уже в том же номере, где она появилась, статья Сталина о стратегии и тактике пускала злую шпильку по адресу Троцкого как главнокомандующего. Не называя его, Сталин писал о полной негодности стратегического плана, который Троцкий предлагал в борьбе против Денинкина. Озлобление против Радека высказывали не только Сталин и Ворошилов, но и некоторые другие коммунисты-полководцы, члены революционных комитетов на фронтах и политические комиссары. У них был большой зуб против Троцкого. Он требовал неукоснительного выполнения его военных

приказов, а они на это шли с неохотой. В его обращении с ними несомненно проявлялась большая *надменность*, вызывавшая у них отпор и насмешливое наименование его «Наполеоном»; их раздражение усиливалось его помпезным появлением на фронтах в особом поезде, полном удобств, и его большой любовью к позе.

Из сказанного выше можно вывести некоторое заключение, которое я и некоторые мои знакомые считали в 1923 году крайне важным. Столь же важным я продолжаю его считать и в настоящее время. В самом деле, перечислю то, что произошло в марте и апреле 1923 г. Во-первых, — все узнали, что Ленин очень болен и от руководства страною отошел. Во-вторых, — напечатана нашумевшая статья Радека о гениальности Троцкого. В-третьих, — откуда-то пошел слух, что Ленин рекомендовал Троцкого в качестве своего заместителя. В-четвертых, — произошла восторженная овация по адресу Троцкого в апреле на XII съезде партии. В-пятых, — его талантливый доклад о промышленности и «ножницах» привлек к себе огромное внимание. Картинно говоря, фигура Троцкого, как звезда с усиленным особым блеском, ярким светом зажглась на «советском небе». И появление этой «звезды», — что можно констатировать совершенно бесспорно, — вызвало озлобление у *большинства верхушки партии*, у членов Политбюро, у группы Сталин—Ворошилов и Ко. Никакой «оппозиции», лидером которой позднее стал Троцкий, в эти месяцы тогда *еще не было*. Эта оппозиция появилась лишь много месяцев позднее, в конце 1923 г. Озлобление против Троцкого, желание уменьшить его возросшую популярность, ударить по нем, начать борьбу с ним, сдернуть его с той высоть, на которую его поставили Радек, низовая часть партии и значительная часть делегатов XII съезда, — все это обнаружилось *до появления будущей троцкистской оппозиции*, а не было ее следствием. В комплексе антитроцкизма в марте и апреле 1923 г. играл грандиозную роль личный момент: и ненависть, и зависть, и нежелание диадохов из Политбюро уступить Троцкому что-либо из «наследства» Ленина. Что это так, о том свидетельствует подпольная борьба с Троцким, начавшаяся уже с мая месяца, то есть (опять подчеркиваю) *еще до появления так называемой «оппозиции»*. В мае один из моих коллег-сотрудников «Торгово-Промышленной Газеты» показал мне листок, напечатанный с помощью чего-то вроде гектографа, с текстом из четко сделанных букв. На листке было заглавие: «Маленькая биография большого человека» и дальше в насмешливом тоне шла речь о Троцком, считающим себя очень «большим человеком» и «старым большевиком». Когда, спрашивал листок, Троцкий стал большевиком? — Только в 1917 г. накануне октябрьской революции, то есть, — многозначительно прибавлял листок, — когда никто уже не мог сомневаться, что она будет победоносной. Кем до этого был Троцкий? — В течение 14 лет он был меньшевиком и постоянно сражался с большевиками. Его большевистское бытие измеряется неполными 6 годами, а меньшевистское бытие 14 годами. Следовательно, правильнее считать его старым меньшевиком, а не старым большевиком. Что делал Троцкий, вступив в большевистскую партию? — Листок в язвительных выражениях указывал,

что Троцкий много раз выступал против Ленина, то есть сражался с большевизмом. Отсюда призыв листка: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!»

Издевательский листок о Троцком меня возмутил. Зачем эта странная подпольная литература, когда для критики Троцкого открыты страницы «Правды» и всех советских газет? Я показал листок моему ближайшему начальству, М. А. Савельеву. Он покраснел и не промолвил ни одного слова осуждения. Мне показалось, что появление листка его не удивило. Сам Савельев был послушным исполнителем всего, что декретировал тогдашний Центральный Комитет партии и, как следствие этого, был и должен был быть «антитроцкистом». Оказалось, что подпольная литература против Троцкого одним указанным листком не ограничилась. В июне того же 1923 г. я проводил свой отпуск в Ессентуках на Северном Кавказе. В гостинице напротив грязелечебницы, в которой я жил, в это же время жила и Любовь Исааковна Аксельрод-Ортодокс. Она была соратницей, ученицей Плеханова, меньшевичкой, но потому что в философии была «Ортодоксом», то есть, так же как и Ленин, защитницей «диалектического материализма», ее авторитет в этой области в течение первых лет после октябрьской революции был очень велик. Желая углубить с ее помощью познание философского материализма, Аксельрод часто навещали местные кавказские коммунисты — из Моздока, Армавира, Кисловодска, Ставрополя — и однажды ей кто-то из них принес произведение, подобное тому, что я уже видел в Москве. Аксельрод мне рассказала его содержание. Под заглавием «Что писал и думал Ильич о Троцком», было собрано все самое ругательное, самое презрительное, что с 1904 г. о нем напечатал Ленин. Сопоставление этого листка с тем, что я уже видел, не оставляло никакого сомнения, что такого рода произведение не есть какая-то случайность, а результат систематической кампании против Троцкого, ведущейся, до поры до времени, под закрытым забралом.

Кто же занимался, кто руководил, этим *«совлечением одежд»* с Троцкого, как выразился один из его единомышленников — Преображенский? Об этой подпольной анонимной литературе не было сказано ни одного слова в большевистской прессе. О ней не было принято говорить. Троцкисты презрительно называли ее «клозетной литературой». Один из них в 1924 г. мне сказал, что ее составлял и пускал в обращение Товстуха, личный секретарь Сталина. Насколько это верно, судить не могу, но еще раз обращаю внимание, что литература, рассчитанная на дискредитирование Троцкого, появилась до того, как он выступил в качестве главного лидера «оппозиции» осенью и в конце 1923 г. Об образовании этой оппозиции я буду говорить немного дальше, а перед тем перейду к одному событию, происшедшему той же осенью 1923 г.

С умолчанием самого существенного характера, ему посвящено несколько строк в статье о «Последнем периоде работ Ленина», появившейся в № 4 «Исторического Вестника» за 1945 г. Других более ранних указаний на это событие лично я в советской печати не помню. Указанная статья написана Л. А. Фотиевой, главной и очень

им ценимой секретаршей Ленина во время его пребывания на посту председателя Совета Народных Комиссаров. После смерти Ленина она немедленно утратила свое значение, а потом о ней, как о множестве других лиц, совсем перестали упоминать. Ее фамилия, рядом с 137 другими, самыми старыми, еще живыми членами коммунистической партии (Фотиева вступила в нее в 1904 г.), снова появилась лишь 10 марта 1956 г. в «Правде» в приветствии указанных лиц, адресованном «Ленинскому Центральному Комитету», то есть комитету Хрущева—Булганина.

Я не уверен, что Фотиева это сделает, но когда Сталина уже нет и идол повержен, было бы желательно, чтобы она сделала исправления и добавления в своем сообщении 1945 года. Вот что она тогда писала:

> «19 октября 1923 г., выйдя на прогулку, Владимир Ильич Ленин неожиданно зашел в гараж и потребовал, чтобы его отвезли в Москву. Приехав в Кремль, зашел к себе на квартиру, заглянул в зал заседаний, в свой кабинет, спустился с лестницы, сел в машину, проехал по Сельскохозяйственной выставке в Парке Культуры и Отдыха и вернулся в Горки. Эту поездку он совершил вместе с Надеждой Константиновной [Крупской] и Марией Ильинишной. Это была последняя поездка Владимира Ильича».

В четвертом издании сочинений Ленина (том 33, вышедший в 1950 году, стр. 500) сообщение об этом событии еще короче: в «октябре, 19-го, Ленин приезжает в Москву на несколько часов, заходит в свой кабинет, на обратном пути в Горки посещает Сельскохозяйственную выставку».

Сведения, которыми я располагаю, эту поездку изображают в ином виде. В сообщении Фотиевой многого недостает. Не верится, что она об этом важном не знала. Пользуясь данными, полученными мною из одного и того же источника (я потом укажу его), но в несколько противоречивых версиях, я попробую, устраняя противоречия, рассказать возможно полнее, что произошло 19 октября.

«Правда» (9 октября 1923 г.) сообщала, что Молотов, присутствуя на курсах секретарей уездных комитетов партии, на вопрос, в каком состоянии находится сейчас здоровье Ленина, дал следующий ответ:

> «Здоровье Владимира Ильича летом было в очень тяжелом состоянии. Эти месяцы были месяцами острой тревоги как для лечивших тов. Ленина врачей, так и для ЦК нашей партии, но за последние два месяца произошло несомненно значительное улучшение. Тов. Ленин начал сам [?] ходить, совершать поездки на автомобиле по часу и больше, а в самый последний месяц, хотя и медленно, начала восстанавливаться его речь. Принятые меры дали, таким образом, удовлетворительные результаты, улучшение определенно обозначилось и общее состояние здоровья можно считать удовлетворительным. Главное затруднение в области восстановления речи. Но при помощи врачей и окружающих его родных, главным образом

Н. К. Крупской, тов. Ленин работает над собою и овладевает речью. Тов. Ленин интересуется вопросами политической жизни и уже раньше с разрешения врачей он начал читать газеты. Самостоятельность и самодеятельность тов. Ленина идут вперед (ужасный язык! — Н. В.) и мы надеемся, что они скоро приведут его к полному выздоровлению».

Живучесть Ленина, изумлявшая его врачей, была феноменальна. Вскрытие черепа после смерти показало, что головной мозг его от недостаточного притока крови, сужений артерий, общего склероза сосудов — был поражен очагами размягчений. Сталин острым нюхом животного верно учуял, что «Ленину капут». И все-таки были месяцы, когда казалось, что Ленин на пути к выздоровлению. Таковыми, например, были сентябрь и октябрь 1923 г. Он мог ходить, опираясь на палку, упражнялся в писании левой рукой (правая оставалась парализованной), у него был превосходный аппетит. Способность речи, одно время полностью исчезнувшая, начала хорошо возвращаться именно в октябре. Он ежедневно имел перед собою газеты, часть их читал, а в другой части указывал какие статьи ему должны прочитать. Среди вопросов, его интересовавших, была Сельскохозяйственная выставка в Москве. Ее хотели открыть еще в конце 1922 г. и тогда, за месяц до второго припадка паралича, он написал ей приветствие. Его можно найти в томе 35-м, четвертого издания его сочинений, кстати сказать, насквозь сталинизированном, полном вставок, прославляющих Сталина.

«Придаю, — писал Ленин, — очень большое значение выставке: уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха».

Эта выставка, не организованная вследствие разных препятствий в 1922 г. открылась 19 августа 1923 года. За всем, что о ней сообщалось в советской печати, Ленин внимательно следил. Доктору Гетье Крупская объяснила, чем вызывается его интерес к выставке. «Прочитайте 'Странички из дневника', написанные 4 января 1923 г.,— говорила она, — увидите, что Ленин хотел, чтобы город неизмеримо больше, чем в царское время, давал деревне знаний, культуры, больше оказывал помощь. Нужно во много раз увеличить общение города с деревней».

Сельскохозяйственная выставка, отвечая заданию укрепить, расширить общение города и деревни, была организована под лозунгом, как говорили тогда, — «смычки города с деревней». Я был на этой выставке три раза и нашел, что она очень удачна и полезна. Со всех сторон России в нее привозились крестьяне и их знакомили с тем, что город может дать деревне, чтобы способствовать превращению ее в «новую» деревню. На выставке было, конечно, много разных политических митингов, но еще более деловых, практического характера, лекций и демонстраций. Все время организовывались, так называемые «дни»: день урожая, агрономической помощи, опытного дела, кустарной промышленности, коневодства, холодильного дела, мелкого животноводства, пчеловодства, строительства, водоснабжения и т. д. Во всех этих областях указывалось, что

нужно деревне и чем и как ей может помочь город. Большевики той же осенью носились с идеей образовать, подчиненный им, «Международный крестьянский союз». Из этой затеи, в конечном счете, как известно, ничего не вышло, но за пробу такой организации большевики взялись рьяно и в октябре, во время выставки, собрали, так называемых, крестьянских делегатов из разных стран: Польши, Чехословакии, Франции, Германии, Соед. Штатов, Мексики и т. д. На одном из заседаний этой «международной крестьянской конференции», имеющей целью поведать крестьянам всего мира о безнадежности их положения в капиталистических странах, председатель Коминтерна Зиновьев сделал следующее заявление [«Правда» от 16 октября 1923 г.]:

> «Наш учитель т. Ленин, который все еще не вполне оправился от болезни, однако, получил уже в последнее время возможность знакомиться с политическими событиями, проявляет особый интерес к этому съезду крестьян. Я получил точные сведения относительно того, что составом съезда, его характером и прочими явлениями, которые имеются в газетах относительно этого съезда, т. Ленин интересовался в первую очередь. Если у нас есть человек, который имеет особенно острый глаз относительно того, чтобы из вороха событий выбрать самое главное, которое является узловым пунктом в партии, — так это Владимир Ильич Ленин».

Итак, Ленин очень интересовался сельскохозяйственной выставкой, и, одновременно, конференцией «представителей иностранных крестьян, постоянно посещающих эту выставку. Ленин знал, что 21 октября в 12 часов дня сельскохозяйственная выставка будет закрыта на торжественном заседании, в котором примут участие ее организаторы, представители Коминтерна, Наркомзема, ВЦСПС, ВСНХ и международного крестьянского съезда. Желание побывать на выставке, хотя бы мельком на нее взглянуть, пока она еще не закрыта, у него было так сильно, что 19 октября, зайдя в автомобильный гараж и встретив там шофера, он приказал ему везти себя из Горок в Москву. Шоферу потихоньку удается известить о требовании Ленина Крупскую и М. И. Ульянову. Те прибегают, умоляют Ленина не делать этой поездки, она может быть для него вредна, но Ленин неумолим, он непременно хочет взглянуть на выставку и побывать в Кремле. Видя, что убеждения на Ленина не действуют, что он раздражается, начинает нервничать, а это для него опасно, Крупская и М. И. Ульянова садятся с ним в автомобиль. Это одна версия. По другой, вместе с ним едет один из докторов, постоянно находившихся в Горках. Всю дорогу Ленин подгоняет шофера: «Скорей, скорей!», чего прежде он никогда не делал. Из заметки Фотиевой следует, что Ленин сначала поехал в Кремль, а потом на сельскохозяйственную выставку. Но если Ленину так хотелось посмотреть выставку, зачем ему было ехать сначала в Кремль, когда выставка находилась на пути к Кремлю? Из Горок дорога приводила к предместью Москвы, к так называемым «Котлам», потом к Шабаловской улице, проехав по которой автомобиль выезжал к улице налево — Крымский Вал — находящейся уже на террито-

рии самой выставки, перерезающей ее. При взгляде на план Москвы (кстати сказать, переставший, как было при Сталине, быть секретом) будет совершенно ясно, что, желая в первую очередь взглянуть на выставку, Ленину никак не нужно было ехать сначала в Кремль, то есть мимо нее.

Что делал Ленин, приехав в Кремль? По словам Фотиевой, он зашел сначала к себе на квартиру, а потом в зал заседаний и свой кабинет Совнаркома. У меня другие сведения, как раз обратные. После зала заседаний Ленин пришел в свою квартиру и там *долго* искал какую-то вещь, написанную им до третьего удара и оставшуюся в его кремлевской квартире, когда его на носилках перевезли в Горки. Хранимые им бумаги Ленин никому не позволял трогать. В 1922 г., уехав в Горки, он потребовал от Фотиевой (она о том пишет) «запереть ящики его стола в кабинете и ничего там не разбирать». Такие же порядки он установил и в своей квартире. Никто, в том числе и Крупская, не должен ни брать, ни перекладывать его заметки и всякие другие документы. Он говорил, что только при этом условии он всегда легко и быстро находит нужные ему вещи в груде всяких им хранимых бумаг и документов. О существовании у Ленина такого правила я знал еще в 1904 г. в Женеве. Приехав из Горок в Кремль, Ленин нашел, что установленный им порядок кем-то нарушен. Искомая им вещь там, где он рассчитывал ее найти, не оказалась. Ленин пришел от этого в сильное раздражение, начал хрипеть, у него появились конвульсии. Испуганные Крупская и Ульянова, может быть с чьей-то помощью, свели его вниз, посадили в автомобиль и привезли в Горки. После этого несколько дней он находился в самом тяжелом болезненном состоянии. Восстанавливающаяся способность речи снова исчезла (правда, не надолго). Врачи изумлялись — почему прервалось выздоровление, которое до 19 октября шло так успешно? Что случилось 19 октября? Произошло ли ухудшение от самой поездки в Москву, от волнения при посещении выставки или от чего-то другого? М. И. Ульянова, — я уже говорил, — не была лживой, искусством скрытничать совсем не обладала. Докторам или доктору, поставившему ей только что указанные вопросы, она откровенно рассказала, что все шло как будто хорошо до того момента, когда, начав искать нужную ему вещь, Ленин, не находя ее, стал волноваться, раздражаться, а потом вдруг объявил, что вещь у него украдена. Это тогда его стали передергивать конвульсии и он стал совсем терять способность речи. Как фамилия докторов или доктора, с которым говорила М. И. Ульянова? Это мог быть доктор Осипов, доктор Елистратов, Кожевников, Крамер. Докторов при Ленине, и его посещавших, было много. Я думаю (об этом ниже), что это был Крамер, подписывавший бюллетени о болезни Ленина, очень к нему, как то знали Крупская и М. И. Ульянова, расположенный и превосходно осведомленный о всем, что происходило с Лениным и около него. И вот что интересно: через несколько дней после разговора с ним М. И. Ульяновой, Крупская вызвала его к себе и очень недовольным тоном заявила, что М. И. неверно передала ему о случившемся.

«Владимир Ильич болен, он может несколько в искаженном виде представлять себе некоторые явления. На слова его в этом состоянии полагаться нельзя. Я не хочу, чтобы разнесся слух, будто какие-то документы, рукописи, письма у Владимира Ильича украдены. Такой слух может принести только *большие неприятности* и создать совершенно ненужные разговоры и подозрения. Очень прошу забыть все то, что вам говорила Мария Ильинишна. Она, с своей етороны, вас тоже об этом просит и потому возобновлять с ней разговор на эту тему не нужно».

То, что я написал (с удалением нескольких противоречий), получено мною от одного лица, которое назову Иксом.[54] Икс был активным участником «Лиги наблюдателей». Кстати сказать, это он шутя дал нашему кружку такое название. Теперь, составляя эти воспоминания, хотелось бы представить факты прошлого, все, что слышал и видел, с максимумом мельчайших подробностей. Но тогда, тридцать два или тридцать четыре года назад, ни о какой записи слышанного я абсолютно не думал. Даже мысль о том в голову не приходила. Очень часто многое слышанное, как говорится, в одно ухо влетало, а из другого вылетало. Я с интересом слушал рассказ Икса, но не помню, — этого видимо не было, — чтобы я его расспрашивал о всем, что относится к поездке Ленина из Горок в Москву. Поэтому есть пункты для меня теперь темные. Смутно помню, что он в качестве своих информаторов называл Крамера и Кожевникокова, но Икс легко мог назвать и другие фамилии, так как по роду своей деятельности был знаком со всеми врачами, находившимися при Ленине. Вот на чем основываю предположение, что главным его информатором в этом деле был Крамер. В 1927 году я сильно болел и для лечения решил обратиться к профессору Крамеру. Попасть к нему на прием было крайне трудно. Для этого иногда нужно было ждать очереди недели три. Икс (В. Н. Малянтович) мне дал к нему записку и я был принят Крамером немедленно вне всякой очереди. Когда я удивился эффекту письма Икса, тот мне сказал: «Ничего удивительного в этом нет, мы с Крамером большие друзья и постоянно встречаемся».

Встает вопрос — что это за документы, исчезнувшие у Ленина? Может быть, никакой кражи на самом деле не было, а ее, по словам Крупской, создало воображение больного Ленина?

Вот ответ.

Летом 1930 года, я был тогда редактором органа торгового представительства СССР в Париже „La vie Économique des Soviets“, ко мне пришел Икс, неожиданно приехавший на короткое время во Францию. Само собою разумеется, у нас начался многочасовой разговор о том, что делается в России. Власть тогда уже полностью попала в руки Сталина. Шла бешеная ставка на сверхиндустриализацию, уже проводилась ужасная насильственная коллективизация деревни, интеллигенция была придушена и терроризирована. Мы

---

[54] См. Приложение.

с Иксом с горечью вспоминали наши беседы в «Лиге наблюдателей», наши оптимистические расчеты, наши надежды на здоровую эволюцию советского государства. Все оказалось битым, все — только иллюзией. Икс, с мрачным предчувствием надвигающегося на Россию кошмара, уезжал туда обратно, а я после разговора с ним в первый раз подумал о переходе в эмиграцию. Конечно, я расспрашивал Икса, что случилось вообще с нашими знакомыми и, в частности, какую позицию в отношении Сталина занимают знакомые мне коммунисты. Спросил и о Крупской, вдове Ленина, как она себя ведет при диктатуре того самого Сталина, которого Ленин требовал удалить с поста генерального секретаря.

—Что делает Крупская? — бросил мне в ответ Икс. — Молчит, унижается. Ни одного слова протеста, хотя то, что делает Сталин, совершенно расходится с тем, чему в последнее время поучал Ленин. Но что можете ожидать от Крупской, этой скверной особы. *Вы же знаете*, я вам рассказывал, что Сталин выкрал из квартиры Ленина весьма неприятную вещь, написанную о нем Лениным, а Крупская, боясь мести Сталина, сделала все, чтобы замять, похоронить эту историю, чтобы никто и никогда о ней не говорил. Сталин за это сделал ее членом Центрального Комитета партии. *Вы же знаете*.

В том-то и дело, что я теперь не могу сказать, что знаю все. Весьма возможно, даже вероятно, Икс мне подробно рассказывал об этом деле, но, по тем или иным причинам, на часть я не обратил внимания, а кое-что просто забыл и никакими усилиями памяти это забытое поднять не могу. Во всяком случае последняя поездка Ленина в Москву не является столь простой, какой она представляется в рассказе Фотиевой.

Вот что нужно добавить к сказанному.

Из письма Крупской, которое цитировал в своем секретном докладе Хрущев и на которое я ссылался выше, [55] видно, что Сталин не только ругал Крупскую, но ей *чем-то угрожал*. Умоляя Каменева и Зиновьева, стоявших тогда на самом верху власти, защитить ее от Сталина, Крупская явно боялась Сталина. В октябре 1923 г. она, конечно, превосходно знала, что какой-то документ, какая-то вещь исчезла из кабинета Ленина. У нее были всякие основания подозревать, что эта кража сделана кем-то по указанию Сталина или им самим. Но страшась его, она сделала все, чтобы замять эту историю с кражей. Опубликованное 4 июня 1956 г. письмо Крупской приносит косвенные подтверждения того, что тридцать лет тому назад мне рассказывал Икс.

---

[55] См. примечание № 45.

ГЛАВА III

ЛЕВАЯ ОППОЗИЦИЯ И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

На XIII съезде партии в мае 1924 г. Зиновьев, вспоминая последние месяцы 1923 г. и начало 1924 г., говорил: «Партию лихорадило. Партия не спала ночью. Дискуссии продолжались целыми ночами. Партия многое и о многом увидела в этой дискуссии в новом свете. Партия была взбудоражена как улей».

Зиновьев весьма точно передал обстановку, в которой появилась троцкистская «левая» оппозиция. Такой длительной, упорной дискуссии не было ни по вопросу о заключении в Бресте мира с немцами, ни о роли профсоюзов. Борьба Центрального Комитета партии, точнее сказать Политбюро, с этой оппозицией велась в течение нескольких лет, окончилась ее разгромом, высылкой в январе 1928 г. Троцкого в Алма-Ату в Средней Азии, а потом, в феврале 1929 г., в Константинополь. Разбив, бросив в ссылку или подчинив себе членов троцкистской оппозиции, Сталин и примкнувшая к нему часть Политбюро, *вооружившись идеями троцкистской оппозиции,* произвели разгром другой оппозиции — Рыкова, Бухарина, Томского, чтобы открыть эпоху пятилеток и диктатуры Сталина.

Что же произошло в конце 1923 г. с продолжением этого в начале 1924 г.? В нашем кружке не только с интересом, а, я бы сказал, со страстью, относились к происходящей в партии дискуссии. Мы как бы считали себя кровно заинтересованными в исходе партийной дискуссии. Благодаря большим связям с обеими борющимися в партии частями, мы были превосходно осведомлены о всем, что происходит, что делается за ее кулисами. Параллельно дискуссии в компартии в нашем кружке тоже шла дискуссия для ответа на вопрос: на чьей мы стороне — Троцкого и оппозиции или Центрального Комитета и Политбюро в лице Зиновьева, Каменева, Рыкова? В платформе Троцкого одна часть нашего кружка видела некоторые здоровые элементы, крайне полезные с точки зрения внесения в общероссийскую атмосферу демократических идей и принципов. Другая часть «Лиги наблюдателей», наоборот, кампанию, руководимую Троцким считала вреднейшей акцией. Лишь после больших и долгих споров взгляды именно этой части кружка были приняты всей «Лигой наблюдателей». Какими же данными, какими сведениями, аргументами мы пользовались, чтобы, в конце концов, прийти к решению: «Мы против оппозиции и ее члены не должны рассчитывать как-либо втянуть нас в их кампанию».

Я уже говорил, что с марта месяца 1923 г., в связи со слухами, что Троцкий выдвигается или сам себя выдвигает в качестве заместителя Ленина, в верхах партии — особенно у Зиновьева, Каменева, Сталина — обострилось враждебное отталкивание от него, решение всеми средствами преградить ему дорогу. Появление слухов о праве Троцкого на заместительство Ленина произошло не без его участия. Радек, уже и раньше отличавшийся восхвалением Троцкого — «стальной воли, обузданной разумом», — все-таки не написал бы в марте 1923 г. свою безудержную апологетику Троцкого, если бы в какой-то степени им не подталкивался. Право заместить Ленина у Троцкого глубоко сидело в сознании и, конечно, вызывало антипатию к тем, кто это право подвергал сомнению. Об этом многие знали, многие чувствовали, а позднее об этом праве открыто писал сам Троцкий в своей автобиографии, изданной в 1930 г. в Берлине (см. «Моя жизнь», том 2-й, стр. 215—217). Он пишет, что в 1922 г. в конце ноября

> «Ленин имел со мною большой разговор о моей дальнейшей работе... Он намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать *заместителем Ленина*, по его мысли: *преемником* на посту председателя Совнаркома. Только в этой связи становится ясен смысл, так называемого, завещания... *Бесспорная цель завещания облегчить мне руководящую работу.* Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями».[56]

Нужно ко всему этому заявлению относиться с величайшим недоверием. Смешно и странно думать, что «бесспорной целью» завещания было вознести Троцкого на место Ленина. По этому случаю приходится напомнить, хотя это, кажется, достаточно известно, что именно писал Ленин 25 декабря 1922 г. в этом «завещании».

> «Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК, бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.
>
> Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.
>
> Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую по-

---

[56] Троцкий. «Моя жизнь» II, стр. 215—217. Курсив автора. Ред.

ловину опасности раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, т. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС,[57] отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и *чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.*

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно».[58]

Из приведенных строк абсолютно не видно, что Ленин выдвигал Троцкого как своего преемника. Но, несомненно, что сам Троцкий и часть партии таковым его считали, и отсюда огромное противодействие верхушки партии всем попыткам Троцкого взлететь наверх. Обладавший огромным самолюбием и волей, влюбленный в себя Троцкий не принадлежал к людям, останавливающимся пред препятствиями. Он не мог оставаться безмолвным, не отвечать, как он говорил, на всякие «заговоры», сплетни, инсинуации, создаваемые за его спиной. И в сентябре его «прорвало». Если следовать за Сталиным (см. его указания на XIII партийной конференции), то «недопустимое фракционное выступление Троцкого» произошло в следующей обстановке. Летом 1923 г. во многих городах России произошли стачки рабочих. Такое событие, как гром среди ясного дня, поразило правительство. Оно не могло допустить, что при «диктатуре пролетариата» пролетарии осмелятся прибегнуть к средству, которое рабочие имеют законное право применять лишь против капиталистов и реакционных буржуазных правительств. Забастовки показали, что в ряде мест рабочие были доведены до последней, крайней степени терпения. Были фабрики и заводы, где рабочим в течение недель не уплачивали заработок, и фабричное начальство и местное партийное начальство относились к этому факту с поразительным равнодушием и цинизмом. Заработок выплачивался с огромным запозданием негодными падающими «совзнаками» или рабочим говорили: «Ждите, денег нет». На некоторых фабриках «вожаков», «зачинщиков» забастовки увольняли по всем правилам самого отдаленного царского времени. На пленуме Центрального Комитета эти факты стали известны. Пленум констатировал, что в обстановке НЭП-а многие администраторы потеряли демократический облик, оторвались от массы рабочих, стали плохими

---

[57] Народный Комиссариат Путей Сообщения. Ред.

[58] Ленин. Соч. (пятое издание, 1964), том 45, стр. 344—345. Курсив автора. Ред.

коммунистами, бюрократами, и эти болезненные явления нужно лечить неукоснительным применением внутрипартийной демократии. Прения по этому вопросу, очевидно, приняли острый характер, так как Троцкий, хлопнув дверью, ушел из заседания Центрального Комитета и несмотря на просьбы возвратиться, на посылку к нему делегации, этого не сделал. А через несколько дней, 8 октября 1923 г. Троцкий послал резкое письмо в Центральный Комитет о хозяйственном кризисе и внутрипартийном режиме, за которым почти одновременно поступило заявление, подписанное 46 высокостоящими членами партии, обвиняющими Политбюро в проведении экономической политики, ведущей страну к гибели. Письмо Троцкого и «заявление 46-ти» обсуждались 25—27 октября на заседании объединенного Пленума Центрального Комитета и президиума Контрольной Комиссии с присутствием представителей десяти важнейших организаций. Ста двумя голосами против двух, при десяти воздержавшихся, совещание, признав выступление Троцкого глубокой политической ошибкой, постановило ни его письмо, ни заявление 46-ти не выносить за пределы ЦК. Вместе с тем, при участии Троцкого и при его согласии, оно вынесло ряд постановлений, развитых несколько позднее, 5 декабря, в резолюции о партийном строительстве. В ней говорится о борьбе с разными излишествами и «нэповском» перерождении некоторых партийных работников, о борьбе с «мелкобуржуазным и сменовеховским обволакиванием партии», усилении вербовки в партию «рабочих от станка», т. е. продолжающих работать в производстве, укреплении и развитии внутрипартийной демократии, выборности должностных лиц снизу доверху, недопустимости навязывания сверху должностных лиц, особенно секретарей. Строго запрещая какие-либо «фракционные группировки» в партии, резолюция требовала, чтобы руководящие органы прислушивались к голосу масс и не считали всякую критику проявлением фракционности. Все, что говорила резолюция, казалось бы, должно было вполне удовлетворить Троцкого. Однако, через день после принятия этой резолюции, Троцкий обращается к партийным организациям с письмом «Новый Курс», с особым пониманием и изложением политики внутрипартийной демократии. В то же время в обращение вступает «заявление 46-ти» и эти два документа поднимают в партии бурю — ожесточенную дискуссию в продолжении двух месяцев. Письмо Троцкого о «Новом Курсе» с острой, злой критикой «аппарата партии» все же было напечатано в центральном органе партии «Правде». В марте 1923 г. Политбюро не решилось запретить печатать возмутившую его статью Радека с превозношением Троцкого, точно так же в декабре оно не посмело не напечатать письмо Троцкого, явно и зло направленное против Политбюро. В это время с Троцким еще очень считались. Его боялись. Об этом открыто заявил Сталин: «Говорят, что ЦК должен был запретить печатание статьи т. Троцкого . . . Это было бы со стороны ЦК опаснейшим шагом. Попробуйте запретить статью Троцкого, уже оглашенную в районах Москвы!» [59]

---

[59] И. Сталин. Соч., том 6, стр. 33.

Письмо Троцкого и другие его статьи, из коих некоторые тоже были напечатаны в «Правде», составили небольшую брошюру в 104 страницы, носящую заголовок «Новый Курс». Она вышла в свет, кажется, в самом конце 1923 или в начале 1924 г. Современный читатель, заглянув в брошюру, рассеянно зевая перелистает ее и наверное ему не придет в голову мысль, что вот этой брошюрой зачитывались тысячи, если не десятки тысяч людей, и шум, страстная склока, злоба по ее поводу были огромны. Одна из любопытных сторон ее — это подчеркнутое введение и узаконение нового термина — *«ленинизм»*.[60] Такое наименование мировоззрения Ленина еще при его жизни было смелостью, потому что сам Ленин рассматривал свое мировоззрение лишь как применение марксизма, ничего больше. Между тем, Троцкий в одной из статей брошюры отмечает такие стороны «ленинизма», которые, по взглядам того времени, далеко не совпадали с тем, что есть марксизм. Он, например, восхваляет в «ленинизме» непревзойденную способность к «резкой перемене тактики», к «политике крутых поворотов», к воинственности с применением «хитрости, уловок, обмана врага».

Троцкий прекрасно знал, что верхи партии стремятся всем внушить, что он, лишь в 1917 г. официально вступивший в большевистскую партию, в сущности в ней «чужак», «не наш», «не настоящий большевик». В отчетах о съездах, там где указывался год вступления в партию, у Троцкого показан 1897 г. В подпольном листке под заголовком «Маленькая биография большого человека», о которой я уже говорил, на этот счет есть язвительная фраза: «Нужно произвести некоторую исправительную операцию, девятку передвинуть на место 8, а 8 выкинуть, заменив единицей, тогда получится 1917 г. Это и есть год, когда «Троцкий осчастливил нашу партию своим в нее вступлением». Парируя подобные уколы, Троцкий в своей брошюре надменно дает понять, что он-то и есть настоящий *«ленинец»*, подлинный носитель *«ленинизма»*, ближе чем кто-либо стоящий к Ленину. Он рекомендует искать правильную линию не «в справках биографического характера», т. е. не в справках, которые показывают, что до этого большую часть своей политической жизни он был не-ленинцем, и не-большевиком.

«Я вовсе не считаю, — пишет он, — тот путь, которым я шел к *ленинизму* менее надежным и прочным, чем другие пу-

---

[60] Троцкий несомненно первый пустил и узаконил термин «ленинизм». В 1924 г. этот термин подхватывается уже многими и, в том числе, Сталиным. Весною 1924 г. в Свердловском университете он читал лекции об «основах ленинизма». Желая проверить отрицательное впечатление, производимое Сталиным на меня и на других участников «Лиги наблюдателей», я пошел послушать лекции Сталина. Второй раз мы это сделали вместе с тем членом нашего кружка, которого я назвал «Иксом» (см. Приложение). После этого отрицательное отношение к Сталину у нас усилилось. Его лекции показались нам самой тупой, огрубленной безобразной вульгаризацией марксизма, с добавлением чего-то, отличавшего его от взглядов Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, хотя тогда они все составляли как бы спаянную единством взглядов группу Политбюро. О Сталине мне еще придется говорить. Нужно будет сказать, почему беспартийная интеллигенция, работавшая в ВСНХ, например, с главой ГПУ Дзержинским, так сторонилась Сталина.

ти. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему *полностью и целиком*... И если уже ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то это нужно делать как следует. Тогда пришлось бы давать ответ на острые вопросы: ... всякий ли, кто проявил в присутствии учителя (Ленина) послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствии учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием?» [61]

Эти стрелы, направляясь, главным образом, против Сталина, до болезни Ленина и до заключения, что «Ленину капут», — во всем следовавшего за ним как послушная дрессированная собака, — вызывали у него злобную реакцию.

«Оппозиция, — отвечал Сталин Троцкому, — взяла себе за правило превозносить т. Ленина гениальнейшим из гениальных людей. Боюсь, что эта похвала неискренняя, и тут простая стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников... Что Ильич выше своих учеников — разве кто-либо сомневается в этом? Разве есть у кого-либо сомнение, что Ильич в сравнении со своими учениками выглядит Голиафом? Если речь идет о вожде партии, не о газетном вожде с кучей приветствий (намек на статьи Радека о Троцком), а о настоящем вожде, то вождь у нас один — тов. Ленин. Именно поэтому... при настоящих условиях временного отсуствия т. Ленина нужно держать курс на коллегию». [62]

Это было сказано на XIII партийной конференции, за три дня до смерти Ленина, и было лживо в двояком смысле. Во-первых, Сталин был уверен, — я снова ссылаюсь тут на показание Владимирова, что отсутствие Ленина не временное, а навсегда, и, во-вторых, что если Сталин и держал курс на «коллегию», то, конечно, без участия в ней Троцкого. Помимо последнего, Политбюро состояло тогда из Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова, Томского, Калинина с почти постоянным присутствием в нем сталинской креатуры — Куйбышева, председателя президиума Центральной Контрольной Комиссии. Но ведущей, командующей силой в этой семичленной коллегии была до поры до времени все-таки коллегия из трех только — *«Зикаси»* (Зиновьев, Каменев, Сталин), как шутливо называл их Рязанов, директор Института Маркса-Энгельса (с ним один из участников нашей «Лиги наблюдателей» имел постоянные встречи).

В брошюре Троцкого «Новый Курс» есть две крошечные главки, на них читатель в 1956 г. вряд ли обратит даже малейшее внимание. А тридцать два или тридцать три года тому назад они вызывали раздражение против Троцкого, насмешки, название его «хвастунишкой», «Нарциссом». В одной из этих главок, ссылаясь на приказ № 1042, подписанный им в бытность очень короткое время (в 1920 г.) комиссаром железнодорожного транспорта, Троцкий дает понять,

---

[61] Л. Троцкий. Новый Курс. Москва 1924, стр. 48.
[62] И. В. Сталин. Соч. Москва 1947, том 6, стр. 34—36.

что он *первый* дал пример, как нужно вести плановое хозяйство, как нужно составлять хозяйственные планы и добиваться того, чтобы эти планы осуществлялись в жизни. Это находится в тесной связи с тем, что он пишет в предисловии к брошюре «Новый Курс»: «Партийная мысль еще не подошла вплотную к вопросам централизованного планового руководства . . . хозяйством. Между тем, от успешности такого руководства зависит судьба революции — полностью и целиком».[63]

В другой главке Троцкий сообщает, что еще в феврале 1920 г., будучи на Урале, он пришел к мысли, что нужно продовольственную разверстку заменить другим мероприятием — процентным отчислением от излишков крестьянского хозяйства. Троцкий этим хочет показать, что и в этой области он *первый*, еще за год до Ленина, наметил основы НЭП-а, но его предложение не встретило тогда ни у кого, не исключая и Ленина, поддержки и понимания.

Как ни раздражали сторонников «Зикаси» эти подчеркивания Троцким своего «первенства» в решении многих вопросов (дух Нарцисса очень ярко выступает в талантливой автобиографии Троцкого «Моя Жизнь») все же не это создавало такое озлобление против его брошюры «Новый Курс». Так как эту вещицу найти сейчас весьма трудно, мне, вместо простой ссылки на нее, придется дать сжатое ее содержание.[64]

По мнению Троцкого, партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик. Черты бюрократизма достигли в аппарате партии поистине опасного развития. Бюрократизм военного времени, какие бы уродливые формы он ни принимал, представляется младенческим в сравнении с нынешним бюрократизмом. Бюрократизм рождается не внизу, а на самом верху партии, он идет не от уезда к центру, а от центра к уезду. Обвинение в бюрократизме есть обвинение по адресу руководствующих кадров партии. Внутрипартийная политика носит нестерпимые черты аппаратной замкнутости и бюрократического довольства. У нас два этажа — в верхнем решают, в нижнем только узнают о решении. Самодеятельность партии сейчас сведена к нулю. Убивая самодеятельность, бюрократия мешает повышению общественного уровня партии. В партийных организациях все сосредоточивается в руках одного секретаря, который назначает, смещает, дает директивы, призывает к ответственности. Руководство вырождается в простое командование. С этим старым курсом нужно решительно покончить и взять новый курс. Партия должна подчинить себе свой аппарат, не переставая быть централизованной организацией. Партийные массы должны быть не только руководимы, но участвовать в руководстве. Нужно, чтобы партия в лице своих ячеек и объединений вернула себе коллективную инициативу свободной, товарищеской критики без опаски и оглядки. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставить его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива. Должны быть прежде всего устра-

---

[63] Л. Троцкий. Новый Курс, стр. 4.

[64] Главным образом Приложение 1-е к брошюре Троцкого, стр. 77—83. Ред.

нены те элементы, которые при первом голосе кртики требуют партийный билет на предмет репрессии. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали снизу доверху, что никто не смеет терроризовать партию. Нужно гнать из партии тех, кто проявляет пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безразличность, прислужничество, карьеризм. Большевик есть не только человек дисциплины, а человек, который отстаивает свое мнение внутри своей партии. Партия не выполняла бы своей миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Таким не должно быть места, но партия может справиться с этой опасностью держа курс на внутрипартийную демократию, ибо аппарат бюрократизации является одним из важнейших источников фракционности. В настоящее время фабрично-заводские ячейки из пролетариев у станка, непосредственно занятых в производстве, составляют менее одной шестой части партии. Мы отрываем рабочих от станка и передвигаем их в сторону правительствующего аппарата, что является источником бюрократизма. Нужно, чтобы фабрично-заводские ячейки составляли две трети партии. Бюрократизм тяжелее всего отзывается на идейно-политическом развитии молодых поколений, молодежи, разумея под нею не только учащуюся молодежь, но все пооктябрьское поколение. Старшее поколение привыкло думать и решать за партию. Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим может в рамках партийной демократии сохранить старую гвардию как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законным выражением аппаратного бюрократизма. Перерождение нашей старой партийной гвардии совсем не исключено. В. Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Бернштейн, Каутский, Лафарг, Гэд — все были учениками Маркса, а переродились в сторону оппортунизма. Старшее поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа. Средством против этой опасности является глубокая перемена курса в сторону партийной демократии и все большее вовлечение в партию пролетариев, остающихся у станка. Нужно обратить особое внимание на учащуюся молодежь, которая по своему составу и связи отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию. Значительная часть нашего нового студенчества состоит из членов партии с серьезным для молодого поколения революционным стажем. Молодежь — это вернейший барометр, она отражает все наши плюсы и минусы. Она резче других реагирует на партийную бюрократию. Мы были бы тупицами, если бы не прислушивались к ее настроениям. Она наша проверка, наша смена, завтрашний день и напрасно наиболее ретивые аппаратчики фыркают на молодежь.

Таковы идеи «Нового Курса», противопоставленные «Старому Курсу». О новом курсе: внутрипартийной демократии, выборе должностных лиц снизу доверху, праве критики, вербовке в партию рабочих от станка и т. д. — говорит, как я указал, и резолюция ЦК, но у нее нет совпадения с «манифестом» Троцкого. У Троцкого дру-

гая «музыка». Для меня, как и других лиц по роду своей работы, по должности близко соприкасавшихся с представителями власти, со сторонниками Центрального Комитета, и потому слышавших, что делается за кулисами партии, было совершенно ясно, что этой вдруг загоревшейся у Троцкого страстной любовью к «внутрипартийной демократии», в огромной степени, руководит *личный момент*, желание ударить именно те верхи партии, которые, особенно с марта 1923 г., делают все, чтобы отстранить Троцкого от касания власти. Это в этих верхах он видит главное зло партии.

«Новый Курс» Троцкого, потому что он льстил молодежи и больше всего учащейся молодежи, нашел восторженный отзвук во многих ячейках высших учебных заведений Москвы. Нужно напомнить, что тогда коммунистическая петля еще не затянула шеи студенчества. Многие из профессоров были далеки от коммунизма и довольно свободно читали свои лекции, без оглядки на партийные директивы. Рядом со студентами-партийцами существовала непартийная студенческая среда и между ними не было непроходимых перегородок. Из непартийной среды студенты-коммунисты получали литературу, считавшуюся запретной. Например, в руки студентов-коммунистов попадали произведения Богданова, Базарова, Юшкевича (и пишущего эти строки), критикующие такую не подлежащую критике вещь, как философская книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В коммунистические ячейки долетала кое-какая эмигрантская литература, — берлинский «Социалистический Вестник» меньшевиков, «Руль» и некоторые книги. Из рук в руки передавались «Бесы» Достоевского, а их и в библиотеках, и в продаже достать уже было трудно. «Новый Курс» Троцкого развязал языки в коммунистических ячейках вузов (высших учебных заведений), и критика направилась прежде всего на обличение «нэповского перерождения» высших партийных руководителей. Указывалось на слишком уж большую любовь к балету — вернее к балеринам — «всероссийского старосты» Калинина, секретаря ЦИК Енукидзе, на помпезную жизнь председателя Промышленного Банка Краснощекова, недостойную жизнь комиссара Народного просвещения Луначарского и его супруги артистки Розанэль, и многих других. Старый большевик Луначарский представлял, на самом деле, все черты «нэповского перерождения». В доме, где я жил (Богословсий пер. № 8, ныне улица Москвина, против театра Корша), над нашей квартирой помещался какой-то ночной артистический клуб, где происходили оргии с непременным участием в них Луначарского. Пьяное топтание, хороводы, песни, женские крики при выключенном в нужные минуты электрическом освещении — продолжались до пяти часов утра и не давали спать. Дворник нашего дома мог часто наблюдать, как выносили на руках для посадки на извозчика пьяного Луначарского в бобровой шубе. Критика в ячейках вузов не ограничилась указанием на испорченные НЭП-ом нравы. На собраниях критиковался весь организационный аппарат партии, в частности, решающая роль в нем всяких секретарей, назначенных сверху уездными, губернскими, областными комитетами партии.

Среди разоблачений на этот счет весьма любопытно одно, сделанное, насколько помню, в Институте имени Плеханова. После XII съезда партии, где Троцкий был встречен, а после его доклада — награжден восторженными аплодисментами, делегаты съезда, обнаружившие особую страсть в этих аплодисментах, вызывались в соответствующие места, где с угрозами им была поведана директива Оргбюро Центрального Комитета (Сталин стоял во главе этого бюро) быть «приличнее» и «не выходить из линии партии». Критика аппарата пошла в вузах гораздо далее, чем того хотел Троцкий. Можно было услышать речи на тему, что у нас нет ни малейшей свободы печати, что газету «Правда» лучше назвать «Кривдой», что в СССР царит не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом. Резкая критика аппарата велась не только в ячейках вузов, а и в ячейках охраняющего режим Народного Комиссариата Внутренних Дел, в ячейках военной академии, штаба Московского военного округа, управления военных сообщений, авто-броневой дивизии, эскадрона танков, бронепоезда и т. д., т. е. в области, подведомственной Троцкому в качестве председателя Военного Совета Республики. Это следование военных ячеек за Троцким особенно пугало или было неприятно Политбюро. Вспоминали, что во время гражданской войны, ненавидевшие его самоучки-полководцы, партизаны вроде Ворошилова или моего старого знакомого со времени эмиграции Гусева, за властную натуру называли Троцкого «Наполеоном». Чтобы уменьшить влияние Троцкого в военной коммунистической среде, Политбюро, Секретариат партии, т. е. Сталин, и ЦКК в лице Куйбышева решили удалить из нее наиболее преданных Троцкому лиц. Насколько помню, вскоре после дискуссии из Военного Совета был удален Склянский, главнейший помощник Троцкого в течение гражданской войны, и назначен председателем подчиненного ВСНХ суконного треста. Бесспорно, что в это же время созрела мысль удалить и самого Троцкого из управления военными делами и вместо него поставить Фрунзе, что позднее и было сделано.

Кампания за «Новый Курс», в том виде, какой ей придан Троцким, лично в ней не участвовавшим вследствие болезни, разумеется, встретила ожесточеннейший отпор всех сторонников ЦК и Политбюро. Для этого были мобилизованы все выдающиеся члены партии, в том числе Крупская. Покидая больного Ленина, она из Горок приехала в Москву, чтобы в одном из районов держать речь против Троцкого, упрекать его в том, что он ориентируется на учащуюся молодежь, вместо того, чтобы «ориентироваться на пролетариат». Знал ли Ленин, что Крупская будет выступать против Троцкого, упрекать его в том, что он ориентируется на учащуюся молодежь, вместо того, чтобы «ориентироваться» на пролетариев, — это мне неизвестно, но вот что следует указать: 3 января 1924 г., т. е. за 17 дней до смерти Ленина, Крупская далеко не мягко критиковала Троцкого, а через несколько дней после смерти Ленина послала больному Троцкому, находившемуся в это время в Сухуме на Кавказе, следующее письмо:

«Дорогой Лев Давыдович,

Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку («Новый Курс»? — Н. В.), Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушая очень внимательно; потом еще раз просматривал сам. И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Влад. Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю».[65]

Нужно напомнить, что Ленин очень дружески принял в 1902 г. в Лондоне бежавшего из Сибири молодого Троцкого и весьма хорошо относился к нему до партийного съезда в 1903 г. Но Троцкий, как известно, став на сторону меньшевиков, написал язвительную критику ленинского понимания партии. Он написал, что Ленин, проводя в партии политику террора, стоит не за «нормальный конституционный уклад» в партии, а за введение в ней «осадного положения, закрепленного диктатурой». После этого Ленин порвал всякие отношения с Троцким и презрительно называл его «Ворошиловым» (болтун, изображенный Тургеневым в романе «Дым») и «Балалайкиным» (тип, высмеянный Щедриным). Когда в 1904 г. в Женеве, выслушав на митинге речь Троцкого по случаю 1 мая, я сказал Ленину, что Троцкий превосходный оратор, Ленин насмешливо сказал: «Все Ворошиловы-Балалайкины — ораторы. В эту категорию входят недоучившиеся краснобаи-семинаристы, болтающие о марксизме приват-доценты и паскудничающие адвокаты. У Троцкого есть частицы от всех этих категорий».

Позднее Ленин отзывался о Троцком уже более жестокими словами. Письмо Крупской, посланное Троцкому в конце января 1924 г., было им оглашено самым широким образом. О содержании его, например, я узнал от троцкиста Бык приблизительно в *конце 1924 г.* Но Крупская, написав это письмо, очевидно испугалась, как это отразится на ее положении, а оно после смерти Ленина не могло быть таким как прежде. Из письма от 23 декабря 1923 г., обращенного к Каменеву и Зиновьеву с мольбой о защите ее от «угроз» Сталина, видно, что этого человека, о котором Ленин однажды сказал, что он «любитель острых блюд», Крупская очень боялась. В октябре 1923 г. она постаралась замять, предать забвению кражу из кабинета Ленина каких-то документов, потому что в это дело, нужно предполагать, был замешан Сталин. Та же трусливая, верткая позиция у нее и с письмом к Троцкому. Впопыхах написала его, а потом постаралась свести к нулю его значение, чтобы ни у кого, особенно у Сталина, не было впечатления, что она на стороне Троцкого и имеет какое-либо отношение к слуху, что Ленин видел в нем своего заместителя.

---

[65] Письмо Крупской помещено во втором томе «Моей Жизни» Троцкого, стр. 251—252. Ред.

Вот что мы читаем в ее письме, помещенном в «Большевике» № 16 за 1925 г. После смерти Ленина «все почувствовали себя как-то еще более сплоченными, готовыми до конца довести его дело. Под влиянием такого настроения я и написала тогда письмо Троцкому, которого в это время не было в Москве. Это письмо никоим образом не может быть истолковано так, как его истолковал Max Eastmann. Из него нельзя вывести того заключения, что Владимир Ильич считал его своим *заместителем»*.

В книге о «Встречах с Лениным» в 1904 г. в Женеве, мне пришлось писать и о супруге его — Крупской. Кое-кто потом меня упрекал, что я говорил о ней без должной симпатии. Это верно! Симпатизировать Крупской, кстати сказать, после периода благожелательства меня возненавидевшей, у меня не было никакого основания. А позднее исчезло даже малейшее к ней уважение. После смерти Ленина она прожила 15 лет (умерла в феврале 1939 г.,) показав за это время огромную способность прислужничать и унижаться. Два дня после смерти Ленина, — он еще не был похоронен, — председатель Центральной Контрольной Комиссии, Куйбышев, известный тем, что с рабской покорностью выполнял все требования, даже намеки Сталина, опубликовал на страницах «Правды» приглашение Крупской стать членом ЦКК, о реорганизации которой Ленин писал в одной из последних предсмертных статей. Мы хотим создать из ЦКК, писал Куйбышев, «твердокаменный орган твердокаменной партии и нам много легче будет делать, когда среди нас будете вы. При вас зарождались мысли Ленина, зрели и развивались. Вы можете больше чем кто-либо помочь нам своими указаниями: правильно ли мы понимаем то, что успел нам сказать Владимир Ильич».

Подкупленная этой лестью Крупская делается членом Центральной Контрольной Комиссии, того самого учреждения, которое скоро будет апробировать отправку в ссылку и исключение из партии старых товарищей Ленина. В 1927 г. Сталин делает ее членом Центрального Комитета партии. По воле диктатора, она награждается орденами Ленина и трудового Красного знамени. На ее глазах происходит истребление почти всей старой ленинской гвардии, друзей Ленина. Она молчит, хотя протест именно ее, как жены, долголетнего спутника жизни творца октябрьской революции и большевистской партии, имел бы огромное значение и вес. Какой шум поднялся бы всюду, если бы свет узнал, что за свой протест Крупская ввержена Сталиным в изолятор или даже расстреляна. Она, так любившая воспевать жертвенность, казалось, должна была показать пример этой жертвы. Она предпочла другое — мирно дожить до 70 лет и, в качестве заместителя народного комиссара просвещения, сугубо развивать «пионерское движение», которое при Сталине могло быть наполнено только его духом. Троцкий в автобиографии говорит, что Крупская в 1927 г. будто бы сказала: «Будь Ленин жив, он при Сталине сидел бы в тюрьме». Не верю, что эту фразу сказала. Ведь в 1927 г. за благонравное поведение ее ввели в Центральный Комитет. Но если бы даже эту фразу она сболтнула, потом трижды отреклась бы от нее.

Мне нет надобности останавливаться здесь на критике, которой подвергли сторонники ЦК и Политбюро «Новый Курс» Троцкого. Против него, в частности, голосовали в подавляющем числе все фабрично-заводские ячейки, и оппозиционеры говорили, что такое голосование объясняется тем, что многие рабочие боялись увольнения от работы, если они выскажут свое согласие с Троцким. Членов оппозиции предупреждали, что XIII партийная конференция, имеющая целью выразить свое отношение к «Новому Курсу», будет состоять из подобранных Оргбюро участников и потому решения ее известны уже заранее. И на самом деле, эта конференция, состоявшаяся 16—18 января 1924 года, после ожесточенных дебатов вынесла резкое осуждение оппозиции, назвала ее лозунги «мелкобуржуазным уклоном», указала на демагогическое противопоставление молодежи командующим «старым» кадрам и сурово разобрала поведение Троцкого, начиная с сентября 1923 г. А в его поведении, это объективно нужно признать, вопросы личного характера, оскорбленного самолюбия — несомненно доминировали над вопросами порядка принципиального.

На этой конференции любопытно в речи Сталина: «Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями».[66]

О сверхчеловеке говорил тот самый Сталин, который с 1934 г. в параноической мании величия будет ощущать себя именно сверхчеловеком и — в качестве обожествленного вождя — претендовать на абсолютную власть над всем миром.

После этого, по необходимости несколько затянувшегося предисловия, я перейду к вопросу, в сущности никогда не освещавшемуся в печати: как во время дискуссии вела себя, что думала, как относилась российская внепартийная интеллигенция к ожесточенной борьбе внутри коммунистической партии. Мы, я имею в виду интеллигенцию, служившую в разных советских учреждениях, — мы никак не могли сказать: «Коммунисты дерутся, грызутся между собою — нас это совсем не касается», так как, в конце концов, то, что происходило, весьма «касалось» нас и всей страны. О том, как реагировала эмиграция на дискуссию, можно судить, например, по статье моего товарища по партии, меньшевика С. Ивановича. С ним позднее, в 1933—34 гг., уже ставши тоже эмигрантом, я сотрудничал в «Записках Социал-Демократа», выходивших в Париже под редакцией А. Н. Потресова. В берлинском журнале «Заря» Иванович писал:

> «Будем благодарны оппозиции за то, что она так красочно нарисовала картину ужасающей моральной клоаки, которая именуется РКП — Российской Коммунистической Партией. Будем ей благодарны за то, что ее работа облегчает дело всех тех, кто в свержении советской власти видит задачу социалистической партии».

---

[66] И. Сталин. Соч., том 6, стр. 14.

В качестве фактического редактора органа ВСНХ я имел возможность, недоступную другим, — читать эмигрантские издания: «Социалистический Вестник», «Руль», «Последние Новости», «Возрождение». Их получал я от моего начальства, М. А. Савельева. И читая эти издания, чувствовал, что мое отношение к оппозиции и вообще ко всей дискуссии не может быть таким прямолинейно-простым, как у эмигрантов, хотя бы уже потому, что никаких признаков «свержения советской власти» я не видел. Вопрос об отношении к оппозиции был на самом деле совсем непростым и порождал в нашем кружке, «Лиге наблюдателей», очень большие споры, колебания. Они происходили по этому вопросу и в других слоях интеллигенции. На первых совещаниях, посвященных анализу происходящей дискуссии, некоторые члены нашего кружка считали появление троцкистской оппозиции весьма положительным явлением. Эту точку зрения особенно поддерживал тот член «Лиги набюдалетей», которого назову Юристом. [67] Он приводил следующие слова Сталина:

> «Оппозиция в своей безудержной агитации за демократию, которую она абсолютизирует, развязывает мелкобуржуазную стихию. Оппозиционеры, помимо своей воли, служат рупором для новой буржуазии, которая чихать хочет на демократию в партии, а хотела бы получить *демократию в стране*. Недаром меньшевики и эсеры сочувствуют оппозиции».

Подобного рода замечания сторонников ЦК, настаивал Юрист, хотя и преувеличивают размеры явления, все же правильно характеризуют политические тенденции в некоторых непартийных слоях населения, вызываемые троцкистской агитацией за внутрипартийную демократию. Она, по его мнению, вносит в антидемократизм, насажденный октябрьской революцией, пусть очень слабый, пусть отдаленный, но все же какой-то запах, отзвук демократизма февральской революции. А это есть положительное явление. В качестве иллюстрации пробуждения в стране тяги к демокртическим лозунгам, Юрист указывал на совещание инженеров в Ленинграде, где, к великому возмущению наместника Ленинграда, Зиновьева, раздались речи о «праве человека» и ошибочности всей большевистской идеологии и философии, демагогически утверждающей, что творец прогресса не творческая мысль, а физический труд «рабочих от станка». Развивая свою мысль, Юрист говорил:

> «Хотим мы того или нет, но государственная власть осуществляется у нас коммунистической партией и нет даже намека на ее исчезновение, падение или свержение. Считаясь с этим, нужно отдать себе отчет, какая организация этой партии более желательна, более выгодна для страны и для нас демократов и социалистов. Партия централистически и деспотически организованная с отсутствием в ней какого-либо действительно выборного начала или партия в которой проводится демократизм, есть некая свобода критики, т. е. свобода слова и печати, выборность должностных лиц. Конечно, партия такого вида. Но

[67] См. Приложение.

такая партия не может быть оазисом среди страны с вытравленными из нее всякими демократическими началами. Нельзя быть демократом в партии и диктатурщиком вне ее. Если бы демократизм, как его прокламирует Троцкий, действительно установился бы в партии, он неизбежно перешагнет через ее пределы и постепенно, сначала в сжатом объеме, а потом в более обширном размере начнет расползаться по стране, т. е. будет происходить, чего мы и желаем, здоровая эволюция советского строя».

Я и другие участники нашего кружка оспаривали эту ставку на оппозицию. Мы указывали, что в ее лидерах, ее носителях, не видим ни грана демократизма. Какой демократизм может насаждать, например, Пятаков, когда он типичный до мозга костей диктатурщик? Столь же мало демократического духа в самом Троцком, открывшим кампанию за внутрипартийную демократию. С 1905 года, прославляя железную диктатуру пролетариата, он постоянно издевался над всеми видами западноевропейской демократии. Нужно вспомнить, какие жестокие меры принимал Троцкий в его бытность комиссаром железнодорожного транспорта, чтобы разувериться в его демократизме. В 1920 г., во время дискуссии о профессиональных союзах, он доказывал, что нужно, «перетряхнуть» профсоюзы, выбить из них всякий ненужный синдикалистский дух и в сущности сделать их бюрократическим аппаратом, выполняющим государственные задачи (именно это потом и было проведено в правление Сталина). Человек, проводивший подобные взгляды, не может быть искренним, последовательным защитником проповедуемого им «Нового Курса». Его вспышка любви к демократизму порождалась причинами чисто личного порядка, лишь желанием ударить по своим противникам из Политбюро. А в нем, как мы знаем из личных сношений с ними, например, Бухарин, Каменев, Рыков, Томский, по своему психологическому укладу, по их отношению к окружающим, были намного демократичнее надменного и влюбленного в свою талантливость Троцкого. (Замечу в скобках: мы все очень не любили «наместника Ленинграда», «председателя Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала» — крайне нахального Зиновьева, и уже совсем враждебно и подозрительно, — о причинах этого еще придется говорить, — относились к Сталину).

Наша главная критика оппозиции опиралась все-таки не на только что высказанные мотивы, а на иную базу. Дело в том, что оппозиция выступила не с одним «Новым Курсом» Троцкого, а с заявлениями экономического, хозяйственного порядка. Это, во-первых, письмо в ЦК, подписанное Пятаковым, Осинским, Преображенским, В. Смирновым, и, во-вторых, декларация *46-ти*, под которой подписались Пятаков, Преображенский, Серебряков, И. Смирнов, Антонов, Осинский, Бубнов, Сапронов, В. Смирнов, Богуславский, Струков, Яковлева, В. Коссиор, Рафаил, Максимовский, Белобородов, Альский, Муралов, Розенгольц, Сосновский, Воронский, Ев. Бош, Дробнис, Эльцин и пр. Почти все из 46-ти были в 1927 г. исключены из партии, а потом в царствование сумасшедшего Сталина истреблены.

Трое из нашего кружка, в их числе я, служили в хозяйственных учреждениях и по роду службы имели дело с экономическими вопросами, тогда как другие участники «Лиги наблюдателей» работали в иных областях и у них не было достаточного знания об экономическом положении страны. Мы — «хозяйственники» их упрекали, что свое отношение к оппозиции, к «Новому Курсу» Троцкого они устанавливают с помощью абстрактных рассуждений вне разбора экономической платформы оппозиции. Мы указывали, что если Троцкий атаковывал Центральный Комитет с точки зрения политической и внутрипартийной демократии, то «46» критиковали ЦК с точки зрения экономической, утверждая, что он ведет страну к гибели, к безвыходным кризисам, тяжелым экономическим потрясениям, и что главная причина тому — отсутствие планового руководства страною, а от успешности его «зависит судьба революции — полностью и целиком» (слова Троцкого в предисловии к «Новому Курсу» [68]). Анализируя заявления и аргументы оппозиции, нетрудно обнаружить, что за ними стоит глубокое, неизгоняемо-заложенное в самое нутро партии, в ее сознание и чувства, — неприятие, отвращение и *отталкивание от НЭП-а*, о котором мне уже пришлось говорить на предыдущих страницах. Ленин провозгласил «всерьез и надолго» НЭП, новую экономическую политику. Не прошло и двух лет, а оппозиция от этой директивы поспешно отошла. У одних оппозиционеров их антинэп был прикрыт, но сказывался в самом характере их экономических построений. Другие оппозиционеры были более откровенны. Например, Пятаков заявлял, что «нэповской политике правительства (при этом он имел в виду больше всего Рыкова) нужно противопоставить настоящую коммунистическую политику». Были оппозиционеры, уже с полной ясностью указывающие, чего они хотят, куда идут: «новая экономическая политика, не удалась, нужно возвратиться к военному коммунизму, к великим его инспирирующим *принципам Октября*». Указывая на это Юристу и тем, кто в нашем кружке с ним соглашался, мы говорили:

> «Год тому назад мы коллективными силами составляли меморандум о «Судьбе основных идей октябрьской революции» и приветствовали отход страны от этих идей. Очевидно, ныне вы отрекаетесь от нашего меморандума, так как сочувствуя оппозиции, вы, тем самым, вместе с нею идете к отказу от НЭП-а, к возвращению к Октябрю, а в конечном счете туда и только туда и направлена мысль оппозиции».

Антинэповский характер мысли оппозиции с особенной силою проявлялся в ее постоянных криках о засилии частного торгового капитала. О его мощи и накоплениях она давала демагогические, фантастические, непомерно преувеличенные цифры. Она указывала, что подавляющая масса (70—80% всех торговых предприятий) суть частные, но умалчивала, что большая часть этих предприятий были крошечными торговцами-одиночками, не имели магазинов, вели продажу с лотка, с руки, в разнос. Если бы их не было, ничего не было бы, царствовала бы, особенно в деревне, торговая пус-

---

[68] Л. Троцкий. «Новый Курс», стр. 4.

тыня. Оппозиция все время твердила о необходимости подчинить хозяйство плановому руководству «собрать все предприятия в одну систему, повинующуюся единому мощному планирующему центру». Но что это значит конкретно, на это объяснений не давала. Мужик, крестьянское хозяйство, сельское хозяйство были вне поля зрения и внимания оппозиции. Зато она много говорила о «диктатуре промышленности» и желала самого мощного ускоренного ее развития, хотя для этого в стране не было средств. В целях получения побольше средств на восстановление и расширение основного капитала оппозиция хотела в цену продукции, сверх себестоимости включить огромную прибыль. Продукция делалась от этого невероятно дорогой и не могла покупаться. Например, в 1922 г. пуд нефти стоил 24 копейки, а в 1923 г. оппозиция хотела увеличить цену до 34 копеек, из них 17 копеек представляли себестоимость, а остальные 17 копеек должны быть, теперь сказали бы, «автофинансированием», — прибылью. Для противников оппозиции было совершенно ясно, что нельзя развертывать промышленность таким темпом. Все назидания Ленина в его предсмертных статьях, в частности его призывы не поддаваться «скоропалительному быстрому движению вперед» и «лучше меньше, да лучше», опубликованные в начале 1923 г., к концу года оппозиция полностью отбросила. Утверждая, что правительство ведет страну к великим потрясениям, оппозиция проходила мимо бесспорного факта, что огромный кризис сбыта осенью 1923 г. создан именно ее политикой. Это летом из ВСНХ Пятаков дал приказание трестам и синдикатам гнаться за большой прибылью. От этого цены промышленной продукции взлетели вверх, а так как цены сельскохозяйственной продукции в это время падали, то «ножницы», расхождение цен в этих двух секторах, о которых в апреле 1923 г. так хорошо говорил Троцкий, раздвинулись с угрожающей широтой. Для борьбы с ножницами была создана особая комиссия, в нее должен был войти Троцкий, но он в ней участвовать не пожелал. Чем мотивировался его отказ — не знаю, но это у многих из нас еще более увеличило холодное к нему отношение. В 1923 г. был сравнительно хороший урожай, город не мог проглотить излишков крестьянского хлеба, цены на хлеб, не находя сбыта, страшно падали. Чтобы их поднять, правительству пришлось начать экспорт хлеба за границу, где цены были значительно выше, чем в СССР. Вот этот акт, а с другой стороны, строгий приказ государственной промышленности не гнаться за непомерной прибылью, снизить промышленные цены, создал сближение лезвиев «ножниц» и оздоровил экономическую обстановку. Это был конкретный пример удачного планированного руководства хозяйством, в отличие от загадочного и неясного планирования, певцами которого была оппозиция. Не хочу забегать вперед, все же не могу умолчать, что в экономической политике оппозиции было *in Spe,* в зародыше, *почти все то,* что потом осуществлялось при Сталине в течение пятилеток, создавая населению величайшие мучения. Предвидеть все это в 1923—24 гг., конечно, никто не мог, но мы в нашем кружке «Лиге наблюдателей», хорошо вооруженные знанием состояния экономики, были глубоко убеждены, что экономическая

политика оппозиции троцкистов, с ее вздохом по Октябрю, неправильна, опасна, вредна. Потому-то мы и были против оппозиции и за экономическую политику Центрального Комитета, Политбюро и правительства, наиболее ясно выражаемую в 1923 и 1924 гг. докладами Каменева, Рыкова и Зиновьева. Разумеется, будучи не коммунистами, мы не могли разделять все, что они говорили и проповедовали на свойственном им партийном и коммунистическом жаргоне, но основу взятой ими политики мы разделяли и, поскольку это зависело от нас, стремились помочь ее осуществлению. Здесь, конечно, не место излагать правительственную политику 1922, 1923 и 1924 гг. Она была здоровой: руководители ее без оговорок стояли за НЭП,[69] считали, что сельское хозяйство имеет первенствующее значение для всей экономики страны, что нужно повышать уровень жизни не только рабочих, но, с помощью кооперации, и крестьян и, разумеется, развивать индустрию, однако не в темпах каторжных, а посильных для населения.

После долгих и страстных дебатов наши аргументы против оппозиции были целиком приняты всеми участниками «Лиги наблюдателей». Не без колебания аналогичную с нами позицию в этом вопросе приняли и многие другие беспартийные специалисты, работающие в хозяйственных учреждениях.

Все же оставалась группа (ее большинство служило не в хозяйственных учреждениях), видевшая в «Новом Курсе» Троцкого обещания способных осуществиться в стране демократических перспектив. Но речь Троцкого на XIII съезде партии в мае 1924 г. отбросила далеко от него многих верующих в «Новый Курс» беспартийных людей. На съезде он защищал свой «Новый Курс» без свойственных ему напора и страстности, а с поразительной мягкостью и осторожностью. Весь тон его был примирительный. Он находил, что никакого «мелкобуржуазного» уклона не обнаружил, подчеркивал, что в сущности он лишь развивает принятую 5 декабря резолюцию ЦК о внутрипартийной демократии, которая требовала «серьезного изменения партийного курса и систематического проведения принципов рабочей демократии». О злостном бюрократизме, царящем в партии, перерождении ее руководителей у него ни слова; только замечания, что нужно больше внимания к молодежи «при руководящем положении старшего поколения» и больше «прислушиваться к голосу партийных масс», «не считать всякую критику проявлением фракционности». Перед этим, на XII конференции партии в январе 1924 г. (на ней по болезни Троцкий не присутствовал), с резкими речами против ЦК выступало много оппозиционеров. На XIII съезде партии, кроме Преображенского, сказавшего умеренную речь, ни один из оппозиционеров не говорил. Они, очевидно, знали, что это будет бесполезно, но среди делегатов съезда было несомненно немалое количество сочувствующих Троцкому, так как его появление на трибуне, так же как на XII съезде,

---

[69] Приходится напомнить, что в 1925—26 гг. Каменев и Зиновьев ушли в стан оппозиции.

было встречено овацией, «оглушительными аплодисментами», в глазах Сталина, конечно, неприличными. Оппозиционеры молчали, зато явно дирижированные речи против Троцкого лились рекою. Директива была дана: распни его! Тон задавал Зиновьев, объявивший, что «Новый Курс» Троцкого «небольшевистское произведение» и «*в нем нет ни грана большевизма*».

Нам, не бывшим на съезде, но внимательно следящим за ним по газетным отчетам, было просто странно читать, что в защиту Троцкого никто не выступил, кроме какого-то никому не известного французского коммуниста, речь которого переводил съезду Луначарский. Француз проявил поразительную смелость. Зная, что он находится, так сказать, в клетке с тиграми, в перенасыщенной антитроцкизмом среде, и «отдавая себе отчет, как он сказал, в рискованности своей позиции», этот француз заявил, что никакого принципиального разногласия между борющимися в партии сторонами, по его убеждению, нет, а есть только дискредитирование такой большой революционной фигуры как Троцкий, и клевета и ложь, направленные против оппозиции. [70] Слушая француза, антитроцкисты рычали от злобы, крича: «Позор!» Фамилия этого смелого человека — Суварин. Через двадцать пять лет мне довелось познакомиться с этим талантливейшим публицистом, ставшим убежденным противником коммунизма и бесспорно одним из лучших в мире знатоком советского коммунизма.

Беспартийных поклонников Троцкого, а об этом я знаю из разговоров с ними, поразила не столько «вялость» его самозащиты, сколько одно место в его речи:

> «Никто из нас не хочет и *не может быть правым против своей партии*. Партия в последнем счете *всегда права*, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач . . . Я знаю, что быть *правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию*, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая пословица: «Права или не права, но это моя страна». С гораздо большим историческим правом мы можем сказать . . . права или не права в отдельных частных, конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия». [71]

Непонятно, как мог держать такую идолопоклонническую речь Троцкий! Не он ли четыре месяца перед этим в своем «Новом Курсе» показывал неправоту партии, ее гниение, вырождение ее руководителей, их презрение к свободе мнений, гнусность их обращения с партийной массой, засилие «аппарата», разложение партии ядом бюрократизма и прочее, и прочее? Выступив против партии с оскорбительными обвинениями, Троцкий поспешил отбежать назад. Говоря, что партия «всегда права», он как бы становится перед нею на колени. Неожиданная декларация о неизменной «правоте», не-

---

[70] XIII Съезд российской коммунистической партии (б). (Стенографический отчет). Стр. 372.

[71] Ibid, стр. 166—167.

погрешимости большевистской партии была на съезде встречена весьма критически, тем более, что, по убеждению противников Троцкого, все его прошлое свидетельствует о борьбе с этой партией. Первою против него выступила «вдовствующая» Крупская, сказавшая, что если партия всегда права, то тогда не следовало бы вести дискуссии, а тем более «их дублировать». Тоном учителя, дающего урок, то же самое сказал Сталин, а Зиновьев, присоединяясь к ним язвительно заметил, что «кислосладкие комплименты по адресу партии ей не нужны».

Над всеми этими событиями теперь горы пыли, пласты забвения. Кто теперь будет об этом вспоминать. Но в мае 1924 г. в партийных и беспартийных, но интересующихся политикой, кругах Москвы о фразе Троцкого много говорили. Он подсек ею свой авторитет. Круто и смело говорившееся в брошюре «Новый Курс» — фразой об имманентной непогрешимости и правоте партии смялось, сделалось несерьезным.

Вспоминаю по этому поводу реакцию двух моих знакомых.

В 1877 г. в журнале «Вестник Европы» появилась статья Юлия Жуковского «К. Маркс и его книга о капитале». Статья эта породила большую полемику, в частности на нее в «Отечественных Записках» отвечал вождь народников, Н. К. Михайловский, статьей «Карл Маркс пред судом Ю. Жуковского». Чтение этих обеих статей как и всего того, что появилось в 70-х годах в России после выхода в свет в 1873 г. перевода на русский язык первого тома «Капитала», мы, знакомившиеся с марксизмом в девяностых годах, считали для себя обязательным. В год, когда Ю. Жуковский писал свою статью, у него родился сын Николай. В 1922—23 гг. Николай Юльевич Жуковский, так же как и я, служил в ВСНХ, часто бывая у меня в редакции «Торгово-Промышленной газеты». Узнав о его любви к разным вычислениеям, я задал ему довольно трудную задачу: сравнения в золотом исчислении цен некоторых основных промышленных товаров у нас и за границей. Он составлял эти таблицы с большей тщательностью. Болтая с ним о разных вопросах, я однажды спросил его: так ли, как и отец, он не любит марксизм. Жуковский признал, что он тоже очень не любит марксизм, но со свойственными ему прыжками мысли (иногда очень странными) заявил, что вот такой образованный и талантливый марксист как Троцкий написал «замечательную вещь» — «Новый Курс», и если мысли ее будут осуществлены, можно рассчитывать, что «страна будет избавлена от того, что в ней установил марксизм». «Если настоящий демократизм будет проведен в партии, то через некоторое время кое-что из демократических свобод попадет и нам, стоящим вне партии, а это значит — всей стране». Жуковский стоял на той же точке зрения, которую у нас в кружке защищал Юрист, только более основательными аргументами чем Жуковский (для экономии места аргументы Юриста я представил довольно лапидарно). Речью Троцкого на XIII съезде Жуковский был фраппирован в неизмеримо большей степени, чем, например, я. Придя ко мне, он заявил, что речь Троцкого «вытравила» в нем всякие «следы сочувствия троцкизму», веры в него:

«То, что сказал Троцкий о вечной правоте партии — ужас. Объявлять, что большевистская партия всегда права, значит оправдывать не только ошибки, которые она делает, но и самые большие преступления, которые она может сделать. Для меня теперь ясно, что троцкизм носителем демократизма ни в коем случае быть не может. Каюсь, моя вера в его «Новый Курс» была наивной».

Если не ошибаюсь, вскоре после разговора с Жуковским я в ВСНХ встретился с одним из виднейших в нем работников, А. Л. Соколовским. Из некоторых разговоров с ним у меня сложилось впечатление, что в какой-то степени он тоже верит, что Троцкий может сыграть роль фактора, создающего демократическое очищение советской атмосферы. Но о фразе Троцкого Соколовский (он всегда жестикулировал) отозвался с таким укоряющим подсвистыванием, с таким выразительным жестом, показывающим, что его тошнит, — что можно было сразу понять: он, как и многие другие, веру в благодетельные последствия троцкизма утерял.

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ ЛЕНИНА

Восемнадцатого января 1924 г., за три дня до смерти Ленина, Крупская читала ему рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Содержание его многим известно. Через снежную пустыню, куда нога человеческая еще не ступала, пробирается к пристани реки больной, умирающий с голода, человек. Он уже не может идти, он ползет. А недалеко от него ползет, тоже умирающий с голода, волк. Волк угрожает человеку, набрасывается на него, между ними начинается борьба, в которой и волк, и человек теряют последние остатки своих сил. Человек все-таки побеждает и полумертвый, полубезумный доползает до цели. Рассказ Джека Лондона, — передавала Крупская, — чрезвычайно понравился Ленину. Так и должно быть. Рассказ полностью отвечал его натуре. «Любовь к жизни», воля к жизни, борьба за жизнь у Ленина была неистовая. Я это почувствовал еще в Женеве в 1904 г., вскоре после знакомства с ним. Позднее эта жажда, с бессознательной тягой к политическому бессмертию, проявилась у Ленина еще сильнее. Троцкий неправ, будто во время болезни на Ленина нападали периоды такого отчаяния, что он не верил докторам и не желал выслушивать их уверения, что может поправиться. Сестра Ленина Мария Ильинишна, наоборот, говорила, что Ленин «как лев» боролся с болезнью и послушно исполнял все требования лечивших его врачей. Он верил, что так или иначе, но осилит болезнь. Эта вера, огромная заложенная в него живучесть, эта воля к жизни, по мнению лечившего Ленина доктора Крамера, сделала чудо: он начал оживать, ходить, говорить, читать газеты, интересоваться политическими вопросами, даже после третьего удара невероятной силы, превратившего его в полутруп. Другие люди после такого удара обычно умирают, а Ленин прожил еще десять месяцев. При свойственной ему психологии и глубоко заложенной вере, что одолеет болезнь, Ленин, разумеется, не мог требовать доставки ему яда, чтобы покончить с собою. Как я уже писал, этот гулявший по Москве слух мог исходить от людей, не знавших, или не желавших знать одну из характерных черт Ленина.

21 января, в 6 часов 50 минут, Ленин умер. Смерть последовала при параличе дыхания и явлении гипертермии — нагревании тела до 42°. Общая картина болезни исчерпывающим образом объяснена врачами. У Ленина был резко выраженный общий артериосклероз на почве преждевременного изнашивания артерий. От глубокого изменения мозговых артерий (сужения просветов этих артерий), происходил недостаточный приток крови в мозг, отсюда обширные очаги размягчения ткани мозга, вызывавшие в последнее время параличи конечностей, расстройство речи. 22 января в Горках профессором Абрикосовым, в присутствии целого синклита врачей, произведено вскрытие тела, продолжавшееся почти пять часов. В результате его появился отчет (акт) о патолого-анатомическом состоянии умершего. Немедленно опубликованный в газетах, он произвел на многих, в том числе и на меня, шокирующее впечатление. Этот акт говорит решительно обо всем, что в болезненном или здоровом состоянии находилось внутри Ленина. Все было вскрыто. Ничто не оставлено без анализа. О всем и всех изъянах дан самый детальный отчет — о головном мозге, покрове черепа, сердце, легких, брюшной полости, селезенке, почках, мышечной системе. Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли умерших правителей страны, царей, королей и т. д., в таком обнаженном до последней, до крайней анатомической степени виде. Никаких анатомических секретов, все показано. В нашем кружке «Лиге наблюдателей» тот участник его, которого я назвал Юристом, позднее говорил, что в публикации акта детального вскрытия тела Ленина проявилось свойственное большевикам грубо-материалистическо-анатомическое отношение к человеку. На это другой участник, Икс, указал, что составлять подробнейший врачебный акт, конечно, было важно и нужно, но не следовало его печатать одновременно с выражением чувств любви, скорби, почтения к умершему. Я помню, как в редакции «Торгово-Промышленной Газеты» один из наших сотрудников, Штромберг, говорил со мною на ту же тему.

> «Мы знали Ленина как вождя революции, законодателя, правителя страны, если хотите — диктатора, заменившего династию царей. Можем ему симпатизировать или не симпатизировать, это дело наших убеждений. Но Ленин — человек, это *психика*, а нам его потрошат, выворачивают наружу и этим как бы внушают: Ленин только *материя*, только собрание такого-то характера и состояния полушарий головного мозга, кишек, брюшной полости, сердца, почек, селезенки. В этом есть нечто шокирующее».

В акте вскрытия мои знакомые коммунисты обращали больше всего внимания не на это, а на другое: головной мозг Ленина весит — *1340 грамм*. Коммунист Ходоров, давший одновременно для «Правды» и для «Торгово-Промышленной Газеты» поминальную статью о роли Ленина в китайских делах, плача, скорбя о его смерти, уверял меня, что ленинская гениальность находится в прямой связи с весом, величиной его мозга. Якобы такой величины у людей обычного габарита не бывает. По наведенным некоторыми сотрудниками «Торгово-Промышленной Газеты» справкам оказалось, что вес моз-

га у мужчин вообще колеблется от 1100 до 1400 грамм, часто достигая 2000 грамм, и с этой точки зрения мозг Ленина ничего экстраординарного не представляет. Вдобавок, врачи нам объяснили, что если уже искать причины образования «гениального мозга», важность приобретает совсем не вес, не обширность мозга, а его серое вещество. Я сообщаю, что тогда говорилось, а верно это или нет — не знаю.

Как отнеслось население к смерти Ленина? — Совсем не так, как изображала иностранная печать. Мой антикоммунизм ни при каких условиях не может сделать из меня лжесвидетеля. Я должен сказать, что, если взять, например, Москву, огромная часть ее населения к смерти Ленина отнеслась несомненно с печалью, с чувством какой-то важной утраты. Я не говорю о коммунистической партии. Она всем обязана Ленину и без него не существовала бы. Масса лиц, бывших ничем, благодаря Ленину и сделанной им революции, стала чем-то, подошла к власти, вступила в господствующий класс, и вполне понятно, что эти лица искренно, горько оплакивали того, кто вытащил их из политического небытия, состояния ничтожества. Но печаль, а в причины и мотивы ее здесь не вхожу (это сложный вопрос), чувствовалась в рабочей среде, среди мелких служащих и части беспартийной интеллигенции, с введением НЭП-а ставшей активно работать в советском аппарате. НЭП, новая экономическая политика, удалившая удушающие страну порядки военного коммунизма, создала симпатию к Ленину в слоях, далеко стоящих от какой-либо политики. В доме, где я жил, дворником служил безграмотный, в минимальной степени развитой Степан Антонович, после многих лет жизни в столице, в Москве, сохранивший душу крестьянина самого отсталого сельского захолустья. Попав во время войны в плен в Австрии, он пробыл там три года и из всего, что там видел (он был недалеко от Вены), он вынес только два наблюдения и заключения: «Чудной народ! Взвешивают они не по-нашему, на пуды и фунты, а на кило («на килу», как он говорил) и все австрийцы — кулаки, все носят сапоги или кожанную обувь».

Этот самый Степан Антонович мне поведал, что ему очень, очень жалко, что «Ленин помер». Когда я спросил: почему же он так жалеет Ленина, он мне ответил: «Да ведь это Лéнин приказал открыть рынки и лавки, позволил торговать тем, что нужно. Это после его приказа появился и ситный (белый) хлеб, и настоящий ржаной, и картошка, и сахар. Не сделай этого Ленин, мы бы и по сей день стояли бы голодными в очередях».

Представление о Ленине как правителе-избавителе от тяжких бед и грабежа было несомненно распространено среди крестьянства. О большом почтении к нему среди крестьян я впервые узнал в 1922 г., попав в село Васильевское в 60 верстах от Москвы. Один тамошний крестьянин мне весьма подробно стал объяснять, что «Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель — Троцкий — тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь их он не знает, не ценит и знать не желает».

23 января гроб с прахом Ленина был из Горок перевезен в Москву и водружен в великолепном колонном зале Дома профессиональных союзов. Мимоходом замечу, это здание, построенное еще в 1784 г., называлось до войны «Благородным Дворянским Собранием», в нем устраивались приемы царей, дворянские собрания, благотворительные вечера и концерты. В течение трех дней сотни тысяч людей непрерывным потоком шли к гробу «проститься с Лениным». Шли и днем, и ночью. Холод, мороз стоял нестерпимый, люди зябли, простуживались и все-таки стойко целыми часами дожидались очереди пройти к гробу. Мне кажется, что у русского народа есть гораздо большее, чем у других народов, особое мистическое любопытство, какая-то тяга посмотреть вообще на труп, на покойника, на умершего, в особенности, если покойник тем или иным выделялся из общего ранга. В паломничестве к гробу Ленина было и это любопытство, но несомненно было и другое чувство: засвидетельствовать перед покойником свое к нему уважение, любовь, признательность или благодарность. Пошла туда и наша редакция «Торгово-Промышленной Газеты», получившая от комиссии по организации похорон возможность пройти к гробу без долгих часов стояния в очереди. Без этого мы не могли бы своевременно выпустить газету. Отправился и я вместе с другими моими сотрудниками. Не идти я и не мог бы. В глазах мне подчиненных людей и моего начальства в ВСНХ это было бы большой и немедленно всеми замеченной демонстрацией. А делать ее у меня никаких мотивов не было. У меня, наоборот, были мотивы за то, чтобы идти. Во-первых, я действительно хотел взглянуть в последний раз, назовем это «проститься» с тем, чье большое политическое влияние я испытывал в годы моей молодости, двадцать лет перед этим, в течение 1901—1904 гг. Во-вторых, Ленин последнее время был для меня больше всего смелым зачинателем НЭП-а, человеком *1921 г.*, а не человеком *1917 г.*, захватившим власть, разогнавшим Учредительное Собрание, ставшим осуществлять те идеи, провал которых наш кружок («Лига наблюдателей») с большим удовлетворением установил в своей памятке «Судьба основных идей октябрьской революции».

Гроб Ленина в Колонном зале был поставлен столь высоко, окружен таким количеством пальм, венков, цветов, прохождение около гроба должно было совершаться с такой бытротой, что, в сущности, умершего Ленина я и не увидел. Три или четыре года спустя, в 1927 или 1928 г., проходя по Красной площади, я решил зайти в мавзолей Ленина. От того, что я там увидел, впечатление осталось удручающее, отвратительное. Под стеклянным колпаком лежала небольшая лакированная кукла с желтенькими усами. Каким-то лаком было покрыто ее лицо. Ничего, ну, абсолютно ничего, сколько-нибудь схожего с человеком, которого я знал. Лет двенадцать перед этим, будучи в Париже, я зашел в музей Гревэн на бульваре Монмартр. Там из воска и разного материала специалисты делают с большим искусством точные «портреты»-фигуры в натуральную величину персон, по тем или иным причинам попадающим в поле большой актуальности, в поле обостренного внимания публики. Та-

ковым может быть и король, и какой-нибудь генерал, ученый, политический деятель, артист или кровавый преступник-убийца. Фигуры из воска музея Гревэн — верх совершенства в сравнении с грубой фабрикацией, под наименованием «Ленин», находившейся под колпаком в мавзолее. Мощи Ильича мне показались величайшей насмешкой над живым Лениным. Откуда, как, у кого появилась мысль выпотрошить все внутренности из трупа Ленина и из чего-то немногого после этого оставшегося создать подобие человека, — мумию? У кого родилась идея, под видом останков Ленина сохранить эту штуку в особом мавзолее?

Об этом, совершенно так же, как о многом другом неизвестном, о чем мне пришлось говорить на предыдущих страницах, до сих пор ничего не было в печати. «Предисторию» мавзолея Бухарин поведал Рязанову, а я узнал ее не прямо от него, а в передаче некоторых посредников. Нюансы, оттенки мысли, выражения людей, создававших эту «предисторию», крайне интересны. Вряд ли мне удастся их передать во всей их «выпуклости», тем не менее я постараюсь, чтобы, хотя бы грубо и кратко, была охарактеризована позиция в этом вопросе Калинина, Сталина, Рыкова.

Троцкий в своей автобиографии писал, что «На Красной Площади воздвигнут был при моих протестах недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей». Когда Троцкий протестовал? Конечно не тогда, когда мавзолей с бальзамированным трупом Ленина уже появился. Тогда протестовать было поздно и невозможно, да и во время появления мавзолея Троцкий был не в Москве, а в Сухуме. Протестовал Троцкий задолго до этого и досадно, что нигде в своих воспоминаниях он об этом не рассказывает.

Вот что можно установить из рассказов Бухарина.

Вероятно, в последних числах октября 1923 г. сошлись шесть лиц из Политбюро — Троцкий, Бухарин, Каменев, Калинин, Сталин, Рыков. Это не было заседанием Политбюро. Зиновьев и Томский на нем не присутствовали, не было ни записи происходившего разговора, ни какого-либо зафиксированного решения. Это было только беседой. Сталин сообщил, что по полученным им сведениям состояние здоровья Ленина внезапно столь ухудшилось, что можно опасаться смертельного исхода. Ряд соображений подсказывает, что Сталин имел в виду резкое ухудшение положения Ленина после его поездки 19 октября из Горок в Москву. Отсюда я и вывожу, что совещание происходило в последних числах октября или в начале ноября.

Отзываясь на сообщение Сталина, Калинин указал, что надвигающаяся смерть Ленина ставит перед партией важнейший вопрос о его похоронах. «Нужно обдумать все к ним относящееся. Это страшное событие не должно нас застигнуть врасплох. Если будем хоронить Владимира Ильича, похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал».

Сталин вполне поддерживал Калинина.

> «Нужно действительно все обдумать заранее, чтобы не было никакой растерянности, незнания, что делать в часы великой скорби. Этот вопрос, как мне стало известно, очень волну-

ет и некоторых наших товарищей в провинции. Они говорят, что Ленин *русский человек и соответственно* тому и *должен быть похоронен.* Они, например, категорически против кремации, сжигания тела Ленина. По их мнению, сожжение тела совершенно не согласуется с русским пониманием любви и преклонения пред усопшим. Оно может показаться даже оскорбительным для памяти его. В сожжении, уничтожении, рассеянии праха русская мысль всегда видела как бы последний высший суд над теми, кто подлежал казни. Некоторые товарищи полагают, что современная наука имеет возможность с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долгое время, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас все-таки нет».

Речь Сталина была длинная, верткая, но что я верно передаю ее смысл и направление, можно судить по ответу на нее, который с величайшим возмущением сделал Троцкий:

«Когда тов. Сталин договорил до конца свою речь, тогда только мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин — русский человек и его нужно хоронить по-русски. По-русски, по канонам русской православной церкви, угодники делались мощами. Повидимому нам, партии революционного марксизма, советуют идти в ту же сторону — сохранить тело Ленина. Прежде были мощи Сергея Радонежского и Серафима Саровского, теперь хотят их заменить мощами Владимира Ильича. Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина, создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют абсолютно ничего общего».

В полном согласии с Троцким и с таким же возмущением говорил Бухарин. Превращение в бальзамированную мумию останков Ленина, по его мнению, до такой степени оскорбительно для его памяти, до такой степени противоречит, не вяжется со всем его материалистическим, диалектическим мировоззрением, что об этом не может быть и речи.

«Я замечаю, что где-то в партии, из каких-то щелей несет странным духом. Хотят возвеличить физический прах в ущерб идейному возвышению. Говорят, например, о переносе из Англии к нам в Москву праха Маркса. Приходилось даже слышать, что сей прах, похороненный около кремлевской стены, как бы прибавит «святости», значения всему этому месту, всем погребенным в братском кладбище. Это чёрт знает что!»

В таком же духе возражал Сталину и Каменев. Он указал, что существует предложение (его особенно поддерживает Зиновьев) переименовать Петроград в Ленинград. Такой акт, отмечающий грандиозное значение Ленина в истории октябрьской революции, вместе с изданием в десятках миллионов экземпляров его сочинений, явится действительным почитанием памяти Ленина. Что же каса-

ется сохранения тела Ленина, он, Каменев, видит в этом своеобразный и странный отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своей философской книге.

По-видимому, на Сталина и на Калинина протесты Троцкого, Бухарина и Каменева впечатления не произвели. Сталин отказался назвать имя «товарища из провинции», предложившего произвести бальзамирование останков Ленина, а Калинин продолжал настойчиво твердить, что Ленина нельзя хоронить как простого смертного. Странную, но клонящую к Сталину и Калинину позицию занял Рыков. Он находил весьма неудачной вообще идею устройства кладбища на Красной площади у кремлевской стены: «Принесли туда несколько сот гробов, якобы защитников октябрьской революции, и сложили в братские могилы. Но были ли они действительными защитниками революции, а не случайно убитыми и даже врагами этой революции, этого точно мы не знаем. Этот вопрос кое-кем поднимался в 1919 г., когда хоронили в том же месте Я. М. Свердлова».

Из того, что до меня дошло, можно было понять, что Рыков тоже считал, что Ленина нужно хоронить как-то по-особому и, во всяком случае, вне братского кладбища. В моих встречах с ним вопрос о похоронах Ленина никогда не затрагивался, позиция Рыкова в этом вопросе делала для меня невозможной его постановку.

Что же случилось, когда Ленин умер и уже безотлагательно потребовалось установить, как его хоронить? О принятом на этот счет решении не знали даже в высокостоящих рядах партии. Например, Е. Ярославский занимал важнейший пост секретаря Центральной Контрольной Комиссии партии, куда, по определению Сталина, могли входить лишь люди, равные «цекистам». И все-таки даже он, Ярославский, не знал, что решено, и потому в своей поминальной статье (над нею потом издевались), помещенной 26 января в «Правде» писал: «Родной Ленин! Смертное тело твое — *скроем в землю*, а дело твое, твои мысли останутся с нами в нас». [72]

В том-то и дело, что было решено не *скрывать*, не *зарывать останки Ленина в землю*. И в том же самом номере «Правды», в левом уголке четвертой страницы, явно избегая эпатировать партию и население, скромненько напечатано следующее постановление президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза, подписанное председателем ЦИК Калининым.

> «Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК СССР; и в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, президиум ЦИК Союза постановляет:
> 1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.
> 2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братской могилы борцов октябрьской революции». [73]

---

[72] Правда, 26 января 1923 г., стр. 3.
[73] Ibid, стр. 4.

Когда это постановление появилось, оно показалось мне и другим каким-то ребусом. Оно двусмысленное. С одной стороны, сохранение тела Ленина должно носить как будто временный характер — дать неприехавшим делегациям из провинции возможность «проститься» с любимым вождем. С другой стороны, «склеп» совсем не для временной цели, а навсегда для его постоянного посещения. Объяснение ребуса оказалось простым. В Политбюро была группа, которая, не считаясь с протестами Троцкого, Каменева, Бухарина, твердо решила труп Ленина бальзамировать и сохранять. За это стояли Сталин, Рыков, Калинин. Заявление Калинина, что в ЦИК будто бы поступали от «многочисленных делегаций» «просьбы и предложения сохранить останки Ленина (по «русским» канонам сделать из них мощи) было, разумеется, ложью, враньем. Все было решено без этих обращений. 26 января открылся второй Всесоюзный Съезд Советов. Казалось бы он-то и должен бы решить вопрос о «мощах». Это сделано без него, до него, так как уже 25 января президиум ЦИК опубликовал свое постановление о сооружении «склепа». Съезду Советов, по предложению, — подчеркну, — *Рыкова* осталось постановление утвердить, одновременно с переименованием Петрограда в Ленинград, что тоже было уже сделано Петроградским Советом по предложению Зиновьева. Стоит напомнить, что строившийся втайне, впопыхах и с огромной скоростью, склеп немедленно после переноса в него останков Ленина был закрыт, и доступ туда запрещен. Официально это мотивировалось тем, что не окончены работы по оборудованию внутри склепа, на самом же деле была другая, более важная, причина: труп Ленина стал быстро разлагаться, его нужно было по-новому препарировать, а потом все последующие годы поддерживать особым туалетом. Спешно сделанный деревянный мавзолей заменен в 1929 г. другим, солидным, из гранита.

При приближении немцев к Москве, мумия Ленина была куда-то увезена. Я слышал, что вместо прежней мумии Ленина была сделана другая, вся новая и более на него похожая. Так ли это — не знаю. Место недалеко от мавзолея продолжает быть кладбищем высокостоящих персон коммунистического режима. По непонятным мне причинам, трупы одних подвергаются сожжению и прах их хранится в урнах; такой операции подверглись, например, тела М. Горького, Крупской, Куйбышева, Щербакова. Другие, как все до начала тридцатых годов, погребаются без сожжения в гробах — Калинин, Жданов. [74]

---

[74] Перенесение в мавзолей, хранящий «святые мощи» Ленина, мумии Сталина, преступные деяния которого заклеймены в секретном докладе Хрущева, — того самого Сталина, смерти которого жаждали и, более чем вероятно, способствовали его нынешние наследники, представляет собой величайший абсурд. Но такими абсурдами полна вся история советской революции.

ГЛАВА V

ДЗЕРЖИНСКИЙ В ВСНХ СССР

Во второй половине 1922 г., о чем уже говорил в первой части моих записок, я был приглашен участвовать в «Торгово-Промышленной Газете», только что появившемся органе Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ). И с этого момента, в течение почти шести лет, в качестве заместителя ответственного редактора газеты (М. А. Савельева), я имел возможность не просто наблюдать, но и принимать на своем посту самое близкое участие в деятельности ВСНХ.

Годы 1922 и 1923 были периодом граничащего с хаосом неустройства и переустройства советской промышленности. Введение НЭП-а во второй половине 1921 г., провозглашение коммерческого расчета обязывало покончить с системой безденежных расчетов, снабжением промышленности с помощью конфискации продукции сельского хозяйства. Коммерческий расчет требовал твердой валюты. Ее не было. Деньги представлял, так называемый, «совзнак» (советский знак), а ценность его в процессе инфляции падала так, что, например, 1 октября 1922 г. купюра в 100 000 совзначных рублей по своей покупательной ценности равнялась приблизительно одной двадцатой довоенной копейки. Только 11 октября 1922 г. объявлено установление твердой валюты — червонца (10 рублей), покрытого на 25 процентов золотом и устойчивой иностранной валютой, и потому большая часть этого года прошла при денежном хаосе. В денежной массе, находившейся в обращении на 1 января 1923 г., твердая валюта, червонец, занимала 3 процента, все остальное — «совзнак». Только осенью 1923 г. червонец занял главенствующее (74 процента) положение в денежной массе, а 15 февраля 1924 г. прекратилась всякая эмиссия и обращение всеми проклинаемых «совзнаков». Следовательно, лишь к концу 1923 г. промышленные предприятия, опираясь на твердый измеритель, получили возможность приступить к настоящему счетоводству, вести калькуляцию себестоимости продукции, составлять обоснованные балансы, уйти от фантастического счетоводства времени военного коммунизма, которое бухгалтеры и счетоводы называли «филькиной грамотой».

НЭП, разрушая существующие до него организационные формы, привел к созданию множества объединений, названных «трестами», управляющих фабриками и заводами. К концу 1922 г. их насчитывалось 478. Они росли как грибы. Спешно созданные, многие из них представляли собой совершенно негодные организации. Их потом пришлось уничтожать. Строительство трестов вообще происходило слепо, без ясного установления их прав, обязанностей, их отношения к Высшему Совету Народного Хозяйства и местным органам. Некоторые из них, наиболее мощные, считали себя настолько автономными и свободными, что почти не считались с ВСНХ. Лишь 10 апреля 1923 г. и 17 июня того же года, после почти двухлетнего существования трестов, были опубликованы декреты, оформляющие положение трестов и указывающие, что их производственные планы и личный руководящий персонал должны утверждаться ВСНХ. [75] Статут трестов составлялся при главенствующем участии Пятакова, а он, с присущим ему тяжелым, ультрацентралистическим администрированием, старался оставить минимальную свободу дирекциям фабрик и заводов.

Событием большой важности и для промышленности было образование «СССР» — Союза Советских Социалистических Республик, прокламированного в конце 1922 г., утвержденного сначала ЦИК СССР в июле 1923 года, потом Съездом Советов в январе 1924 г. Его конституция вызвала необходимость точно установить, какие органы и учреждения имеют значение общесоюзное, а какие — характер республиканский. Отсюда появление Высшего Совета Народного Хозяйства СССР и советов народного хозяйства РСФСР, Украины, Белоруссии и т. д. ВСНХ СССР делался верховным органом промышленности всех республик, и под непосредственное его управление вошла преобладающая масса производства и занятых в нем рабочих, сосредоточенных в 72 крупнейших трестах.

Сопровождая эти изменения, подвергалась глубокому преобразованию вся структура ВСНХ существовавшего до 1921 г. Вместо главков и центров военного коммунизма в ВСНХ образовались две большие части. Это «ГЭУ» — Главное Экономическое Управление, с рядом отделов, намечающих планирование и регулирование промышленности, и ЦУГПРОМ — Центральное Управление Государственной Промышленности, с помощью соответствующих директоратов, вместе с Главметаллом и Главэлектро, осуществляющее управление трестами, от которых торговые операции были выделены в «синдикаты» и «торги». В эпоху гражданской войны существовала особая чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии. В 1921 г. она была упразднена и функции ее по обслуживанию армии и обороны переданы в образованное в ВСНХ Военное Управление. За все шесть лет моей службы в ВСНХ, я в эту сторону, тем более, что она была законспирирована, никогда не глядел и о том, что там делалось, никогда не узнавал. В этом отношении я, без всякого сговора с другими, следовал примеру всех беспартийных работников ВСНХ,

---

[75] Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1923 г., № 29, глава 366.

желавших таким отношением к Военному Управлению гарантировать себя от каких-либо подозрений в интересе к секретным делам, относящимся к обороне. Этим, вероятно, объясняется, что, например, на меньшевистском процессе 1931 г., где подсудимым пришито выдуманное обвинение в желании «иностранной военной интервенции», ни разу не было сказано, не было выдумано, что они выдавали, хотели или делали попытки выдать «военные секреты».

Может быть я представил изменения, происходившие в организации управления советской промышленностью в излишне краткой форме, упускающей некоторые важные стороны. В огромной степени эти изменения шли ощупью, неуверенно, сбивчиво. Многое устанавливалось, а через короткое время подвергалось самой существенной переделке. ВСНХ помещался в так называемом «Деловом Дворе», огромном здании, выстроенном в 1913 г. московским купечеством, с целью сосредоточить в одном месте многочисленные промышленные представительства и конторы. «Деловой Двор» в 1921—23 гг. являл картину постоянного перемещения из одного места в другое, из одного этажа в другой, организующихся отделов ГЭУ и ЦУГПРОМА. Помещения наскоро разгораживались перегородками из фанеры, люди усаживались в этих загородках, а через месяц их переводили куда-то в другое место. То был, по выражению того времени, «фанерный период» жизни ВСНХ, следовавший за «удельным периодом» в организации промышленности, когда тресты представляли собою «удельные княжества», мало считающиеся с центром. Процесс реорганизации управления мог бы происходить менее хаотично, много разумнее, не вызывая стольких ненужных, бесплодных трат энергии, если бы в ВСНХ была какая-то авторитетная, дирижирующая фигура, если бы в нем был «хозяин», способный в нужные моменты твердо говорить одному «да» и другому «нет». Ни такого хозяина, ни способного его заменить коллектива, не было. Сначала, при образовании ВСНХ, его председателем стал Осинский; в 1918—1920 гг. — Рыков; в 1921—1923 гг. — Богданов. В 1923 г. в нем снова появился Рыков, ибо была потребность в «хозяине», а он показал свои способности управлять ВСНХ в эпоху военного коммунизма. Но Рыков, со времени болезни Ленина, фактически занимал пост председателя Совета Народных Комиссаров, у него было слишком много другой важной работы. Действительно управлять ВСНХ, дирижировать происходящими в нем реорганизациями, он не имел времени. В сущности, он лишь в отдалении присматривал за тем, что там делалось. То, что он не делал, не мог делать, а должен был делать, — выпадало на долю его предшественника и помощника Богданова и на Пятакова, посланного со специальной задачей способствовать перестройке ВСНХ.

Какую роль играли эти два лица?

П. А. Богданов — выходец из богатой московской купеческой фамилии. В революцию 1905 г., как многие другие, вступил в большевистскую фракцию социал-демократической партии. В 1911 г., когда я был заместителем редактора «Русского Слова», а он служил в московском городском самоуправлении, мне несколько раз при-

шлось с ним встречаться. В разговорах с ним я никогда не видел даже намека, из которого можно было бы заключить, что он социал-демократ-большевик. Его запись в партию в 1905 г., видимо, никак на нем не отражалась. При октябрьской революции, чувствующей острый недостаток не в пропагандистах и агитаторах, а в специалистах, спрос на инженеров-партийцев был огромен и Богданов, окончивший Высшее Московское Техническое Училище, вступив в ВСНХ, начал играть в нем значительную роль. Но именно потому, что его партийное прошлое тоще и жидко, с ним в партийных кругах, тем более в Совнаркоме, в СТО,[76] в Политбюро, не очень-то считались. Богданов чувствовал это и знал. Поэтому, когда при реорганизации промышленности, при решении какого-нибудь важного вопроса нужно было дать быстрое и увереное решение, Богданов всегда колебался, всегда опасался, что верхи партии его дезавуируют, поставят в неловкое положение. С 1923 по 1925 год он занял пост председателя СНХ РСФСР. При существовании ВСНХ СССР, располагавшемся и на территории РСФСР, т. е. России,[77] учреждение, председателем которого поставили Богданова, имело небольшое значение. В начале 1926 г. Богданова, с явным понижением, назначают председателем Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. С этого времени я совершенно выпустил его из глаз. Никогда и ничего больше о нем не слышал. Что с ним сделалось, избег ли он пули в затылок? — не знаю. Не могу удержаться, чтобы не указать на одно побочное, но крайне вредившее престижу Богданова обстоятельство. Войдя в ВСНХ, он тащил за собою коллег по Техническому Училищу. Таким, например, был Долгов, бесцветная фигура, напоминающая каких-то персонажей Чехова, и, хотя он был беспартийным, Богданову каким-то образом удалось его провести в члены (единственный) президиума ВСНХ. Коллегой Богданова был Штейн, беспартийный, демонстративно коммунизировавший и по этой причине выдвинутый партией на пост председателя союза инженеров и техников. Штейн был «общественным обвинителем» в 1928 г. на процессе шахтинского дела, а два года позднее объявлен вредителем и бесследно исчез. Богданов очень покровительствовал Л. Я. Карпову, на пять лет позднее его кончившему то же Московское Техническое Училище. Карпова я хорошо знал. Мы были вместе с ним в 1903 г. членами нелегального Киевского Комитета социал-демократической партии. Никаких больших способностей у него не было, но так как партийные инженеры вообще, а химики, в частности, весьма ценились, большевик Карпов начал при военном коммунизме играть большую роль в химическом отделе ВСНХ. Он участвовал в организации этого отдела и центральной химической лаборатории при ВСНХ. После смерти (1921 г.) был объявлен выдающимся деятелем в области «советской химии», а указанная лаборатория превращена в научно-исследовательский институт «имени Карпова». Несчастье, выдвигаемых Богдановым лиц, было их великое пьянство. Сильно выпивал Долгов, до бесчувствия и до гром-

---

[76] Совет Труда и Обороны.

[77] Оба учреждения находились в Москве, столице и СССР, и РСФСР. Ред.

ких скандалов напивался Штейн, а Карпов в 42 года погиб от постоянного, запойного, его отравлявшего пьянства. О «припадании» его к водке я знал уже в 1903 г., неоднократно видел, что он являлся подвыпившим на заседания Комитета. Во времена военного коммунизма производство и продажа спиртных напитков запрещались. Карпов выхлопатывал получение спирта, якобы для научных работ химической лаборатории и эта лаборатория стала местом, где спивались он, Штейн и другие любители водки из разбавленного спирта. Это широко было известно в ВСНХ и, когда потом, уже при допущенной продаже водки (сначала вместо 40 градусов в 20), о ком-нибудь хотели сказать, что он пьянствовал, часто говорили: такой-то провел вечер в институте имени Карпова. Сам Богданов «карповской» болезнью совсем не страдал, но, по свойственной ему мягкости и слабости характера, выгораживал своих пьянствующих коллег, что весьма отражалось на его престиже. О нем говорили: «Богданов — мямля, он на поводу у пьяниц».

Полной противоположностью «мямле» Богданову был Пятаков — другой помощник Рыкова. Кстати сказать, как и Богданов, он сын богатой киевской семьи, черпавшей свои доходы из сахарной промышленности. До двадцати лет (до 1910 г.) Пятаков называл себя анархистом и с презрением смотрел не только на меньшевиков, но и на большевиков, видя в них простую разновидность реформистской социал-демократии. Не знаю, когда он стал большевиком; известно только, что во время войны, уже будучи большевиком, Пятаков, вместе с Евгенией Бош, через Японию перебрался в Швейцарию. С Лениным, жившим сначала в Берне, потом в Цюрихе, он расходился по многим вопросам, особенно по вопросу о самоопределении наций. Пятаков — человек до абсурда крайних решений. «Нужно, — возражал он Ленину, — не право на самоопределение наций, а *отмена наций*. Не объединение наций, а объединение пролетариев. *Долой границы!*» Ленин не переносил неподчинения его директивам, идеям и лозунгам. Обозленный, что Пятаков и его подруга Е. Бош не следуют этому правилу, Ленин писал Инессе Арманд (это письмо через 34 года было напечатано в «Большевике», 1949 г., № 11): «Они не хотели учиться мирно и товарищески. Воротили нос. Пусть проваливают к чёрту! Я им набью морду и ошельмую как дурачков перед всем светом, так, и только так, нужно действовать».

В октябрьскую революцию в 1918 г. Пятаков делается «неистовым» председателем Украинского Совета Народных Комиссаров. В это время в другой местности — в Пензенской губернии неистовствует Евгения Бош. В качестве уполномоченной по сбору продовольствия, она конфискует хлеб у крестьян, берет в заложники кулаков, приказывает, следуя за телеграммами Ленина, расстреливать тех, которые не поставят указанного им количества зерна. (Удрученная введением НЭП-а, нападками на оппозицию, Евгения Бош, мать двух детей, застрелилась в 1924 г. в Москве. По той же причине, не вынеся НЭП-а, покончил с собой видный член партии рабочий-металлист Лутовинов).

Крайние идеи Пятаков не оставлял и в 1919 г. Он против признания украинцев нацией и считал ненужным образование в пре-

делах общей коммунистической партии какой-то украинской части: «К чему все это, когда есть прекрасный Центральный Комитет в Москве». В эпоху военного коммунизма, в тяжкой обстановке которого Пятаков, однако, чувствовал себя свободно и легко, как утка в воде, — он носился с идеей образования Всемирного ВСНХ с полным подчинением всех национальных коммунистических партий Центральному Комитету российской партии. На VIII съезде партии, в марте 1919 г., Ленин упомянул об этих ересях; на это Пятаков ему крикнул: «А разве вы думаете, что это было бы плохо?»

«Если Пятаков, — ответил Ленин, — сейчас бросает замечание, что это было бы недурно, то я должен ответить, что если бы что-нибудь подобное стояло в нашей программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами бы убили себя».

Уверения Ленина, как мы знаем, оказались пустыми. Всемирный ВСНХ, управляемый Москвой, не появился, но вместо него, при Сталине, создан некий эрзац — центр в Москве, управляющий, в согласии с интересами Москвы, всей экономикой Восточной Европы. Что же касается требования подчинения всех национальных коммунистических партий Центральному Комитету в Москве, это, через Коминтерн, начало осуществляться уже при Ленине, дойдя до последнего предела при Сталине. Из 67 коммунистических партий в мире, за исключением польской и югославской, все остальные находятся и поныне в рабском подчинении у Москвы. [78]

Различные высказывания Пятакова я привел, желая дать представление, из какой «материи» сделан был этот человек и какого характера идеи бродили в его голове. Но он был несомненно незаурядным человеком, с огромной волей, замечательными организаторскими способностями, умением для той или иной задачи найти, разместить людей и, давя на них, достигать результатов в самой трудной обстановке. В качестве одного из примеров организаторства Пятакова — начавшаяся на юге в 1920 г. добыча угля на разоренных и залитых водою шахтах. Вместе с тем, он был до крайности, до безобразия, *груб* в своих отношениях с подчиненными; его боялись, признавали его способности и не очень любили. Любопытно, что из всей массы коммунистов, не принадлежащих к старым большевикам, Ленин в своем «завещании» упоминает только двух — Пятакова и Бухарина. Пятаков, по его оценке, «человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и административной стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». Такой характеристике нельзя отказать в проницательности. Невозможность положиться на него в серьезном вопросе Пятаков подтвердил, появившись в ВСНХ. Чтобы сразу вывести промышленность из состояния проедания капитала и снабдить ее крупными средствами в целях ускоренного развития, он дал трестам и синдикатам указание продавать товары по ценам, обеспечи-

---

[78] Написано до конфликта Хрущева с Красным Китаем.

вающим самую высокую прибыль. В связи с этим находится составленный Пятаковым знаменитый приказ по ВСНХ от 16 июля 1923 г., давший санкцию погони за прибылью: «Общим руководящим началом деятельности как предприятий, так и ВСНХ на ближайший период, является прибыль, как задача, и баланс, как метод».

Тресты, вдохновляемые указанием Пятакова, полностью их одобряя, с поспешностью начали погоню за максимальной прибылью, подняв цены на такую высоту, что создалось невероятно абсурдное явление: в стране с товарным голодом, недостатком товаров, ничтожной товарной продукцией, осенью 1923 г. разразился кризис сбыта. Прибыль некоторых государственных организаций, например в синдикате «Моссукно», составила 137 процентов! Ни рабочим, ни крестьянам цены товаров абсолютно не были доступны и это вызывало большое недовольство у населения правительством. Лучшим доказательством, что Рыков в 1923 году не управлял ВСНХ, а был номинальным его главой, — его пропуск без внимания и приказа Пятакова, и его подготовки погони за прибылью. Только когда стали обнаруживаться явные признаки кризиса сбыта, Рыков схватился за голову: как он мог это допустить!

Приказ Пятакова, — вполне согласуясь со свойственными ему неосторожными, крайними, внешне-революционными решениями, привел к жестокой критике его в Совнаркоме и СТО, а на заседаниях их Пятаков был постоянным членом. Недовольство Пятаковым в ЦК и Политбюро увеличивалось тем, что он был одним из авторов двух писем, направленных осенью 1923 г. в ЦК и зло критикующух правительственную экономическую политику, ведущую к «гибели страны». Одно из этих писем подписано Пятаковым, Преображенским, Осинским и В. Смирновым, другое — 46-ю «оппозиционерами». Меньше чем кто-либо Пятаков имел право критиковать недостатки экономической политики Политбюро. Все это привело к тому, что, за исключением Троцкого, у Пятакова в Политбюро не было защитников. Никто не отрицал его рвение и организаторский талант, но в Политбюро и Совнаркоме все были далеки от мысли, что Пятакова можно назначить председателем ВСНХ. Вообще говоря, в назначении его одним из важнейших руководителей реорганизации и управления ВСНХ был какой-то экивок. Промышленность, уходя от военного коммунизма, перестраивалась, впитывала в себя новый «дух», чтобы жить в условиях НЭП-а, устанавливаемого «всерьёз и надолго», как на то указывал еще живший Ленин. Но в глубине души никакого НЭП-а Пятаков не признавал. НЭП он считал величайшей ошибкой: «Будь на то моя воля, я нэповскую музыку играть никогда бы не допустил».

В конце 1923 г. в ВСНХ сложилась странная ситуация: огромнейшее и важнейшее в стране учреждение фактически не имело начальника, шефа, ответственного руководителя. Рыков, обремененный другими функциями, им быть не мог. Как уже указано, им не мог быть и Богданов. И по многим и многим причинам на этот пост не мог быть поставлен и Пятаков. «За ним, — говорил Рыков, — нужно всегда присматривать, иначе он перебьет всю посуду».

Так как в состоянии «безначалия», «беспризорности», ВСНХ пребывать не мог, в конце 1923 и начале 1924 г. пошли слухи, догадки: кого в ВСНХ поставят главою? Одни «осведомленные» люди утверждали, что это Рудзутак, по другим «сведениям» — Сокольников, но эти толки замолкли и вместо них пронесся слух, создавший в ВСНХ настроение близкое к панике: председателем ВСНХ будет Дзержинский, грозный начальник ВЧК-ГПУ, учреждения, наводившего страх не только на обывателей, но и на самих коммунистов, особенно тех, кто уже слишком «вкушал» блага и удобства, созданные НЭП-ом. Дзержинский в это время был народным комиссаром транпорта. На железных дорогах, где царствовал развал и хищения, он наводил порядок, прибегая и к расстрелам. И все-таки не о Дзержинском этого времени говорили, когда встал о нем вопрос, а о том, который до 1920 г., после убийства в Петербурге чекистов Володарского и Урицкого, после покушения на Ленина, проводил кровавый массовый террор. Это тогда пошли рассказы о его жестокости, беспощадности и садистической страсти вести мучительные ночные допросы обвиняемых. «Осведомленные» люди шептали (поразительно до какой степени Москва до 1928 г. была городом «слухов»), что Дзержинский появится в ВСНХ, чтобы, с присущими ему методами, навести в нем «порядок», с этой целью он приведет с собою когорту испытанных чекистов и в каждом отделе, каждом бюро ВСНХ, будет помещен шпион-«сексот» (секретный осведомитель). Дополняясь всяческими деталями, приносимыми фантазией и страхом, такого рода шепоты создавали заразительно-нервное настроение: конец ВСНХ! — он скоро превратится в отделение экономического управления ГПУ, нужно ждать чисток, арестов, смещений и перемещений. При таком представлении о приходящем Дзержинском, уходящий из ВСНХ Рыков казался идеальным администратором, «ангелом-хранителем», полным мягкости, внимания и благожелательности к подчиненным. В этом духе и был составлен ему адрес, подписанный несколькими сотнями сотрудников ВСНХ. В феврале 1924 г. слух о Дзержинском подтвердился: он действительно был назначен на пост председателя ВСНХ. Верным оказалось и другое: с собою он привел группу чекистов во главе с В. Н. Манцевым, сделавшим карьеру, сначала в качестве начальника московской ЧК, а потом на посту председателя всеукраинской ЧК. Зато почти все остальное, созданное испуганной мыслью, оказалось неверным. Два с половиной года пребывания в ВСНХ Дзержинского сильно рассеяли существовашее о нем представление. Его скоропостижная смерть (20 июня 1926 г.) опечалила сотрудников ВСНХ и многих беспартийных инженеров и техников.

В это время можно было часто услышать: «Жаль, умер Дзержинский! С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал. При нем мы могли спокойно спать. Не боялись, что приедет «черный ворон» (фургон ГПУ, перевозивший арестованных).

«Широкие массы специалистов, — писала после его смерти «Правда», — признали в товарище Дзержинском, в этом страшном

для мировой буржуазии председателе Чрезвычайной Комиссии, своего талантливого руководителя».

Особое отношение беспартийных специалистов к Дзержинскому подтверждает и корреспонденция из Москвы, помещенная в берлинском «Социалистическом Вестнике» от 2 октября 1926 г.: «Жутко было, когда во главе ВСНХ стал Дзержинский. А теперь спецы, вплоть до бывших монархистов, готовы памяти Дзержинского панихиду служить».

На всесоюзной конференции союза рабочих металлистов в ноябре 1924 г. Дзержинский говорил (об этом есть газетный отчет):

> «Меня назначили в ВСНХ, я руковожу, в частности, Главметаллом, и буду проводить плановое начало железной рукой. Кое-кому хорошо известно, что рука у меня тяжелая, может наносить крепкие удары. Я не позволю вести работу так, как ее до сего вели, т. е. анархически».

Таких речей, в духе ГПУ, с ссылкой на «железную руку», на пугание «крепким ударом» — Дзержинский за время своего управления промышленностью произнес очень мало. Да и после только что произнесенной угрозы, он тут же сделал важную оговорку: «Недостаточно одного желания железной рукой искоренить недочеты. Более важно знать, как их устранить, а для этого необходима колоссальная работа».

Дзержинский в ВСНХ и Дзержинский в эпоху неистовствовавшей ЧК — далеко не одно и то же. Что с ним случилось? В написанном в 1935 г., вышедшем в Париже, ярком памфлете, посвященном Дзержинскому (объективными памфлеты не бывают) Р. Б. Гуль ставил вопрос — почему изменился Дзержинский? Ответ им не дан, он только сказал, что было бы удивительно, если бы Дзержинский «не устал от тюремного воздуха, арестов, шума заведенных моторов (под их маскировкой производились расстрелы. — Н. В.), ночных допросов, криков, слез, стенаний, проклятий, смертных приговоров и рапортов о расстрелах». Как бы ни объяснять происшедшую перемену Дзержинского — она явная. Можно было видеть, что войдя в ВСНХ, в это сложное учреждение со стоящими перед ним сложнейшими проблемами, Дзержинский почувствовал, что не может этим учреждением управлять с помощью методов, опирающихся на чекистское устрашение. Указаный выше В. Н. Манцев, ставший во главе торгового отдела ВСНХ и в обстановке хозяйственной работы, на глазах всех нас сам терявший свои чекистские ухватки, сказал однажды Савельеву:

> «Феликс Эдмундович (Дзержинский), с тех пор как стал работать в ВСНХ, сильно изменился. Прежде он хотел, чтобы его боялись, даже от страха ненавидели. Это не смущало его. В качестве председателя Коллегии ВЧК, он считал, что такой страх приносит большую пользу как в самом составе ВЧК, так еще больше вне ее — в стране. Страх, по его мнению, играет роль предохранителя от свершения всяческих проступков и преступлений. А вот теперь ему неприятно слышать, что его личность вызывает страх у подчиненных ему и с ним сотрудничающих людей».

Манцев был прав: Дзержинскому было неприятно, когда в ВСНХ на него смотрели как на грозного и страшного начальника ГПУ. Я лично убедился в этом при следующего рода эпизоде.

По обязанностям службы Дзержинскому приходилось не только давать краткие «команды», распоряжения, но, конечно, многое объяснять, говорить на разных совещаниях и заседаниях. Если это происходило в немногочисленном кругу, все шло благополучно; когда же приходилось произносить большие «директивные» речи перед большой аудиторией, слушать его было тяжко. Он волновался, и при этом проступал польский акцент, говорил скороговоркой. В построении фраз всегда чего-то не хватало, мысль не находила нужного ей выражения. Все выступления Дзержинского записывались лучшими стенографистками ВСНХ, но при расшифровке их записи получалась полная невнятица. При передаче речей Дзержинского в «Торгово-Промышленной Газете» я никогда не пользовался только стенографической записью, а всегда, в дополнение к ней, отчетами, составленными нашими сотрудниками. Для этого я посылал иногда двух репортеров, давая указание не гнаться за передачей фраз и слов, а только за смыслом, только за содержанием. Лишь при пользовании таким двойным, а иногда тройным, материалом, и долгой обработке его мне удавалось давать в газете более или менее удачные передачи речей Дзержинского. По-видимому, эти передачи ему нравились, так как, встретив меня однажды в коридоре ВСНХ, Дзержинский смеясь сказал:

— Не знал, что я такой хороший оратор. Скажите откровенно, отчеты эти трудно делать?

— Очень.

— Почему? В чем мои недостатки, может быть я способен от них отделаться?

Я сказал Дзержинскому, что есть люди, которые говорят приблизительно так, как пишут. Таков Пятаков. У него все стоит на своем месте — подлежащее, сказуемое, прилагательное, весь синтаксис в порядке. Фиксация его речей легка. Иначе у Ленина. Он настойчиво просил никогда не полагаться на стенографическую запись. Она никогда не отражала содержания его речей. Ленин думал, что происходит это оттого, что он говорит слишком быстро и стенография не успевает записать многие нужные слова. Ленин просил давать отчеты, резюме его речи и не следовать за стенографией.

— С передачей ваших речей, Феликс Эдмундович, обстоит сложнее. Говоря, вы, вероятно, мысленно произносите все конструирующие и выражающие фразу слова, однако, многие слова в этих фразах остаются невысказанными, несказанными. На языке их нет. Так у многих бывает, а у вас больше, чем у других. Есть, например, начало фразы, оно сказано, есть конец фразы, а середины нет. Вы ее не сказали, ее проглотили. Или есть середина фразы и конец, а начало ее не высказано. Одна только стенографическая запись ваших речей, фиксирующая лишь то, что слетает с ваших губ и слышится, а не то, что вы мысленно произносите и, следовательно, не слышится, — непригодна давать передачу ваших выступлений.

Нужно прибегать к другим способам, даже догадкам, чтобы составить удовлетворительный отчет о вашей речи.

— Кто у вас в редакции занимается обработкой моих речей? — спросил Дзержинский.

— Я.

— Почему же вы? Разве для этого у вас нет помощников?

— Сотрудников газеты у нас достаточно, только они вас боятся и всячески уклоняются от обработки отчетов о ваших речах. Боятся, что это сделают плохо, получат нагоняй, упреки, что исковеркали, исказили, не поняли смысл того, что говорил председатель ВСНХ и ГПУ.

Лицо Дзержинского потемнело. Мои слова явно были ему неприятны.

— Бояться меня нечего. Так всем и скажите. Я не зверь, не кусаюсь. И ГПУ здесь абсолютно не причём. Ему здесь делать нечего. Если отчет о моей речи будет плох, я в том виноват. Значит, наиболее важные речи мне нужно не произносить, а предварительно написать и потом их читать.

Потом, помолчав, и сурово, даже сердито, смотря на меня, Дзержинский прибавил:

— Хорошей работы, подгоняемой одним страхом, не может быть. Нужно желание хорошей работы, нужны всякие другие стимулы к ней, прежде всего, сознание, что она приносит большую пользу обществу, населению, рабочим, крестьянам.

В царствование Сталина, с Ягодой и Берией, в управление хозяйственной жизнью страны главным началом поставлен именно страх, устрашение тюрьмой, расстрелом, концентрационным лагерем.

После этого разговора Дзержинский два раза посылал мне для исправления большие, переписанные на машинке, рукописи. В одной шла речь об изношенности технического капитала металлургии, в другой о производственных совещаниях в той же индустрии и рабочем изобретательстве. Обе статьи ни в «Торгово-Промышленной Газете», ни в другом издании не появлялись. Предполагаю, что они составлялись для какого-то внутрипартийного потребления.

Попробую характеризовать убеждения Дзержинского, проще говоря, указать, в какой разряд коммунистов его нужно отнести. В отличие от многих, в частности от своего заместителя Владимирова и от Сталина, постоянно (до 1929 г.) всовывающих в свои речи, как акафисты, цитаты из Ленина, Дзержинский этого не делал. За два с половиной года я слышал у него ссылки на Ленина, может быть, всего два-три раза, не более. Все-таки характеризовать его можно, как всех коммунистов, лишь в отношении к Ленину. Им определяется вся коммунистическая генеалогия. Но Ленин не монолитен. Биограф, изучающий жизнь, идейный арсенал этой исторической личности, знает или должен знать, что с ранних лет, с начала появления на общественной арене, есть *два Ленина:* один неистовый, не знающий ни удержа, ни меры, другой — осторожный, практичный,

взвешивающий. Один Ленин — «делал» октябрьскую революцию, бредил идеей всемирной революции, вводил военный коммунизм, прыгал из самодержавного режима прямо в социализм. Другой Ленин — устраивал НЭП, требовал кончать «с глупостями времен Смольного Института», давал самого умеренного характера «напутствия», вроде того с которым можно познакомиться в главе, посвященной М. К. Владимирову. От первого Ленина — прямая линия ко всяким оттенкам «оппозиции» и в варварском форватере — к Сталину. От второго Ленина — линия к тому, что, с конца 1927 г., стало именоваться «правым уклоном». Наиболее характерные представители его правые коммунисты — Рыков, Бухарин, Томский; к ним можно прибавить Сокольникова, Красина, Цурюпу. Дзержинский, шеф ВЧК—ГПУ, неоспоримо «правый», даже *самый правый коммунист*, уступал в «правизне», кажется, только своему заместителю Владимирову. Проживи он еще десяток лет и, подобно Бухарину и Рыкову, — вероятно, даже раньше их, — кончил бы жизнь с пулей в затылке в подвалах Лубянки. Для меня это не подлежит никакому сомнению. Подтверждением, что Дзержинский был очень правым коммунистом, его убежденная страсть, с которой он отвергал идеи, платформу, лозунги «троцкистской» и «пятаковской» оппозиции. Не взирая ни на что, они требовали максимального развертывания индустрии. Дзержинский же, председатель ВСНХ, шеф промышленности, считал это авантюрой. В целях получения средств на непосильное развертывание индустрии, оппозиция требовала нажима без сентиментальностей на деревню и высокого поднятия цен промышленных товаров. Дзержинский не мог без негодования это слышать. Оппозиция, мечтая об уничтожении НЭП-а, хотела выкорчевать во всех областях, прежде всего в торговле, частный капитал. Дзержинский был против этого. Вся система его убеждений выразилась в речи, произнесенной на пленуме ЦК 20 июля 1926 г., целиком направленной против представителей оппозиции в лице Пятакова и Каменева. (Последний от злобного антитроцкизма 1924 года, с конца 1925 г. стал, вместе с Зиновьевым, переходить на сторону Троцкого). Это была лебединая песня Дзержинского. Три часа позднее его уже не стало. Речь Дзержинского напечатана в «Правде». Ее стенографическую запись правили, исправляли, дополняли, склеивали, нужно думать, делая все, чтобы она стала понятной. Несмотря на приложенные к ней старания, это типичная речь Дзержинского, произнесенная с огромным волнением. В ней все недостатки, о которых я говорил раньше. Фразы, несмотря на правку, не связаны, смысл многих из них трудно постигнуть. В хаотической, безобразной форме — она все же выражает хозяйственную политику Дзержинского в ВСНХ, которую мы, беспартийные спецы, считали правильной. Дзержинский, прежде всего, опроверг заявление оппозиции, будто, накопления частного капитала так велики, что угрожают всему бытию советского хозяйства. Эти накопления Пятаков считал не менее чем в 400 миллионов рублей и оппозиция демагогически играла этой цифрой и даже большей, закрывая глаза, что 400 миллионов не есть чистая прибыль, а валовой доход

323 000 розничных частных предприятий, существовавших к началу 1926 г.

«Если, — говорил Бухарин, внося ясность в правильное, но плохо выраженное, суждение Дзержинского, — положить на прожитие и содержание каждой семьи частных предпринимателей — 80 рублей в месяц (около 1000 рублей в год) это составит 323 миллиона рублей. Следовательно, чистая прибыль не 400 миллионов, а, минус 323 миллиона, в лучшем случае — 77 миллионов. А это сущие пустяки в сравнении с доходом общественного сектора советского хозяйства».

Дзержинский трясся от негодования, слыша от Пятакова на Пленуме и неоднократно до него, что «деревня богатеет, деревня нас обгоняет, промышленность от нее отстает» и что в этом грозная опасность.

«Вот несчастье! — возмущался Дзержинский. — Наши государственные деятели боятся благосостояния деревни. Но ведь нельзя индустриализировать страну, если со страхом говорить о благосостоянии деревни».

Боясь мелкобуржуазной «кулацкой» деревни, якобы развивающейся и укрепляющей свое благосостояние больше и скорее, чем «пролетарский город», оппозиция хотела ее «перегнать максимальным развертыванием гегемона, т. е. промышленности. Для этого Пятаков, по выражению Дзержинского, требовал «со всей присущей ему энергией *все средства, откуда бы они не шли, гнать в основной капитал индустрии*». «Загоняемые» в основной капитал средства должны, по Пятакову, получаться, в частности, от большого повышения оптовых цен промышленности. Дзержинский об этом и слышать не хотел. «Программа Пятакова, — кричал он на Пленуме, — за повышение оптовых цен бессмыслица, она антисоветская, антирабочая. Это ликвидация всей нашей борьбы за снижение розничных цен».

Сторонник НЭП-а Дзержинский по ряду вопросов глубоко расходился с антинэповцем и представителем оппозиции Пятаковым. Все в ВСНХ об этом знали. В течение двух с половиной лет совместной работы с Пятаковым Дзержинский неоднократно, в мягкой форме, удерживал его от манифестации крайних взглядов и решений. Я покажу в следующей главе о пятилетних планах, что очень большое столкновение происходило у них по вопросу, какой характер должны иметь промышленные планы. Все-таки Дзержинский избегал столкновения с Пятаковым доводить до остроты, делавшей невозможной их совместную работу. На заседаниях президиума ВСНХ не раз было видно, что Дзержинский сдерживает себя, чтобы не ответить с резкостью на некоторые заявления Пятакова. А вот 20 июня на Пленуме Дзержинского уже «прорвало». Все, что у него накипело, вылилось наружу и, показывая пальцем на Пятакова он крикнул: *«Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности»*.

Само собой разумеется, что после этого, если бы Дзержинский *остался жив, его работа с Пятаковым стала бы невозможной.*[79] Не сдерживая себя, бил Дзержинский и по другому представителю оппозиции, Каменеву. На замечание Каменева, что он только четыре месяца руководит комиссариатом внутренней торговли и в такое короткое время не мог уничтожить дефекты его работы, Дзержинский бросил ему в лицо:

> «Вы, товарищ Каменев, если будете управлять комиссариатом не четыре месяца, а сорок четыре года — все равно на это не будете годны. Вы не работаете, а только туда-сюда вертитесь. Вы не работаете, а занимаетесь политиканством. Я могу вам это сказать, вы знаете в чем мое отличие от вас, в чем моя сила. *Я не щажу себя, никогда не щажу.* Поэтому, вы здесь все меня любите (sic!) и мне верите. Я никогда не кривлю душою. Если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. *Я прихожу прямо в ужас от нашей системы управления*, этой неслыханной возни со всевозможными согласованиями и неслыханным бюрократизмом».

Это место — самый патетический пункт речи Дзержинского. Он кричал, задыхался, хватался за грудь, еле стоял, шатался. Через три часа паралич сердца его прикончил. Передавали, что в напечатанный в «Правде» отчет внесены очень большие смягчения в последнюю фразу Дзержинского о неслыханном бюрократизме. Троцкий, будто, крикнул ему: «Осторожнее указывайте на разлагающий партию бюрократизм! Вы рискуете, со всеми вытекающими отсюда последствиями, быть записанным в лагерь оппозиции».

Тем, что говорил на Пленуме Дзержинский о частном капитале, ограничиться нельзя. Его позиция сказанным еще не определяется, а в системе НЭП-а вопрос о частном капитале, это важный вопрос. И к нему Дзержинский неоднократно возвращался. Он хотел, чтобы вопрос о частном капитале трактовался не «агитационно», не «с точки зрения ГПУ», а научно, объективно. Исполняя это желание, работниками ВСНХ было сделано два исследования «Частный капитал на денежном рынке» и «Частный капитал в товарообороте». Если мне не изменяет память, они проводили в отношении частного капитала более жесткую политику, чем Дзержинский. Довольно пространно говорил о частной торговле Дзержинский в речи 1 апреля 1925 года на открытии Всесоюзного съезда местных «торгов» (отчеты в газетах о его речи подчищены и смягчены).

---

[79] Академик В. Н. Ипатьев издал в 1945 г. в Америке книгу «Жизнь одного химика». Ее второй том посвящен описанию его деятельности в ВСНХ. Просто поражает, как этот человек, один из немногих, попавших в эмиграцию, свидетелей 1922—29 гг. (других не знаю) абсолютно не понимал, абсолютно не разбирался в двух основных политических течениях, глубоко пахавших, будораживших всю советскую жизнь. Для него не было различия между оппозицией и правыми коммунистами. Он не понял (и об этом пишет), почему это Дзержинский назвал Пятакова «великим дезорганизатором промышленности». Политическое значение его книги равно нулю. Отдаваясь саморекламе, он прошел мимо всех больших вопросов того времени. С Ипатьевым пришлось встречаться в ВСНХ и в «Торгово-Промышленной Газете». Не скажу, чтобы он оставил хорошее впечатление.

«Наша задача — полное использование частного капитала, отнюдь не ставка на его уничтожение, о чем упорно многие думают. Я против частного капитала в большом и даже среднем опте,[80] но считаю, что без низового частного торговца нам никак сейчас обойтись нельзя. Без хорошо поставленной торговли нет удовлетворения потребностей населения, а наладить это дело с помощью кооперации и государственной торговли я не вижу возможности. Я ничего не имею против крестьянина, который, заработав 100 или 200 рублей, занялся бы в деревне торговлей. Прогрессом является каждый торговый пункт, появляющийся там, где ныне нет и признаков торговли, откуда нужно за 20—25 километров ехать для покупки фунта сахара или бутылки керосина. Наша торговая сеть до ужаса малочисленна. До войны вне городов, вне городского вида поселений, было 320 тысяч разных мест продажи, пусть самых примитивных, считая, в том числе, продажу с лотка на базарах. А теперь во многих местах ничего нет. Но чтобы частный торговец, в особенности в деревне, не грабил, не спекулировал, — его нужно поставить в *здоровые условия*, взять под защиту от местных администраторов, ведущих, вопреки постановлению партии, политику удушения частного торговца».

Осенью 1925 года Дзержинский вызвал к себе Савельева и меня для дачи каких-то «директив» газете, и в течение часа, что мы сидели у него, шла речь, главным образом, о все том же частном капитале.

— Я очень доволен, как ведется в газете промышленный отдел. Статьями, анкетами, разной информацией, он — этот отдел — действительно нам помогает управлять промышленностью. А торговый отдел хуже, слабее.

— В чем вы видите его дефекты?

— Ваши дефекты в сущности отражают наши общие дефекты. В промышленности у нас достижения, с торговлей же обстоит очень, очень плохо. Мы проводим огромные снижения оптовых цен промышленности, жертвуем десятками миллионов прибыли, а нужного результата нет. Снижения розничных цен не чувствуется. Сейчас цены розничные, в сравнении с осенью 1924 г., почти не снизились. Перед всеми нами вопрос: где, в чем причина этого? Почему в попытках наладить торговлю мы оказываемся полными *банкротами*, почему снижения цен не доходят до населения? Говорят, что виною всему частник, что торговая сеть в огромной части в его руках, а он, в погоне за наживой и в обстановке недостатка товаров, бессовестно вздувает цены. Но что делает, как борется с этим наша кооперация? Есть кооперативы, не стесняющиеся делать надбавки в 100 процентов и выше к ценам, полученных ими от государства товаров. О таких кооперативах нечего и говорить. Это грабиловки. Но ведь не все кооперативы подобного рода. Есть другие, торгующие по-божески, цен не вздувающие. Если они продают товары дешевле, чем частник, потребитель должен бежать к ним и частник, бо-

---

80 Оптовой торговле.

ясь потерять потребителя, принуждается снизить цены. Почему этого нет? Почему же частник перестает быть торговцем, свертывает свои операции, чаще всего не под давлением крайне полезной конкуренции кооперации, а под давлением налогов, администрации и т. д. Если наша кооперация, несмотря на всю поддержку ее государством, дрянна, что нужно делать, чтобы она исправилась? Для промышленности это крайне важный вопрос, без товаропроводящей, хорошо работающей торговой сети, промышленность без рук. Слабости кооперации, в сравнении с частной торговлей, конечно, создаются немаловажными причинами. В промышленности у нас достижения, потому что социализм ее всегда изучал и в ней у нас была и есть крепкая база — пролетариат. В торговле такой базы у нас не было и нет. Кроме того, как правильно недавно сказал тов. Середа — *социализм торговлю по-настоящему никогда не изучал, всегда был далек от нее и ее отрицал.* Социализм всегда стоял за *государственное распределение* продуктов, товаров, а не за торговлю ими. А это совершенно разные вещи. Поэтому, у частного торговца, лишенного этой идеологии и психологии, гораздо более данных, чтобы вести именно торговлю. Указывают, что большая подвижность, практичность частного торговца, лучшее чем у кооперации приспособление к рынку и потребностям населения — создаются еще и его личной заинтересованностью, тогда как у кооперации подобного стимула нет. Место личной заинтересованности у кооперации должны занять общественные мотивы, они же у многих служащих и руководителей низовой кооперации совсем отсутствуют. Они могут появиться, а пока их нет. Чтобы, удовлетворяя потребителя, с прибылью вести свое дело, частный торговец готов работать днем и ночью, по 14—16 часов в сутки. Мы не можем этого требовать от кооперации. Наш кодекс труда определяет длину рабочего времени и по этой причине часто бывает, что на работу, выполняемую одним частным торговцем, не считающимся с затратой своего времени, в кооперации нужно ставить двух, а то и больше работников. Мы справедливо гордимся нашим социальным законодательством, но, несомненно, оно удорожает наш товаропроводящий аппарат и, следовательно, товарную продукцию. С этим нужно считаться, когда заходит речь о конкуренции кооперации и частной торговли. Ленин требовал от нас «научиться торговать», при ближайшем рассмотрении этого дела оно оказывается много сложнее, чем кажется с первого взгляда.

Вернувшись от Дзержинского, мы с Савельевым тут же, по свежему следу, занесли на бумагу все, что он говорил. Савельев на другой день послал запись Дзержинскому, прося разрешения ее опубликовать в «Торгово-Промышленной Газете» в виде интервью с ним. Только через четыре дня Дзержинский ответил на это отказом и запись не возвратил. Она, очевидно, ходила по каким-то высшим инстанциям и там оппробации не получила.

Речь Дзержинского с указанием желательности поставить частную торговлю в «здоровые» условия, побудила некоторых московских представителей частных торговцев выхлопотать разрешение на организацию публичной дискуссии, где они смогли бы обрисо-

вать тяжелые условия их деятельности и указать меры для их улучшения. Не помню деталей такого совещания, кажется, оно состоялось в ноябре 1925 г. в Политехническом музее и на нем два частника — Чегодаев и Синельников (их фамилии навязли в памяти, они всюду «представляли» частный капитал) убеждали, что, будь у частных торговцев «здоровые» условия деятельности, они никакой спекуляцией не занимались бы и были бы чисты как кристалл. Нужно заметить, что среда частных предпринимателей относилась с полным недоверием к речам Дзержинского, находя их лживыми. По мнению одного из них, речи Дзержинского напоминают басню Крылова «Кот и повар». Повар читает моральные сентенции, а в это время кот, не обращая на них никакого внимания, уплетает курченка. Повар — это Дзержинский, а кот — московская ЧК и провинциальные отделы ГПУ, которые, расходясь с «декларациями «повара», арестовывали, высылали, сажали в тюрьму, давили и шантажировали частных торговцев. После смерти Дзержинского говорили, что, уйдя с головой в работу ВСНХ, он перестал следить внимательно за тем, что делается в ГПУ; там приобрели большое значение его заместитель Менжинский и член коллегии ГПУ — Ягода, не всегда извещавшие Дзержинского о ими затеянных и ведущихся делах. Ягода стал заместителем Менжинского, когда тот был поставлен председателем ГПУ, но влиятельной фигурой в этом учреждении он сделался еще при жизни Дзержинского. О нем уже тогда говорили как о персоне, фактически поважнее Менжинского. Когда в 1925 г. мне и сопровождавшей меня жене нужно было для лечения ехать в Берлин, Рыков сказал, что «оформление этого дела» и быстрейшую выдачу паспортов может сделать Ягода. Делая карьеру, Ягода очень угождал Рыкову и в то же время Сталину. Для его фишек, для досье, чего не делал Дзержинский, Ягода собирал с помощью агентуры ГПУ всякие факты, компрометирующие высших представителей коммунистической партии. Уверяли, что Ягода собрал данные о любовных, с подарками из казны, похождениях Калинина, о «грехах» Стеклова, Енукидзе, Луначарского и многих других.

* * *

Р. Б. Гуль — автор цитированного памфлета, характеризуя Дзержинского, писал: «Его ум ограничен, знания брошюрочны, человек большого честолюбия, но малого ума, Дзержинский не понимал свою нелепость на посту председателя ВСНХ».

Каких-либо значительных знаний экономических, тем более технических, он, действительно, не имел. На заседаниях президиума ВСНХ, при возникновении чисто теоретического вопроса, Дзержинский всегда повертывался к Пятакову: это по вашей части. Пятаков ведь слыл знатоком марксистской теории. О большом честолюбии Дзержинского нельзя говорить. Такая черта, обычно легко замечаемая, у него никак не проступала. Выдающимися умственными способностями он не отличался, однако из этого не следует, что был неумен («малого ума»). Уже совершенно неправильно, будто Дзержинский *нелеп* на посту председателя ВСНХ. Из всех лиц, за

время существования этого учреждения его возглавлявших (Осинский, Богданов, Рыков, Куйбышев, Орджоникидзе), он несомненно был *лучшим* председателем, руководителем ВСНХ. У него была особенность, которой другие или совсем не имели или имели в очень слабой степени. В предсмертной речи он сказал: *«я никогда не щажу себя»*. Это верно. Не щадя себя, своих сил, он со страстью весь отдавался большим вопросам, стоящим в это время перед промышленностью и этим создавал к себе большое уважение среди массы беспартийных специалистов. То, что не щадя себя он проводил в жизнь, было разумным, правильным. Не Дзержинский «открыл» первоочередной важности проблемы, стоящие перед промышленностью. Они и их решения носились в воздухе. Шли и от Политбюро, где в то время лидерами экономической политики были правые коммунисты, и от работников самого ВСНХ. Но на решения проблем, на борьбу за них, Дзержинский несомненно накладывал *свою печать*, внося сюда свою *манеру*, свой особый *стиль*.

Четыре кампании ВСНХ связаны с именем Дзержинского: борьба за понижение промышленных цен, за увеличение производительности труда, за восстановление металлопромышленности, за «режим экономии». Непомерно вздутые цены, создавшие кризис сбыта, кошмаром преследовали Дзержинского. Он не мог об этом говорить спокойно. Придя в ВСНХ, он стал проводить, по его выражению, «топорное» понижение цен. В течение 1924 г., например, в хлопчато-бумажной промышленности произведены четыре снижения оптовых цен, в общем, на 47 процентов; в грубошерстяной промышленности — три снижения на 34 процента; в тонкосуконной — три снижения на 56 процентов; камвольной — три снижения на 44 процента; в льняной промышленности — четыре снижения на 50 процентов. Стремясь во что бы то ни стало понизить цены, Дзержинский настаивал, что «не всегда себестоимость должна определять цену, цена должна определять себестоимость, чтобы ее снизить». При огромном усилии снизить оптовые цены, это не привело к соответствующему снижению розничных цен. Дзержинский с ужасом говорил, что, например, цена ситца в апреле 1925 г. осталась такой же высокой, как 1 апреля 1924 г.

Неизмеримо более плодотворной оказалась другая кампания Дзержинского — за увеличение производительности труда. При вступлении Дзержинского в ВСНХ, с этим вопросом обстояло очень плохо. Выработка рабочих была значительно ниже довоенной. В некоторых предприятиях рабочих было в два раза больше чем в 1913 г., а производили они меньше чем тогда. В отличие от 1923 г., с его забастовками и требованиями повышения заработной платы, их в 1924 и 1925 гг. почти не было, но дисциплина на предприятиях была крайне расшатана. С администрацией мало считались. Замечались постоянные прогулы по неуважительным причинам. Принудительное, до НЭП-а, воздержание от спиртных напитков исчезло, появилась в продаже водка, вместе с нею пьянство, массовые невыходы на работу после получения заработка и праздничных дней. В Москве в рабочем районе — на Пресне — можно было постоянно видеть десятки совершенно пьяных рабочих.

Борьба за увеличение производительности труда встречала сопротивление со всех сторон. Профессиональные союзы старались от нее уклониться, а, так называемая, «рабочая оппозиция», с которой солидаризировалась и троцкистская оппозиция, находила принципиальные возражения против увеличения производительности труда. Они были широко развиты в заявлениях 1926 и 1927 гг. Рабочая оппозиция указывала, что так как реальная заработная плата не достигла довоенной (1913 г.), *недопустимо и даже преступно* требовать от рабочих, чтобы они производили столько же, как в 1913 г. *Рост заработной платы должен не следовать за ростом производительности труда, а ему предшествовать.* Отрицание этого положения, по мнению оппозиции, свидетельствует, что в СССР социалистический принцип замещается принципами чисто капиталистического общества и это одно из неизбежных проявлений социального зла, создаваемого НЕП-ом. Интенсификация труда — при заработке ниже довоенного, при плохом питании, при оборудовании хуже довоенного — ведет к истощению рабочих, росту среди них инвалидности.

В возражениях «рабочей оппозиции», а среди нее было много настоящих рабочих, все время проступали примитивные пролетарские эмоции и огромная доза экономического невежества. Другой, но скрытый характер, носила критика троцкистской оппозиции. Против увеличения производительности труда она выступала не из «жалости» к рабочим, — призывая давить на крестьян, она также безжалостно могла давить и на рабочих, — а по чисто политическим мотивам. Ей нужно было доказывать, что на советских предприятиях царствует *капиталистический дух*, страна идет к капитализму и в этом виновато вырождающееся и сползающее с «пролетарских рельс» рыково-бухаринское руководство Политбюро, которое нужно заменить людьми троцкистско-пятаковского направления.

Критика проводимой Дзержинским кампании за увеличение производительности труда обнаружилась даже там, где ее меньше всего можно было ожидать. Придя однажды к Рыкову в 1924 г., я застал у него Томского, члена Политбюро, члена ЦК и председателя ВЦСПС (главу Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов). Томский знал, что я работаю в «Торгово-Промышленной Газете». Взгляды ее, если не открыто, то скрыто, не разделял «Труд» — орган ВЦСПС, хотя обе газеты должны были вести одну и ту же политику, указанную Политбюро. Здороваясь со мною, Томский, обращаясь к Рыкову, промолвил шутя все же весьма характерную фразу:

— Валентинов — он ведь в отряде Дзержинского, т. е. среди подгонял, способных кнутиком производительности труда ввергнуть наших рабочих в состояние обессиления.

— Значит, вы среди тех, кто против увеличения производительности труда?

— Нет, не против, только я говорю — толкайте, жмите, все же не до бесчувствия.

Спорить с Томским не пришлось, на него накинулся Рыков. На Томского, по его словам, иногда нападает «меньшевистская икота»[81] и тогда с широкой государственной точки зрения он переходит на узко-цеховую, синдикалистскую позицию.

С упреком, вроде Томского, приходили ко мне в редакцию некоторые старые знакомые из постоянных критиков всей советской системы. Один из них мне учинил следующего рода допрос:

— Нас никто не подслушивает. Поэтому, скажите откровенно: что заставляет вас разделять эту борьбу за увеличение производительности труда, за его тяжкую интенсификацию при политических условиях, не дающих рабочим возможность сопротивляться стачками давлению на них? Если вы это делаете только потому, что того требует начальство, я умолкаю. Все мы под Богом, под начальством, ходим и рисковать своим положением не хотим. Если же вы это делаете по убеждению, тогда, разводя руками от удивления, констатирую: от вас отлетели самые элементарные социалистические принципы и чувства. Дзержинский их мог легко потерять в ЧК и ГПУ, в том ничего удивительного нет, а вот вы-то почему следуете по той же дорожке?

Я выругался и выгнал моего знакомого из кабинета. Обиднее всего, что упреки в недопустимости защищать при существующих условиях требование о повышении производительности труда я слышал от *трех* участников нашего кружка «Лиги наблюдателей». Они аппелировали к морали и жалости, к социалистическим принципам и в этом случае показали себя солидарными с критикой эмигрантов-меньшевиков в «Социалистическом Вестнике» против кампании Дзержинского. Это был взлет обычных интеллигентских сентиментов, эмоций, в свой искренности далеких от макиавелизма троцкистской критики.

Пять лет спустя, будучи уже в эмиграции, я встретился с видным меньшевиком С. И. Ивановичем-Португейс, сотрудником социалистического Forward в Нью-Йорке. То была наша первая встреча с 1917 года. Вот что он мне сказал:

— В течение нескольких лет я часто заглядывал в «Торгово-Промышленную Газету». Хотелось знать, что происходит в экономике СССР. Знал и то, что вы в ней орудуете. Тяжкий дух шел от этой газеты. Дух типично капиталистической эксплуатации. Не понимаю, как вы могли поддерживать Дзержинского и его давление на рабочих?

С тех пор как *по убеждению*, отнюдь не по приказу начальства, я защищал кампанию Дзержинского, прошло тридцать два года. И вот теперь хотелось бы поставить вопрос: правильно ли я поступал? Или, может быть, с моральной и социальной точки зрения я, дейст-

---

[81] «Меньшевистская икота» у Томского не случайна. Бывший рабочий-литограф — Томский, даже став большим сановником, был тесно связан с рабочей средой. Ленин о нем (в 1920 г.) сказал:

«Сработавшись с профдвижением он отражает мысли и чувства масс рабочих. Если у массы что-то болит и она сама не знает, что болит, то Томский тоже не знает, что болит, и если при этом он вопит, то я утверждаю, что это заслуга, а не недостаток».

вительно, подлежал осуждению и, будучи социалистом, шел вразрез с элементарными социалистическими принципами и чувствами? Когда говорят о производительности труда в СССР, неизбежно вспоминают сталинскую эпоху, «сталинские пятилетки» с их ужасающим угнетением и подгонянием голодающих рабочих «непрерывной неделей» и всякого рода стахановизмом. Но 1924—1925 годы — годы борьбы за повышенную производительность труда, от этого бесконечно далеки. Того, что делалось при Сталине, а теперь при Хрущеве, тогда не было. В двадцатые годы, в отличие от позднейшего времени, существовала превосходная статистика с обширными данными о труде в сборниках Центрального Статистического Управления и в сборниках «Труд в СССР», издаваемых ВЦСПС.[82] Пользуясь этими источниками и цифрами ВСНХ, можно было тогда, как и сейчас, ясно представить, в какой обстановке при НЭП-е происходила кампания за повышение производительности труда, была ли она не только экономически необходимой, но и морально законной и допустимой. Почему, например, я, отнюдь не чувствуя себя «эксплуататором» рабочих, убежденно настаивал, что они должны лучше работать и давать больше чем довоенную выработку?

Обратимся к довоенному времени. Рабочий день, в среднем, по всей индустрии был в 1913 г. длителен — 9,6 часов — при слабой интенсивности труда, значительно более низкой, чем в Западной Европе. Кроме того, в сравнении с Европой и Америкой число дней работы предприятий было пониженным. Помимо 52 воскресений, государственных и 17 больших церковных праздников, происходили и большие прогулы и остановки предприятий вследствие отъезда рабочих на летние сельские работы, так как значительная часть рабочих была крепко связана с деревней. Вместо 300 дней работы на каждого занятого в довоенной индустрии рабочего, приходилось всего 250 дней (1913 г. — только 240). Годовая сумма отработанного времени не превышала 2400 часов (9,6×250). Советская власть задалась целью увеличить число дней работы, что, кстати сказать, было давним желанием российских фабрикантов. Кодекс законов о труде, изданный в 1918 году, зачеркнув множество прежних и церковных праздников, заменил часть их новыми (7 ноября — День Пролетарской Революции, 14 марта — День Парижской Коммуны, 18 марта — День Низвержения Самодержавия, 1 мая — Праздник Труда и т. д.). К дням отсутствия работы прибавились несуществовавшие в царское время (и не только в России) двухнедельные отпуски для отдыха. В 1921 г. — начала НЭП-а — хозяйство было парализовано, работали не более 221 дня в году. С оживлением хозяйства, это число, повышаясь, в 1924 г., к началу борьбы за производительность труда, дошло до *262 дней*, на 12 больше, чем до войны.

Какой длины был в это время рабочий день? Декретом 29 октября 1917 года (11 ноября по новому стилю) Советская власть установила восьмичасовый рабочий день, давний лозунг всех социалистических программ. Он лишь санкционировал то, что стало осуществляться до советской власти после февральской революции. Вось-

[82] Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов.

мичасовый рабочий день, введенный на два года раньше чем в Европе, где он принят в 1919 г. международным соглашением в Вашингтоне (Англия и Америка к нему тогда не примкнули) в СССР никогда не был восьмичасовым. Многочисленные обследования обнаружили, что в советских предприятиях он фактически не превышал *7,6 часов*. Следовательно, годовая сумма отработанного времени советского рабочего была в 1924 г. 1991 час (7,6×262), на 409 часов меньше чем в 1913 г. В 1924 г. в индустрии было меньше рабочих чем до войны и производили они значительно меньше, однако число рабочих из года в год увеличивалось, подходя к довоенному.

Нужно ли было стране, чтобы индустриальная продукция превысила довоенную? Даже младенец даст на это утвердительный ответ. Чтобы восстановить хозяйство, лучше жить, повысить заработную плату, — требовалось, достигнув уровня довоенного производства, превысить его. Но как, работая 1991 час в году, на 409 часов меньше, чем в 1913 г., рабочий мог произвести то количество или даже больше того, что он производил в 2400 часов? Пока для этого нет усовершенствованных машин и оборудования, — а они с неба не падают, — догнать довоенный уровень можно лишь увеличенной производительностью труда, именно его интенсификацией, т. е., работать лучше и напряженнее. На этой истине даже неловко настаивать, но в 1924 и 1925 гг. сколько крови я себе испортил, слушая упреки в отсутствии жалости к рабочим, капиталистическом к ним отношении, потере элементарных социалистических принципов.

«Недопустимо, *преступно*, требовать от рабочих довоенной выработки, когда реальная заработная плата намного ниже довоенной».

Отвечая на упреки, следовало и следует рассмотреть, какой была в то время заработная плата. Реальная плата, исчисленная в твердых, так называемых, московских рублях, все время росла, следуя за ростом промышленности. В промышленности, учитываемой статистикой ВСНХ, она была в 1921 г. — 33 процента довоенной, в 1922 г. — 40 проц., в 1923 г. — 50 проц., в 1924 г. — 68 проц., в 1925 г. — 82 проц. В следующие годы она подошла к довоенной и даже ее обогнала. При *НЭП-е, как видим, она хорошо поднималась*, все же простого сравнения с довоенной платой здесь недостаточно. Существовал значительный привесок к плате — бесплатные и льготные квартиры, бесплатные коммунальные услуги, льготное топливо и т. д. Существовало нечто более важное — прекрасное социальное законодательство, какого не было ни в довоенной России, ни во многих странах Западной Европы, не знавших, например, двухнедельных отпусков для отдыха. Все-таки, не это самое существенное. Заработная плата, измеряемая ценностью одежды и обуви, очень дорогих, была значительно *ниже довоенной*, но совсем иное положение с продуктами питания. Я утверждаю, что в *1924 и 1925 гг. в годы НЭП-а* (как и *в 1926—1927 гг.) рабочие питались так хорошо, как никогда еще до этого времени*. Расходы на усиленное питание составляли в заработной плате долю меньшую, чем до войны. Одно и то же количество продуктов рабочие могли в 1924—1925 гг. приобрести при меньшей затрате труда, чем в 1913 г., при меньшем числе часов работы. Поразительно росло потребление рабочими мяса и

сала. В 1922 г. взрослый едок рабочий, в среднем по СССР, потреблял в месяц 3,2 фунта мяса, в ноябре 1924 г. уже 14 фунтов слишком, без малого 6 килограммов. Это очень высокая цифра, в годовом итоге — это 72 килограмма. И усиленное потребление городскими рабочими мяса, сала, молока стало возможным потому, что при НЭП-е крестьяне *в 1924 г.* почти восстановили размеры довоенного скотоводства, а *в 1925 г.* имели крупного рогатого скота — коров, свиней, овец — уже больше, чем в 1916 г. Суточное питание в 1924 г. рабочих продуктами растительного и животного происхождения советская статистика исчисляла в 3790 калорий. Это почтенная цифра. Из сказанного видно, что развертываемая кампания за увеличение выработки обращалась не к истощенным, изнуренным, голодным (как при Сталине) людям, а к работникам, лучше чем когда-либо питавшимся и имеющим блага превосходного социального законодательства, несуществовавшего в довоенной России. А при этих условиях, памятуя об интересах всей страны (рост продукции) и дальнейшем росте реальной заработной платы, было не только экономически необходимо, но «морально» вполне допустимо требовать от рабочих: лучше, интенсивнее работать, превысить довоенную производительность труда. (В 1938 году, в книге от апреля, в издаваемых в Париже «Русских Записках», редактируемых П. Н. Милюковым, я возвратился к указанному вопросу. Настаивая, что в *1925 г. в «рабочей среде ели, как никогда до войны»*, — я показал, как изменилось, в сравнении с 1925 г., положение рабочих в 1937 г., в конце второй пятилетки. С 1925 г. по 1937 г. номинальная заработная плата выросла в 5,5 раз, а стоимость продуктов выросла, минимум, в 8,8 раз. В ценах питания средняя заработная плата в 1937 г. была не 48 рублей, как в 1925 г., а только 28 рублей. Набор продуктов питания в заработке главы рабочей семьи занимал в 1925 г. — 51 проц., а в 1937 г. — 87 проц. За одно и то же количество продуктов питания семейный рабочий должен был работать в 1925 г. 88 часов, а в 1937 г. 151 час. Прибавлю, что 1937 год, в сравнении с 1930—1936 годами, считался благополучным).

Покажу теперь, как «дирижировал» Дзержинский своей кампанией. Он говорил (речь 29 апреля 1925 г.): «Рост производительности труда должен перегонять рост заработной платы, *иначе крах»*.

Бесспорная истина при социализме, как и при капитализме. Если этого нет, нет и никакого накопления, нет прибыли, нет средств для дальнейшего развертывания индустрии, нет инвестиции капитала в нужные отрасли национального хозяйства.

В другой речи (21 ноября 1924 г.) мы слышали от него: «Гнать в шею хозяйственника, который хотел бы установить 9-часовый день, но 8-часовый должен быть полностью заполнен».

Что предпринято для «заполнения» работой 8-часового дня? Прежде всего сделан перевод большого числа рабочих на сдельную работу. Таких было в 1923 г. — 46 проц., в 1924 г. — 54 проц., в 1925 г. — 50 проц. Вместе с этим, происходил пересмотр норм выработки, сдельных расценок, исходя из правила: бóльшая оплата за бóльшее количество труда, за бóльшее количество произведенных изделий. Нормы и расценки одобрялись и закреплялись кол-

лективными договорами, с возможностью, в случае возникающих разногласий, прибегать к суждению РКК (Расценочно-Конфликтных Комиссий), к примирительным камерам, принудительному арбитражу, третейскому суду при Народном Комиссариате Труда. Указанные меры скоро дали желательный результат: выработка рабочих *превысила довоенную*, но это не далось легко и об этом я и хочу сказать, так как о некоторых, весьма неприятных и печальных явлениях, прямо связанных с этим делом, *советской прессе было запрещено говорить*. Многое, поэтому, осталось неизвестным.

Хотя хозяйственники-коммунисты, чего требовал Дзержинский, должны были самым активным образом участвовать во всех стадиях кампании за повышение производительности труда, председатели трестов, произнеся на эту тему несколько торжественных речей, дальше этого не пошли. Зачем им входит в неприятные мелочные конфликты с рабочими из-за норм и расценок? Для налаживания этого дела, по их мнению, есть подчиненные им директора, инженеры, техники, мастера и, главное: агитационная сила в лице фабрично-заводских комитетом и профессиональных союзов. Но в 1924 и 1925 гг. и фабзавкомы, и низовые руководители профсоюзов были в глазах рабочих сильно скомпрометированы своими растратами общественных денег, библиотечных фондов, средств клубов, взносов рабочих в профессиональные союзы. Редкий месяц проходил без того, чтобы мы в «Торгово-Промышленной Газете» не узнавали, что в таком-то тресте, на таком-то заводе «прокрался», оказался вором, тот или иной профсоюзный деятель. Томский в докладе на XIV съезде партии, в сентябре 1925 г., должен был с печалью признать, что *«волна растрат прокатилась через низовые профсоюзные организации»*. Ища снисхождения, милости, покрытия своих грехов и слабостей, деятели низовых профсоюзов унижались перед директорами и начальством трестов. Рабочие на этих людей, вышедших из их же среды, смотрели со злобой, видя в них воров и лакеев директоров и начальства трестов. Они не могли с моральным авторитетом вступить в кампанию за производительность труда. В результате создавшегося положения работа по определению норм выработки, расценок, размещению рабочих по способностям, во многих предприятиях *пала на беспартийных инженеров, техников, мастеров*. Отказаться нести этот груз они не могли: дирекции заводов и тресты их за это увольняли. Подстрекаемые теми же профсоюзными деятелями, желавшими «очиститься», показать, что они «за рабочих», последние злобно относились к беспартийным инженерам и техникам, выполнявшим директивы Дзержинского. В одном предприятии им угрожали, ругали последними словами, как буржуев и людей «старого режима»; в другом предприятии, как бы невзначай, обливали водою; в третьем — на тачке вывозили с фабрики; в четвертом — били стекла их квартир; в пятом — били по лицу, а чтобы битый инженер не знал, кто его бьет, накидывали ему на голову мешок. Лишь клочки подобных фактов попадали на страницы советской прессы. Об *этом нельзя было писать*, это плохо аттестовало «диктатуру пролетариата» и могло иметь заражающее влияние. О происходящем Дзержинский был, конечно, осведомлен и,

вызывая к себе коммунистов — председателей трестов и директоров заводов, бешено на них накидывался. Мы все превосходно знали, что он им говорил. Директор одного завода со всеми деталями поведал мне, какую «баню» им устраивал Дзержинский: «Глаза белые, страшные, голос хриплый, смотрит так, что от страха провалиться хочется! Настоящий дьявол! «Вы — белоручки, — кричит, — от неприятной работы убегаете, чтобы взвалить ее на беспартийный технический персонал. Когда у вас бьют добросовестно работающих спецов, выполняющих директивы мои и ВСНХ, что вы делаете? Вместо того, чтобы созвать заводское собрание и на нем заклеймить виновных, — вы делаете глухое ухо — якобы не слышали, что у вас инженеров бьют. На вас должна полностью лежать вся ответственность за проводимые меры, а вы эту ответственность перекладываете на голову беспартийного технического персонала. Это позор! Вы члены правящей, управляющей партии. Вам нужно на всех постах стоять на первом месте и своей работой давать другим пример. Вы этого не делаете. В басне вол пашет, тащит тяжелый плуг, а муха, усевшаяся на шее вола, кричит: мы пахали. *Вы — эта муха*. Заявляю, что тех из вас, кто не будет грудью защищать технический персонал от незаслуженных им оскорблений, буду увольнять, привлекать к ответственности».

Таких речей Дзержинский много произнес. Но в печати появлялось лишь их самое слабое, многое замалчивающее отражение, вроде подчищенной, смягченной передачи его речи на заседании президиума ВСНХ СССР с представителями совнархозов союзных республик и областей:

> «Наш технический персонал, к сожалению, в кампании по производительности труда не занимает то место, которое должен занимать. Ему мешают. Это больной вопрос. Нужно бороться с такими нездоровыми явлениями, когда наш технический персонал из-за ревностного отношения к работе, из-за правильного подхода к вопросу норм выработки может (sic!) возбудить недовольство отдельных лиц и групп (не «может возбудить», а возбуждал. — Н. В.). Мы должны защищать технический персонал. Мы должны действительно принять на себя ответственность за тяжелую работу технического персонала, требующую квалифицированной мысли. Наши заводские инженеры и специалисты живут в довольно (sic!) тяжелых условиях. Не думайте, что только потому, что получают недостаточное вознаграждение. Когда они желают провести какое-либо полезное начинание, — со всех сторон наталкиваются на препятствия. Специалист в три мига может быть выкинут с завода, если не заручится поддержкой. Часть специалистов относится скептически к нашей работе, но в целом ряде заводов, учреждений ВСНХ нас соединяет понимание общих интересов и грандиозных задач».

О тяжелом и оскорбительном положении технического персонала заводов, фабрик, шахт при проведении кампании за увеличение производительности труда — нужно запомнить. Это очень важно.

Без знания этого обстоятельства не будут понятны некоторые факты, относящиеся *к процессу 1928 г.*, так называемому, «Шахтинскому Делу», первому процессу о «вредителях».

Перейду к другой «кампании» Дзержинского — восстановлению металлопромышленности. Эта отрасль, начав разлагаться во время февральской революции, разрушаясь во время военного коммунизма, к 1921 г. почти прекратила свое существование. В тот год производство, например, чугуна — 4 проц. довоенного. В 1924 г., после появления Дзержинского в ВСНХ, металлургию удалось немного поднять: производство чугуна достигло 14 проц. довоенного уровня, стали — 25 проц., проката — 19 проц. Потребность в металле была большая. Нужно было решать, какие области народного хозяйства и в каком количестве снабжать в первую очередь, какие позднее. Дзержинский в этом вопросе занял позицию, которую правящие коммунисты позднейшего времени должны были считать преступной. В первую очередь, объявил он, нужно снабжать металлом широкий крестьянский рынок, потом отрасли, восстанавливающие основной капитал промышленности (машины, оборудование, двигатели), затем городские, коммунальные нужды, железнодорожный транспорт и *в последнюю очередь* — военное ведомство. В царствование Сталина, а позднее при Хрущеве, когда СССР превратился в грандиозного поставщика военного снаряжения странам, могущим, сознательно или бессознательно, служить пособниками мировой коммунистической революции, Дзержинский за такое отношение к военному ведомству был бы, конечно, расстрелян. Свою позицию Дзержинский защищал в 1924 г. и на XIV конференции компартии в апреле 1925 г.[83] Помню, что на меня и моих друзей из «Лиги наблюдателей» она произвела большое впечатление своим «пацифизмом», своей уверенностью, что траты на снаряжение армии не являются первоочередными, так как войну вести страна не собирается и никто ей не угрожает. Но не принуждался ли Дзержинский изменить свой взгляд после XIV съезда партии, постановившего в декабре 1925 г. «принимать *все меры* к усилению мощи Красной Армии и Красного Флота»? Этого нельзя достигнуть без увеличенных затрат металла на вооружение. Позднее, после смерти Дзержинского, внимание правящих сфер уже приковано к вооружению армии и флота. Резкое ухудшение отношений с Англией, вследствие поддержки Советами Китайской революции, потом разрыв дипломатических отношений Англии с Москвою — возобновили крики об иностранной интервенции, о которых мы начали забывать. Уже с января 1927 г. Бухарин, Рыков и Ворошилов стали произносить речи о «надвигающейся военной опасности», «подготовке войны против СССР английскими капиталистами», о «капиталистическом окружении», о «блокаде». В нашем кружке, в «Лиге наблюдателей», за исключением лица, которое я назвал Кассандрой, никто не верил, будто надвигается война, поэтому было просто невыносимо читать в

---

[83] Ходил слух о большом разногласии в этом вопросе между Дзержинским и народным комиссаром обороны Фрунзе.

«Социалистическом Вестнике» почти то же самое, что говорили люди из Политбюро. «Социалистический Вестник» писал:

> «Никогда еще положение революционной страны не было столь опасным. Застрельщик мирового империализма — консервативное правительство Англии нанесло СССР первый удар. Вновь реальной становится угроза финансово-экономической блокады, в тисках которой задохнется русское хозяйство. Вновь встает кровавый призрак войны».

Дзержинский в 1924—1925 гг. настаивал, что нельзя восстанавливать и развивать металлопромышленность, ориентируясь только на «государственных заказчиков». «Ее основную базу составляет широкий рынок. Металлопромышленость может стать на крепкие ноги, базируясь на широких потребностях населения». Внимание Дзержинского к обслуживанию крестьянского рынка вообще и, в частности, металлом — очень велико. В этом вопросе взгляды Дзержинского и его заместителя Владимирова — тождественны. Говоря об удовлетворении металлом крестьянского рынка, и тот и другой имели в виду снабжение деревни не одними сельскохозяйственными орудиями, а решительно всем, вплоть до мелочей, что может принести «комфорт» деревне, украсить, улучшить ее быт. В программу Дзержинского входило снабжение деревни кровельным железом, шинным железом, топорами, вилами, ведрами, лампами, утюгами, швейными машинами, иголками, охотничьими ружьями и т. д.

В представлении Дзержинского, что обслуживание крестьянского рынка может стать «базою» для металлопромышленности, несомненно много наивного. Теоретической, экономической подготовки и знания у него не было. Разумеется, металлопромышленность, как вся индустрия вообще, в конечном счете, имеет своей базой потребление населения — «широкие потребности населения». Но огромная часть промышленности, создающая основной капитал, орудия и средства производства, не обслуживает прямо и непосредственно, подобно «лампам, швейным машинам, иголкам», широкие потребности населения. На базе «лампы и иголки» металлопромышленность построить нельзя. Можно создать лишь слабенькое ремесло. Для «хозяйства-модерн» нужны двигатели, рельсы, машины, станки, электромашины и т. д. А тут без крупных, значит — в СССР «государственных», заказчиков обойтись нельзя. Наивная схема Дзержинского тогда не шокировала, а, наоборот, даже нравилась многим специалистам-металлистам. Один из них, выдающийся инженер Хренников (в 1930 г. объявленный «вредителем» и ликвидированный), член правления Главметалла, руководимого самим Дзержинским, мне как-то сказал: «На один крестьянский рынок промышленность опереть нельзя. В довоенное время металлургия создавалась, благодаря заказам фабрик и заводов, особенно заказам на паровозы, рельсы для железнодорожного транспорта, а на это шли средства от иностранных займов и из казны. Все же, ей-Богу, симпатично слышать, что Дзержинский печется о нуждах деревни. Нельзя всегда выпирать на первый план только удовлетворение пролетариата, мы ведь — крестьянская Русь, три четверти нашего населения — крестьяне. О них в первую очередь и нужно думать».

В той постановке вопроса о крестьянском рынке, какая была у Дзержинского, сказалось некое крестьянофильское влияние. Возможно, что оно шло от члена президиума ВСНХ, С. П. Середы, никогда не бывшего ортодоксом-марксистом, тем более твердокаменным большевиком, человека культурного, мягкого, убежденного что не только политические соображения (а это превалировало у Ленина), но и элементарные гуманистические мотивы требуют удовлетворения потребностей крестьянской массы, составляющей преобладающую часть населения страны и более обездоленной, чем пролетариат. Это от Середы и некоторых беспартийных сотрудников ВСНХ Дзержинский узнал о большой роли кустарей в производстве для деревни всяких металлических изделий, о возможности и желательности их объединить в кооперации. Отсюда возникла для ВСНХ обязанность снабжать кустарей необходимым сырьем, организовывать для них склады, помогать предоставлением кредита. Эти задачи указаны и развиты в сборнике статей «Кустарная промышленность в СССР», написанном сотрудником ВСНХ под редакцией Середы и снабженном предисловием самого Дзержинского.

Насколько чутко относился Дзержинский к снабжению металлом «широкого рынка» может свидетельствовать следующий маленький пример.

Зимою 1925 г. я ехал на вокзал на санях извозчика. Их — извозчиков — было множество в довоенной Москве, в советское же время остались очень немногие, имели они самый жалкий вид и все-таки упорно держались за свою профессию. Была гололедица, лошадь все время скользила и два раза упала, чуть не сломав оглобли. Заставляя кнутом лошадь подняться, извозчик сказал:

— Бью ее, а она совсем не виновата. Как ей не падать, когда все подковы истерты.

— Что же вы их не сменяете, не ставите новых? — спросил я.

Извозчик, поворачиваясь ко мне, сердито буркнул:

— Для вас, гражданин (прежде сказал бы — барин!), это дело простое. А для меня поставить новые подковы совсем не просто. За подковку лошади на все четыре ноги теперь нужно потратить целое состояние. И ждать иногда недели, пока кузнецы добудут металл.

Слова извозчика я вспомнил, когда встал вопрос о снабжении металлом потребителей «широкого рынка» и, конечно, захотел их проверить. Кузницы в Москве помещались на ее окраинах, у больших шоссе и дорог. На окраинах жили и извозчики. Я послал в эти места трех репортеров «Торгово-Промышленной Газеты» (помню, один из них был прокурором суда в царское время) для анкеты, для опроса кузнецов и извозчиков. Анкета обнаружила, что подковка лошадей, бывшая простейшей операцией в прежнее время, в 1925 г. стала действительно сложным делом. Металла кузнецы не имели. Государственные организации им в нем отказывали. Им приходилось разыскивать для трансформации изношенный металл или прибегать к черному рынку, уворованному откуда-то металлу и платить за него много. Это и всякие налоги делали подковку столь дорогой, что некоторые извозчики и приезжающие окрестные кре-

стьяне ограничивались подковкой только передних ног лошадей. В провинции, в маленьких городишках было еще хуже. Там во многих местах совсем прекратили подковку лошадей, что, на тяжелых, крытых булыжником мостовых, приводило к уродованию копыт. Словом, вопрос о подковке лошадей из крошечного делался большим, если принять во внимание, что значительная часть транспорта того времени была гужевой, лошадиной.

Тщательно обработанную анкету я поместил на первой странице «Торгово-Промышленной Газеты», там, где обычно стояли статистическо-технические и экономические статьи. Это было необычно и произвело большой эффект: нечто живое среди арсенала важного, необходимого, но сухого материала. Писать увлекательно и живо серьезные экономические статьи — задача не простая.

Дзержинский пришел в восхищение от этой анкеты. Встретившись с ним, я впервые увидел какие-то веселые искорки в его холодных, суровых, стеклянных глазах, взгляда которых многие так боялись.

— Анкета замечательная! — сказал он мне. — Целый кусок жизни она приоткрыла. Даю честное слово, что до этого не думал о подковах и о том, как эта штука важна. О подметках для моих сапог думал, а вот о подметках для лошадиных копыт — даже в голову мысль не приходила. А ведь таких, нам неизвестных, важных областей жизни, особенно в деревне, наверное много. Сегодня же приказал Главметаллу заняться вопросом о снабжении кузнецов металлом.

Не могу удержаться, — это уже профессиональная «болезнь», нажитая в течение пятидесяти лет бытия в качестве журналиста, чтобы не рассказать об одном весьма комическом эпизоде, связанном с этим разговором с Дзержинским. В течение нескольких лет, с 1905 по конец 1908 г., я жил в Москве как «нелегальный» под чужим паспортом. Стремясь не привлекать к себе внимания полиции, иметь вид благонадежного, «буржуазного» человека, далекого от революции, я для этого стал носить котелок. Революционеры обычно такую вещь не носили. К этому «головному убору» я привык. С приходом октябрьской революции, «диктатуры пролетариата», множество людей, сдирая с себя «буржуазный» облик, надевая на голову рабочую кепку-фуражку, старались придать себе пролетарско-крестьянский вид. Клоун в московском цирке высмеивал это превращение: «Смотрите на меня! Я самого благородного революционного происхождения! У меня мать — крестьянка, а отец — два рабочих».

Меня претило, тошнило, от этого подмазывания к вкусам и требованиям «диктатуры пролетариата» и, несмотря ни на что, я продолжал носить котелок. В Москве нас было только трое с таким «контрреволюционным» головным убором: я, бывший директор «Литературно-Художественного Кружка» — И. И. Попов и бывший председатель Государственной Думы — Головин. В разгар военного коммунизма я как-то встретил Головина на Моховой улице. В порыжевшем от непогоды котелке, с, как всегда, в стиле «Вильгельма Второго», закрученными вверх усами, он нес на спине, сгибаясь

под тяжестью, большой мешок с картофелем (уверен — подмороженным!). На улице встретились два котелка. Редкое зрелище в пролетарской Москве. Он обернулся и посмотрел на меня. То же самое сделал и я. Мы улыбнулись и разошлись. С котелком на голове, я как-то был с Савельевым, даже в таком осином гнезде, как отдел печати Центрального Комитета партии. Он помещался тогда недадеко от Делового Двора, в Китай-городе, за стеною. Все, кого пришлось там встретить, пока мы поднимались на третий этаж, смотрели на меня с озлобленным удивлением. А котелок я все-таки продолжал носить и, в конце концов, в ВСНХ к этому привыкли. В день публикации анкеты о кузнецах, я, около часу дня, вышел из главного подъезда ВСНХ, а Дзержинский в него только входил. Здесь, у самого подъезда и произошел с ним разговор. У выхода из ВСНХ была передняя, где оставляли свои пальто, шапки, галоши начальство и сотрудники ВСНХ. В день, о котором я говорю, при вешалке находился служитель, недавно поступивший на эту должность, меня не знавший. Надевать пальто и котелок при нем мне было не нужно, я это делал в «Торгово-Промышленной Газете», имевшей другой выход на улицу, поэтому я прошел мимо служителя, им незамеченный. Он видел, что у выхода стоит Дзержинский и рядом с ним тип явно подозрительный с котелком, контрреволюционным убором на голове. И об этом происшествии он рассказал другим служителям при вешалке: «Дзержинский вот на этом месте, вот у самого входа в ВСНХ, поймал какого-то буржуя, спекулянта, нэпмана, держит его за грудки, а тот нахально улыбается. Дзержинский трясет его, а тот, сукин сын, папироску закуривает. Дзержинский бросил его, вошел в ВСНХ, а тот моментально скрылся, убежал».

Другие служители, понявшие о ком идет речь и желая посмеяться, подталкивали своего товарища на новые рассказы о происшествии. И тот, польщенный интересом к нему, стал ввертывать в рассказ самые нелепые выдуманные детали. Эту историю многие слышали в ВСНХ и над нею изрядно смеялись. Служитель вскоре узнал о своей ошибке и, однажды подойдя ко мне, сконфуженно промолвил:

— Вы, товарищ Валентинов, извините меня. Я что-то зря набрехал. Я о вас тогда не слышал, не знал. А ошибиться мог, ведь таких «шапок», как у вас, никто уже больше не носит . . .

* * *

Из проведенных Дзержинским «кампаний» (всегда «кампаний», ведь все происходило в «ударном порядке» — это стиль советского государства) четвертая, начатая в последний год его жизни, в начале 1926 г., шла под лозунгом «борьба за режим экономии». В некрологе, посвященном Дзержинскому, «Правда» писала:

> «Лозунг борьба за экономию, как за один из важнейших факторов увеличения темпа и роста накопления материальных ценностей и их производительного использования, был выдвинут по непосредственной инициативе Дзержинского. Лозунг экономии быстро перелился за рамки промышленности

и, поддержанный прессой, стал распространяться на все отрасли народного хозяйства. Лозунг режима экономии укрепляется как *мораль эпохи социалистического накопления*».

Долго эта «мораль» не продержалась. Принцип «экономии», и особенно экономии в человеческих жертвах, чужд самой основе советского коммунистического строя. После прихода на место Дзержинского Куйбышева можно было видеть, что лозунг стирается, бледнеет и постепенно исчезает из жаргона людей ВСНХ. Подголосок Сталина, бездарный, бесцветный, ленивый Куйбышев, для самолюбия которого было крайне невыгодно какое-либо сравнение с «нещадящим себя» Дзержинским, постарался возможно скорее удалить из оборота ВСНХ лозунги, связанные с Дзержинским или напоминающие его и заместить их своими «куйбышевскими» («сталинскими»). Позднее, когда началось проведение пятилетки и со всею дикостью предстало знаменитое «социалистическое накопление» на трупах убитых кулаков и коллективизированного крестьянства, лозунга «экономии» не только нет, но над ним издеваются — он фактор, препятствующий строительству индустрии. Строители возникающих новых заводов берут без всякого счета деньги из Государственного Банка. Смет при постройке нет и отчетов в израсходовании денег тоже нет. Директор строющегося в Сибири гигантского Кузнецкого металлургического завода замечательно выразил «мораль социалистического накопления»: «Если вы спросите нас, сколько мы израсходовали денег — ответа не получите. Обычно мы руководствуемся формулой — строить во что бы то ни стало и чего бы ни стоило».

Беру это из номера от 5 февраля 1931 г. «За Индустриализацию», это имя, с началом пятилетки, получила «Торгово-Промышленная Газета».

Как и при каких обстоятельствах началась при Дзержинском борьба за «режим экономии»? Обойти в этом вопросе роль, сыгранную «Торгово-Промышленной Газетой», никак нельзя, а так как фактически главным редактором ее был я (см. об этом последнюю главу), придется кое-что рассказать без лживого жеманства („minauderie") и лицемерного щеголяния скромностью.

У всех нас в «Торгово-Промышленной Газете» был большой круг наблюдений. Мы знали многое, что происходит за кулисами хозяйственных предприятий. Знали, например, что такой-то трест издает никому не нужный бюллетень и председатель треста — коммунист, статьи которому пишут бесплатно «негры»-спецы, получает, якобы, за «редакцию» этого бюллетеня некую сумму, прилично увеличивающую его «партийную ставку». Чтобы мог существовать ненужный бюллетень, председатель треста обращается к председателям других трестов, другим хозяйственникам, с просьбой дать в бюллетень платное объявление об их продукции. Это ненужное объявление те дают и, конечно, в той или иной форме, получают за это компенсацию. Это один из примеров растраты общественных денег. Их можно привести множество: дорогая покупка или меблировка коммунистической квартиры за общественый счет, пользование для личных надобностей общественными автомобилями, трата ка-

зенных денег на различные чествования начальства, на его летние удовольствия и т. д. Это не все. Мы знали (факты все время приносили репортеры газеты), что в советских предприятиях отсутствует, с точки зрения самого простого здравого смысла, всякая «экономия». Почему отбросы хлопка, полностью способные быть полезно утилизированными, гниют в кучах на дворе фабрики? Почему, ничем не прикрытые, ржавеют от непогоды и портятся привезенные новые машины, которые, оказываются, заказывать и сюда привозить не было надобности, к этой фабрике они не подходили? Почему предприятие отопляется дорого стоящими дровами, когда могло бы заменить их углем?

Много раз мне и моим коллегам по газете хотелось, как мы выражались, «трахнуть» по хозяйственникам за презрение к самой элементарной «экономи»», и всегда натыкались на препятствия. Некоторые критикуемые хозяйственники нам говорили: «У вас самих рыльце в пуху. За ежемесячную вкладку о финансах промышленности вы получаете субсидию от Промышленного Банка. А это незаконно, вы должны жить в пределах утвержденного ВСНХ для вас бюджета. Для издания справочников «Весь СССР» и «Вся Москва», издаваемых ВСНХ совместно с Московским Комитетом Партии при участии конторы «Торгово-Промышленной Газеты», требуют от трестов, заводов, разных учреждений дачу больших платных объявлений. Разве это законно?»

Ответственный редактор «Торгово-Промышленной Газеты» Савельев — сам не без «греха» — весьма неодобрительно относился к моим предложениям щипать хозяйственников, презирающих «экономию»: «Не советую этого делать. Исправления не достигнем, а только всех восстановим против себя и не оберемся неприятностей».

Но вот, в конце февраля 1926 г. в редакцию поступает приказ Дзержинского о проведении экономии. К сожалению, во время составления моих записок, мне не удалось достать этот документ. Я плохо помню его содержание, знаю только, что за приказ об экономии я ухватился обеими руками. Еще бы! С благословения начальства настал момент, настала «легальная» возможность «трахнуть» Обычно приказы ВСНХ набирались петитом и помещались в конце последней страницы газеты. Даю указанию: набрать приказ жирным корпусом и поставить на видном месте — вверху справа, на первой странице. Более того — поставить набор приказа на «шпонах» — это разрядка между строками, более выпукло представляющая текст. Приказы ВСНХ обычно шли только под номером. Даю указание: поставить над приказом крупный заголовок — *«Режим экономии»*. Одновременно призываю сотрудника промышленного отдела, коммуниста Лейтеса, и, снабдив всякими инструкциями, заставляю писать передовую. Она пойдет под тем же заголовком — «Режим экономии». Под конец редакторского дня главные сотрудники собираются у меня в кабинете: все веселы и горды. Для всех ясно: «Мы устроили бум!»

«Бум», действительно был большой. У хозяйственников переполох. Необычайная подача приказа, по их убеждению, инспирирова-

на самим Дзержинским и свидетельствовала, что он намерен «железной рукой» проводить «режим экономии»; по части же «экономии» у всех большие, большие грехи. Исполняя приказ Дзержинского, в ВСНХ создается центральная комиссия, разрабатывающая меры для установления *«режима экономии»*. Вся печать подхватывает именно этот лозунг, эти *два слова*. В апреле Центральный Комитет партии и Совнарком СССР принимают постановление о борьбе за *«режим экономии»*. Одиннадцатого июня Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком СССР дают подробный перечень мероприятий, направленных на осуществление *«режима экономии»*.

С момента превращения России в советскую, коммунистическую, страна всегда жила под кнутом ударных лозунгов: «В поход за хлебом!», «Крепим Красную Армию!», «Все на транспорт!», «Лицом к деревне!» и т. д. Приходится констатировать, что в копилку советских лозунгов попало и мое изобретение — «режим экономии», и уселось на некоторое время на губах множества людей. Все-таки, это совсем не то, что было потом, в сталинскую эпоху, когда изречения, лозунги «Отца народов» повторялись десятками миллионов дрожащих от страха роботов.

В день получения приказа Савельева не было в редакции. Как всегда при появлении в газете чего-нибудь важного, я счел нужным, часов в 11 вечера, сообщить ему о приказе Дзержинского и оформлении, которое мы ему даем. К тому, что я рассказал, он отнесся видимо без интереса, только сказал: «Раз сам Дзержинский взялся за это дело, нам нечего тогда бояться ссор и нареканий со стороны хозяйственников». Насколько Савельев не придал «буму» никакого значения, видно из того, что на следующий день он пришел утром в ВСНХ, по каким-то делам «Истпарта», не прочитав газету. Это с ним часто случалось, работа в «Истпарте» его интересовала гораздо больше, чем «Торгово-Промышленная Газета». В коридоре его поймал секретарь Дзержинского и сказал, что Дзержинский требует, чтобы он и я немедленно пришли к нему. Меня в это время еще не было в редакции, к Дзержинскому пошел один Савельев. Могу себе представить, как потел Савельев (он был очень грузен, толст и постоянно потел), в то время как Дзержинский расхваливал номер «Торгово-Промышленной Газеты», а в него Савельев еще и не заглянул! От Дзержинского Савельев помчался в редакцию, заперся в своем кабинете, проштудировал весь наш «бум», а потом попросил меня к нему прийти. На его круглом лунообразном лице цвела широкая улыбка удовольствия.

— Номерок вышел, что надо. Дзержинский *нас с вами* так хвалил, что, право, мне было неловко, я даже сконфузился.

— Что же вам сказал Дзержинский?

— Он сказал, что *мы* создали настоящий рупор его приказа, что *мы* правильно почуяли, что начинается серьезная, большая кампания и дали этой борьбе должное название «режим экономии».

Разумеется, я ни слова не сказал Савельеву, что во всем этом он не при чем. Но он твердо знал, что я не устрою ему какую-нибудь каверзу, не выдам его безделия и он может беспрепятственно получать от начальства похвалы за не им сделанную работу. Что же

касается меня, я ценил Савельева за то, что он почти не мешал мне работать, а активное участие в восстановлении хозяйства страны, его улучшении, расширении, реконструкции меня тогда до крайности увлекало.

Еще несколько слов об «экономии». Я уже говорил, что Дзержинский до ужаса боялся высоких цен промышленности. При этих ценах, по его мнению, страдает больше всего крестьянство, а в «наших отношениях с ним не должно быть эксплуатации». Но если снижать оптовые цены промышленности, тогда не будет должного накопления, не будет средств для расширения промышленности, создания нового основного капитала. При снижении цен, накопление может получиться за счет снижения себестоимости продукции, а это снижение достигается, прежде всего, ростом производительности труда при обязательном условии, что он обгоняет рост заработной платы. Этого еще недостаточно. Для дополнительного снижения себестоимости во всей промышленности нужно установить экономию, «режим экономии», понизить все накладные расходы, изгнать все излишества. Если теоретически синтезировать, связать эти конкретные лозунги четырех кампаний Дзержинского с другими взглядами его, получится система, убедительно противопоставляемая взглядам Пятакова и варварской концепции «социалистического накопления» Преображенского, о которой пойдет речь в следующей главе. Но у Дзержинского не было экономических знаний и способностей к теоретическому синтезу, и потому, хотя эмпирически он шел правильным разумным путем, его деятельность в ВСНХ не оставляет впечатления чего-то увязанного и координированного.

После смерти Дзержинского писали, что в нем не было ничего «ведомственного». Это неправда. Он был очень «ведомственный» человек, и он хотел чтобы его «ведомство» — ВСНХ— было лучше всех остальных, блистало как стеклышко на солнце. Он хотел, чтобы в его ведомстве работали лучшие в СССР специалисты и с этой целью был готов их переманивать из других наркоматов. Чтобы помогать ему вести финансовую политику ВСНХ Дзержинский притащил из Наркомфина М. К. Владимирова, сделав его своим заместителем. Сокольников отпустил Владимирова без большого сопротивления, тот не был крупной фигурой, но стал на дыбы, когда в 1926 г. Дзержинский захотел взять к себе из Наркомфина прекрасного работника — Александра Борисовича Штерна — бывшего меньшевика. По жалобе Сокольникова, это дело разбиралось в самых высших сферах и Дзержинский настоял на своем: в конце 1925 или начале 1926 г. Штерн вступил в ВСНХ. К нападкам на его ведомство Дзержинский относился почти с болезненной остротой. По всей вероятности, ему казалось, что они всегда несправедливы. Бывали случаи, когда на критику ВСНХ он реагировал с такой страстностью, входил в такой раж и столкновения с критиками, что после этого становился больным (сердце у него плохо работало). Один из случаев такой реакции Дзержинского на критику произошел на моих глазах, я сам был в него замешан и хочу о нем рассказать.

Начиная НЭП, советское правительство восстанавливало многие прежние довоенные хозяйственные обычаи и учреждения. Так, в 1922 г., помимо бирж, была восстановлена Нижегородская ярмарка, имевшая прежде большое значение, но последние годы перед войной начавшая его терять. От газеты «Киевская Мысль» я был на ярмарке в 1910 г., она произвела на меня серое впечатление. Как раз в это время на ярмарке происходил всероссийский съезд комиссионеров и многие из них убедительно, даже с цифрами в руках, мне доказывали, что широко развивавшийся институт комиссионеров сильно подрывает былое значение Нижегородской ярмарки. Однако, они не отрицали, что для связи со странами Востока — Турцией, Персией, Бухарой, Монголией, Китаем, посылавшими на Нижегородскую ярмарку своих купцов, она свое значение еще сохраняет.

Главою советской Нижегородской ярмарки, ее хозяином, был поставлен Малышев, бывший рабочий из Сормова, пригорода Нижнего Новгорода. Войдя во вкус роли «хозяина» ярмарки, он стал копировать прежних заправил ярмарки, персонажей описанных Горьким в его «Фоме Гордееве», Боборыкиным и другими писателями.[84] Малышев отпустил большую, как прежде носили купцы, бороду лопатой, оделся в старорусский кафтан, носил брюки, запрятанные в сапоги с голенищами трубою. На ярмарке был до невероятности груб, самовластен, всем говорил «ты», ругался площадными словами или держал речи в купеческом стиле, пересыпая их словечками, вроде: «ты голуба», «душа», «отец родной». Малышев часто посылал в газеты безграмотные статейки о ходе операций на ярмарке и, конечно, о своей большой роли в ее успехах. По причинам мне неизвестным, ему весьма благоволил Сталин. Этого я не знал и в первый год моей работы в «Торгово-Промышленной Газете», получив его безграмотную и пустую статейку, бросил ее в сорную корзинку. Но Малышев, отправив в какую-нибудь газету свое произведение, немедленно начинал барабанить, узнавать, когда она пойдет, и требовать, чтобы ему были посланы гранки набора статьи. Савельев, узнав от Малышева, что он послал в «Торгово-Промышленную Газету» статью, прибежал ко мне справиться: отдал ли я ее в набор, и в ужас пришел, услыша, что я ее бросил в сорную корзину.

— Помилуйте, да разве можно это делать! Да он с жалобой на нас пойдет к товарищу Сталину. Он нам жизнь отравит! Давно известно, что его статьи дрянь, а все-таки их нужно печатать. Только сделайте все возможное, чтобы уменьшить безграмотность присланной статьи.

Нижегородская ярмарка пользы промышленности ВСНХ не приносила. Продукции было мало, продажа ее после кризиса сбыта в 1923 г. обеспечена, предметы ее производства известны торгующим синдикатам и торгам, кроме того, продукцию стремились распреде-

---

[84] Нижний Новгород именуется теперь, в честь Максима Горького, Горьким.

лять по стране в некоем плановом порядке. В этой обстановке Нижегородская ярмарка была ни к чему. Она обязывала на завоз в Нижний товаров, которые и без того были бы проданы в другом и более нужном месте. Это были ненужные траты денег на транспортировку, содержание складов и пр. Однако без ярмарки, без поддержки ее промышленностью Малышев терял все свое величие. Он злобствовал на ВСНХ за его более чем холодное к ярмарке отношение и разразился против него статьей, направленной в «Торгово-Промышленную Газету». Не могу сказать, было ли это в 1925 г. или в начале 1926 г. (повторяю, даты плохо запоминаю), в данном случае это совсем не важно. Зная, что от Малышева можно ожидать всяких ябед, и не желая с этим типом иметь дело, я его статью, предварительно сняв с нее копию, послал для оценки члену президиума ВСНХ — В. Н. Манцеву. Прочитав ее, Манцев немедленно мне сообщил: «Статью, конечно, не печатать. С его возмутительной критикой ВСНХ пусть Малышев, если хочет, идет в другую газету. Мы, по желанию Малышева, сечь себя не будем».

Двадцать минут не прошло, как по телефону ко мне обращается Малышев:

— Голуба, я табе (вместо тебе!) послал статейку для завтрашнего номера, так ты, душа моя, соблаговоли прислать сейчас же гранки набора.

Отвечаю, что по указанию Манцева статья не будет напечатана. Малышев с треском бросает телефонную трубку, а через полчаса, кто-то из секретариата Центрального Комитета дает мне «приказ» — статью Малышева напечатать. Обращаюсь снова к Манцеву и с иронией спрашиваю:

— Кого же мне слушаться?

Манцев, хотя и бывший чекист, узнав, что о помещении статьи Малышева дается приказ из такого важного места как секретариат ЦК, испугался своего решения и, снимая в этом деле всякую с себя ответственность, послал статью Дзержинскому. Тот, ознакомившись с нею, звонит ко мне и заявляет:

— Я, председатель ВСНХ и ОГПУ, приказываю вам, несмотря ни на какие угрозы, статью Малышева не печатать.

Это в первый раз я слышал от Дзержинского, в разговоре со мною, многозначительное указание, что он председатель ОГПУ. Приблизительно полчаса после этого ко мне снова обращается Малышев, которому на его вопрос о статье, отвечаю, что у меня есть приказ Дзержинского ее не печатать. Малышев в бешенстве кидает:

— Найдется кое-кто поважнее Дзержинского.

Дзержинский вторично звонит и резко и сурово подчеркивает, что, несмотря на какие-либо давления на меня, статья Малышева не должна быть напечатана. Его вторичное обращение ясно показывает, что где-то в высших сферах по поводу статейки Малышева идет борьба. Редакционная работа в это время была окончена, но ни я, ни другие сотрудники газеты, посвященные в историю с Малышевым и уверенные, что что-то должно произойти, из редакции не уходим.

— Идет борьба богов и гигантов, — говорит со смехом Р., — нужно ждать, кто победит.

Ждем. Придравшись к случаю, рассказываю о знаменитом мраморе из раскопок Пергама, находящемся в Берлинском музее, изображающем именно борьбу богов и гигантов. Раздается звонок и хриплым, усталым, еле слышным голосом Дзержинский, без всякого объяснения, дает указание:

— Напечатайте статью Малышева.

К ужасу моих коллег, не допускавших, что так можно говорить с самим Дзержинским, у меня вырывается грубейшее восклицание:

— Значит, Феликс Эдмундович, прокакали позицию!

По сей день я не могу себе отдать отчет, что толкнуло меня прибегнуть к этому весьма неэстетическому глаголу. Может быть, довольно странное в мои годы «мальчишеское» желание показать сотрудникам «Торгово-Промышленной Газеты», что, в отличие от них, я без всякого страха говорю с Дзержинским? Или, может быть, досада, что придется уступить этому хаму — Малышеву? Но, может быть, и желание попрекнуть Дзержинского за то, что трусливо отступил перед секретариатом ЦК, т. е. Сталиным? Потом стало известно, что нежелание Дзержинского подчиниться указанию секретариата Центрального Комитета, являя собою нарушение партийной дисциплины, вызвало его столкновение со Сталиным. Оно было столь бурным, что у Дзержинского был сердечный припадок и несколько дней он не появлялся в ВСНХ,

***

Было бы большим упущением, если бы я не рассказал более подробно, чем сделал до сих пор, об отношении Дзержинского к беспартийному составу активных работников ВСНХ, промышленности, к техническому персоналу. Оно несомненно было очень благожелательным, отнюдь не менее, чем у Рыкова. В 1924—1925 гг. преследования и аресты совершались по всей стране, однако в ВСНХ и в промышленности их почти не было. Недаром после его смерти многие инженеры говорили, что при Дзержинском могли спать спокойно. В благожелательности к техническому персоналу у него явно преобладали утилитарно-практические соображения. Дзержинского, кажется, не очень страшило, что в голове человека бродят антисоветские идеи; по его мнению, гораздо важнее как он работает, полезен ли он для «ведомства ВСНХ», для промышленности. О Е. С. Каратыгине многие ему шептали: «Это действительный статский советник-реакционер, вспомните, какие речи он держал во время своей командировки заграницей?» Дзержинский все это превосходно знал, за антисоветские речи Каратыгина за границей он и убрал его из редакции «Торгово-Промышленной Газеты». Но дальше этого репрессии не пошли и, так как тот был знающим и полезным человеком, Дзержинский дал ему возможность работать над рядом важных вопросов. Каратыгин, например, был председателем секции, изучавшей в ВСНХ вопрос о пятилетней перспективе развития сельского хозяйства и его связи с промышленностью. «В

тюрьму посадить человека не трудно, во много раз лучше, если человек, заслуживающий тюрьмы, будет все-таки не в ней, а на свободе делать полезную для общества работу». Руководствуясь именно этим правилом, Дзержинский, видимо, очень хотел, чтобы прославленный своими подвигами эсер, террорист Савинков, заманенный ГПУ в 1924 г. из Польши на советскую территорию, не сидел в тюрьме, а на свободе нес полезную работу. С явным рассчетом на сенсацию, Дзержинский с улыбкой, в апреле 1925 г., говорил кое-кому в ВСНХ, в том числе Межлауку и Савельеву: «Догадайтесь, что это за человек, которого в сущности нужно было бы расстрелять еще в прошлом году и которого вы можете скоро увидеть у нас в ВСНХ? Догадайтесь! Не знаете? Так я вам скажу. Это — Савинков. Хочу посадить его в главную бухгалтерию ВСНХ в роли самого маленького счетовода. Он мне говорил, что хочет работать, что примется за любую работу, только бы не быть в тюрьме и быть полезным. Дам ему эту работу, посмотрим, что из этого выйдет?»

Намерение Дзержинского не осуществилось. Политбюро категорически высказалось против освобождения Савинкова. А тот, узнав, что ему по-прежнему предстоит сидеть в тюрьме (хотя он сидел в особой камере с очень большим комфортом), 7 мая 1925 года покончил с собою, бросившись с пятого этажа. [85]

---

[85] За несколько дней до этого, Савинков, снова прося Дзержинского освободить его из тюрьмы, послал ему письмо. Этот документ во многих отношениях характерен для 1925 г. вообще, а не только для кающегося террориста. Савинков хотел работать в советском хозяйстве, как уже в нем «честно» работали десятки тысяч людей, прежде бывших убежденными противниками октябрьской революции. Вот это письмо.

Гражданин Дзержинский!

Я знаю, что вы очень занятый человек, но я все-таки вас прошу уделить мне несколько минут внимания. Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, меня поставят к стене, второй — мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т. е., тюремное заключение, мне казался исключенным: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмою, «исправлять» меня уже не нужно. Меня исправила жизнь. Так был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и Пилляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать, я был против вас, теперь я с вами. Быть «серединка на половинку», ни «за», ни «против», т. е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем, я не могу. Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован и что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятию, третий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме, когда в искренности моей едва ли остается сомнение и когда я хочу одного: эту искренность доказать на деле. Я помню наш разговор в августе. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал в тюрьме и мне не стыдно сказать — многому научился. Я обращаюсь к вам, гражданин Дзержинский, — если вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь: ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию. Если вы мне не верите, то скажите мне это, прошу вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение.

С искренним приветом

Б. Савинков.

При всяких столкновениях или недоразумениях, возникавших между техническим персоналом и командующими коммунистами-хозяйственниками, Дзержинский, почти как правило, становился на сторону технического персонала. Повторяя слова Ленина, он указывал, что установлению должного отношения к специалистам мешает «комчванство», «коммунистическое чванство»: обладатели партийного билета смотрят свысока на подчиненных им людей, хотя те обладают неизмеримо более, чем они, техническими знаниями и более способны управлять технико-экономической частью того или иного треста или предприятия. На эту тему Дзержинский, со свойственной ему откровенностью и резкостью, произнес много речей *и ни одна из них никогда не появлялась в печати в полном виде*, всегда в форме очень смягченной, всегда с пропусками наиболее резких слов и мест. Секретарь ЦК — т. е. тот же Сталин, очевидно, следил, чтобы «Феликс» в запальчивости не говорил лишних слов. Как ни смягчена в отчетах речь Дзержинского на XIV партийной конференции в апреле 1925 г., все же даже из нее видно, в чем Дзержинский упрекал коммунистов-хозяйственников и чего он добивался для технического персонала.

> «Надо покончить с остатками комчванства... Без знаний, без учебы нашей собственной, без уважения к людям, которые знают, без поддержки технического персонала, без поддержки науки... мы... не сможем выполнить той задачи по поднятию производительности труда, которая перед нами поставлена...
>
> *Необходимо создание новых бытовых и дружественных отношений к ним (специалистам)*, для того, чтобы... отделить непримиримых, которые за пазухой держат камень, от других, которые в большом количестве у нас имеются... Для этого *надо дать им какую-то конституцию на заводе и в управлении фабрикой.* Вопрос относительно того, чтобы мы подняли на высшую ступень науку и создали товарищеские условия работы нашему техническому персоналу, как низовому, так и верхушечному, является основной задачей, без которой мы экономически победить буржуазную Европу не сможем. Если бы вы ознакомились с положением нашей русской науки в области техники, то вы поразились бы ее успехами в этой области. Но к сожалению, работы наших ученых кто читает? Не мы. Кто их издает? Не мы. А ими пользуются и их издают англичане, немцы, французы, которые поддерживают и используют ту науку, которую мы не умеем использовать»...[86]

Чтобы замечания Дзержинского были понятны, укажу, что в то время русские ученые и инженеры свободно могли помещать и помещали свои работы в иностранной научной и технической прессе. Позднее это стало невозможным. Даже мысль, — не говорю уже попытка, — о помещении статьи советским ученым или техником в

---

[86] «XIV Конференция Российской Коммунистической Партии (большевиков». Госиздат, 1925, стр. 173—174. Курсив автора. Ред.

иностранной печати рассматривалась как шпионаж и величайшее преступление.

Стремясь к установлению дружеских отношений технического персонала с коммунистами, Дзержинский стал носиться с мыслью об образовании в Москве какого-то особого клуба, где должна господствовать атмосфера, способствующая сближению коммунистической и некоммунистической частей кадров промышленности. Такого рода клубы, по его мнению, должны возникнуть и в других больших городах СССР. Некое скрещивание, сближение на работе коммунистов и некомунистов в ВСНХ и в Москве несомненно имело место, но Дзержинский находил, что этот процесс недостаточно интенсивен, а в провинции мало затрагивает технический персонал.

Не лишены интереса мысли, настойчиво развиваемые Дзержинским в последние месяцы жизни.

«Мне приходится, — говорил он, — подписывать по ВСНХ множество приказов. Со стороны может казаться, до чего умен Дзержинский! Он все знает и, в совершенстве владея техникой, экономикой, счетоводством и всем прочим, составляет самые разнообразные приказы. Но ведь эти приказы не я составляю, я только их подписываю, доверяя тому или тем, кто мне их предлагает. Однако лицá, которое обдумывало, составляло приказ, — нет. Я его замещаю и заслоняю. Это неправильно. Когда кто-нибудь делает открытие или изобретение, его имя становится известным. А вот, когда после большой работы, Петров или Иванов приходит к убеждению, что нужно такое-то решение очень важного вопроса и в этом смысле должен быть составлен такой-то приказ по ВСНХ, о них никто не упоминает. Приказ идет только за моей подписью. Я прихожу к убеждению, что нужна *не одна моя подпись, а еще вторая,* указывающая лицо, фактически являющееся автором, творцом приказа. Как это сделать, я еще не знаю, но считаю, что это непременно нужно сделать. Это нововведение, разрушая старые бюрократические формы, будет отдавать должное людям, работающим над улучшением хода и дел нашей промышленности».

Эти мысли Дзержинского, вместе с его указаниями, что нужно «дать специалистам какую-то конституцию на заводе и в управлении фабрикой» — встречали большие возражения в коммунистической среде. Дзержинскому указывали, что если рядом с его подписью в приказе по ВСНХ будет еще вторая подпись, например, беспартийного работника, весьма возможно в прошлом человека правых взглядов, получится что-то скандальное, недопустимое, с полным искажением всей коммунистической концепции о партии и власти:

«У нас диктатура пролетариата. Его волю выражает только коммунистическая партия, только ей *одной* дано право управлять страною и хозяйством. Когда в приказе по ВСНХ, выражающем акт управления, рядом с подписью Дзержинского будет еще подпись беспартийного специалиста, это будет открытым допущением и, в то же время, открытым признанием, что в управлении участвует не одна коммунистическая партия, а еще какие-то другие слои».

При разговорах на эту тему я не присутствовал. До меня, как и до других, дошли лишь передачи их, отголоски их. Например, передавали, что на выдвинутые против него В. Межлауком возражения, Дзержинский ответил: «Вы Америку открываете! Да ведь это же бесспорный факт, что *не мы одни управляем хозяйством и страною, а вместе с нами это делает масса беспартийных специалистов*, из которых многие весьма далеки от идей коммунистической партии. Нужно признать не только этот факт, а и другой: без них, без этого беспартийного персонала специалистов и техников — мы из ямы 1921 г. по сей день не вылезли бы. А с их помощью мы это сделали».

Замечания Дзержинского, характерные для умонастроения, для строя мыслей этого «ультраправого» коммуниста, необходимо поставить в связь с одним явлением, способным пять лет спустя казаться созданием фантазии. Я имею в виду исключительно влиятельное положение, занятое в ВСНХ при Дзержинском пятью беспартийными, *пятью бывшими меньшевиками*, а из них никто не сделал даже малейшей попытки вступить в коммунистическую партию, хотя на этот счет им делались предложения. Очень важное место в Главном Экономическом Управлении ВСНХ занимал А. М. Гинзбург, в отделе торговой политики — А. Л. Соколовский, в финансовом отделе — А. Б. Штерн, в статистике ВСНХ — ее начальник Л. Б. Кафенгауз, а на посту фактического редактора органа ВСНХ, «Торгово-Промышленной Газеты», — пишущий эти строки.

Попробую в нескольких строках дать если не «портреты» этих лиц, то хотя бы их некоторую характеристику.

А. М. Гинзбург в 1901—1902 гг. был в Екатеринославе одним из редакторов краевого подпольного социал-демократического органа «Южный Рабочий», был видным пропагандистом, одним из инициаторов первых попыток к объединению существовавших на юге (до партийного съезда в 1903 г.) социал-демократических организаций. Попав за это в ссылку в Сибирь, в Якутскую область, и сбежав оттуда, он появился в 1905 г. в Москве и позднее в Петербурге. Примкнув в 1904 г., после раскола партии, к меньшевикам, Гинзбург в последующие годы никогда от главенствующей меньшевистской линии не отклонялся. Его подпольная деятельность после первой революции в сущности кончилась. В 1912 г. он приезжает в Киев и вступает в редакцию «Киевской Мысли», большой, хорошо ведущейся, самой распространенной газеты на Юге. Главными сотрудниками ее были социал-демократы — Василенко, Дрелинг, Войтоловский, Валентинов, Свидерский, Балабанов, Эйшинский, Давид Заславский, тот самый, который, сдирая с себя все, что делало его не прохвостом, стал в 1928 г. сотрудником «Правды» и в течение многих лет отличался писанием в ней самых гнуснейших статей. Под псевдонимом «Антидот» в «Киевской Мысли» сотрудничал и Л. Троцкий. На участии Гинзбурга в этой газете я останавливаюсь потому что именно в ней, при составлении статей для нее, началась формация его как экономиста, дополненная участием в кооперативном движении и службой в городском самоуправлении Киева. Враждебно относясь к октябрьской революции, Гинзбург, однако,

не убегает в эмиграцию и весьма тяжело переживает эпоху военного коммунизма (арестовывается ЧК). В 1921 г. с провозглашением НЭП, поступает на службу в Киевское Губернское Плановое Управление в качестве заместителя председателя этого управления. С этого времени начинается его деятельность как «экономиста-плановика». Кажется, по указанию Пятакова, он переводится в Москву в ВСНХ, где обращает на себя общее внимание огромной трудоспособностью и усидчивостью. С утра до вечера он не покидает здание «Делового Двора», участвует во всех бесчисленных совещаниях Главного Экономического Управления. В любой час дня он в распоряжении начальства, чтобы дать объяснения и нужные цифры. Числясь формально заместителем начальника этого управления (им должен быть коммунист), Гинзбург фактически в этом управлении главное лицо. С образованием в 1925 году Освока (Особого совещания по восстановлению основного капитала промышленности, о сем в следующей главе), Гинзбург отдает больше всего внимания перспективным планам развития промышленных областей. Опираясь на работы секции Освока, на помощь и работы сотрудников Главного Экономического Управления, а в его составе находились ценные работники (например, меньшевик Гринцер, близкий к меньшевизму Абрамович), Гинзбург делает попытку создать пятилетний план развития промышленности с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1930 г. В его наметке много дефектов, ибо остроты перспективной догадки у него не было; но этот, как он сам его характеризовал, «первый черновой набросок», с которым ВСНХ выступил раньше других учреждений, в том числе Госплан, представляет, бесспорно, огромный интерес. Говоря о Гизбурге, нельзя обойти его исключительную лояльность по отношению к власти. Он не хотел иметь дело абсолютно ни с чем, носящим или имеющим антисоветский характер. Однажды, только что получив от Савельева кипу эмигрантской литературы и засунув ее в портфель, я отправился по разным делам в ВСНХ. В одном из коридоров встретил Гинзбурга и мне пришло в голову дать ему прочитать, что пишет о советской промышленности «Социалистический Вестник».

«Могу вам дать 'Социалистический Вестник' с условием, чтобы через два часа вы мне его возвратили». Этого условия не нужно было и ставить. Гинзбург отскочил от меня, точно ошпаренный кипятком. На лице его был написан страх и негодование. У меня мелькнула мысль: уж не считает ли он мое предложение провокацией?

— С этой литературой, — сказал он мне, — я знакомиться не хочу. Она мне не нужна; то, что там пишется, меня ни с какой стороны не интересует.

Отбрасывая «Социалистический Вестник», даже не знакомясь с ним, Гинзбург, однако, отклонил делаемое ему предложение подать заявление о желании вступить в коммунистическую партию. Вместе с тем, довольно часто он давал понять, что полностью, *без единой поправки*, принимает всю экономическую доктрину Маркса, все три тома «Капитала» и, оставаясь *ультраортодоксальным марксистом*, в этом отношении не расходится с коммунистами.

С Гинзбургом мало общего у А. Л. Соколовского. Гинзбург огромен, тучен, тяжеловесен, неповоротлив, обычно с печатью озабоченности, какого-то беспокойства на лице. Соколовский — щуплый, юркий, подвижной, готовый рассказать очередной «еврейский анекдот» (в числе прочих их пускал по Москве Радек) и выпалить остроумную шутку, даже на заседаниях президиума ВСНХ в ответ на вопрос Дзержинского. Политическое прошлое его знаю плохо. Он принадлежал не к Бунду, а к неведомой мне еврейской социалистической организации. Все члены ее перекочевали в коммунистическую партию. С Соколовским этого не случилось: он был слишком пропитан меньшевизмом, для него любимейшей, почти идеальной, политической фигурой был Мартов. В 1921 г. Соколовский поступил в ВСНХ в качестве экономиста, но в течение двух с лишком лет не представлял собою большого активного работника. Очень много работая над собою, приобретая на службе массу практических знаний, он начинает с 1923 г. как бы «расцветать», а к 1924 г., времени появления в ВСНХ Дзержинского, Соколовский явно для всех превращается в одного из ценнейших работников Главного Экономического Управления. Он заведует отделом торговой политики ВСНХ, он председатель бюро цен. В программу его работ входит калькуляция себестоимости разных отраслей промышленности, изучение общих издержек производства, снижение себестоимости, товарооборот, составление товарных балансов, снабжение промышленности сельскохозяйственным сырьем. Соколовский намного талантливее Гинзбурга. Его ум живее, работает быстрее и острее. Так же как Гинзбург, он отдает работе в ВСНХ почти все свое время, но это у него выходит как-то иначе, чем у Гинзбурга. Под редакцией Соколовского в 1925 г. выходят ценнейшие работы по калькуляции себестоимости отраслей промышленности. Они привели в восторг Дзержинского, получившего из них знание, на какие из статей в себестоимости нужно больше всего давить, чтобы добиться общего снижения этой себестоимости. Под начальством Соколовского, как под начальством Гизбурга, работала группа сотрудников, специализировавшихся на исследовании и изучении разных экономических вопросов. С Соколовским им было легче работать, чем тем, кто был непосредственно связан с Гинзбургом. У того был излишек самолюбия, самовыдвигания; Гинзбург, например, непременно хотел снабжать своим (и не нужным) предисловием печатаемые работы сотрудников своего отдела.

Глубоко отличается и от Гинзбурга, и от Соколовского — А. Б. Штерн, вступивший в ВСНХ из Наркомфина в конце 1925 г. или начале 1926 г. Он бросился мне в глаза при первой встрече: почти до глаз, притом всегда очень грустных, густо заросшее черными волосами лицо и странная, вместо пиджака, сатиновая рубашка. «Неужели, — спросил я, у знающих его людей, — у него нет денег купить себе костюм и не ходить зимою в этой летней рубашке. Ведь он получает большую ставку?» Мне ответили, что получаемые деньги Штерн отсылает куда-то своим родным, себе почти ничего не оставляет. Де ему, в сущности, ничего и не надо: ему безразлично что пить и есть, что носить и где жить. При бли-

жайшем знакомстве со Штерном, эта характеристика подтвердилась: аскетизм действительно лежал в его натуре. В прошлом он был правоверным меньшевиком, но, как он мне однажды сказал, когда я с ним ближе сошелся, «мне всегда было *стыдно* слышать о диктатуре пролетариата». Он был, конечно, против октябрьской революции, но победу ее принял весьма своеобразно, вроде Божьего наказания за общие грехи. Раз это наказание нагрянуло, отчураться от него никак нельзя, его нужно принять, делая все, что только возможно для отдельного человека, чтобы наказание для общества, для страны смягчить, а потом соответствующей деятельностью постепенно удалить. Конкретно это означало: немедленно вступить на службу в советское хозяйство и терпеливо, покорно, принося себя в жертву, жертвуя своим самолюбием, жизненным положением, работать вместе с властью с верою, что она станет на добрую дорогу. Выполняя почти с религиозным чувством эту «заповедь», Штерн с головою уходил в работу. Так, до потери сил, он работал на Украине в Наркомате Продовольствия, так он работал в Москве в Наркомфине и с той же психологией стремился разрешать все финансовые проблемы ВСНХ. У него были превосходные отношения с Гинзбургом и Соколовским. В важных практических вопросах, встававших в ВСНХ, они, обмениваясь мнениями, обычно сходились. А их единение, единение начальников, отражалось на работавших с ними в разных отделах сотрудниках, порождало и у них некую унификацию взглядов. Таким образом, в Главном Экономическом Управлении ВСНХ существовал довольно многочисленный и ценный состав сотрудников, которые, при всем их индивидуальном различии и различии ими разрабатываемых вопросов, находились под влиянием идущим сверху от бывших меньшевиков.

Теперь о четвертом лице, занимавшем в ВСНХ важный пост. Как я уже сказал, это Л. Б. Кафенгауз, начальник «ЦОС», т. е. центрального отдела статистики ВСНХ. Он превосходно поставил обработку сведений, поступавших от трестов и предприятий. Действуя с большим упорством и настойчивостью, он добился, чтобы данные по промышленности, подведомственной ВСНХ СССР, поступали с максимальной скоростью в его отдел и с максимальной скоростью там подсчитывались, обрабатывались и обобщались. Благодаря этому, движение промышленности, ее рост, ее валовую продукцию, число занятых в ней рабочих, производительность их труда — можно было знать не через год или полгода, а очень скоро, почти немедленно после окончания месяца. Это в огромной степени облегчало и знание промышленности, и управление ею. Кроме месячных обзоров промышленности, печатавшихся особой вкладкой в «Торгово-Промышленной Газете», ЦОС выпускал превосходные детальные годовые итоги промышленности и ряд производимых им специально анкет. Никакого большого партийного прошлого у профессора Кафенгауза не было. Подпольной деятельностью, подобно Гинзбургу, Штерну, Соколовскому, он не занимался и довольно поздно примкнул к меньшевикам. Он с крайней враждебностью относился к октябрьской революции и особенно к ее победе в Москве, где, по его глубокому убеждению, можно было легко по-

давить большевистское восстание. С началом НЭП-а, видя что страна отходит от убивающего ее военного коммунизма, Кафенгаузен горячо взялся за работу в ВСНХ, для которой имел солидные экономические знания. Но в методах своей работы он решительно расходился с Соколовским, Гинзбургом и Штерном. Эти лица были, если можно так выразиться, «стахановцами» в работе и с изнеможением захлебывались в ней. К сожалению, к этому же типу принадлежал и я. Кафенгауз, с которым я был дружественно связан (даже был «крестным» отцом его сына!), часто упрекал меня: «Вы постоянно твердили об Европе, европеизме, однако, самое главное в жизни — работу — делаете не по-европейски, а варварским образом. Возьмите с меня пример. Я делаю не только, что от меня требуется, а гораздо больше того, но для этого мне не нужно с утра до вечера сидеть в ВСНХ».

Наставление об умении работать не по-варварски Кафенгауз стал развивать особенно часто после своего возвращения из командировки в Париж.

Представляет большой интерес, что говорил Дзержинский о бывших меньшевиках, занявших во время его правления особо важное положение в ВСНХ. Я узнал об этом при следующих обстоятельствах. В главе о «Торгово-Промышленной Газете» я рассказываю, что Дзержинский приказал Савельеву выдать мне «похвальную аттестацию» за «громадную работу, проделанную мною по превращению 'Торгово-Промышленной Газеты' в руководящий орган нашей промышленности и торговли». При разговоре с Савельевым на эту тему, Дзержинский указал, что большой похвалы заслуживаю не я один, а и другие бывшие меньшевики, работающие в ВСНХ на ответственных постах — Соколовский, Кафенгауз, Гинзбург. Дзержинский не назвал Штерна потому, что разговор с Савельевым происходил между 14 и 20 октября 1925 г., а Штерн тогда еще не поступил на службу в ВСНХ. Однако, Штерна он ценил, конечно, очень высоко, не менее, а, может быть, даже больше, чем других бывших меньшевиков, и чтобы взять его из Наркомфина вступил в ссору с Сокольниковым. Савельев весьма не любил передавать похвалы начальства, адресованные не ему, а другим лицам. Мне пришлось буквально с натугой вырывать у него слова Дзержинского. При этих условиях установить все интересное, что говорил Дзержинский довольно трудно, однако, в этой регистрации мне помогло то, что я дополнительно слышал от Ломова.

Ленин, — сказал Дзержинский, — часто говорил, что Ю. Ларин любит сплетничать. Это верно. Вот теперь он в разных местах фистулой (у Ларина был пискливый голос. — Н. В.) свистит, что, мол, в ВСНХ — *меньшевистское засилие*. Пожелаю, чтобы и в других наркоматах было такое же засилие. Это засилие превосходных работников. Разве это плохо? Бывшие меньшевики — Гинзбург, Соколовский, Кафенгауз, Валентинов, как и многие другие, занимающие менее ответственные посты, замечательные работники. Их нужно ценить. Они работают не за страх, а за совесть, всем бы этого пожелал. Мы очень многое потеряли бы, если бы у нас их не

было. В какой степени они остались меньшевиками? В чужую голову залезть трудно, но скажу: если бы они продолжали быть меньшевиками, их непременно тянуло бы к оппозиции. Ведь она, рука об руку с «Социалистическим Вестником», шепчет, что мы сползаем с пролетарской дороги и ведем советское хозяйство к капитализму. Этого нет у наших бывших меньшевиков. Они в высокой степни лойяльны и разделяют политику правительства. Делают это не под нашим давлением, а сознательно и по убеждению. Мне превосходно известно, что кое-кто в ВСНХ (намек, вероятно, на Пятакова! — Н. В.), не раз стремился вызвать у наших бывших меньшевиков сочувственное отношение ко взглядам и политике оппозиции. Доподлинно знаю, эта попытка провалилась. У нас в ВСНХ есть три слоя ответственных работников (не беру четвертый — младший персонал, выполняющий только узко-технические работы). Первый слой — это наш коммунистический, находящийся в меньшинстве. Второй слой — беспартийные, ведущие экономическую, плановую, регулирующую, исследовательскую и учетную работу. И третий слой — инженерно-технический, персонал производственников. Наши бывшие меньшевики, хорошо или худо, все-таки прошли марксистскую школу и имеют знание общих экономических вопросов. Этим объясняется их влияние во втором слое работников ВСНХ. Кроме того, именно потому, что прошли марксистскую школу, они ближе к нам, чем беспартийные спецы-производственники, из которых многие придерживались прежде весьма правых убеждений. Без помощи спецов-инженеров, техников, мы, конечно, не сможем ни восстановить, ни расширить нашу промышленность, но у них техника заслоняет социально-экономические проблемы, ныне, в отличие от довоенного времени, связывающиеся с восстановлением и реконструкцией индустрии. И вот здесь сказывается плодотворное влияние, которое оказывает второй слой в ВСНХ с бывшими меньшевиками во главе на третий слой — на производственников, на технический персонал. Привлекая внимание этого третьего слоя к социально-экономическим проблемам, давая им необходимое решение, мы, коммунисты, производим это в сущности в порядке *приказа*. Инженеры и техники будут выполнять то, на что мы указываем, что мы требуем, потому что мы начальство. Но меньшевистско-беспартийный слой, какие бы должности он не занимал, для них таким начальством как мы, совсем не является, и если технический персонал следует за Соколовскими, Гинзбургами и прочими, то это происходит уже в порядке других отношений, в порядке убеждения. А это явление я считаю крайне важным».

На этом я могу окончить мою «повесть» о Дзержинском. С приходом на его место Куйбышева, меняется вся обстановка в ВСНХ. Куйбышев пришел с *директивами* от Сталина ударить по интеллигенции слишком уж поднявшей голову, почувствовавшей свою силу и значение в хозяйстве. С приходом Куйбышева не может быть и речи ни о похвалах по адресу бывших меньшевиков, ни о «второй подписи», ни о какой «конституции для технического персонала» на фабриках и заводах. С подобными бреднями нужно покончить.

Бывших меньшевиков, занимавших при Дзержинском важные посты, нужно обуздать, скрутить, принизить. Куйбышев неукоснительно проводил эту линию. Соколовский, Гинзбург, Кафенгауз, когда это было нужно, немедленно получали прием у Дзержинского. Аудиенции у Куйбышева им приходится ждать целые недели. Когда Штерн попросил Куйбышева принять его по «важному и срочному вопросу», тот отказал в этом и велел секретарю передать Штерну, что «вопрос о важности и срочности решает председатель ВСНХ, а не сотрудники финасового отдела». Штерн болел, у него была грудная жаба. Поддерживая здоровье этого ценного работника, его несколько лет подряд посылали за границу в Наугейм. В 1927 г. Куйбышев заявил, что осенью Штерн может поехать в Наугейм, «но это последний раз, лечиться можно и у нас, без траты нужной нам иностранной валюты». Осенью того же года Гинзбургу дается четырехмесячный отпуск для командировки в Америку, а когда он возвращается, своего прежнего положения уже не находит. Формально он заместитель главы Планово-Экономического Управления, в которое, после произведенной Куйбышевым реформы ВСНХ, превратилось Главное Экономическое Управление, но у него нет больше административных функций, с ним начальство уже не считается и, главное, он устранен от участия в выработке пятилетнего плана развития промышленности. А за это больше всего он держался. О пятилетке Гинзбурга, начавшей формироваться, складывается еще при Дзержинском, Куйбышев отзывался с полнейшим, демонстративно высказываемым презрением. Призвав в 1928 г. Штерна и давая ему «директивы» в области финансовой политики, Куйбышев сказал:

«Нам необходима настоящая индустриализация, как того и хочет XV съезд партии, а не карикатура на нее с *плюгавенькими темпами,* выдуманная в 1926 г. (Выражение «плюгавенькие темпы» принадлежит Сталину. — Н. В.). Позорную ублюдочную пятилетку, появившуюся под вывеской ВСНХ, нужно скорее забыть. В ней нет даже тени революционного духа. В ней *потухающая кривая* с заложенным в нее контрреволюционным убеждением, что мы лопнем, наши силы иссякнут и при всем нашем желании все равно далеко уйти не можем».

Что это за «потухающая кривая», о которой в то время начал говорить Куйбышев (и множество других коммунистов), вслед за оппозицией, у которой (например, у Пятакова) появился впервые этот термин? Вычисляя рост продукции в ближайшее пятилетие, Гинзбург указал, что, по его подсчетам, продукция в 1927 г., в сравнении с 1926 г. должна или может увеличиться на 31, 6 проц., в 1928 г., в сравнении с предыдущим годом, на 22, 9 проц., в 1929 г. на 15,5 проц., в 1930 г. на 15 проц. Вот этот ряд цифр, ниспадающий с 31,6 проц. до 15 проц. и есть инкриминируемая «контрреволюционная потухающая кривая». Ничего недопустимого в этом потухании нет. В 1927 г., отчасти и в 1923 г., в промышленности еще полностью не восстановленной, был неиспользованный основной капитал, неиспользованное оборудование, некие резервы. Поэтому продукция от введеия этих резервов могла увеличиваться скачками в

30 проц. и даже 40 проц. Но, когда эти резервы были использованы, нельзя было ждать ни таких скачков, ни того, чтобы при росте капитальных вложений, рост продукции непременно шел по «восходящей» кривой, т. е. в постоянной прогресии, вроде: 10, 15, 20, 25, 30 процентов. Несмотря на все проклятия и презрение к потухающей кривой, коммунистам не удалось ее изгнать ни из плановых построений, ни в осуществлении этих планов. Например, в итогах первого «сталинского» пятилетнего плана, составленных при рекордно-беспримерной фальсификации цифр, указано, что общая продукция промышленности в 1930 г. в сравнении с 1929 г. увеличилась на 27,3 проц., в 1931 г., в сравнении с 1930 г. на 22,6 проц., а в 1932 г. на 11, 9 проц. А это то же «потухание». В нормальных условиях развития, крепко стоящей на ногах промышленности, годового роста ее по восходящей линии, кажется, вообще не бывает.

К концу 1928 г. от прежнего влиятельного положения в ВСНХ бывших меньшевиков ничего не осталось. Но это еще не эпилог печального «потухания». Он наступит позднее в разгар дикой сталинской пятилетки, террора, раскулачивания, насильственной коллективизации деревни, из которой извлекут средства для сверхиндустриализации. Это в марте 1931 г. перед «пролетарским судом» предстанет группа из 14 меньшевиков, выхваченных, главным образом, из ВСНХ, Госплана, Государственного Банка, Комиссариата Внутренней Торговли и Центросоюза. Все они будут объявлены гнусными вредителями, продажными пособниками капиталистической иностранной интервенции. Прокурор Крыленко (в 1937 г. объявленный тоже вредителем и ликвидированный Сталиным) сделал все, чтобы подсудимых унизить, огадить, оплевать, лишить уважения, навсегда выкинуть из общественной жизни. Самое ужасное, что обвиняемые ревностно и даже с пылом подтверждали все, что от них требовал прокурор. Здесь совсем не место анализировать «меньшевистский» процесс, это особая и большая тема. Лишь напомню, что Соколовский получил 8 лет тюрьмы, Гинзбург — 10 лет, Штерн избег этой участи, «заблаговременно» скончавшись в 1930 г. О Кафенгаузе на суде ничего не говорилось, однако он исчез из ВСНХ, как исчезли из него меньшевики Гринцер, Константин Рабинович. А. И. Рабинович, беспартийные: Абрамович, Лавров, Дубовников, Кукель-Краевский, Чернобаев, Аркус, М. Гальперин и другие, составлявшие, по признанию Гинзбурга, вместе с ним «вредительскую организацию». По неизвестной причине вместо поименованных лиц, на суде фигурировал малозаметный бывший меньшевик Волков, работавший в отделе Штерна в области финансирования машиностроения. Судьбе, вернее случайности, я обязан тем, что, став эмигрантом, не оказался в числе подсудимых этого процесса.

ГЛАВА VI

ПЯТИЛЕТНИЕ ПЛАНЫ И РОЛЬ Ю. Л. ПЯТАКОВА

а. *Преображенский и его теория первоначального социалистического накопления*

Волнуясь, злясь и потому, более чем обычно, заикаясь, А. И. Рыков — это было в конце 1925 или в начале 1926 г. — мне говорил:

«Теория Преображенского возмутительна. Это чёрт знает что! Социализм должен строиться методами первоначального капиталистического накопления, — вот в чем нас убеждает Преображенский. Можно ли придумать большее, чтобы смертельно скомпрометировать социализм? Нам трудно установить эквивалентность обмена между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством; к нарушению этой эквивалентности, к изъятиям доходов деревни нам неизбежно приходится прибегать, но это не есть высасывание до последней кровинки из крестьянства, это не должно быть ее «пожиранием», о чем с такой настойчивостью говорит Преображенский. У него деревня только дойная корова для индустрии. Томский хорошо о нем сказал: 'Преображенский, видите ли, сто пятьдесят раз прочитал в «Капитале» Маркса главу о первоначальном капиталистическом накоплении в XVI веке и она несчастным образом закупорила его мозг, отсюда у него неизлечимый в голове запор. Ну, да — вся его теория от этого запора'».

В чем заключалась теория Преображенского, сыгравшая такую зловещую роль в нашей стране? Появившись в 1923 г., она немедленно привлекла к себе внимание народников в Наркомземе, больше всего — Кондратьева и Макарова. Они первые указали на ее грозящий бедствиями характер. За ними начали знакомиться с нею другие группы, в том числе и мы в «Лиге наблюдателей», хотя, откровенно сказать, первое время знакомства видели в ней лишь «курьез», глупую выдумку, каких в то время было много в советской экономической прессе. Но скоро и мы поняли, что теория Преображенского, приобретая последователей в коммунистической партии, делается действительно опасной.

Подобно всем оппозиционерам, Преображенский был, конечно, противником НЭП-а. Сколько бы ни было отрицательных сторон в военном коммунизме, все же оппозиционеры считали, что остов его отмечен признаками, свойственными настоящему социализму: со-

циализация средств и орудий производства, уничтожение частно-торгового производства, сведение к нулю денежной системы, замена торговли государственным распределением продуктов. НЭП, разрушив эту систему, потряс ее социалистический характер. Он ввел товарное обращение, денежную систему, куплю и продажу, снова призвал к жизни огромный частный сектор в виде крестьянского хозяйства и частных промышленных и торговых предприятий. Вопросу: как выйти из НЭП-а снова к социализму и посвящена появившаяся в 1923 г. статья Преображенского — «Закон социалистического накопления». Вместе с позднейшей статьей «Закон ценности в советском хозяйстве» он составила книжку «Новая Экономика», изданную в 1926 г. Коммунистической Академией. Все, что он писал после 1923 г., в сущности, не очень важно. Суть его теории изложена до этого. Он выступал с нею в Коммунистической Академии, в Госплане, на многих собраниях, а в половине 1924 г. появился сжатый (на гектографе), насколько помню, до восьми страниц, очень хорошо составленный очерк этой теории, под заголовком «Политика первоначального накопления». Он ходил по рукам, попал и ко мне. Говорили, что очерк был пущен в обращение с одобрения самого Преображенского, находившего, что это хороший способ популяризовать его взгляды. Что хотел прежде всего доказать Преображенский? — социализм и НЭП несовместимы; социалистическая система и государственное хозяйство длительное время существовать рядом не могут. Нелепо думать, утверждал Преображенский, что —

> «Социалистическая система и система частно-товарного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом, одна с другой, на основе полного экономического равновесия. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна *пожирать* другую. Само существование двух систем, включенных в систему одного хозяйства страны, неизбежно приведет к тому, что либо социалистическое производство будет себе подчинять мелкобуржуазное хозяйство, либо само оно будет рассосано стихией товарного производства».

Провозглашение такой «однозначности» социалистической системы, как выражался конспект теории Преображенского, — было отходом от более сложного понимания социализма, начавшего (отчасти у Каутского) слагаться в начале XX столетия и возвращением к прежним, самым примитивным, социалистическим схемам. Один из участников «Лиги наблюдателей» в споре с Кондратьевым, доказывавшим, что «гнусная теория Преображенского могла быть порождена *лишь марксизмом*», совершенно правильно указал, что на неизбежность «однозначности» социалистической системы указывал еще народник Лавров. В 1875 г. в статье «Государственный Элемент в будущем обществе» (стр. 105) он утверждал, что социальная революция

> «...должна начаться *немедленным и неуклонным* обращением всякого имущества ... в имущество *общее*. Уступки здесь невозможны. Существование рядом, даже временно, социалистического строя и частной собственности представляет гроз-

ную опасность для нового социалистического строя, так как на другой день после революции проснутся старые привычки и влечения». (Подчеркнуто автором. — *Ред.)*

Мы видим, что в этом вопросе убеждения такой мирной божьей коровки, как Лавров, совсем не отличались от «гнусной теории» Преображенского, позднее полностью воспринятой тамерлановским социализмом Сталина.

Отрицая НЭП, Преображенский все же полагал, что его нельзя сразу уничтожить, смахнуть одним ударом (что потом сделал Сталин!), а нужно вести систематично сознательное «пожирание» частного хозяйства ускоренным мощным развитием социалистической системы, укрепляющей свой «остов», свой «основной капитал» процессом усиленного «накопления». Можно констатировать, что с конца 1923 г. или начала 1924 г., термин *«накопление»*, на все лады склоняемый Преображенским, влетает в жаргон большевиков, делается его принадлежностью, одним из божков, с которым они будут носиться в течение последующих десятилетий. Уже в 1925 г. мы услышим от них, что «коммунистическая партия кровно заинтересована в накоплении».

Два рода накоплений различал Преображенский. Одно — это «социалистическое накопление, присоединяющее к функционирующим средствам прибавочный продукт, создаваемый *внутри* социалистического хозяйства».[87] Другой род накопления он называет «первоначальным социалистическим накоплением»: оно черпает свои средства «*вне* комплекса государственного социалистического хозяйства».[88] Основным законом советского хозяйства, — провозгласил Преображенский, — и есть закон первоначального социалистического накопления, конкретно говоря, выгребание средств из деревни, из хозяйства мелких производителей, отовсюду *вне* социалистического хозяйства.

«Такая страна, как СССР . . . должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников *досоциалистических форм хозяйства*».[89]

«Задачи социалистического государства не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том чтобы брать еще больше».[90]

«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, — тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства».[91]

---

[87] Е. Преображенский. Новая экономика. Москва 1926, стр. 57.
[88] Ibid, стр. 58.
[89] Ibid, стр. 63.
[90] Ibid, стр. 63—64.
[91] Ibid, стр. 101—102. Подчеркнуто Преображенским. Ред.

«Мысль, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, является несомненно *реакционной мелкобуржуазной утопией*».

Ныне, уже зная что, вдохновлясь этими гнусными рецептами, именно так и строил Сталин свой социализм и так заставлял его строить в покоренной Восточной Европе, нельзя без содрогания, без отвращения читать Преображенского. Но тогда, в 1923 и 1924 гг., мы бесконечно были далеки от предчувствия и действительного понимания всех ужасов, создаваемых этой системой «первоначального социалистического накопления». Все же гнусность ее, могу в том заверить, несомненно чувствовали и с полным сочувствием слушали, в 1924 г. например, Бухарина, говорившего что, по теории Преображенского, рабочий класс должен сидеть верхом на мелких производителях и с целью усиления социалистического накопления выжимать из них все до последнего предела. Преображенский сначала даже не стеснялся прямо говорить, что социалистическая система должна *«эксплуатировать» деревню и мелких* производителей в городе. Только позднее он заменил «эксплуатацию» более мягким термином, отчего жестокая суть его теории не смягчилась. Вся она, по правильному замечанию Рыкова, построена по аналогии с периодом первоначального капиталистического накопления. Преображенский отнюдь не смущался, когда ему указывали, что в своих построениях он — социалист! — вдохновляется методами самого мрачного периода капитализма. «Да, — отвечал он, — есть аналогия между первоначальным капиталистическим накоплением, но с каких это пор научное сравнение человека с собакой является оскорблением для homo sapiens?» Вместо того, чтобы говорить пустые речи, нужно понять, что «социалистическое накопление может развивать свойственные ему преимущества лишь после того, как советское хозяйство пройдет стадию первоначального накопления».

«Основной закон *первоначального* социалистического накопления является *центральной движущей пружиной* всего советского государственного хозяйства».

«Моя статья, — надменно заявлял он, — о социалистическом накоплении посвящена вопросу, который будет стоять в центре нашего внимания, минимум два столетия».

Напомнив теорию Преображенского, я уже могу перейти к ВСНХ, где Преображенский имел друга и единомышленника в лице такой важной персоны, как Пятаков. Он был согласен со всеми пунктами теории Преобрженского, лишь иначе их формулируя, давая им другое словесное выражение. НЭП, по его убеждению, нужно уничтожить. Для этого, во-первых, высосать все до дна из дохода частных предприятий, а накопления в них он демагогически преувеличивал до крайней степени; во-вторых, в максимальной степени извлечь «прибавочный продукт» из деревни, которая, будто бы, богатеет и хозяйственно развивается быстрее, чем государственное социалистическое хозяйство. С целью ускорить и усилить социалистическое накопление, все, по выражению Дзержинского, *«загнать в основной капитал»*. Пятаков, как и Преображенский, сто-

ял за увеличение цен на индустриальные изделия. Когда ему указывали, что эти высокие цены промышленности бьют не только деревню, не одно крестьянство, но и рабочий класс, он отвечал, что этого можно избегнуть, создавая для рабочих ряд привилегий. Впрочем, иногда он к этому добавлял, что не так уж будет плохо, если высокие цены промышленности, ощущаясь рабочими, подгонят их, заставят их увеличивать «производство прибавочной стоимости». В отличие от Преображенского, открыто и смело высказывавшего свои взгляды, Пятаков их вуалировал. Его публичные высказывания намного мягче, туманнее того, что слышали от него в частной беседе. Объясняется это тем, что ему в ВСНХ нужно было дипломатично считаться с Дзержинским, совершенно не разделявшим его взглядов.

Осенью 1924 г. многие в ВСНХ знали, что Преображенский часто навещает Пятакова и, уединяясь, они ведут долгие разговоры. Можно предполагать, что, имевшая очень важные последствия статья Пятакова «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», появившаяся осенью в 1924 году в «Торгово-Промышленной Газете», согласована с Преображенским и составляет часть задуманной ими кампании. Заявив, что «воспроизводство основного капитала» есть «центральная проблема» советского хозяйства, Пятаков начал свою статью следующими словами:

> «Скажу заранее, что совершенно гладкое решение этого вопроса мы едва ли найдем или, вернее, вполне гладкое его решение лежит в другой области — в плоскости включения хозяйства СССР в социалистическое хозяйство всего мира. При условии господства капитализма в других странах, для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий, решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами».

Мысль Пятакова, если ее яснее формулировать, сводилась к тому, что СССР не может создать социалистический строй без помощи мировой революции и включения советского хозяйства в социалистическое хозяйство других стран. Это отрицание возможности построения социализма *в одной стране*, в сущности, было давним убеждением всей марксистской мысли. Но с осени 1924 г., и настойчивее в последующее время, такого рода взгляд начинает объявляться принадлежностью «троцкизма», «троцкистской идеологии»..

> «Противоречия, — писал Троцкий, — в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе на арене международной революции. Подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Как видим, Пятаков с небольшими вариациями повторил слова Троцкого, и такого же взгляда держалась вся оппозиция. Однако, этот «троцкизм» создавал большое смущение среди самих «троцкистов». Один из молодых сотрудников «Торгово-Промышленной Газеты», вероятно льнувший к Троцкому, хотя в редакции никогда

об этом не говоривший, однажды рассказал мне, что он имеет близкое, дружеское общение с группой студентов-троцкистов, после разгрома оппозиции в высших учебных заведениях Москвы принужденных, чтобы не быть выброшеными из этих заведений, скрывать свои убеждения. Все они считают Троцкого выдающейся фигурой советской революции, перед ним все остальные члены Политбюро — пигмеи. Сколько бы ни оплевывало Политбюро Троцкого, — они продолжают верить в него, считают его своим учителем, идут за ним. Тем не менее, вот что их смущает, создает противоречие, которое им трудно разрешить: Троцкий прав, утверждая, что без помощи мировой революции в главнейших капиталистических странах «нам социализм не построить»; но этой мировой революции нет, попытки ее осуществления в Германии, Италии, Венгрии не увенчались успехом. Мировая революция страшно запаздывает, когда она придет, неизвестно; поэтому возникает мучительный вопрос: что же мы тогда сейчас строим? Ведь то, что строится без помощи мировой революции, социализмом быть не может! Указывают, что в последних предсмертных статьях Ленина есть разъяснение, что у нас есть «все для построения социализма», то есть, социализм может быть построен в одной стране и без мировой революции. Но упомянутые студенты находят, что у Ленина категорического и совершенно убедительного указания на возможность строительства социализма в одной стране все-таки нет, а, во-вторых, если это указание считать достаточным и убедительным, тогда вскрывается огромное противоречие между взглядами Ленина и Троцкого. Студенты ищут выход из этого их положения и, в конце концов, хотя все их симпатии полностью на стороне такого выдающегося «гениального» человека как Троцкий, считают, что все-таки нельзя утверждать невозможность построить социализм в одной стране, так как, если строится не социализм, а лишь прикрытый капитализм, тогда «мы все слепые агенты этого капитализма, а такой вывод просто невыносим».

Я обращаю внимание на этот крайне любопытный рассказ сотрудника «Торгово-Промышленной Газеты», подчеркивая, что впервые, как это не парадоксально, толчки, импульсы для постановки вопроса о возможности построения социализма *в одной стране* пошли из среды самих троцкистов. Под влиянием толчков отсюда, правящая часть Политбюро, в противоположность Троцкому и всей прежней троцкистской мысли, начала склоняться к теории о социализме в одной стране. По словам сотрудника «Торгово-Промышленной Газеты», его друзья студенты-троцкисты, когда в июне 1925 г. Сталин выступил с докладом среди студентов Свердловского института, подали ему через своих единомышленников *пять* записок, в разной форме спрашивающих о «строительстве социализма в одной стране». На одну из них Сталин ответил следующими словами:

> «Нельзя строить, не зная во имя чего строишь. Нельзя строить на авось, в ожидании социальной революции во всем мире. Вопрос о перспективе есть важнейший вопрос нашей партии. Мы можем построить социализм без предварительной по-

беды социализма в других странах, без прямой помощи техникой и оборудованием победившего пролетариата Запада. Мы уже строим социализм. Отрицание возможности строительства в нашей стране есть ликвидаторство, ведущее к перерождению партии».

Забегая несколько вперед, — об этом придется еще писать в третьей части моих записок, — замечу, что в *1925 г.* в нашей «Лиге наблюдателей» много дебатировалось о строительстве «социализма в одной стране» и большинство ее участников считало, что происходящее в стране строительство не есть капитализм. Еще раз обнаруживалось наше расхождение с «Социалистическим Вестником», убежденным, что —

> «...производственные отношения в России объективным ходом развития все более и более перестраиваются на капиталистических основаниях и в результате большевистского хозяйствования частный капитал, русский и иностранный, неизбежно будет занимать одну позицию за другой».

Возвращусь, однако, к Пятакову.

Сделав «троцкистского» характера предисловие, он начал объяснять, что прежде, в довоенное время, функционировала система амортизационных отчислений. Из ценности «ежегодно воспроизводимого капитала» выделялась определенная часть, которая, пополняясь в течение ряда лет такими же частями, накоплялась, образовывала хранящуюся в банках ценность, позволявшую в определенный срок, через 10 или 20 лет, заменить весь изношенный капитал новым. Эти накопляемые ценности основного капитала ныне в природе не существуют (т. е. амортизация не производилась) и воспроизводство капитала остановилось, стало невозможным. Чтобы выйти из этого трагического положения нужно снова наладить процесс накопления, для этого необходимо: 1) создавать амортизационный фонд, 2) усилить производство прибавочной стоимости рабочими, 3) присваивать прибавочный продукт крестьян, 4) обратиться к помощи иностранных займов. «Нам, — замечал Пятаков, — по-видимому, придется идти всеми четырьмя путями». Такова, в нескольких строках суть его статьи. Написав ее, Пятаков вызвал к себе ответственного редактора «Торгово-Промышленной Газеты» Савельева (меня в это время Пятаков демонстративно игнорировал) и потребовал немедленно организовать широкий «отклик» на его статью среди хозяйственников и сотрудников ВСНХ. Савельев на это не был способен; за это дело, как он на том настаивал, пришлось взяться мне. С оттисками набранной статьи Пятакова, я пошел в ВСНХ и первым кого я там встретил был умный дельный инженер-текстильщик Федотов (я писал о разговоре с ним в первой части моих записок). Ознакомившись со статьей Пятакова, Федотов разразился жестокой критикой.

— Хорош высший руководитель промышленности! Он и понятия не имеет, как в индустрии производится амортизация. Возмещение частей изношенного основного капитала происходит непрерывно путем текущего и капитального ремонта, а отнюдь не в ожи-

дании, что через 10 или 20 лет накопятся амортизационные отчисления и тогда можно выбросить изношенный капитал и сразу заменить его новым. Пятаков к тому же путает: одно дело воспроизводство основного капитала, другое дело — его увеличение, накопление. Марксистским языком я не владею, но, заимствуя у Пятакова марксистские выражения, скажу, что когда к капиталу прибавляется «прибавочная стоимость» рабочих и «прибавочный продукт крестьян» — это уже не амортизация, это накопление. С помощью амортизации можно восстановить, воспроизвести изношенный капитал, тогда как с помощью накопления можно расширить предприятие или построить новое. Значит, нельзя говорить только о воспроизводстве основного капитала, а нужно говорить о нем и о *накоплении* основного капитала.

Возражать Пятакову Федотов особого желания не имел, я все-таки убедил его написать статью. С критическими замечаниями по адресу Пятакова, она была напечатана в «Торгово-Промышленной Газете». Второй отклик я получил от троцкиста Быка, экономиста Сахоротреста. Заметив, как и Федотов, что у Пятакова несколько смутные представления об амортизации, он, переходя к накоплению, указал, что в этом вопросе на единственной правильной точке зрения стоит Преображенский: источники накопления в СССР не в производственной базе государственной индустрии, а находятся *вне* ее, в несоциалистических формах хозяйства. За этим последовала третья статья. После переговоров со мною, ее написал Антропов, старый большевик, но ушедший из партии. Он самым решительным тоном объявил, что никакого настоящего накопления в промышленности СССР нет. «Прибавочный продукт» создается только в деревне, откуда «путем налогов и высоких цен систематически перекачивается в город. Перекачивание так велико, что «сельское хозяйство не может нормально развиваться». Дискуссия развернулась, появились и другие статьи о «воспроизводстве основного капитала» в «Торгово-Промышленной Газете», «Экономической Жизни» — органе СТО, «Финансовой Газете» — органе Комиссариата Финасов. Наконец, дней через 8 или 10 после статьи Пятакова, в редакцию пришло лицо, вызвавшее у сотрудников «Торгово-Промышленной Газеты» и бывших в это время в редакции некоторых сотрудников ВСНХ особый, довольно странный, интерес. Когда это лицо сидело у меня в кабинете, сотрудники газеты под разными предлогами заходили ко мне, чтобы взглянуть на него. Я их спрашивал потом — в чем тут дело? Смеясь, мне ответили, что интересно посмотреть на «древность», «на персонаж из навсегда погибшей Атлантиды». Пришедший в редакцию известный экономист, в прошлом виднейший меньшевик, Петр Павлович Маслов, «древностью» не был. Он родился в 1867 г., следовательно, в 1924 г. ему было не так уже много лет, всего 57. Откуда представление о нем как о «древности» — понять трудно. Маслов принадлежал вместе с Лениным, Потресовым, Мартовым и другим к «выпуску» социал-демократов, появившихся в политической жизни в самом начале 90-х годов. В 1896 г. он участвовал в «Самарском Вестнике» — первой газете в России, стремившейся придать себе некоторую марксист-

скую окраску. В конце 90-х гг. он — так же, как и Ленин, Струве, Туган-Барановский, писал в марксистских легальных журналах Петербурга: «Новом Слове», «Начале», «Жизни». Немного позднее выпустил большую книгу об аграрном вопросе в России и прослыл знатоком этого вопроса. В 1902 году в Женеве, под псевдонимом ИКС, выпустил брошюру, где критикуя аграрную программу «отрезков» Ленина (возвращение земель, отрезанных у крестьян при освобождении от крепостного права в 1861 г.), он противопоставил ей передачу конфискованных помещичьих земель в распоряжение «муниципий» — земств, местных самоуправлений, созданных при участии городского населения всеобщим избирательным правом. Эта аграрная программа, получивая название «муниципализации», («земстволизация» — по насмешливому выражению Ленина), отменяя программу «отрезков» была принята партийным съездом в 1906 г. в Стокгольме. Большевики и меньшевики сделали тогда попытку объединиться, и так как большевики на съезде оказались в меньшинстве, «муниципализация земли» прошла. Ленин и большевики с ней никогда не соглашались и из арсенала своих идей с презрением выбросили вон, но принятие ее съездом высоко подняло в другой части партии авторитет Маслова. Осенью 1905 г. Маслов и я были редакторами первой в Москве социал-демократической газеты — «Московской Газеты» (пятьдесят лет спустя о жизни этой газеты я написал очерк в «Социалистическом Вестнике», в номере от ноября 1955 г.). Она просуществовала недолго, издатель, возмущенный ее революционным характером, прекратил ее субсидировать и, вдобавок, донес полиции на Маслова и на меня как на опасных людей. Маслов за свои статьи в газете был привлечен к суду, приговор был суров; спасаясь от него, он на несколько лет уехал за границу. Я избег этой участи: жил под чужим именем с паспортом на имя Адриана Александровича Дьякова и полиция меня не нашла. Издатель «Московской Газеты» почему-то уверил жандармерию, что под псевдонимом *Валентинова* скрывается некий *граф Ланской*. Опросы этого графа весьма ясно показали, что он не Валентинов, ни малейшего отношения к газете не имеет, и ленивая полиция (это ведь не ГПУ) перестала меня отыскивать. Помимо книги об аграрном вопросе, Маслов написал еще несколько книг. Например, в 1910 г. из-под его пера вышла «Теория народного хозяйства», а затем еще какие-то произведения. Я их не читал, по многим причинам Маслов окончательно перестал меня интересовать. [92]

---

[92] Приблизительно за месяц до прихода ко мне в редакцию «Торгово-Промышленной Газеты» Маслова, я, наводя порядок в своей библиотеке, случайно наткнулся на его книгу «Теория развития народного хозяйства». Машинально перелистывая, попал в ней на следующие строки на стр. 280—281.

«Предположим, что рабочие производят ежегодно продуктов на 400 миллионов рублей, причем получают заработную плату 100 миллионов рублей. Допустим, что заработная плата повысилась вдвое — до 200 миллионов. Если предположить, что цена продуктов повысится на всю сумму повышения заработной платы, т. е. на 200 мил., т. е. более $^2/_5$, между тем раньше они потребляли одну четвертую. За счет какой же доли выросла доля рабочего класса? Несомненно, за счет капиталистов».

Маслов был невероятно скучными неинтересным человеком. При общении с ним, он нагонял на меня томительную скуку, ввергая в полную немоту, анемию. Однако, с ним связываются у меня воспоминания не только о его способности убивать скукой, а более неприятные вещи. В 1905 и 1906 гг. я постоянно, с излишком ненужного упорства, защищал муниципализацию земли. Под разными псевдонимами — Валентинов, Назаров, Лавин — я написал на эту тему множество, по моему нынешнему убеждению, совершенно *негодных* статей и брошюр... Две брошюры, изданные в 1906 г. о «Комментариях к нашей аграрной программе» и «Крестьянство и земельная программа социал-демократической партии в России», оказавшиеся в библиотеке Б. Суварина и два года назад им мне подаренные, я сохранил в назидание, что *лучше молчать, чем писать непродуманные вещи.* В самом деле, крестьянство России требовало земли, а что ему предлагала «муниципализация»? — Нуль. Переход помещичьей земли в руки далеких от него органов самоуправления, в сущности, способных дать ему землю лишь на началах аренды. Аренда помещичьей земли заменялась арендой у земств. Эту неумную конструкцию пропитывала мысль, что социал-демократия не должна поддерживать «единоличное крестьянское хозяйство», не должна укреплять его, и этим «задерживать экономическое развитие», целью которого является не мелкое, а крупное хозяйство (на этом пути легко дойти до колхозов и совхозов). С такой несчастной аграрной программой меньшевизм в великие дни 1917—1918 гг. оказался без всякой программы. Мы годами издевались над эсеровской « социализацией земли на началах уравнительного землепользования», а именно эта программа, уворованная у социалистов-революционеров Лениным, оказалась той формулой, по которой в октябрьскую революцию произошло грандиозное, не имевшее примера в мире, передвижение помещичьих земель к крестьянству.

Не довольствуясь сказанным, Маслов усиливает его следующим примечанием:

> «Допустим, что при повышении заработной платы на 100 мил. цена продуктов поднялась на 200 мил. и сумма продуктов стоит уже не 400 мил., а 600. Все-таки заработная плата, которая раньше составляла четверть всех продуктов, — из 400 — 100 мил. — теперь будет составлять одну треть (200 мил. из 600 миллионов)».

В 1910 г. мы все — марксисты, пишущие на экономические темы, могли в только что цитированных строках видеть, пожалуй, неопровергаемую истину. Мы были способны провозглашать невероятные вещи. Например, Ленин в 1912 году (в «Правде», № 85), анализируя данные промышленной переписи 1908 года, утверждал, что в 19 900 предприятиях средняя прибыль капиталистов составляет 297 000 рублей, а она составляла 29 800. Общую прибыль в 569 миллионов Ленин не захотел и не сумел правильно разделить на 19 900. То, что Маслов утверждел в 1910 году, через четырнадцать лет, в 1924 г., в глазах даже самого маленького, малосведущего сотрудника-репортера «Торгово-Промышленной Газеты» должно было считаться поразительным невежеством. Имея в руках превосходные исчисления себестоимости разной продукции, составляемые в ВСНХ, мы все уже знали, что реальная плата рабочих не повышается на «200 миллионов», если на такую сумму повышается «цена продукции», что реальная плата рабочих повышается главным образом от роста продукции, а не роста цен. Почтенный экономист Маслов — этого не знал.

Все что пишу, сознаю, к ВСНХ никакого отношения не имеет, это большой прыжок в сторону, и все-таки я его делаю, так как встреча в 1924 г. с Масловым, напоминая о «земстволизации», вызвала у меня чувство моральной необходимости сказать о себе едкое слово. Было бы недостойно, критикуя ошибки других, забывать сколько их у меня!

Придя в «Торгово-Промышленную Газету» и вручая мне статью, Маслов счел нужным сделать к ней длинное словесное предисловие. Он заявил (и это написал), что товарищ Пятаков поставил «чрезвычайно важный вопрос о воспроизводстве снашивающегося в промышленности капитала». «Величайшая заслуга Пятакова в том, что он поставил этот вопрос прямо, так как было принято его обходить», хотя вот он — Маслов — в течение многих лет постоянно указывает на него в своих книгах и, в особенности, в недавно вышедших. Преображенский, — продолжал Маслов — прав, выдвигая на первый план «накопление», но если бы он был действительно знающим вопрос марксистом, то должен был бы употреблять и соответствующие вопросу термины, говорить не просто о «накоплении», а о накоплении и *«расширенном воспроизводстве основного капитала»*. А к чему в конечном счете сводится расширенное воспроизводство? Ни более и ни менее как к «проблеме о производительном и личном потреблении в народном хозяйстве».

«Проблема увеличения основного капитала есть не что иное, как увеличение его за счет личного непроизводительного потребления».

Это был рецепт, имеющий целью «догнать и перегнать Америку», применявшийся в России Сталиным, потом его наследниками, а за ними, под их давлением, и в несчастных странах покоренной Европы. Маслову принадлежит первенство не в лансировании идеи о накоплении, а в особой формулировке условий накопления: производить расширенное воспроизводство основного капитала *за счет потребления*. Такого прямого указания на сжатие потребления у Преображенского нет. Этого не было раньше и в произведениях Маслова. В устах столь видного меньшевика это звучало более чем неожиданно. Он показывался уже не как «персонаж исчезнувшей меньшевистской Атлантиды», а скорее персонажем всплывающего большевистского континента. После октябрьской революции, не встречаясь с Масловым, я не знал что в 1924 г. он начал менять «вехи». И он сменил их настолько, что в 1929 г. Сталин допустил его стать действительным членом Академии наук, а туда не допускались меньшевики, открыто не отрекшиеся от меньшевизма. По долетевшим за границу слухам, Маслов последние десятилетия сильно коммунизировался (он умер в 1946 г.), поэтому направление принесенной им в «Торгово-Промышленную Газету» статьи удивлять не должно.

Точно знаю, что Пятакову статья Маслова пришлась весьма по душе, но меня сильно смутила. Я солгал бы, сказав, что этот вопрос *в 1924 г.*. мне был ясен. Я знал, как происходило развитие промышленности в довоенное время, когда на помощь ей приходили ино-

странный капитал и займы, но после октябрьской революции вся обстановка кардинально изменилась. Можно поднять индустрию до довоенного уровня увеличением производительности труда, но откуда и как взять в СССР капиталы для «расширенного производства», расширения предприятий, постройки новых заводов и фабрик? Вне ответа на этот вопрос в духе Преображенского—Пятакова, появлялись некоторые решения, однако они начали оформляться позднее, в 1925 г. Одно из таких решений намечали Сокольников и Шанин (в Наркомфине). С ними во многом сходились народники, работающие в Наркомземе (те же Кондратьев и Макаров). Никогда не договаривая все до конца, многое сознательно прикрывая во избежание упрека в «крестьянском уклоне», они считали, что главнейшей, первейшей задачей является поднятие сельского хозяйства до самого высокого уровня. Только на базе окрепшего и поднявшегося до «зажиточности» сельского хозяйства, способного вдоволь накормить население, создать в деревне достаточный «прибавочный продукт» и принести в страну капиталы усиленным экспортом сельскохозяйственной продукции, — могут появиться условия для расширения советской индустрии. Второе решение, вернее вариант первого решения, развивал В. А. Базаров, сотрудник Госплана, в прошлом видный большевик, после октябрьской революции покинувший партию. По этому варианту первейшей задачей должно быть развитие всех вообще отраслей, производящих предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых носит уже достаточно массовый характер. Базаров доказывал, что всюду в мире интенсивное промышленное развитие начиналось с установки отраслей, производящих предметы потребления. Третье решение давал Бухарин и тесно с ним связанная группа молодых экономистов (Марецкий, Стецкий).

> «Планомерно развивать и тяжелую, и легкую индустрию; растущую долю средств обращать на производство капитальных затрат, нужных для ускорения темпа индустриализации, но так, чтобы при этом происходило *расширение производства предметов потребления*. Расширять капитальное строительство за счет снижения производства предметов потребления мы не можем. Это означало бы ускорение темпа индустриализации ценою снижения уровня жизни трудящихся масс. Нужно помнить, что там, где выше норма накопления, там ниже норма потребления».

Повторяю, такого рода решения начали полностью оформляться лишь в 1925—1926 гг. Их еще не было в 1924 г. Формула Преображенского —Пятакова, первых выступивших с проблемой накопления и основного капитала, захватила врасплох. В нашем кружке «Лиге наблюдателей» мы тоже подходили к этим вопросам, обменивались мнениями, но не могу сказать, чтобы у нас уже было какое-то определенное их решение. Мысль бродила около всех трех вышеуказанных решений, не отдавая преимущества какому либо из них. Одно было ясно: стоять за «расширенное воспроизводство» *за счет уменьшения потребления населения* не хотим и не будем. Вот почему статья Маслова произвела на меня такое отталкиваю-

щее впечатление. В ней ряд фраз, грубейшим образом настаивающих на необходимости сжимания потребления населения, просто коробил. В течение чуть ли не двух часов разговора с Масловым, с нарастающим раздражением против него, я тщетно просил его выкинуть некоторые фразы, а другие смягчить. Он не шел на это, упрекая меня в забвении «основ марксизма», в откате на позиции «слюнявого народничества» (Sic!). Я попросил его обождать и пошел к Савельеву, оказавшемуся в редакции. Он прочитал статью Маслова и, ковыряя по своему обыкновению в носу, ничего не сказал — разделяет ли или нет ее содержание.

— Печатать ли статью? — спросил я.

— Нельзя не печатать. Он хвалит Пятакова, их взгляды видимо совпадают. Если не поместим Маслова, он отнесет статью в «Экономическую Жизнь», получится скандал. Пятаков скажет, что мы осмелились ее не печатать потому, что Маслов его хвалил.

Я вернулся к Маслову с немедленно появившейся мыслью солгать. Я заявил, что мое ближайшее начальство — ответственный редактор «Торгово-Промышленной Газеты» — говорит, что статью можно принять при условии если она будет «подчищена». К великому моему удивлению и удовольствию, Маслов, очень нехотя, все-таки пошел на большие уступки: статья была изрядно вычищена моими поправками и изъятиями, сильно изменившими ее первоначальный вид. И все же, чтобы как-то для себя лично отгородиться от шокирующего меня в ней заложенного духа, я под заголовком «О воспроизводстве основного капитала» поставил строку с указанием, что статья идет «в порядке дискуссии», чего не ставил ни под одной из печатавшихся на эту тему статей.

Статьей Маслова, а его, кстати сказать, после этого я никогда более не встречал, дискуссия о «воспроизводстве основного капитала» в «Торгово-Промышленной Газете» закончилась. Пятаков нашел, что помещенными в ней статьями почва для установки этого вопроса подготовлена и от «общих формул», от «алгебры нужно переходить теперь к арифметике», к «живой конкретной действительности». Делая такой переход, в течение октября, ноября, декабря в ВСНХ происходил ряд совещаний в ГЭУ и Цугпроме под председательством Гинзбурга, Трахтенберга, Штейна и других. Были вынесены два важных предложения: первое — нельзя говорить об основном капитале вообще, нужно эту проблему ставить конкретно в каждой из отраслей индустрии. Второе предложение: план воспроизводства должен укладываться в какой-то срок. План Гоэлро — «Электрификации РСФСР», составленный еще при Ленине, намечал для своего осуществления минимальный срок в десять лет. Присутствующий на одном из указанных совещаний представитель Наркомфина А. Б. Штерн (через год он вошел в ВСНХ) указал на обнаружившиеся неудобства такого большого срока и предложил вместо него *пятилетний срок*. Итоги обсуждений на совещаниях, с предложением установить, считая с 1 октября 1925 г., пятилетние планы развития промышленности, было доложены Пятакову (чтобы не усложнять мой рассказ, не буду указывать, что на совещаниях обсуждался вопрос об амортизационном фонде и долго-

срочном кредите). Пятаков одобрил предложения совещаний, дав для дальнейшей работы следующие директивы:

«План развития промышленности есть стратегическая линия, следуя по которой мы через НЭП должны идти к социализму. План должен быть многолетний, но для начала нужно приняться за пятилетние перспективные планы, рабочие гипотезы в каждой индустрии. Не удовлетворяясь общими формулами, мы должны ясно определить, какой вид примет наша промышленность через пять лет. Это есть *исключительно волевая задача*».

Пояснив свое выражение, Пятаков бросил чрезвычайно характерную для него фразу:

«Когда хозяйственники и работники ВСНХ будут работать над этой задачей, мне придется, в том почти уверен, неоднократно слышать, что, мол, эта или та задача *невозможна*. Заранее говорю, нужно сосредоточить внимание на аргументах в пользу исполнения той или иной задачи, а не на доводах в *невозможности* ее исполнения. У нас, у коммунистов, понимание невозможного отличается от понимания его некоммунистами. *Невозможное для них — для нас возможно*».

Слова Пятакова как бы предвосхищали формулу Сталина в 1931 г.: «Выше темпы, нет таких крепостей, которых, мы, большевики, не взяли бы».

Директивы Пятакова о «волевой задаче», долетев до Дзержинского, вызвали его резкое неодобрение. Ни я, ни какой-либо другой беспартийный сотрудник ВСНХ, на этом столкновении Дзержинского с Пятаковым не присутствовали. До нас дошло лишь эхо. Возражения Дзержинского можно было заранее предвидеть. Они логично вытекали из его общей позиции, показанной мною в предыдущей главе. Дзержинский сказал, что ему, не менее чем Пятакову, ясно насколько важна проблема основного капитала.

«Наши заводы изношены, их производительность недостаточна, нужно строить новые предприятия, полностью реконструировать и расширять существующие. Однако недопустимо рассматривать это дело только как *волевую задачу*. Такой подход к вопросу грозит превратить его в безответственное прожектерство или хуже — в авантюру. В планах мы должны считаться с наличностью наших финансовых и прочих средств, с реальной возможностью. Темп роста промышленности должен быть согласован с ростом и нуждами сельского хозяйства. В наших отношениях с деревней, в продуктообмене с нею, не должно быть места *эксплуатации* с рассчетом, что она принесет нужные капиталы для увеличения основного капитала промышленности».

Вероятно, это было первое крупное столкновение Дзержинского с Пятаковым. Дзержинский в категорической форме дал ему понять, что не позволит в создании пятилетних планов развития промышленности гнаться «за невозможным», вдохновляться тем, что теперь можно назвать «директивами» Преображенского—Пятакова—Маслова. Попыткам придать «воспроизводству основного капи-

тала» характер «исключительно волевой задачи» препятствовало еще и то обстоятельство, что металлургия, поставляющая важнейшую материю основному капиталу, находилась под непосредственным управлением Дзержинского и не могла принимать желательный для Пятакова темп сверхразвития. Встретив сопротивление своим идеям со стороны Дзержинского, Пятаков был поставлен перед выбором: подчиниться или уйти из ВСНХ. Но он считал, что вне промышленности нет захватывающей его работы. «Если бы, — сказал он однажды, — мне пришлось отойти от промышленности, я считал бы себя оскопленным». И Пятаков подчинился. Это было внешнее подчинение. Внутренне его никогда не было. Отсюда его раздвоение, неискренность. В публичных речах, в печатных заявлениях, он не отходит от «линии» Дзержинского, а в частных беседах ее полностью отвергает. Это должны иметь в виду те, кто захотел бы ныне прочитать его печатные заявления того времени.

6. «Освок» и методология планирования

Так как Пятаков был инициатором постановки вопроса об основном капитале и его энергия и административные способности высоко ценились, то вполне естественно, что он и стал во главе чрезвычайно важной работы, начатой в этой области отделами ВСНХ, трестами, синдикатами и управляющими промышленностью хозяйственными органами. Эта работа сосредоточилась в, так называемом, «Освоке» — «Особом совещании по воспроизводству основного капитала промышленности», образованном приказом по ВСНХ 21 марта 1925 г. Два месяца спустя, в мае, вслед за ВСНХ, образовалась и при Госплане «Особая комиссия по вопросу об основном капитале», но не в промышленности, а во всем народном хозяйстве. Ее задачи отличались от «Освока», на нее возлагалось координировать, объединять планы, создаваемые отдельными наркоматами, а кроме ВСНХ, к выработке их никто еще не приступал. ВСНХ был первым учреждением, начавшим составлять пятилетние планы.

Что такое «Освок», какова его структура? База его — 30 производственных секций с задачей в каждой из них наметить «рабочие гипотезы», для выработки пятилетнего плана развития промышленности на время с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1930 г. Это — угольная секция, нефтяная, торфяная, горная, металлургическая, машиностроения, цветных металлов, металлических изделий, автоавиостроения, электротехническая, хлопковая, хлопчатобумажная, шерстяная, льно-пенько-джутовая, шелковая, основной химии, анило-красочная, остальной химии (лакокрасочная, резиновая, лесохимическая, химико-фармацевтическая), спичечная, редких элементов (вольфрам, молибден, титан, селен), силикатная, лесная, кожевенная, рыбная, сахарная, спиртовая и крахмало-паточная, маслобойная, табачно-махорочная, консервная, чайная, полиграфическая.

Наряду с этими секциями, появились пять, так называемых, функциональных секций, исследующих, намечающих планы и вопросы не отдельных отраслей индустрии, а имеющих значение для всей промышленности. Это секции финансово-экономическая, сельского хозяйства и его отношений с индустрией, секция транспортная, районирования промышленности, секция профтехнического образования и подготовки кадров. Над ними «пленум» — совещание представителей всех секций — и на самом верху президиум «Освока» под председательством Пятакова. Работы «Освока» начались в апреле, в то время я не был в Москве, уезжал в Берлин с надеждой с помощью операции освободиться от болезни. Когда в мае вернулся в Москву, конечно стал узнавать, что нового за это время в ВСНХ. Мне ответили — «Деловой Двор» (здание, где помещался ВСНХ), «гудит как разбуженный улей», «машина Освока работает

во всю», «во всех бюро, в залах заседаний, отделах Цугпрома ставят *гороскопы*, определяющие судьбу отраслей нашей индустрии через пять лет».

Размах работы Освока меня поразил. В апреле, в первый месяц его существования — *54* заседаний и совещаний разных секций, в мае — *110*, в июне их уже — *238*. Составляя план, определяя количественный и качественный облик отраслей индустрии к концу 1930 г., нужно было хорошо знать, что эти индустрии собой представляют в 1925 г., иначе говоря: стараясь заглянуть, научно «отгадать», чем данная отрасль индустрии может быть в будущем, необходимо прежде всего отдать себе отчет, что такое она сейчас. И так, одна индустрия за другой, проходили перед глазами Освока. Подобное, как говорилось тогда, «прощупывание» давало такое глубинное их познание, какого до сих пор не было. Одни «гороскопцы» тяготели к телеологии, к тому, что желательно; другие к тому, что только возможно. У некоторых гороскопцев-телеологов были несомненные заскоки, преувеличения, все же большой фантастики не было. Мысль во всех секциях работала осторожно. К тому же допущение особо больших промахов, искривления возможности в рассчетах производственных секций уменьшалось тем, что их планы должны были в дальнейшем пройти через некое чистилище в образе «комиссии по критической сводке гипотез отраслей промышленности». Каждая отрасль исследовалась по всем направлениям. Приблизительно устанавливалась емкость рынка данной индустрии, наличие и рост необходимых для нее сырьевых и других ресурсов. Подсчитывалась производственная мощь существующих предприятий, ее увеличение, предполагаемая мощь намечаемых новых. Учитывался эффект реконструированного основного капитала, его конкретный вид, географическое расположение новых заводов и фабрик. Определялись возможности снижения накладных расходов, снижения себестоимости, увеличение производительности труда, размер капитальных затрат и размер оборотного капитала, источники их покрытия, банковские кредиты. Все ли было безупречно в этой сложной работе? Разумеется, нет! Слишком уж была нова вся проблема перспективных планов, слишком уж много неизвестных, которые требовалось научно «угадывать.

Всем известно, что индустрия в целом зависит от состояния сельского хозяйства. Там находится сырьевая и продовольственная база промышленности. Экспорт продукции сельского хозяйства дает возможности импорта вещей, нужных индустрии. Сельское хозяйство есть рынок сбыта изделий промышленности, источник доходов государственного бюджета, откуда идут средства для финансирования промышленности. Характерной чертой работников Освока было *огромное внимание* к сельскому хозяйству, а так как Наркомат Земледелия в 1925 г. не имел разработанного плана развития сельского хозяйства, Освоку, так как это нужно промышленности, пришлось взяться за не входящее в его функции составление своего пятилетнего плана развития сельского хозяйства и особенно детально наметить перспективы развития сельскохозяйственной сырьевой базы (хлопок, лен, пенька, шерсть, кожевенное сырье,

сахарная свекла, масличные семена, табак, махорка). Следует очень и очень подчеркнуть, что, придавая огромное значение сельскому хозяйству и, идя вразрез с идеями Преображенского, работники секций Освока не смотрели на сельское хозяйство как на «дойную корову для индустрии», совершенно так же, как увеличение основного капитала индустрии они (за исключением некоторых коммунистов) не проектировали достигнуть, по рецепту Маслова, *за счет снижения потребления населения»*. Подобные решения отталкивались без всякой аппеляции к Дзержинскому или к какой-либо теории. Это было просто *инстинктивное, разумное неприятие того, что считалось абсурдом*. Работа секций Освока, несмотря на то, что ее инициатором и главою был Пятаков, шла наперекор духу, идеям Пятакова—Преображенского (прибавлю: и Маслова). Некоторые из работников Освока это прекрасно понимали. Один из них мне сказал:

«Вы, наверное, знаете рассказ о курице, сидевшей на утиных яйцах. Она вывела их и утята поплыли по озеру, оставив свою мать в недоумении и растерянности на берегу. Можно дать вариацию этого рассказа: сидит гусыня на куриных яйцах и когда дети вылупились из яйца, сама бросилась в озеро, приглашая за собою цыплят, а они за нею не последовали. В положении гусыни Юрий Леонидович Пятаков. Вывел освоковских цыплят в надежде поплыть с ними по глубокому озеру, а цыплята остались на берегу. Ну, и слава Богу! Идеи Пятакова и оппозиции мне совсем, совсем не нравятся. От них недалеко и до военного коммунизма . . .»

Почему «цыплята» не последовали за гусыней? Для ответа нужно привести некоторые цифры. За девять месяцев, апрель—декабрь 1925 г., самый интенсивный период в жизни Освока, было *1228* заседаний его секций. Официальные секции имели 158 заседаний, производственные секции — 1070 заседаний. За это время во всех секциях было сделано *592* доклада 430 докладчиками. Многие из них делали несколько, а не один доклад. Подавляющая масса докладчиков, основных работников Освока, состояла из *беспартийных* специалистов-ученых, инженеров, техников, экономистов, статистиков. Среди этих работников было очень мало коммунистов и все их доклады, почти как правило, приготовили, «разжевали» все те же беспартийные специалисты. Например, с докладом по хлопчатобумажной промышленности выступил коммунист Еремин, председатель текстильного синдиката, а по хлопку коммунист Мамаев. Всем было известно, что доклад Еремина был написан беспартийными экономистами синдиката, а доклад Мамаева — экономистами Союзхлопка. Были коммунисты, вроде Губкина, способные сказать свое слово, но таких горсточка. В общем, можно категорически утверждать, что *весь главный, основной, материал, содержание первой промышленной пятилетки — все нужные для нее цифры, подсчеты, гороскопы — результат работы беспартийных специалистов*.

Сводный план развития промышленности за 1925-26—1929-30 гг. составил бывший меньшевик А. М. Гинзбург. Сложные подсчеты изменения и роста основного капитала промышленности за тот же срок произвел бывший меньшевик Я. М. Гринцер. Финансовые пер-

спективы развития промышленности, с подсчетом предстоящих вложений в капитальные затраты и оборотный капитал, дал беспартийный С. Д. Абрамович. Территориальную организацию промышленности с географическим размещением предполагаемых к постройке новых предприятий обрисовал беспартийный Жданов. Это не все. Нужно вспомнить солидные доклады беспартийных о перспективах топливоснабжения, долгосрочном кредите, задачах районирования, перспективах транспорта и многие другие. Все что относится к сельскому хозяйству и его отношению к промышленности было разработано беспартийными экономистами, в их числе народником Огановским. В комиссии Освока, разработавшей общие перспективы развития сельского хозяйства, председателем был действительный статский советник царского времени проф. Е. С. Каратыгин, о котором я уже говорил в главе о Дзержинском и буду еще говорить в главе о «Торгово-Промышленной Газете». Зная состав главнейших, самых активных, кадров Освока становится вполне понятным, что «цыплята не последовали за гусыней» и дух Пятакова—Преображенского не мог наложить свою печать на первую пятилетку промышленности. Она — творчество не коммунистов, а беспартийного люда, работавшего над нею с большим подъемом, большим интересом, с сознанием своей ответственности перед страною и в то же время с сознанием, что некоммунистические кадры ученых-инженеров, техников, экономистов, статистиков, счетоводов — *не последняя спица в советской колеснице, а общественная сила, с которой правительству нужно считаться.*

Это сознание «1925 года». И нужно ли еще раз говорить — почему мы, в нашем кружке в «Лиге наблюдателей», с таким оптимизмом смотрели тогда в будущее. В эпоху сталинской пятилетки, — с террором, раскулачиванием и прочим, — ВСНХ был уничтожен, разделен на два комиссариата — тяжелой и легкой индустрии. Самое имя — ВСНХ — исчезло. Он просуществовал 16 лет и я считаю, что за все это время самым интересным периодом его жизни был 1925 год и начало 1926-го. До сталинской пятилетки над промышленной пятилеткой, после Освока, работали и в 1927, и особенно в 1928 году. *Но в них уже не было «духа 1925 года».* Он был придушен. Уже начинали действовать будущие приказы: «для нас всё возможно, выше темпы, нет крепостей, которых мы — большевики — не взяли бы». Очень характерно, что «Торгово-Промышленная Газета» тогда переименовывается в «За Индустриализацию», т. е. за сверхиндустриализацию. Беспартийные специалисты превращаются в терроризованных безгласных исполнителей, в аппарат, обязанный доказывать, что сталинизированное Политбюро — носитель абсолютной истины. С 1928 г. прекрасная статистика заменяется лживой. В 1925 г. мысль в Освоке работала, если не с полной свободой, то, во всяком случае, с *большой свободой.* Меньшевик Гинзбург, составляя сводный план пятилетки, *не боясь* мог в него вводить так называемую «потухающую кривую». В 1931 г. он получил за нее десять лет тюрьмы. Меньшевик Гринцер, в уже указанной очень солидной работе об «изменениях мощности основного капитала», позволил себе заявлять, что не согласен, чтобы темп

развития тяжелой индустрии слишком намного превысил темп развития легкой индустрии. Два года позднее такие заявления становились просто невозможными!

Я сказал, что, возвратившись из Берлина в Москву, был поражен размахом, интенсивностью работы всех секций Освока. Она меня крайне заинтересовала, скажу сильнее — всего увлекла. Если бы мог, посещал бы заседания всех секций, а это не было возможно. Во-первых, потому что иногда шесть-семь секций работали одновременно, совместить присутствие в них нельзя. Во-вторых, — заседания секций происходили в часы, когда в редакции «Торгово-Промышленной Газеты» шла горячая работа по подготовке номера. Как редактор, я не мог отлучаться. И все-таки при первой же возможности я бежал на заседания секций. Так удалось побывать на некоторых заседаниях секции редких металлов, хлопчатобумажной промышленности (их было очень много, за 9 месяцев — 63!), шерстяной промышленности, нефтяной, секции финансово-экономической, секции районирования. Полезно указать, что на этой секции предвосхитили многое, что было осуществленно потом: например, говорили о движении промышленности на Восток, о металлургическом заводе в Магнитогорске, Волжско-Донском канале, развитии индустрии в Туркестане и т. д. Посещением урывками совещаний секций я удовлетвориться никак не мог и старался всякими другими способами, в частности чтением протоколов совещаний, быть в курсе работ Освока. Огромную помощь в этом деле оказывали выпускаемые Промышленным издательством брошюры, содержащие «пятилетние гипотезы» развития разных индустрий. Когда их накопилось свыше двух десятков (кажется, 25) и штудирование их уже давало мне возможность, более или менее, представить себе вырастающий на их базе перспективный план всей промышленности, я решил о них написать. Мне в голову бы не пришло об этом здесь говорить, если бы, в связи с этим, не произошло молниеносное изменение отношения ко мне Пятакова. Не помню, когда появилась моя статья в «Торгово-Промышленной Газете». Не могу точно указать дату, так как этой газеты нет ни в одной библиотеке Парижа. В моих записках я давал цитаты из нее, но иногда для этого приходилось производить *труднейшую*, отнимавшую много времени, работу — отыскивать в разных изданиях цитаты из «Торгово-Промышленной Газеты» и уже по ним устанавливать, что в ней говорилось.

Посвящая мою статью перспективным планам промышленности, видя в этом крайне интересное «заглядывание в будущее», пробуя его отгадать и изобразить, я писал, что когда-то попытку в этом направлении сделал Чернышевский, описывая будущий «Хрустальный Дворец», грядущие чудесные изменения сельского хозяйства, а у автора «Что делать», вследствие отсутствия тогда индустрии, сельское хозяйство естественно стояло на первом месте, заслоняя все остальное. Однако, «перспективные планы» Чернышевского не более как «беллетристика», родственная произведениям Кабэ, Морриса, Беллами и прочих. Первую научную попытку статистически представить социалистическую трансформацию страны дал Атлан-

тикус (немецкий профессор Баллод) в книге «Государство будущего», написанной в половине 90-х годов. Оперируя цифрами и всякими подсчетами, он старался представить, какому количественному изменению подвергнутся при социализме все отрасли народного хозяйства Германии от индустрии до транспорта. Книга Атлантикуса очень сухая, сплошь состоящая из цифр, встречена была в социалистическом мире с большим почетом. До него, и 25 лет после его книги, никто такого рода «перспективными планами» не занимался. Они появились впервые после Атлантикуса в 1920 г., при Ленине, в работе «Государственной комиссии по Электрификации России» и в неизмеримо более развернутой форме, с более глубоким содержанием в работах Освока, в его пятилетних «рабочих гипотезах хозяйственного развития». Восторженно отзываясь о работах Освока, я указывал, что, в сравнении с ними, знаменитая книга Атлантикуса кажется тощим трудом. То, что было не под силу ему, ученому-одиночке, оказалось достижимым для коллектива высококвалифицированных работников. Опираясь на хорошую статистику, на глубокое знание индустрии, пользуясь научными методами, они подошли к решению огромных, сложных вопросов, даже не затронутых Атлантикусом. Приблизительно это, или что-то вроде этого, я писал в передовой «Торгово-Промышленной Газеты». Говорю приблизительно, ведь после этого мне приходилось писать слишком много о многих разных вещах, стиравших написанное тридцать два года назад.

Утром, в день когда появилась моя статья, мне протелефонировала секретарь редакции Р. И. Крендлина и, явно волнуясь, передала, что в редакцию звонил Пятаков, спрашивал, кто написал передовую статью, и узнав, что ее писал Валентинов, — «приказал», чтобы я к нему немедленно явился.

Крендлина недаром волновалась. Она, как и я, знала, что Пятаков ко мне относится враждебно, и имела полное основание предполагать, что вызов к нему связан с какими-то угрожающими мне большими неприятностями. Враждебность Пятакова начала проявляться еще в 1923 г., когда он узнал, что я критикую оппозицию, и мыслю, по его выражению, как «сто-пять-процентный нэповец». Его приказ по ВСНХ 16 июля 1923 г., толкнувший на огромное повышение цен промышленных товаров и повлекший за собой полный кризис сбыта, вызвал во мне нескрываемое возмущение. Об этом мои недоброжелатели ему донесли и, вероятно, с этого момента он стал с неприязнью коситься на меня. Не будь у меня поддержки Рыкова, потом Дзержинского, — вне всякого сомнения, он выжил бы меня из «Торгово-Промышленной Газеты». До какой степени доходила его враждебность — показывает следующий инцидент. В газете, помимо статей идущих за подписью авторов и выражающих их мнение, печатались статьи выражающие взгляды президиума ВСНХ на тот или иной специальный вопрос. Далеко не всегда я знал или мог угадать каков этот взгляд. Узнавать о нем я просил ответственного редактора газеты Савельева или посылал ту или иную статью для визы Дзержинскому, а если это было почему-либо не-

удобно, к его заместителю — Пятакову. Раза четыре Пятаков такую визу давал, но однажды принесенную ему статью швырнул секретарше редакции, грубейшим образом крикнув:

— Статей мне больше не приносить!

Я пошел к нему объясняться. Он принял меня столь же грубо.

— В чем дело? Говорите скорее, я занят.

Я заявил, что газета «не моя», а президиума ВСНХ и есть статьи, которые без согласия или указания начальства поместить не могу. Я удивляюсь, что, не считаясь с этим, заместитель председателя ВСНХ отказывается давать суждение о вызывающих сомнение статьях.

Вот что я услышал в ответ:

— Да, отказываюсь, и отказываюсь потому, что вижу: вы занимаетесь *провокацией.*

— Вы близоруки и, очевидно, смешиваете меня с кем-то другим.

— Ни с кем вас не смешиваю.

— В таком случае, может быть, вы соблаговолите мне объяснить, в чем же проявляется моя провокация?

— Ее заметить не трудно. Вы человек с нюхом. Всякие партийные дела и внутрипартийные отношения вам известны гораздо больше, чем это полагалось бы беспартийному человеку. И вот, играя на некоторых внутрипартийных отношениях, вы занимаетесь явно провокацией. Например, посылаете ко мне статью абсолютно не соответствующую моим взглядам, но близкую ко взглядам товарища Дзержинского. Одобрить такую статью я не могу; оставаясь в согласии с самим собой, должен указать: статью не печатать. Но тогда у меня получится, — и на это вы и рассчитываете, — столкновение с Дзержинским. Это провокация. Возьмем другой пример — статья выражает мои взгляды, но не Дзержинского. На принесенной статье я кладу резолюцию: печатать. Получается вновь провокация, так как Дзержинский может сказать, что в органе ВСНХ я иду против него и заставляю печатать статьи, фактически с ним полемизирующие.

Что я мог на это ответить?

— Благодарю за объяснения. Сегодня впервые с удивлением узнал, что во мне сидит маленький Макиавелли. Примите уверения, что больше статей к вам посылать не буду. Простите, что это делал.

Поклонился и ушел.

После этого разговора, отношения с Пятаковым обострились до крайности. Встречаясь со мною в коридорах ВСНХ или видя меня на заседаниях президиума, он демонстративно отвертывался, на что я стал реагировать такой же демонстрацией. В этой обстановке, на чтó я мог рассчитывать, отправляясь по его вызову к нему? Очевидно, он сделает какой-то скандал по поводу моей статьи о перспективах плана Освока.

Поистине, произошел coup de thèatre — по выражению французов. При моем появлении секретарь Пятакова, Москалев, с любезнейшей улыбкой сказал мне:

— Сейчас о вас доложу. Юрий Леонидович вас ожидает.

Я вхожу. Навстречу встает Пятаков.

—Дайте вас обниму! Статья прекрасная, превосходная. Я вас считал безнадежным стопятьдесятпроцентным нэповцем, а вы оказываетесь самым чистокровным и смелым освоковцем. Сознаюсь: ошибся, а виноватого не бьют!

Это так неожиданно, что я буквально был ошеломлен, растерян, сконфужен, не зная, что сказать. Пятаков, протягивая мне папиросы, садится, за ним я, и начинает разговор об Атлантикусе, Освоке. Вероятно состоянием, в котором я находился, объясняется то странное обстоятельство, что, несмотря на превосходнейшую память, у меня ничего из того, что мне тогда говорил Пятаков не сохранилось, только какие-то дробящиеся клочки фраз. С этого дня отношение ко мне Пятакова поразительно изменилось — из явно враждебного стало даже дружественным. Встречаясь со мною, он уже не отвертывался, и не раз я слышал от него: «Пойдемте ко мне поболтать». Явным выражением происшедшего изменения служит следующий факт. После смерти Дзержинского, назвавшего Пятакова великим дезорганизатором промышленности, Политбюро его уволило из ВСНХ, позднее, вместе с другими оппозиционерами, исключило из партии и, в качестве наказания (Пятаков это считал «ссылкой») решило послать в Америку председателем торгового представительства (Амторга). Пятаков немедленно вызвал меня и предложил ехать на службу вместе с ним в Америку. Я сказал, что почти не знаю английский язык, а, имея почти пятьдесят лет, новый язык усвоить трудно.

— Ерунда! Французский и немецкий знаете?

— Знаю.

— В таком случае — английский язык дастся вам легко. Мы облегчим вам обучение, пригласим для вашего отдела хорошенькую дактило-американку и, ухаживая за нею, вы американский язык быстро схватите.

Пятаков был очень недоволен, когда я отказался ехать с ним в Америку. Однако туда и он не попал; американское правительство в визе ему отказало. Вместо Нью-Йорка Политбюро отправило его, в качестве председателя торгового представительства, в Париж, а в его глазах это было еще более тяжкой ссылкой, Францию он терпеть не мог. В другом месте расскажу, что это он пригласил меня служить в торгпредстве в Париже, куда, после всяких затруднений с французской визой, я и попал в конце 1928 г.

Мне и по сей день недостаточно ясно, почему моя статья произвела такое резкое изменение в отношениях ко мне Пятакова. Кажется, объяснение может быть таково. Я выше сказал, что работа Освока меня крайне интересовала и увлекала, однако, если взять номера «Торгово-Промышленной Газеты» за то время, в ней не видно, чтобы редакция отводила Освоку какое-либо большое место на своих страницах. Получается странность: фактически я редактор газеты, я веду ее, мое внимание к Освоку громадно, а в газете это почти не сказывается. В чем тут дело? Вот чтó я узнал. В апреле, в самом начале работ Освока, Дзержинский вызвал к себе Савелье-

ва и намекнул ему: нужно следить, чтобы в отчетах газеты об этих работах не проявлялось в той или иной форме одобрение или поддержка *специфических* взглядов Пятакова. Савельев понял это грубейшим и глупейшим образом: «приказ» не делать рекламу Пятакову, поэтому не отдавать его «детищу», Освоку, большое место в газете. В весьма неясной форме он и дал такую директиву редакции. В то время я был в Берлине. Возвратясь и увидев, что столь интересному и важному начинанию, Освоку, в газете отводится ничтожное место, я нашел это недопустимым и пошел за объяснениями к Савельеву. С таинственным видом он начал говорить, что вполне доверяет мне, однако существуют некоторые вопросы и партийные отношения, являющиеся «секретом». Подчиняясь партийной дисциплине, он кое о чем мне рассказывать не может и не должен.

— Могу вас уверить, что есть некоторые соображения, по которым отчеты об Освоке не следует «раздувать», тем более что перспективные планы индустрии будут в виде брошюр печататься Промиздатом. Уменьшение отчетов об Освоке даст место для всяких других вопросов.

Пятаков не мог не заметить, что «Торгово-Промышленная Газета» дает о работе производственных и иных секций Освока не систематический, явно недостаточный и бледный отчет. На внедрение своих идей в Освок он рассчитывать не мог, но мог надеяться, что его «детище» будет все же пользоваться достаточным вниманием... А этого не было. И это его злило и возмущало, особенно когда ему шепнули, что недостаток внимания к Освоку не случаен, а следствие некоторых идущих свыше указаний. То обстоятельство, что перспективные рабочие гипотезы печатались или будут печататься отдельными брошюрами Промиздатом, не могло дать удовлетворения Пятакову. Брошюры выходили в свет с запозданием; кроме того, и это важно, одно дело представить вопрос в брошюре, которую будут читать, может быть, только сотни людей, другое дело — тот же вопрос в ежедневной газете с ее тысячами читателей. В этой обстановке становится почти понятным, что появление моей восторженной статьи об Освоке произвело на него впечатление, которое — в иных условиях — моя статейка (вряд ли она была сильной!) произвести никак не могла. Утром, прочитав ее, Пятаков немедленно протелефонировал Савельеву: кто автор? Савельев в эту ночь до позднего часа был где-то в гостях. Найти его и уведомить, что, несколько нарушая его приказ не делать «рекламы» Освоку, я все-таки написал о нем, мне не удалось. Когда раздался звонок Пятакова, Савельев, поднятый звонком с постели, заспанный, газету еще не видевший (он ее не всегда читал), чтó в ней помещается не знавший, на вопрос об авторе статьи ничего ответить толком не мог, только что-то мямлил. Узнав у секретаря «Торгово-Промышленной Газеты», кем написана статья, Пятаков, очевидно, решив, что я, будучи «чистокровным и смелым освоковцем», рискуя своим положением, смело пошел против замалчивания возглавляемой им работы Освока. Только так я могу себе объяснить «объятие» Пятакова (у него не было и атома сентиментальности) и внезапную смену отношения ко мне.

Когда пишу эти строки, не могу отделаться от следующей мысли. Ведь статью об Освоке я мог и не написать, не напечатать. А если б этого не случилось, не было бы перемен в моих отношениях с Пятаковым. А не будь этого, он не пригласил бы меня на службу в Париж. Я остался бы в СССР и, не подлежит никакому сомнению, был бы одним из обвиняемых в меньшевистском процессе 1931 г. Получил бы 10 лет тюрьмы, а, вернее всего, за связь с Рыковым был бы в 1937 или 1938 г. — расстрелян. Как тут не вспомнить замечательную книгу М. А. Алданова «Философия Случая» («Ульмская ночь»), хотя он говорит в ней не о маленьких случайностях, а о больших исторических.

Как я сказал, после «примирения» со мною, Пятаков, перестав отворачиваться, несколько раз меня приглашал: «Пойдем ко мне поболтать». О чем же мы с ним «болтали». Употребляю его термин, несмотря на то, что к Пятакову он совсем не подходит. Он не «болтал», а говорил «назидательно», «авторитетно» (авторитарно). «административным тоном» и удивительно гладко. Его фразы, что редко бывает в разговорах, синтаксически были всегда так правильно составлены, что, если их перенести на бумагу, не потребовалось бы нигде, ни в одной, делать какие-либо исправления или добавления слов для связи. Возможно, что такой характер и делал их хорошо запоминаемыми. Впрочем, на запоминание толкало и другое обстоятельство: Пятаков был выразителем оппозиционной идеологии, а от нее я весь отталкивался, считал опасной, враждебной. А то, от чего с неприятным чувством отталкиваемся, крепко западает в память. Действует инстинкт самоохраны. Некоторые разговоры с ним особенно запомнились. Помню, однажды зашла речь о последних предсмертных статьях Ленина в 1923 году.

— В них, — сказал Пятаков, — есть нечто, что ни мне, ни многим другим не понравилось. *Даже совсем не понравилось*. Зато маленькая статейка о «Нашей Революции», по поводу записок Суханова, — жемчужное зерно. Несколькими фразами Ленин удивительно оформил огромный вопрос, дав дополнение к главе Маркса в «Капитале» об «исторических тенденциях капиталистического накопления». Маркс в ней показывает условия, при которых «бьет час капиталистической собственности и экспроприаторов экспроприируют», — иными словами, приход пролетариата к власти. Этому предшествует долгое «накопление» производительных сил, централизация капиталистического производства, обобществление труда, рост пролетариата, его объединение. Так может произойти революция в Англии, Америке, Германии. Однако Ленин правильно считал дураками теоретиков, полагающих, что только при этих условиях появляется социальная революция. Наша октябрьская революция воочию показала, что есть и другие пути. По господствовавшим раньше представлениям, а Ленин иронически называл их «учебником Каутского», политическая власть пролетариата появляется только на базе уже совершенно подготовленной к социализму экономики. А Ленин говорит: это не есть универсальный закон мирового движения. Пролетариат, точнее выражаясь, его партия, может стать у власти *при отсутствии нужной ему накопленной эко-*

номики. Она создается позднее, уже после прихода к власти, причем для ускорения нужного хозяйственного развития пролетариат и его партия пользуются методами планирования, которые капиталистическому обществу неизвестны и недоступны. Это мы и делаем в СССР. Долгое, медлительное развитие производительных сил при капитализме нужно заменить ускоренным ходом этого развития. Наша задача, таково мое убеждение, в *несколько лет достигнуть того, чего капитализм достигал в течение десятков лет*. Ничего невозможного в том нет. По социал-демократическим убеждениям, экономика, так сказать, предшествует политике, завоевание власти следует за подготовленной экономикой. По Ленину — наоборот: захват власти пролетариатом, его партией, может предшествовать и потом ускоренно создавать, «накоплять» нужные производительные силы.

— Не находите ли вы, что это ревизия ортодоксального марксизма?

— Ничего подобного! Это не ревизия Маркса, а, созданное опытом, дополнение к нему. Есть не один путь к социализму, а *два*.[93] Второй путь теперь твердо обосновывается теоретически, так как есть уже представление о значении в современном историческом процессе пролетарской коммунистической партии, но, оговорюсь, совсем не всякой партии себя так называющей, а действительно и до конца революционной. Этот активнейший фактор прежде никак не учитывался в социологии. Там ему не было места. Благодаря Ленину, мы — увы не все — достаточно познали значение этого двигателя истории. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала, следуя за Лениным, указал, что именно вторым путем, минуя капиталистическое развитие, к социализму пойдут страны Востока.

— Вы говорите, что в нашей стране строится социализм, в то же время, вместе с Троцким, теперь с Зиновьевым и всей оппозицией, утверждаете, что без мировой революции — а ее нет — построить социализм в одной стране нельзя. Нет ли тут большого противоречия?

— Никакого! Постарайтесь себе вот что усвоить. Так называемый, военный коммунизм был плох не потому, что был коммунизмом, а потому что входил в жизнь во время войны, делавшей не-

---

[93] Не было ли и у Маркса представления о двух путях осуществления социализма: один путь через развитый капитализм, другой, минуя его? Письмо В. И. Засулич в 1881 г. к Марксу и его ответ с тремя интереснейшими к нему набросками, был в 1924 г. опубликован. Пятаков в передаваемом разговоре о нем не сказал ни слова, а у меня все это тогда целиком прошло мимо. Лишь много позднее я занялся этим вопросом и бесповоротно пришел к убеждению, что ответ Маркса Засулич, его письмо в 1870 г. в «Отечественные Записки», некоторые письма к Даниельсону, огромное тяготение ко взглядам Чернышевского, ряд других данных, неопровержимо свидетельствуют, что в 70-х годах, в последнее десятилетие своей жизни, у Маркса явный наклон в сторону русских народнических взглядов. Вместе с ними, он считал, что, имея общину, Россия может прийти к социализму, «не проходя сквозь кавдинские ущелья капитализма» (я написал об этом статью, «Два Марксизма», в «Социалистическом Вестнике», 1955 г. № 3. Большая критика ее ни в чем меня не разубедила).

возможным проявление великих сторон коммунизма. С окончанием войны нужно было основу коммунистической системы оставить нетронутой, но, разумеется, подлежащей усовершенствованию. НЭП не нужно было вводить. Он восстанавливает препятствия к социализму, которые мы только что уничтожили. Он искажал всю нашу социальную структуру. Теперь к социализму придется идти, выжигая каленым железом щупальцы НЭП-а, он, как спрут, просунул их во все без исключения области нашей жизни. А чтобы выжечь их, нужно чтобы нам в этом не мешали.

— Введение НЭП-а было ошибкой?

— Несомненно!

— *Значит, Ленин, вводя его, делал большую ошибку?*

— *А почему вы думаете, будто Ленин не сознавал, что делал ошибку?* Представим все-таки, что ее мы поправили, НЭП выжгли. Есть ли у нас гарантия, что после этого будем спокойно существовать? Никакой. Пока в других странах существует капитализм, его система с нашей ужиться не может. Это аксиома. Ленин постоянно твердил: рядом с капитализмом мы жить не можем, либо он нас съест, либо мы его убьем. При этих условиях, мировая революция делается основным условием самого нашего существования. Однако мысль о ней должна заполнять наше сознание не только по этой причине. Есть другая, еще более важная: если мы действительно настоящие коммунисты, настоящие интернационалисты, а не замаскированные националисты, тогда ограничиться, *замкнуться в установлении благ социализма в одной стране, мы не можем.* Это было бы полной изменой интересам мирового пролетариата.

Моя беседа с Пятаковым происходила в 1926 г. Дату, конечно, не помню, но Дзержинский был тогда еще жив. В сущности, то не беседа была, а скорее интервью-монолог, давший возможность из уст одного из виднейших лидеров оппозиции слышать — куда, с какой программой, какими мыслями она идет. Дополняя мое, и без того достаточное, знание взглядов оппозиции, интервью с Пятаковым, усиливая убеждение в крайней вредности этого течения в коммунистической партии, вместе с тем усиливало мои симпатии к другому крылу — к Рыкову, Бухарину, Томскому, Дзержинскому.

В связи с проблемами Освока и «расширенным воспроизводством», запомнился и другой разговор с Пятаковым. На этот раз это уже не «интервью», не монолог, а спор, принявший весьма неприятные формы. Пятаков грубо накидывался на меня, пуская в ход дерзости, а я, забывая, что он мое начальство, почтения к нему не проявлял. По какому поводу сыр-бор загорелся? Однажды, позвав меня чтобы «поболтать», Пятаков стал с раздражением говорить, что в составляемую Гинзбургом промышленную пятилетку всовывается «потухающая кривая»: «Болванам это может нравиться, но по существу это отказ от ускоренного индустриального развития, а без него мы из трясины нашего убожества не вылезем».

«Потухающую кривую» я тоже принимал, следовательно был «болваном», но я постарался перевести разговор в другую сторону. Гинзбург, при экспозиции наметок своей пятилетки, указывал, что

она конструируется в полном согласии с формулами Маркса о расширенном воспроизводстве. Маркс, напоминал он, устанавливает в промышленности два «подразделения»: первое — это производство средств производства, второе — производство предметов потребления; рассматривая обмен друг на друга частей этих подразделений, он показывает, как осуществляется «реализация» всей продукции. По уверению Гинзбурга, создаваемая им на данных Освока пятилетка точно выполняет все указания Маркса. Такие зеявления вызвали у меня не совсем лестные мысли и замечания по адресу Гинзбурга. Он знал об этом и очень косился на меня. В схемах Маркса во втором томе «Капитала», в главе о накоплении и расширенном воспроизводстве, идет речь об абстрактнейшей абстракции — несуществующем обществе, состоящем лишь из нищающих пролетариев и богатеющих капиталистов. Никаких других классов, групп — ««третьих лиц», по терминологии Струве, в нем нет; невозможно схемы из этого, существующего лишь в фантазии, общества прилагать к анализу хозяйства России с подавляющим преобладанием в ней крестьянского населения. Зачем это делает Гинзбург? Не из желания ли показать, что вот он, бывший меньшевик, — стопроцентный марксист-ортодокс? Но разве он не видит, не сознает, что схемы Маркса приклеены насильно и только словесно к его пятилетке, а фактически она не имеет никакого отношения к этой искусственной приклейке?

Схемы Маркса во II и III томе «Капитала» меня издавна интересовали. Я был знаком с полемикой по поводу их в немецкой прессе, потом происходившей у нас в России в самом конце 90-х годов, а в 1922—1924 гг. в СССР (статьи Двойлацкого, Бухарина, Крицмана, Яковлева в «Вестнике Социалистической Академии» и «Под знаменем марксизма»). И чем больше знакомился с относящейся сюда литературой, тем более убеждался, что Марксовы формулы бесплодны, ни одного возникающего вокруг них вопроса не решают; нигде в мире, ни в СССР, ни в капиталистических странах, «обращение всего общественного капитала» не происходит и не может происходить по законам, устанавливаемым Марксом для несуществующего в природе общества. Выдуманность, запутанность, порочность его построений обнаруживается с особой силой, если от его схемы о расширенном воспроизводстве и накоплении обратиться к основной, отправной ее базе — к «простому воспроизводству» без накопления. Тут уже действительно все рекордно просто. Вся суть вопроса представлена 26 строками (в советском издании 1949 г. второго тома «Капитала» — эти 26 строк находятся на 398-й странице сверху). В каждом из двух «подразделений» Маркс выделяет три части: постоянный капитал (основной и оборотный), переменный капитал (заработная плата) и прибавочный продукт, присваиваемый капиталистами. И когда Маркс показывает обмен «в натуре и по стоимости» частей первого подразделения на части второго подразделения, — при критическом отношении к этому обмену, оторопь берет: непостижимо, как такой огромный ум мог заниматься детскими операциями и считать это научным анализом! Это абсо-

лютно не вяжется со здоровой, мощной, реалистической, социалистической и экономической частью марксизма.[94]

Критику Марксовых операций (излагать ее здесь, конечно, нет места и неуместно), лишь мимоходом упомянув Гинзбурга и не говоря о нем ни одного худого слова, я и выложил перед Пятаковым. Сначала он слушал меня молча, с видом гончей собаки, готовой схватить зайца (Пятаков очень походил на гончую), а потом яростно на меня набросился.

— Вы ровно ничего не поняли у Маркса. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» сказал, что вы письма Маркса к Кугельману читали бессмысленно, подобно гоголевскому Петрушке. Я вижу, что как Петрушка вы читали не только это, а весь второй том «Капитала», все три тома «Капитала». Вы не поняли самую суть его построений, его метод, его стремление охватить хозяйственную жизнь широчайшими обобщениями, а они достигаются только абстракцией. Для вас ложность и абстракция — одно и то же, а, между тем, вся наука покоится на абстракциях. Схемы Маркса, по вашему убеждению, никак не подходят к крестьянской стране, к СССР, потому что эти схемы относятся к абстрактному обществу, состоящему только из пролетариев и капиталистов. Вы уперлись в факт, что в СССР существует крестьянство, дальше этого ровно ничего не видите, не понимаете, что кажущееся сегодня абстрактным, значит, по-вашему, нежизненным и выдуманным, делается завтра конкретным фактом. Вы не понимаете, что общество после исчезновения капиталистов будет и может состоять *только из пролетариев* и этот прогноз Маркса осуществится у нас скорее, чем

---

94 Ленин, приехав в 1893 г. из Самары в Петербург, прочитал доклад о рынках, и в нем, следуя, конечно, за Марксом, пытался своими цифрами изобразить схему расширенного воспроизводства. Рукопись этого доклада считалась потерянной, исчезнувшей, хотя в 1928 г. мне довелось слышать, что сестра Ленина, Мария Ильинишна, превосходно знает, где находится рукопись, но по каким-то соображениям о том молчит. После ее смерти в 1936 г. рукопись немедленно отыскалась и была напечатана в «Большевике» в 1937 г. Все, что писал Ленин, всегда объявлялось гениальным и с азартом комментировалось и повторялось.. Однако, никто и никогда не рискнул дотронуться до его цифровой схемы расширенного воспроизводства! Понятно: это — абракадабра. В сталинизированной России «философия» о расширенном воспроизводстве далее глубокомысленных заявлений, что существует «первое подразделение» и «второе подразделение» никуда не пошла. Хороший тому пример — книга Вознесенского «Военная Экономика» (1947 г.), за которую он получил сначала сталинскую премию, а затем, вскоре, пулю в затылок. «Если, —читаем в ней, — предприятия первого подразделения лишить средств потребления, а предприятия второго подразделения лишить средств производства — расширенное социалистическое производство станет невозможным: работники предприятий, производящие средства производства лишаются предметов потребления, а предприятия, производящие предметы потребления, лишаются средств производства, т. е. топлива, сырья, оборудования (стр 146). Вот что́ после долгого раздумья высосано из схем Маркса: если кого-то чего-то лишить, то лишаемый этого лишается! Великая мысль, ну, а если к этому сводится игра с «первым» и «вторым» подразделениями, то ею мог заниматься в своем «гениальном произведении» — «Экономические проблемы социализма» даже и такое неграмотное животное, как Сталин!

где-либо, ибо никакой НЭП не остановит *неминуемого превращения российского мужика в пролетария совхоза или колхоза.*

Так как набрасываясь на меня, Пятаков со свойственной ему грубостью, не переставая твердил, что я «не понимаю», «не знаю» настоящего Маркса, я счел необходимым указать, что следовало бы бросить эти безапелляционные суждения.

— В 1899 г., — сказал я, — в петербургских журналах «Жизнь» и «Научное Обозрение» шла горячая полемика по вопросу о рынках, «реализации» продукции, расширенном производстве. В ней приняли участие Ленин, Струве, Булгаков, Авилов, П. Скворцов, Нежданов (Череванин), Изгоев. Я — студент технологического института — в это время был выслан из Петербурга в Уфу и там с огромным интересом следил за ходом этой полемики. Вы были тогда девятилетним мальчуганом (родились в 1890 г.) и читали не статьи указанных авторов, а, вероятно, сказку о царе Салтане. В 1901—1903 гг. я был в вашем родном городе Киеве студентом Политехнического института, принадлежал к группе молодых социал-демократов, изучавших «Капитал» и, в частности, в рефератах и докладах самым внимательным образом анализировавших полемику в «Жизни» и «Научном Обозрении». Это произошло не без толчка и споров с проф. института Булгаковым, а в его экономическом семинаре участвовал я и некоторые мои товарищи. Вы, в возрасте 11—12 лет, были в то время в какой-нибудь киевской гимназии, никакого понятия о Марксе не имели, а увлекались чем-нибудь вроде Майн-Рида или Фенимора Купера. Позвольте спросить, — почему же, познакомившись с Марксом на 10—12 лет позже, чем, например, я, вы все-таки считаете, что я ровно ничего не знаю, ничего в схемах Маркса не понимаю, а вы все знаете, все понимаете?

— Разница в возрасте в 10 или 12 лет аргументом быть не может. Но есть одно неопровержимое доказательство, что Маркса вы все-таки не знаете и не понимаете, так как если бы вы его знали и понимали, он был бы вами усвоен, а если бы вы его усвоили, были бы сейчас в коммунистической партии, а не, так называемым, «беспартийным».

Это было утверждением, что истинами марксизма, как истиной вообще, владеет монопольно коммунистическая партия. Нет возможности изложить детали происходившего спора. Окончился он тем, что Пятаков мне поставил вопрос:

— Допустим на секунду, на минуту, что схемы Маркса действительно ошибочны и воспроизводство и накопление капитала происходит иначе. Как оно происходит в капиталистических странах? Ну-ка, объясните, отвечайте — как?

Насколько мне известно, нет такого сочинения, которое, *опровергая схемы Маркса, давало бы иные, но полные ответы на поставленные им вопросы.* На это, касаясь или не касаясь Маркса, экономисты отвечают по-разному. Для научного общего представления о процессе производства, процессе потребления и накопления, много дает американская статистика и такие американские экономисты как

Harrald G. Maulton;[95] к нему мое внимание привлек покойный французский профессор Gaëtan Piron. Но к тому теоретическому представлению, которое, заменяя Маркса, ныне мне кажется правильным, я пришел очень поздно, *только в 1943 г.* В 1926 г. я его не имел и, отвечая на вопрос Пятакова, откровенно сознался: не знаю. Пятаков торжествующе захохотал.

— Обещали большие сражения, сокрушали Маркса, а в итоге даже маленького чижика не убили. Оказалось, что вместо твердого взгляда — у вас *только дыра.*

— Если на то уж пошло — лучше ничего не иметь, иметь дыру, чем иметь совершенно неверные взгляды, а, кроме того, ведь *твердого взгляда* не было и у Маркса.

— Ерунда! Этими словами вы хотите замести, прикрыть свое банкротство!

—Третьего тома «Капитала» в руках не держу, но, придя домой, сделаю из него несколько цитат и вам их пришлю. В 1904 г. в Женеве эти цитаты я подсунул Ленину и тем весьма его смутил.[96]

— Ну, ну, не хвастайтесь, не изображайте из себя героя, пошатнувшего даже Ленина.

На следующий день я послал Пятакову цитаты из главы «К анализу процесса производства» в III томе «Капитала» (цитаты из досоветского издания). Они ясно показывают, что Маркс бился в попытках объяснить, каким образом доходы общества (заработная плата, прибыль, рента) в состоянии купить продукцию, состоящую в ее стоимости не только из этих трех частей, но вдобавок и четвертой — постоянного капитала.

> «Каким образом возможно и возможно ли, чтобы сумма стоимости рабочей платы, прибыли и ренты купила товары, входящие в потребление получателей этих доходов и содержащие, кроме этих трех составных частей, еще избыточную составную часть стоимости, именно постоянный капитал. Как могут они на стоимость в *три* купить стоимость в *четыре*. Это обстоятельство, с одной стороны, — практически неопровержимый факт, а, с другой, настолько же неопровержимое противоречие. Все это представляется неразрешимой загадкой и должно объясняться тем, что анализ вообще не в состоянии постигнуть простых элементов цены, а скорее должен довольствоваться вращением в заколдованном кругу, и топтанием на одном месте».[97]

Я не знаю, как отнесся Пятаков к этой цитате. Среди марксистов, имею в виду тех, кто не ограничился чтением I тома «Капитала»,

---

[95] Harold Maulton, экономист русского происхождения Он играл большую роль при составлении «Хартии Объединенных Наций». Ред.

[96] Об этом эпизоде я упоминаю в моей книге «Встречи с Лениным», стр. 257.

[97] В советском издании 1949 г. III тома «Капитала» указанному месту дан такой перевод: «Все это, конечно, представляется неразрешимой загадкой, все это приходится тогда объяснить тем, что анализ вообще не способен постигнуть простые элементы цен, а должен довольствоваться вращением в порочном кругу и отодвиганием задачи до бесконечности».

существует молчаливое правило считать как бы не существующими слова, которыми Маркс громогласно признал свое — Ignoralimus. Вероятно, то же самое сделал и Пятаков. Хорошее отношение его ко мне, несмотря на описанное довольно острое столкновение с ним, все-таки не изменилось, так как, собираясь в Америку, он пригласил меня ехать с ним.

Не могу окончить эту главу воспоминаний без упоминания Атлантикуса и проф. В. Н. Гриневецкого. Помещение рядом этих двух имен может породить вопрос: а какая между ними связь? И кто такой Гриневецкий? Из нынешних людей о нем, кажется, никто не слышал. [98]

Баллод (Атлантикус) родился в бедной семье лифляндских немцев, но ему все-таки удалось кончить университет в Тарту. Увлекшись социальными теориями, он переезжает в Германию, принимает какое-то участие в социал-демократическом движении, а в 1898 г., под псевдонимом Атлантикус, пишет книгу «Государство будущего» (перевод ее, на русском языке, вышел в 1906 г.). Баллод доказывал, что Германия может осуществить социалистический строй при существовавшем тогда состоянии ее производительных сил. Этот строй он мыслит вместе с колониями как автархию, все средства производства с помощью выкупа должны быть социализированы, введена трудовая повинность и мелкие крестьянские хозяйства превращены в крупные (совхозы). Социалисты Германии Баллода читали, но, как правильно заметил Каутский, не нашлось ни одного «любителя», который захотел бы сделать критический анализ схем этой книги, состоящей сплошь из сухих цифр и таблиц. Став профессором Берлинского университета, Баллод отводил в своих лекциях много места освещению экономики России. Поэтому во время войны, в качестве специалиста по русским вопросам, он стал советником в финансовом управлении и в военном ведомстве. В 1919 г., после разгрома Германии, он возвращается на родину в Латвию и делается профессором Рижского университета. Он очень интересуется советской экономикой и после введения НЭП-а, в 1922 г. приезжает в Россию, где в 1920 г. в издании Центросоюза вышел перевод второго расширенного, дополненного издания его книги «Государство будущего». Один из моих знакомых — назову его П. Р. (он в СССР, и есть основание думать, что еще жив) — был близко знаком с Баллодом, вероятно потому, что был уроженцем Латвии и имел возможность видеться с ним, когда Баллод переехал в Ригу. Зная, что тот живо интересуется всякими статистическими сведениями и хорошо владеет русским языком, П. Р. посылал Баллоду из Москвы решительно все, что печаталось в советских изданиях о работах Освока. Осенью 1925 г. Баллод приехал в Ленинград для чествования 200-летия Академии наук, и П. Р., по вызову Баллода, тоже приехав в Ленинград, имел с ним весьма интересные разговоры. С настойчивостью и пунктуальностью, свой-

---

[98] С тех пор, когда автор писал свои воспоминания, появилась статья о Гриневецком проф. Смолинского в английском журнеле "Survey", за 1968 г. № 67, стр. 100—115.

ственной немцам, Баллод добивался от П. Р. узнать все детали организации Освока:

«Материалы и планы Освока обширны и очень ценны. Так как подобной работой занимался и я, меня интересует все, относящееся к Освоку: кто подбирает первичные данные, откуда они идут, кто их сортирует, кто обрабатывает статистический, экономический, финансовый материал, кто подводит итоги, вытекающие из этого материала, как они определяют хозяйственные планы и политику правительства? Какова роль в этом деле коммунистов?»

П. Р. ему ответил:

«В составе действительных активных работников Освока не найдется и *трех* процентов коммунистов. Всю первичную, подготовительную, а потом основную работу для секций, а потом в секциях Освока вели и ведут счетоводы, бухгалтеры, инженеры, экономисты, ученые. Эти все — не коммунисты, а люди беспартийные; никаких партий, кроме коммунистической, у нас быть не может. В прошлом эти работники Освока были меньшевиками, эсерами, народниками, буржуазными конституционными демократами (кадетами), а многие из них держались даже очень правых убеждений».

Услышав это Баллод пожал плечами:

«Удивительна русская интеллигенция! Выходит, что беспартийные люди с увлечением, я даже слышал — с самозабвением, разрабатывают планы, нужные для коммунистического государства, в котором этой интеллигенции должного места, однако, совсем не отводится. Немецкий инженер уперся бы как бык, а за такую работу ни за что не взялся бы».

Баллод поставил и другой вопрос:

«Преобладающий состав активных работников Освока, вы говорите, представляют люди вне партии. Как бы они ни были активны, все же они только исполнители. Первоначальный, идейный толчок к созданию планов Освока пришел ведь не от них. Беспартийные такого толчка дать не могли, хотя бы потому, что это же вне характера их убеждений, вне их идеологии. Значит, нужно предполагать, что первоначальные толчки для проведения идеи проводимого Освоком планирования шли не от них, а от коммунистических или каких-то социалистических предшественников (Vorgänger). Кто они?»

П. Р. был уверен, что Баллод, в ответ на этот вопрос, ожидал указание именно на него, как Vorgänger'a, который еще в 1898 г. дал статистико-экономическую схему преобразования страны.

«Но, поведал мне П. Р., — даже при самых добрых отношениях с Баллодом, я угождать ему ложью не захотел. Я прекрасно, еще с 1919—1920 гг. знал, что на планирование и установку планов нас толкнула совсем не книга Баллода с ее всякими рассчетами, относящимися к Германии. Ее многие прочли, но она совсем не входила в голову, как книга Гриневецкого, до краев переполненная русскими экономическими проблемами. Поэтому, на вопрос Баллода я откровенно и не стесняясь ответил:

— Vorgänger'ом нужно считать Гриневецкого.

— Кто он? Социалист, коммунист?

— Он враг октябрьской революции. Коммунисты его называют крайним реакционером и яростным адептом капитализма.

Баллод помолчал, а потом сказал:

— В России все необычно. Все как-то вне логики».

Оставлю Баллода и обращусь к Гриневецкому.

Он окончил в 1896 г. в Москве Высшее Техническое Училище; в 1902 г. стал в нем профессором на кафедре прикладной механики и машиностроения, а в 1914 году его директором. Это человек, с авторитетом которого считалась инженерно-техническая среда довоенной Москвы. Не ограничиваясь профессурой, он разрабатывал практические проблемы теплотехники, проявил себя талантливым конструктором в области локомобилестроения и двигателей внутреннего сгорания. Одновременно, основательным образом изучал общее положение русской индустрии, ее развитие, технический капитал, ее нужды. Он стоял за проведение широкого социального законодательства в пользу рабочих, но марксизма не выносил:

«У нас марксисты больше чем кто-либо болтают о капитализме, капитале, технике, а даже отдаленного понятия не имеют о действительном ходе индустрии, ее задачах, трудностях. Среди них горсточка инженеров-марксистов эти вопросы, не всегда глубоко, все-таки знает, но знает не потому, что они марксисты, а потому, что прошли школу, где марксизмом и не пахнуло».

К октябрьской революции и ее вождю Ленину он относился с нескрываемой враждебностью, но верил, что коммунистическое правительство — зло преходящее и существовать долго в России не будет. Он был убежден, что возвращение от коммунизма к «нормальной» жизни не будет только восстановлением хозяйства, потрясенного войной и большевизмом, а даст место новому, чисто американскому, огромному хозяйственному развитию, многие признаки которого, по его мнению, уже имелись в годы предшествовавшие войне. С такого рода убеждением он уехал из Москвы в Харьков, где в 1918 г. написал и издал солидную интересную книгу «Послевоенные перспективы русской промышленности», содержащую продуманный план общей реконструкции экономики России. Ничего подобного в русской экномической литературе до тех пор не существовало. Из нее коммунисты лишь впервые узнали, какие конкретные технико-экономические задачи должны быть поставлены в порядок дня. В 1930 г. «Большая Советская Энциклопедия», подчеркивая, что, вопреки желаниям «ярого апологета капитализма» Гриневицкого, страна пошла «по социалистическому пути, а не по капиталистическому», тем не менее, была принуждена назвать его книгу замечательной.

> «Она должна быть отнесена к числу наиболее серьезных работ русской буржуазной экономической литературы, вследствие обстоятельного практического знакомства автора с русской промышленностью, мастерской обработки статистических данных, широкого охвата крупнейших проблем и смелости их решения. Она дает план реконструкции хозяйства России и

> прежде всего ее промышленности, перестройки ее энергетического хозяйства, создания сети районных электроцентралей при широком использовании водной энергии и местного топлива, значительного расширения железнодорожной сети, сверхмагистрализации важнейших железнодорожных линий, введения тепловозов, перенесения промышленности к источникам сырья, энергии, к потребителям и радикальной технической и организационной переустройки промышленности. Все крупнейшие техно-экномические проблемы, которые разрешаются в настоящее время пролетариатом СССР, были затронуты в работе Гриневецкого».[99]

Троцкий, в беседе с пишущим эти строки (о том в нижеследующей главе), с раздражением заметил, что «махровый реакционер Гриневецкий у нас сделался вроде пророка, *учителя планирования*». Приведенная цитата из «Большой Советской Энциклопедии» 1930 г. это полностью подтверждает. В отличие от нее позднейшее издание (1952 г. энциклопедии, видя в Гриневецком большого техника и основателя школы теплотехники, уже умалчивает о том, что он оказался предвестником и учителем планирования.

Книга Гриневецкого, из Харькова попавшая в Москву, сделалась настольной в Наркоматах, в Главках и Центрах. Она была напечатана сравнительно небольшим тиражем, а спрос на нее оказался таким, что понадобилось второе ее издание. Государственное Издательство находило для себя неловким, неудобным, печатать произведение, полное самых презрительных замечаний по адресу коммунистов. Поэтому, по указанию Отдела печати ЦК, она была переиздана в 1922 г. Центральным Союзом потребительных обществ, считавшимся тогда не коммунизированным учреждением. Гриневецкого уже не было в живых. Уходя подальше от советизированной зоны, он переехал в Екатеринодар и там умер в 1919 году, не успев уехать за границу. Предисловие ко второму изданию книги написано коммунистом В. Сарабьяновым, честно заявившим, что «по такому важному вопросу как хозяйственный план мы имеем только одну книгу проф. Гриневецкого».

Она попала в руки Ленина в 1919 г. Красин первый обратил на нее его внимание. Ленин впился в нее и не отрываясь прочитал одним залпом. Все страницы он испестрил замечаниями. Рядом с замечаниями вроде — «темный реакционер», «взбесившийся буржуа», «сукин сын» — все другие полны величайшей похвалы: «умница», «правильно», «вот что нам нужно», «запомнить», «это нам нужно в первую очередь», и т. д. *Книга несомненно произвела на Ленина огромное впечатление*, хотя, посколько помню, на нее нет ссылок в его сочинениях. Здесь нет ничего удивительного: кроме Маркса и Энгельса, других поминать Ленин не любил. Желая указать руководителям советского хозяйства, какие планы и мысли Гриневецкого требуют скорейшего осуществления, применения, Ленин дал переполненную его замечаниями книгу на прочтение сначала Цу-

---

[99] Большая Советская Энциклопедия (первое издание) 1930 г., том 19, стр. 44—46.

рюпе, потом Рыкову. С тем случилось несчастье — он потерял ее, за что, по словам Рыкова, был выруган Лениным «почти площадными словами». Приобрел ли Ленин второй экземпляр — мне не известно. Если приобрел, он должен быть отмечен в списке книг, находившихся в его кабинете, но верятно на втором экземпляре уже нет тех интересных для истории возникновения советского планирования замечаний, что сделаны Лениным на страницах первого экземпляра книги.

Влияние оказанное на Ленина чтением Гриневецкого немедленно сказалось. С присущей ему энергией, он стал настаивать на быстрейшем составлеии «государственного плана всего народного хозяйства», в основу которого должна быть положена электрификация страны. За эту работу в начале февраля 1920 г. взялась «Гоэлро» — «Государственная Комиссия по Электрификации России», образованная ВСНХ и утвержденная затем СТО — Советом Труда и Обороны. В конце декабря она представила большой труд под названием «План Электрификации РСФСР», с приблизительным планом расширения и преобразования основных индустрий в течение ближайшего десятилетия, в качестве первейшей и важнейшей задачи — постройки 30 крупных районных электростанций. Все вполне гармонирует с планом Гриневецкого и им навеяно.

> «Чтобы оценить всю громадность и всю ценность труда, совершенного «Гоэлро», — писал Ленин 22 февраля 1921 г. в «Правде», — бросим взгляд на Германию. Там аналогичную работу проделал один ученый — Баллод. Он составил научный план социалистической перестройки всего народного хозяйства Германии. В капиталистической Германии план повис в воздухе, остался литературщиной, работой одиночки. Мы дали государственное задание, мобилизовали сотни специалистов, получили в десять месяцев (конечно, не в два, как наметили сначала) единый хозяйственный план, построенный научно. Мы имеем законное право гордиться этой работой; надо только *понять, как* следует ею пользоваться». [100]

О каких «мобилизованных» специалистах говорит Ленин? Это проф. Осадчий, проф. Круг, проф. Дубелир, проф. Шульгин, проф. Рамзин, проф. Дрейер, инженеры Стюнкель, Графтио и десятки, десятки других. Через десять лет, при Сталине, многие из них будут объявлены вредителями, ввержены в тюрьмы, расстреляны в подвалах ГПУ. Это все «беспартийные». Работе Гоэлро коммунисты не только не способствовали, а мешали и кричали о своем праве «не утверждать» работы Гоэлро с засевшими там «буржуазными спецами». Это вызвало взрыв возмущения у Ленина:

> «Поправлять с кондачка работу сотен лучших специалистов, чваниться своим правом «не утверждать» — разве это не позорно! Надо же научиться ценить науку, отвергать коммунистическое чванство дилетантов и бюрократов. Надо побольше поучиться у буржуазных спецов и ученых, поменьше иг-

---

[100] «Правда», № 39, 22 февраля 1921 г.

рать в администрирование. Задачи коммунистов внутри «Гоэлро» — поменьше командовать, вернее вовсе не командовать. Таких коммунистов у нас много и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца. Нам в десять раз ценнее, хотя бы буржуазный, но знающий дело, «специалист науки и техники», чем чванный коммунист, готовый в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «лозунги», преподнести голые абстракции. Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений».

За планом Гоэлро последовали в 1925 г. в ВСНХ еще лучше разработанные, еще более практичные перспективные пятилетние планы Освока. В Освоке та же картина, что в Гоэлро, т. е. над планами с усердием, увлечением работают беспартийные кадры, но комунисты ВСНХ уже меньше чванятся. Стали более культурными чем в 1920 г., работе беспартийных не мешают или мало мешают. В процессе совместной работы произошло сближение, некое сращивание беспартийных и коммунистических кадров. Это положение начнет разрушаться с приходом в ВСНХ, после смерти Дзержинского, Куйбышева.

А теперь вывод.

Тот, кого называли «махровым реакционером», — профессор Гриневецкий — предшественник, Vorgänger, инспиратор конкретных планов экономического и технического преобразования страны. Планы Гоэлро им навеяны. Планы Освока за ним следуют, продолжают и углубляют. И в том, и в другом случае — они разрабатываются «беспартийными». Поэтому, когда, в качестве участника и survivant той эпохи, знаешь эту историю, неведомую многим историкам советской революции, — приходится лишь пожимать плечами, читая или слыша, что основы планирования, укрепляющегося в мире, и особенно в Европе, якобы заложены творческой мыслью советского коммунизма. *Это неправда!*

ГЛАВА VII

М. К. ВЛАДИМИРОВ — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДЗЕРЖИНСКОГО

Мирон Константинович Владимиров (настоящая его фамилия Штейнфинкель) принадлежал к группе «старых» большевиков, знакомых Ленина еще с 1903 г. Он был делегатом на большевистском съезде в Лондоне в 1905 году, сослан после этого в Сибирь, бежал оттуда за границу, жил сначала в Вене, потом в 1910—1911 гг. в Париже, находясь в тесно окружавшей Ленина группе (Зиновьев, Каменев, Инесса Арманд, Таратута, Семашко, Сталь и др.). Его кличка тогда «Лева». Он не был особенно «твердокаменным» большевиком и временами обнаруживал склонность «примиряться с меньшевиками». В своих «Воспоминаниях» Крупская отзывается о нем как о «примиренце вообще», притом поддающемся «всяким росказням о склочности и нелояльности большевиков». С точки зрения Ленина и Крупской это огромный и непростительный недостаток и все-таки за это они не судили его так строго, как других.

После октябрьской революции Лева-Владимиров входил в состав украинского правительства, был народным комиссаром продовольствия, членом Революционного Военного Совета на южном фронте. В 1922 г, Владимиров, насколько я понял из его слов, переехал, по желанию Ленина, в Москву, стал заместителем народного комиссара финансов сначала РСФСР, потом СССР. В ноябре 1924 г. он вступил в ВСНХ заняв, наряду с Пятаковым, пост заместителя председателя. Дзержинскому он был нужен, как правый коммунист, чтобы умерять темпераментного, «левого», «троцкиста» и оппозиционера Пятакова.

С Владимировым сложились у меня особые, довольно странные, отношения, о них стоит рассказать, так как, благодаря им, я имел возможность узнавать от него многое важное и очень интересное. Появившись в ВСНХ, Владимиров вызвал к себе М. А. Савельева, ответственного редактора «Торгово-Промышленной Газеты», которому заявил, что, по желанию Дзержинского, он будет иметь близкое и постоянное общение с редакцией газеты и передавать ей «директивы» президиума ВСНХ. Поговорив на эту тему с Савельевым, Владимиров, прощаясь с ним, сказал: «В газете в качестве вашего заместителя работает Валентинов-Вольский, я хочу чтобы завтра или послезавтра он пришел ко мне». Эта фраза, как я в том убе-

дился, встревожила Савельева. Он знал, что начальство ВСНХ, потому что газету вел я, а не Савельев, часто обращается ко мне с разными указаниями и вопросами. Подобных сношений со мною нельзя было избегнуть, но Савельев все-таки хотел, чтобы самое главное («директивы»), передаваемое газете, шло через него. Если этого не будет, положение Савельева делается двусмысленным: он превращается в редактора, с которым не считаются. При такой психологии у него естественно возник тревожный вопрос: зачем, для чего, по какому поводу меня вызывает к себе Владимиров? Он стал допытываться: давно ли я знаю Владимирова, где я с ним познакомился? Я ответил, что с Владимировым незнаком, никогда с ним не встречался, даже издали его ни разу не видел, хотя удивляюсь, откуда он знает мою настоящую фамилию. Еще с 1905 г., когда был на нелегальном положении, я в партии и в литературе только «Валентинов».

Оказалось, что я ошибся, уверяя Савельева, будто никогда не встречался с Владимировым. Это обнаружилось, когда, исполняя его желание, я к нему пришел. За большим столом сидел маленький, худенький человек с нездоровым бурым цветом лица, мешками под глазами, встретивший меня отчаянным кашлем.

— Не узнаете? — спросил он меня, протягивая руку.

Всегда неприятно сказать человеку, что его не узнают. Это как бы намёк или доказательство, что он ничем не заметен и легко выпадает из памяти. Видя, что я колеблюсь, Владимиров с некоторой досадой сказал:

— Несмотря на то, что мы 21 год не встречались, я все-таки вас сразу узнал, хотя вы и потеряли свой прежний, бросавшийся в глаза, атлетический вид. А вот я, очевидно, за это время так изменился, что вы даже и узнать не можете. Вспомните нашу встречу летом 1903 года в Киеве.

Я вспомнил все, что тогда произошло. Из Гомеля, отправляясь на юг, кажется в Одессу, проезжал через Киев молодой партийный работник Штейнфинкель. Списавшись предварительно с членом киевского комитета социал-демократической партии, Я. Г. Френкелем, он хотел лично познакомиться с кем-нибудь из этого комитета и побеседовать с ним о разных партийных делах. Я встретил его на вокзале и мы провели вместе целый день. Гуляли по берегу Днепра в, так называемом, «Царском Саду», завтракали в ресторане на Владимирской Горке, сидели в кафе на Крещатике и, отдавая дань исконной русской интеллигентской привычке, ни секунды не переставали говорить, скакали без отдыха по множеству самых различных идейных вопросов. Штейнфинкель, — буду называть его Владимировым, мне поведал, что до нашей встречи он прожил несколько месяцев за границей, познакомился в Женеве с Лениным и был им совершенно «покорен». В 1903 году, как мне уже пришлось писать в книге «Встречи с Лениным», я был большим поклонником ленинского «Что делать» и вообще всей той организационной и политической линии, которую он проводил в «Искре». Это было до съезда партии, тогда еще не было ее раздела на «большевиков» и «меньшевиков», а было деление на «искровцев» и «неискровцев»

(рабоче-дельцев и всяких прочих). С Владимировым мы немедленно сошлись как рьяные искровцы и почитатели Ленина. Наши разговоры не ограничились этой областью. Несмотря на несколько месяцев пребывания за границей, на Владимирове лежала явная печать, я бы сказал, гомелевской *провинциальной узости,* которую я у себя начал изгонять еще в 1897 году, попав из Моршанска студентом в Петербург. Киев не столица, но, как Петербург и Москва, он был все-таки центром весьма интенсивной идейной интеллигентской жизни. Передовая киевская молодежь в Университете, в Политехническом институте и в других учебных заведениях, интересовалась политикой, серьезной экономической теорией, философией, социологией, психологией, искусством. Ничего подобного, во всяком случае в таком масштабе, не было в Гомеле. Например, большие споры, вызванные появлением сборника «Проблемы идеализма», или книгой С. Н. Булгакова «От марксизма и идеализму», прошли мимо Владимирова. Конечно, он читал «Капитал» Маркса, — для всякого социал-демократа это было обязательно, — но дальше первого тома его (как и многих других) знакомство с «Капиталом» в сущности не пошло, тогда как мы, молодые киевские социал-демократы, ломали себе зубы, стремясь разгрызать чугунные формулы о «Воспроизводстве и обращении общественного капитала» во втором томе и «Анализы процесса производства» в третьем. С аграрным вопросом Владимиров был знаком по статьям Ленина и книге Каутского; для нас, киевлян, этого было недостаточно: мы читали и двухтомник Булгакова «Капитализм и Земледелие» и немца Давида, и австрийца Герца, и итальянца Гатти. Теория трудовой ценности, известная Владимирову в пределах первого тома «Капитала» и популярной брошюры Каутского, была для него всеобъясняющей, непреложной истиной; мы же находили в ней противоречия, дефекты и искали исправления их в работах Менгера, Бем-Баверка, Визера, в теории предельной полезности. Тоже самое происходило и в области социологии, где мы не довольствовались, как Владимиров, «Антидюрингом» Энгельса и предисловием Маркса к «Критике Политической Экономии», а читали таких авторов как Сен-Симон, О. Конт, Спенсер или Массарик, Лабриола и др. О философии уже не говорю: эта область Владимирову была абсолютно чужда и он с большим интересом слушал, как я клялся и божился, что марксизм получает твердую гносеологическую опору от соединения его с философией критического реализма Авенариуса и Маха.

Пятьдесят три года назад у меня был, можно сказать, излишек пропагандистского, прозелитского рвения и, увидев что уши моего «провинциального» товарища Владимирова открыты и он с большим вниманием слушает мои многословные речи, я старался перелить, накачать в него все, что знал, — лучше сказать, все, что, по моим тогдашним представлениям, должен знать всякий социал-демократ, претендующий иметь, как тогда говорилось, *«цельное»* революционное, на реалистической основе воздвигнутое мировоззрение. Мы с Владимировым были одного возраста, но при нашей встрече я явился как бы старшим, а он младшим, вроде как бы ученика. Однако, у меня, несмотря на прозелитский запал, было все-

таки достаточно такта, чтобы не обижать Владимирова «учительским» к нему отношением. Такого чувства у него и не было. Лучшее тому доказательство, что уезжая из Киева, на вокзале, куда я его проводил, он, целуясь со мною, сказал:

— Благодарю за незабываемый, чудесно проведенный с вами, день. Этот день для меня на редкость приятный, полезный, поучительный, интересный.

И вот через двадцать три года мы снова встретились. Я вне партии, он в партии господствующей, диктаторской и в качестве моего большого начальства. Почему я сразу не узнал в нем киевского Штейнфинкеля? Потому что Владимиров был очень болен, у него была чахотка в последней степени и болезнь почек. Болезни изменили его до неузнаваемости. Из живого, общительного, жадно схватывающего все новое молодого человека он превратился в рано состарившееся, раздраженно на все реагирующее существо. Мне пришлось с ним встречаться в ноябре, декабре 1924 года и первые две недели января 1925 года. Отправленный партией для лечения в Италию, он скоро, в марте 1925 г., там скончался, В свое выздоровление Владимиров не верил, был убежден, что ему не долго осталось жить. Не имея личного будущего, он все время озирался на прошлое, ища в этом прошлом то, что ему было приятно вспомнить. Мою встречу с ним в Киеве он часто вспоминал, именно как нечто для него приятное. Думаю, что по этой причине у него и создалось особое отношение ко мне, как к человеку, с которым, когда Владимиров был молод и здоров, он провел «на редкость приятный день».

В первый день нашей встречи в ВСНХ Владимиров спросил:

— Ведь вы по-прежнему, как в Киеве, по своей психологии, большевик? — увидев, что я колеблюсь дать ответ, Владимиров прибавил: — Ну, да, беспартийный большевик, т. е. с червоточиной. Эта штука и у меня была, может быть, даже есть и сейчас. Надежда Константиновна (Крупская) мне часто в Париже говорила: «Лева, Лева, нужно чтобы вы вылечились от своей червоточины».

Особое отношение ко мне Владимирова выразилось в том, что, минуя своего секретаря, он по телефону часто вызывал меня из «Торгово-Промышленной Газеты» в свой кабинет и вел долгие разговоры. Вызывал, как будто, с целью просмотреть назначенные в печать статьи и, прежде всего, статьи характера спорного, вызывающие возражения. Однако, когда приходя к нему я клал перед ним эти статьи, он, не смотря, отстранял их и, ухватившись за малейший к тому предлог, начинал говорить о прошлом, о лондонском съезде, жизни в Париже Ленина, Крупской, Инессы Арманд, о многих фактах и событиях, не связанных ни с ВСНХ, ни с «Торгово-Промышленной Газетой». Если в это время его секретарь или кто-нибудь другой приходил к нему действительно по делу, Владимиров бешено кричал: «Прошу мне не мешать, я занят!» Происходившее между нами «беседой» назвать нельзя: чаще всего это был монолог, говорил Владимиров, а я слушал и молчал. Иногда я сидел буквально как на иголках: знал, что мне нужно быть в редакции, знал, что там ждут моих указаний, там уйма срочной работы. От Владимирова я мог бы узнать очень многое, что представляло

бы теперь выдающийся интерес, дополняя наши сведения о закулисной внутрипартийной борьбе и большевистских деятелях. Но именно потому, что у Владимирова я много раз сидел как на иголках, помышляя только о том, как бы скорее уйти в редакцию, часть того, что я мог узнать, до меня не дошла, а другая часть скомкана в памяти и исчезла.

Савельеву я, конечно, сказал, что ошибался, будто никогда не видел Владимирова, но, очень кратко, без всяких подробностей, рассказав о встрече с ним в Киеве, я не говорил, что Владимиров часто вызывает меня к себе. Я не хотел вызывать у него подозрение, что, посещая начальство и ведя с ним разговоры, я наношу какой-то урон Савельеву. Вместе с тем, я не хотел ставить Владимирова в смешное положение, сообщая, что сей заместитель председателя ВСНХ отрывает меня от работы всякими своими воспоминаниями и рассказами неделового характера.

Из того, что я слышал от Владимирова, прежде всего остановлюсь на отношении Сталина к болезни Ленина, на знаменитой сталинской фразе: *«Ленину капут»*. Об этом я уже кратко говорил в первой части моей работы, но ввиду особой важности вопроса, возвращаюсь к нему. Нужно и детально изложить все, что на это счет слышал от Владимирова. Могу это сделать с полной уверенностью в правильности передачи, так как, в отличие от многих других рассказов Владимирова, этот рассказ запечатлелся в памяти с огромной силою. Это вполне понятно — он меня поразил.

У меня сложилось убеждение, что Владимиров относился к Сталину с большой враждебностью. Но этого я не слышал от него. Он никогда не говорил просто «Сталин», а всегда «товарищ Сталин». Некоторые его фразы как будто хлестали Сталина, но за этим немедленно следовали другие, стиравшие впечатление от предыдущих и свидетельствовавшие о почтении Владимирова к Сталину. В этом вопросе Владимиров был со мною явно неискренен. Он очевидно боялся Сталина, положение которого как генерального секретаря, несмотря на предсмертную критику его Лениным, — не ослабло, а окрепло после XIII съезда в мае 1924 г. Потом, уже после смерти Владимирова, мне передавали, что он имел основание быть против Сталина. У него было с ним резкое столкновение, когда Владимиров входил в состав военно-революционного комитета южного фронта, и другое, еще большее, при составлении материалов для XIII съезда о финансах и кредите. Материалом о сельскохозяйственном кредите, представленном, в качестве заместителя народного комиссара финансов, Владимировым, Сталин был столь недоволен, что, как меня уверяли, чуть ли не швырнул его в лицо Владимирову. Все это нужно принять во внимание, чтобы лучше и правильнее понять действительный смысл некоторых «завуалированных» фраз Владимирова.

— Я встретился, — рассказывал он, — с Надеждой Константиновной (Крупской) вскоре после смерти Владимира Ильича. Заговорили о нем и не могли удержаться от слез, заплакали как дети. Кто мог бы подумать, говорила Надежда Константиновна, что Иль-

ич исчезнет так рано. Знала, что он был утомлен до последней, крайней степени, страдал от тяжкой бессонницы и головных болей, но ведь *большие провалы* бывали у него и много раньше. Не один раз, а несколько раз бывало, что жизнь как бы убегала из Ильича, глаза делались мертвыми, лицо темным, двух фраз связать не может. Но достаточно было хорошенько отдохнуть и от болезненного состояния следа не оставалось. Владимир Ильич был крепыш. В Париже и в Галиции мог на велосипеде, без всякой усталости, двадцать пять-тридцать километров в день делать. Из Парижа в Лонжюмо — пешком 18 километров ходил. В таком хождении с ним никто состязаться не мог. Когда первый раз его ударил паралич, у меня была глубокая уверенность, что это болезненное состояние преходящее, нужно только бросить всякие дела и длительно отдохнуть

Таково, — говорил Владимиров, — было мнение не только Надежды Константиновны. Все, кто более или менее знали Ленина, были уверены, что он из опасности легко выберется. Воля человека, стремление осилить болезнь имеет выдающееся значение, а воли у Ильича хватило бы и на десять человек. Однако не все придерживались такого оптимистического взгляда на болезнь Ленина. В этом отношении товарищ Сталин обнаружил поразительную дальнозоркость, догадливость, прозорливость. Он давно присматривался к Ильичу и считал, что Ленин серьезно болен. После первого удара, товарищ Сталин стал расспрашивать об этой болезни врачей, потребовал, чтобы ему дали относящуюся к болезни медицинскую литературу. Два раза, специально для наблюдения за Ильичем, съездил в Горки. Путем всяких тайных расспросов и наводящих указаний установил, что даже в то время, когда врачи объявили Ильича хорошо выздоравливающим, у него бывают конвульсии и кратковременные потери способности речи. На основании всего этого и со всеми расходясь, товарищ Сталин уже в 1922 году объявил, что болезнь Ленина неизлечима, за первым ударом последуют другие и что вообще *«Ленину капут»*. Он так и сказал. Конечно, фраза жесткая, грубоватая. Она шокировала Сокольникова, шокировала и меня. Но товарищ Сталин очевидно сознательно облекал свой диагноз в грубоватую форму. Не подыскивая мягких, дипломатических выражений, да это и несвойственно товарищу Сталину, он хотел, чтобы товарищи, руководящие страною и партией, бросая всякие иллюзии, скорее отдали себе отчет в положении, созданном болезнью Владимира Ильича. Или его болезнь излечима и он скоро вернется к работе, тогда ничто не меняется — у нас по-прежнему есть руководитель, верной дорогой ведущий нас к цели; или болезнь Ленина неизлечима, тогда все резко меняется. Тогда интересы страны, революции, партии, властно требуют более не рассчитывать на дальнейшее пребывание Ильича в качестве вождя партии и главы правительства. Политбюро в этой обстановке должно так работать, как будто Ленина среди нас уже нет, не ждать от него директив и помощи и, в соответствии с этим положением, умело распределить между членами Политбюро все руководство страною.

Анна Ильинишна (старшая сестра Ленина. — Н. В.), до которой дошла фраза товарища Сталина — «Ленину капут», очень ею возмутилась. Я ее понимаю, фраза, что и говорить неудобная, однако, теперь видно, что товарищ Сталин в своем диагнозе был прав и установил его много раньше врачей. На самого Ильича слова Сталина произвели более чем неприятное впечатление. «Я еще не умер, — сказал он, — а они, со Сталиным во главе, меня похоронили». Владимир Ильич не был злопамятным, но обида его на Сталина, по этому поводу и по другим, была так велика, что после второго приступа болезни (в декабре 1922 г.) он товарища Сталина больше видеть уже не хотел, и не видел. Прав товарищ Сталин, но столь же прав и Ильич. Разве приятно слушать — тебе капут? Например, я знаю, что серьезно болен, но если узнаю, что вы, Валентинов, ходите по ВСНХ и убеждаете, что мне, Владимирову, скоро капут, что на мое место нужно уже сажать другого человека, я пошлю вас к чёрту и больше видеться с вами не пожелаю. Ильич был трижды прав, говоря, что еще рано его хоронить. Даже после второго удара мысль его работала с прежней ясностью и интенсивностью. Он это доказал, дав партии *восемь* директивных статей, написанных им я январе, феврале и марте 1923 года. Не исключено предположение, что он их писал с целью показать, что партия от него может услышать многое полезное, и глупо его считать окончательно выбывшим из строя. Владимир Ильич, например, ясно указал, что руководство партией и страною — впредь, когда его — Ленина — не будет, не должно осуществлятся какой-либо, пусть авторитетной, но по составу своему слишком уж *узкой* инстанцией. В статьях «Как реорганизовать рабкрин», «Лучше меньше — да лучше» [101] и в дополнениях к ним он настаивает, что ныне существующую руководящую инстанцию нужно расширить. Он предложил значительно увеличить число членов Центрального Комитета, расширить состав ЦКК — Центральной Контрольной Комиссии, связав ее с реорганизованным и хорошо поставленным Рабкрином — Рабоче-крестьянской инспекцией. Эту тройственную, тесно связанную организацию, он намечал как верховный авторитетный руководящий орган страны, проводником воли которой должно быть Политбюро.

С максимальной, насколько было возможно, точностью я передал то, что слышал от Владимирова. Полагаю, что опираясь на это, я имел право судить о поведении Сталина во время болезни Ленина так, как это я сделал в первой части моих воспоминаний. Несмотря на свое нежелание сказать прямое слово о Сталине, Владимиров, я в этом уверен, был возмущен сталинским приговором: «Ленину капут». Из его рассказа видно, что это возмущение разделял Сокольников, Анна Ильинишна и, вероятно, другие.

Я превосходно помню, что Владимиров говорил о «*восьми директивных* статьях», написанных Лениным после второго удара. [102] Но

---

[101] Ленин. Соч., том XXVII, стр. 402—416.

[102] Исправляю описку, сделанную мною в первой части моих записок. Со слов Владимирова я там писал, что Ленин «написал» пять статей директивного характера. Нужно читать не «написал», а напечатал. Таких статей написано не пять, а восемь и не все они напечатаны.

в «Правде» таких статей было пять. Что такое представляли собой три остальные? Нужно думать, что это были записки Ленина о национальном вопросе, о Госплане, о существовании которых я и понятия не имел, когда слушал рассказ Владимирова. Следует обратить особое внимание на то, что он говорил об организации авторитетного руководящего органа. Он касался этого вопроса с величайшей осторожностью, взвешивая каждое слово, с явной опаской сказать лишнее. Мысль его все-таки ясна. По его мнению, Ленин хотел отнять полновластие у *функционирующего во время его болезни Политбюро* (Сталин в нем присвоил слишком много прав.— Н. В.) и передать это полновластие другой им намеченной широкой «тройственной» организации (ЦК + ЦКК + Рабкрин). Огромную важность этой стороны рассказа Владимирова я понял лишь несколько месяцев позднее, когда ознакомился с одним документом, о котором, в связи с Троцким, мне еще раз придется говорить.

Перечисляя, что твердо осталось в памяти от рассказов Владимирова, сошлюсь на крайне интересное *«напутствие»* сделанное ему Лениным, когда Владимиров, в самом конце ноября 1922 г. (до второго удара) был у него в гостях. Ленин, по словам Владимирова, был в этот день в очень хорошем настроении, принял его радушно и, как когда-то в Париже, называл Владимирова «товарищем Левой».

— Две области у нас сейчас самые главные. Первая — это торговля, это научиться торговать и, прежде всего, для смычки с деревней, с крестьянством. Без этого может наступить день, когда крестьянство нас пошлет к чёртовой матери. Крестьянину, в сущности говоря, наплевать: кто, какое начальство сидит в городе, кто там правит в Кремле. Для него важно: что́ от города получается, что́ из Кремля ему дают. Этим оселком он будет пробовать — лучше ли ему стало жить в сравнении с царским временем или хуже. Если увидит, что за свои продукты он будет получать больше чем прежде ситца, сахара, обуви, посуды, сельскохозяйственных орудий, если к тому же увидит, что налоги меньше, что больше нет в деревне ненавистных ему урядников и становых, мужик будет вполне доволен новым строем. А если не будет доволен, справиться со стомиллионным крестьянством трудно, невозможно. Кронштадское восстание, Антоновщина, бунты в Тамбовской и других губерниях — для нас грозное предупреждение. Нужно все сделать, чтобы жить в постоянном мире, в дружбе со середняком.

Вторая важнейшая область — это финансовая. Нам нужна твердая валюта, хороший рубль, а не хлам в виде «совзнака». Без твердой валюты НЭП летит к чёрту. В качестве одного из руководителей нашими финансами, нашей денежной системой, будьте, товарищ Лева, скопидомом, Плюшкиным. У нас во время военного коммунизма люди развратились, привыкли без счета, без отдачи залезать за деньгами в казну. Эта привычка не изжита, охотников «давай деньгу» у нас десятки тысяч. При напоре таких людей инфляция неизбежна и заменить совзнак твердым рублем мы не будем в состоянии. Не будьте мягкотелым поэтом, не слушайте болтовни людей, которые вам будут расписывать чудесное время военного ком-

мунизма, презиравшего деньги. Когда наши хозяйственники будут налегать на вас, требуя из казны всяких дополнительных сумм, всяких субсидий, отвечайте им, что для ведения дела начальные средства у них есть, а все, что нужно сверх того, пусть постараются заработать. Капиталисты пускали в обращение некую сумму денег и умели сделать так, что в процессе производства, торговли, реализации товаров эта сумма денег увеличивалась, приносила *прибавочную стоимость*. Пусть наши хозяйственники эту прибавочную стоимость научатся создавать, тогда им не придется бегать к казне, попрошайничать. Во всем соблюдайте строжайшую экономию. Из государственного бюджета не выпускайте ни одну лишнюю копейку. Лишь в одном случае не будьте скопидомом, это в вопросе о вознаграждении, о жаловании народных учителей. В брошюрах и на митингах мы кричим о всеобщей грамотности, а в нашей деревне и уездных городишках эти проводники грамотности сидят без штанов и голодают. Мы издаем без устали невероятное число всякого хлама, а для школьных тетрадей у нас не хватает бумаги. С этим безобразием нужно покончить. Если для этого нужно произвести самую жестокую экономию во всех без исключения областях, будьте, товарищ Лева, беспощадны и тверды. Через НЕП мы, конечно, придем к социализму, но социализм выражается и в том, что армия просвещенцев — народных учителей — производит ликвидацию неграмотности. Разве можно назвать социалистической страну, где, как в царское время, повсюду неграмотность. — И еще одно, товарищ Лева, *вам напутствие. Не будьте поэтом, говоря о социализме!* Время Смольного и первых лет революции далеко позади. Если к самым важным вопросам мы, после пяти лет революции, не научимся подходить трезво, по-деловому, по-настоящему, значит мы или идиоты, или безнадежные болтуны. Вследствие въевшейся в нас привычки, мы слишком часто вместо дела занимаемся революционной поэзией. Например, нам ничего не стоит выпалить, что через *5—6 лет* у нас будет полный социализм, полный коммунизм, полное равенство и уничтожение классов. Услышав такую болтовню, не стесняйтесь, Лева, вопить и кричать: «Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори бессмсылицы!» Вы можете поймать меня: врач исцелися сам! Сознаюсь, все партийные недостатки присущи и мне. Давая волю языку, я тоже могу ляпнуть, что в самом непродолжительном времени, даже меньше десяти лет, мы войдем в царство коммунизма. *Не стесняйтесь и в этом случае, хватайте меня за фалды, из всей силы кричите: «О, друг мой Аркадий, об одном прошу, не говори так красиво».*

Владимиров раза три, если не больше, со всякими вариациями и дополнениями, рассказывал мне о полученном им *«напутствии»* Ленина. Передавая его, он оживлялся, румянец выступал на его буром болезненном лице, он весь делался иным. Было видно, что этому «напутствию» он придает огромное значение. Такие слова Ленина, как «мы идиоты или болтуны», «крестьянство пошлет нас к чёртовой матери» он мрачно повторял по несколько раз и, смеясь, говорил, что у Ленина в этот день не сходила с уст «поговорка» о «друге Аркадии». Владимиров, по-видимому, не знал, что это не «пого-

ворка», а просто цитата из романа Тургенева «Отцы и дети». Тургенев изобразил, как Аркадий Кирсанов, лежа рядом с Базаровым, в тени стога сена, начал поэтизировать:

«— Посмотри, сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Самое печальное и мертвое сходно с самым веселым и живым».

На это Базаров с иронией воскликнул:

«— О, друг мой, Аркадий Николаевич, об одном прошу тебя: не говори красиво».

Лично для меня не могло быть ничего неожиданного и удивительного в прибегании Ленин к цитатам из Тургенева. Фразы из сочинений этого автора часто влетали в его речь Я заметил это еще в Женеве, в 1903 году. На его превосходное знание Тургенева я несколько раз указывал в печати.

Из «напутствия», полученного в 1922 г. Владимировым, видно, что в это время Ленин уже *совсем не верил* в близость установления в России социализма или коммунизма. С этим, как будто, расходится речь Ленина в ноябре 1922 г., в которой, говоря, сколь трудно «протащить социализм в повседневную жизнь», он все-таки указывал, что «если не завтра, то в несколько лет» из «России нэповской будет Россия социалистическая». Но Ленин сам объяснил, что подобные заявления о близости наступления социализма срываются с языка вследствие въевшейся и в него привычки «заниматься вместо дела революционной поэзией». В статье о кооперации, написанной в январе 1923 г., Ленин уже более осторожен в выражениях. Для превращения России в социалистическую страну требуется, по его словам, «целая историческая эпоха», «целая культурная революция», представляющая для нас «неимоверные трудности», ибо чтобы «быть культурными нужно известное развитие материальных средств».

Владимиров сказал, что *«напутствие»*, подобное тому, что он слышал от Ленина, почти одновременно с ним получил в письменной форме Сокольников — народный комиссар финансов — и в этом письме все, что слышал Владимиров, выражено в форме еще более резкой и определенной. В изданных письмах Ленина такого напутствия Сокольникову я не нашел. Мне известно лишь письмо к Сокольникову, где Ленин говорит:

> «Если мы, создав тресты и предприятия на хозяйственном рассчете, не сумеем деловым, купцовским способом обеспечить полностью свои интересы, то мы окажемся круглыми дураками. Если трестами и предприятиями не будет достигнута безубыточность, то они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы и конфискацией всего имущества».

Это письмо от 1 февраля 1922 г., — значит, не то, на которое указал Владимиров. То должно быть помечено концом ноября 1922 или началом декабря. Весьма возможно, что неверие Ленина в скорость превращения России в социалистическую страну так *шокировало* эпигонов, что его письмо Сокольникову, подобно значи-

тельному числу других писем, *в печать не попало,* хотя могло поступить в архив Ленинского института. Отбор — что́ печатать и что́ из ленинского наследства не печатать — с 1924 г. проходил через Сталина, а теперь известно из секретного доклада Хрущева, что многое он прятал, а кое-что, вероятно, и уничтожил.

Однажды, когда я сидел у Владимирова, к нему в кабинет по каким-то делам вошел Дзержинский. Из вежливости перед начальством мы оба — Владимиров и я — встали.

— Сидите, пожалуйста, сидите! — крикнул Дзержинский. — К этому вставанию передо мною в ВСНХ, сказать по правде, никак привыкнуть не могу. В ГПУ это требуется, там все отношения я поставил на чисто военную ногу, при строжайшей дисциплине и соблюдении всякой иерархии. Та же почти военная дисциплина проводилась мною и в бытность наркомом железнодорожного транспорта. Но вот в ВСНХ нужно что-то иное. Право неловко, когда передо мною вскакивают, с руками по швам, академик Ипатьев и академик Лазарев.

После ухода Дзержинского, Владимиров, ссылаясь на то, что мы только что слышали, начал говорить о громадном противоречии между действительной сущностью Дзержинского и представлением его в виде слепого, грубого варвара-садиста.

— ВСНХ — это самое обширное в СССР собрание специалистов всех профессий, и Дзержинский неуклонно выполняет предписания Ленина — беречь как зеницу ока всякого знающего и добросовестно работающего спеца, идейно, хотя бы, совершенно чуждого коммунизму.

Рассказав, как Ленин в 1919 г. реагировал на письмо проф. Дукельского и извинялся за им допущенные по отношению к спецам грубые слова (я передал этот рассказ в первой части моих записок), Владимиров, с плохо скрываемой усмешкой, заметил, что в этом вопросе у Сталина своя линия, с давних пор с ленинской линией расходящаяся:

— По мнению товарища Сталина, все наши специалисты, и военные и штатские, *воняют как хорьки* и чтобы их вонь не заражала и не отравляла партию, нужно их всегда держать на приличном от себя расстоянии.

Владимиров тут не сообщил чего-либо нового, он лишь подтверждал, что давно уже было известно. Говорили, что, не перенося всех, кто имеет знания больше чем он, Сталин в общении со специалистами был всегда груб и не скрывал своего к ним подозрительного отношения. К «хорькам» ни внимания, ни почтения у него не было. Вполне естественно, что на такое отношение к себе специалисты отвечали враждебностью. Разделяя взгляды правых коммунистов, среди которых наибольшей симпатией пользовался Рыков, специалисты говорили: «Нам не нужен Троцкий с его перманентной революцией, от которой у страны и голова и живот болят, не нужен и Сталин, даже тогда, когда он идет рядом с Рыковым. Мы *не* за Троцкого, *не* за Сталина».

В давнем, резко отрицательном отношении к Сталину, которого, в сущности, знали очень мало и с которым почти не имели общения,

было что-то *загадочное* — точно *предчувствие будущей трагедии*. Ведь именно этот человек будет без пощады истреблять как «вонючих хорьков» целые слои российской интеллигенции.

Не буду останавливаться на рассказах Владимирова о жизни Ленина в Париже в 1910—1911 гг. Очень интересные, сообщая многое неизвестное, они все-таки никак не укладываются в эту главу, посвященную гораздо более позднему времени. Вместо этого, постараюсь кратко обрисовать идейную физиономию Владимирова.

Даже более чем Дзержинский, он был очень правым коммунистом. Делая его своим заместителем, Дзержинский несомненно хотел с его помощью противодействовать, умерять «левую», «троцкистскую» политику, которую, не будь на то препятствий, навязал бы ВСНХ Пятаков — другой заместитель Дзержинского. С ним Владимиров совсем не сходился. Бросая стрелы против Владимирова, Пятаков говорил, что «чрезмерное приятие НЭП-а некоторыми товарищами создает у них горизонт акцизного чиновника царского времени». А Владимиров, имея в виду, конечно, Пятакова, на это отвечал: «Чрезмерный страх перед НЕП-ом превращает некоторых товарищей в безответственных, озорных детей». В бытность свою в ВСНХ Владимиров поместил в «Торгово-Промышленной Газете» ряд статей. Последнюю свою статью прислал из Италии в феврале, недели за две до смерти. Статьи в «Торгово-Промышленной Газете», дополненные другими в «Правде», «Экономической Жизни», «Финансовой Газете», составили маленький сборничек, изданный после смерти Владимирова Центральным Управлением Печати при ВСНХ. Сборник по своему содержанию тощий, но некоторые его мысли и предложения, исчезнувшие, изгнанные в позднейшее время, очень характерны для эпохи НЕП-а.

В полном соответствии с полученным от Ленина напутствием, Владимиров требовал от трестов вести хозяйство без рассчета на выдачу субсидий и помощи из казны. Он страшился малейших признаков инфляции и иногда страх его был совершенно не обоснован. В «Торгово-Промышленной Газете» я поместил статью члена президиума Госплана В. Г. Громана, указавшего, что при росте продукции, кредитные планы не должны бояться роста денежной массы. Ничего инфляционного здесь не было, но Владимиров был очень недоволен статьей, упрекал меня, что я не показал ее ему и не сделал к ней примечания. На развитие товарооборота, на роль в нем краткосрочного кредита, которым особенно интересовался, на обращение векселей — Владимиров смотрел глазами ординарного добросовестного буржуазного банковского деятеля. Слыша намеки, что эта точка зрения плохо совмещается с коммунизмом, Владимиров злился и говорил: «Не изобретайте пролетарскую астрономию, пролетарское счетоводство, пролетарскую теорию кредита». Он хотел воспитать у советских хозяйственников почтение и уважение к выдаваемым ими *векселям*. Он находил, что этого у них нет и потому в хозяйственные отношения постоянно врываются «некультурные, жульнические и хамские обычаи». Он требовал, чтобы организованное Наркомфином Кредитбюро выясняло кредитоспособность клиентуры (трестов, синдикатов, заводов), а кредитные институты

ни в коем случае не учитывали сомнительных векселей. Коммерческий кредит ни в какой доле не должен подмениваться бюджетным финансированием. При совершении сделок часть их непременно должна оплачиваться *наличными*. Это, по его мнению, будет препятствовать практикующейся системе необоснованных скороспешных сделок, постоянно совершающихся без большого коммерческого раздумия, так как они не требуют ни малейшего взноса наличных денег.

Развертывание НЭП-а и его перспективы рисовались Владимирову в виде четырех стадий. Первая стадия — это проедание основного и оборотного капитала, неумение торговать, нелепое разбазаривание товаров, полная убыточность. Вторая стадия — сверхкапиталистическая политика погони за прибылью, с помощью высочайших цен, не переносимых населением. Третья стадия — осторожная политика извлечения прибыли и, наконец, четвертая — будущая стадия — при разумном уровне цен совершающееся максимальное накопление с помощью *снижения* себестоимости производства. Снижение себестоимости и увеличение покупательной способности крестьянства, по убеждению Владимирова, являются главнейшими условиями для ускорения темпов хозяйственного развития СССР. Увеличение покупательной способности крестьянства стояло в центре внимания Владимирова. «Смычка» (это ленинское слово было у всех на устах) промышленности с крестьянством, с деревней, должна выразиться в увеличенном приобретении им промышленных товаров. Но, чтобы имела место не только сезонная, временная, покупка городских товаров, а бесперебойная, постоянная, крестьянство должно обладать кредитом. Для этого, настаивал Владимиров, нужно установить *особый вид крестьянских векселей*, гарантированных сельской кооперацией. Следуя за Дзержинским, Владимиров настаивал, что с помощью кредита нужно облегчить приобретение крестьянством не только средств производства (машин, орудий, удобрений), но и товаров чисто потребительского назначения. Помогая Дзержинскому двинуть металл в деревню, Владимиров полагал, что это дело может быть облегчено организацией особых паевых обществ с участием в них кооперации, волостных, уездных и губернских исполнительных комитетов. Вопрос о металле в деревне у Владимирова, как и у Дзержинского, совсем не исчерпывался снабжением сельскохозяйственными орудиями: деревне нужен был металл во всех его видах — кровля, шинное железо, гвозди, посуда, всякий кухонный инвентарь. Через несколько лет, в эпоху так называемых сталинских пятилетних планов и «военно-феодальной», по выражению Бухарина, эксплуатации деревни, все эти заботы о крестьянстве, о снабжении его *посудой* и *кухонным инвентарем* будут казаться нелепым фантастическим пережитком НЭП-а, реакционным мелкобуржуазным уклоном и исчезнут перед победоносным развитием тяжелой металлической индустрии, «производством средств производства», — этим богом, в жертву которому будет принесено население страны. Кому в это время придет в голову думать об улучшении быта крестьянства с помощью учета крестьянских векселей!

Я спросил однажды Владимирова, как он себе представляет «наше будущее». Ответ его интересен. Владимиров, прежде всего, спросил о каком «будущем» я говорю, и с некоторым раздражением сказал:

— Если вы имеете в виду, что будет у нас через 25, 30 или 40 лет, то такими вопросами зря забивать себе голову я не буду. Я не гадалка-цыганка. До последнего моего издыхания буду учеником Владимира Ильича Ленина и никогда не забуду его *напутствие:* нужно заниматься делом, мыслить трезво, а не вдохновляться красивыми словами революционной поэзии. Я могу, говоря о будущем, иметь перед собою срок *никак не более десяти лет.* А что́ в эти годы произойдет — можно предвидеть. Сейчас наша индустрия еще далеко отстает от уровня довоенных лет, но все говорит за то, что она сравнительно скоро его превзойдет. В связи же с этим, будет значительно превзойден и довоенный уровень заработной платы наших рабочих. Их положение, приняв во внимание, что нигде в мире нет такого социального законодательства как у нас, будет превосходно. Сельское хозяйство тоже превзойдет довоенный уровень и в отличие от довоенного положения наша деревня будет покрыта *густой сетью* всех видов кооперации — кредитной, сельскохозяйственной, потребительской. Мы должны помнить завет Владимира Ильича в его предсмертной статье о кооперации: заставить, не силою, а умной деловой пропагандой и всякой помощью, всех участвовать, и не пассивно, а активно, в кооперативных операциях. Когда говорю о кооперации, совсем не имею в виду колхозы — коллективные производственные объединения. Конечно, они появятся у нас, но отнюдь не в ближайшие годы. Сейчас они чужды крестьянству и Ильич нам строго наказал — *не насиловать крестьян.* В городах, в дополнение к государственной торговле, несомненно широко разовьется потребительская кооперация. Это не значит, что не будет никакого места частной торговле. Я полностью схожусь с Феликсом Эдмундовичем (Дзержинским), когда он говорит, что нам нужна частная торговля, чтобы подхлестывать своей конкуренцией работу потребительской кооперации, делать ее максимально внимательной к требованиям населения. Владимир Ильич говорил, что у нас НЭП «всерьез и надолго». Да, всерьез и надолго! В этом вопросе мы с товарищами из оппозиции полностью расходимся. Частный капитал в опт пускать нельзя, а в мелком производстве и мелкой торговле он *очень желателен.* Я недавно потребовал, чтобы мне доставили самый детальный список промышленных отраслей, где до войны играл большую роль мелкий капитал. Мне принесли перечень, на десятках страниц, таких областей — их сотни. У меня сейчас его нет под руками, я взял его к себе домой, я вам дам этот перечень для осведомления, можете с него копию взять, но, конечно, не для того, чтобы орган ВСНХ «Торгово-Промышленная Газета» занималась размышлением, где нам выгодно давать место частному капиталу. В указанных областях — промышленная кооперация, объединяя кустарей, разумеется должна играть крупную роль, и ВСНХ, как того и требует тов. Дзержинский, должен оказывать ей полное содействие в доставке нужных ей материалов и

орудий производства. Однако этим не уничтожается роль частного капитала в мелком производстве. Потребностей во всяких изделиях у насления столько, что для полного их удовлетворения нужна и государственная промышленность, и промышленная кооперация, и частный капитал. Я болен, долго не проживу и не увижу, как в течение предстоящих лет окрепнет вся структура советской экономики. Вы ее увидите. У нас нет ни крупных частных купцов, ни фабрикантов, ни банкиров, ни помещиков — мы не капиталистическое общество. В этом обществе *всем будет жить хорошо:* рабочим, служащим, крестьянам, кустарям, да и мелким частным производителям и торговцам, поскольку они несут полезную и нужную для общества функцию. Что же касается профессий интеллектуального труда — улучшится и их положение, хотя десятки тысяч рублей, которые прежде получали директора банков или некоторые инженеры, они получать не будут. Зато все эти профессии будут совершенно гарантированы от какой-либо безработицы. Спрос на них у нас беспредельно велик. Подумайте только, сколько нам нужно послать в деревню учителей, агрономов, землемеров, врачей, ветеринаров, инженеров, техников, статистиков, экономистов. Могу ли я сказать, что в ближайшие же годы у нас создастся идеальное общество без изъянов? Нет, на этом я не настаиваю. Ряд острых и больших вопросов своего решения еще не найдет. Что поделать, приходится утешаться тем, что и на солнце пятна есть.

В чем заключаются «острые и большие вопросы» — Владимиров ничего не сказал. Спрашивать же его, если он не хотел говорить, я считал неловким. Общая картина советского общества «в предстоящие десять лет», нарисованная Владимировым, очень характерна для мысли одной из полос НЭП-а. Людей, мысливших подобно Владимирову, можно найти в ВСНХ, в Госплане, в Наркомфине, отчасти в Наркомате Земледелия и *много* в провинциальных экономических учреждениях. Эта картина была близка и к тому представлению, которое я и другие участники «Лиги наблюдателей» имели на этот счет. Мы, *в особенности в 1925 году*, могу теперь сказать, были до слепоты оптимистами. Были полны иллюзиями: все идет прекрасно, страна медленно, не без больших противоречий, но все-таки катится по рельсам эволюции. Мы даже предполагали, что на базе развивающейся советской экономики, сравнительно скоро, появятся какие-то, пусть небольшие, ростки свободы. Зачаткие ее мы видели, например, в издававшейся художественной литературе (вспоминаются произведения Пильняка!), в эпоху НЭП-а пользовавшейся относительной свободой и позднее ее абсолютно потерявшей.

Вышеприведенный разговор с Владимировым у меня произошел в начале января 1925 г. Тяжко больного его отвезли в Нерви в Италию и там в марте он умер. Незадолго до смерти, когда стало известно, что он доживает последние дни, в кремле обсуждался вопрос — где и как его хоронить. В коммунистической партии это была важная проблема иерархии. Сталин, к которому со скрытой неприязнью относился Владимиров, отвечавший на нее открытой и

резкой неприязнью к Владимирову, сказал: «Владимиров — *птичка невеличка*. Необязательно хоронить его на кладбище у Кремлевской стены. *Есть и другие кладбища*».

Передавали, что Дзержинский затрясся от волнения и негодования, услышав как третируют преданного ему Владимирова.

— Почему, — кричал он, — председателя текстильного синдиката Ногина мы, несколько месяцев назад, похоронили у Кремлевской стены, а в этой посмертной чести хотят отказать такому работнику, как Владимиров?

Сталин уступил, урна с прахом Владимирова была вставлена в стену Кремля, но Сталин потом все же посчитался с умершим. Это можно показать на сличении двух изданий Большой Советской Энциклопедии. В первой — довоенной, первая часть которой была приготовлена до коронации Сталина, до провозглашения его вождем, в томе одиннадцатом можно прочитать следующие строки о Владимирове:

> «В октябрьскую революцию он ведет огромную работу по организации продовольственного снабжения Петрограда. Вплоть до 1922 г. он непрерывно принимает участие в руководстве продовольственной работой в центре, на юго-западном и южном фронте в качестве члена Реввоенсовета фронта, наркома продовольствия, а потом наркома земледелия Украины, где развивает широкую работу. С организацией Наркомфина назначается заместителем наркомфина РССС. Владимиров один из главных руководителей финансовой политики при проведении денежной реформы и организации финансового хозяйства Советского Союза. В ноябре 1924 г. назначается заместителем председателя ВСНХ и, несмотря на короткое время работы, выдвигает ряд важнейших вопросов хозяйственной политики. Особенное внимание уделяется им вопросам финансирования промышленности. По постановлению Совета Народных Комиссаров, память Владимирова увековечена учреждением ряда пенсий и премий за научную работу». [103]

Если заглянуть в Большую Советскую Энциклопедию послевоенного времени, когда уже ни один из больших членов партии не мог быть в ней отмеченным без санкции на то Сталина, — в томе 8, изданном в 1951 г., нет Владимирова. Есть Владимиров — хирург, умерший в 1903 г., есть Владимиров — какой-то советский живописец, есть Владимиров — дирижер, но «птички невелички» нет. Впрочем, в энциклопении нет и Бухарина.

---

[103] Большая Советская Энциклопедия, том 11, стр. 586 (первое издание 1930 г.).

ГЛАВА VIII

Л. ТРОЦКИЙ В ВСНХ

В 1925 г. Лев Троцкий метеором пролетел через ВСНХ. Об этом малоизвестном этапе его жизни и некоторых фактах сопровождающих это событие стоит рассказать.

Осенью 1923 г. Троцкий вел ожесточенную критику ЦК и Политбюро, обвиняя их в том, что они проводят удушающий партию бюрократизм, убивают внутрипартийную демократию, теряют пролетарский и революционный дух и своей экономической политикой ведут страну к гибели. Это было время, когда Троцкий полагал, что опираясь на свою громадную популярность в стране, он может методом «лобовой атаки» достигнуть своей цели: стать в Политбюро выше всех и занять место отсутствующего Ленина. Но менее чем через год, возбудив во всем Политбюро против себя ненависть, Троцкий уже сильно сбавил тон. В мае 1924 г. на XIII съезде он выступил с примиренческой речью и поразившим многих заявлением: «Никто не может быть правым против своей партии. Правым можно быть только с нею».

Под партией понималось, конечно, ее командование и, следовательно, согласие с ним определяло «правоту». Это звучит неожиданно в устах того, кто только что бичевал ошибки этого командования, его негодность, окостенение, вырождение и антиреволюционность.

Осенью 1924 г. о Троцком не слышно. Он никогда не выступает, он болен. Зато против него не выступают только те, кому делать это лень. «Есть Троцкого» — становится модной и увлекающей темой. В речах и статьях его критикуют Каменев, Зиновьев, Сокольников, Квиринг. Большую речь против него произносит Сталин в ноябре на пленуме ВЦСПС. Его заявление, что Троцкий никакой роли в октябрьском восстании 1917 года не играл, — такая явная ложь, такое искажение всем известных фактов, что у многих из нас, хотя и не испытывающих симпатии к Троцкому, лишь укрепляется отвращение к Сталину. С целью побольнее ударить Троцкого, в это время, вытаскивается его письмо к Чхеидзе, написанное в 1913 г., до адресата не дошедшее, попавшее в архивы петербургского отделения охраны и оттуда уже извлеченное. Троцкий в нем язвительно и грубо отзывается о Ленине, и в 1924 г. за этот отзыв ухватываются противники Троцкого. Письмо Троцкого, в ка-

честве неопровергаемого доказательства, что он никогда большевиком ленинцем не был читается на митингах, на собраниях коммунистических ячеек. Полемический пыл против Троцкого разжигает и его, появившаяся осенью того же 1924 г., статья «Уроки Октября», идущая наперекор установившемуся романтическому представлению об октябрьском перевороте. Троцкий доказывает, что с того момента, как батальоны петроградского гарнизона по приказу Военно-Революционного Комитета (а во главе его стоял Троцкий) отказались выступить из города, в столице фактически произошло победоносное восстание. Восстание 25 октября имело только *дополнительный характер*. Исход восстания 25 октября был уже на три четверти предопределен. «Когда мы воспротивились выводу из столицы петроградского гарнизона, это уже было бескровное, но все-таки вооруженное восстание полков против правительства Керенского». Указания Троцкого, явно умалявшие значение октябрьского восстания, следовательно и роли в нем Ленина, антитроцкистами представлялось как дополнительное доказательство, насколько Троцкий далек от Ленина и ленинизма.

В конце 1924 г. наиболее злостными противниками Троцкого, постоянно его преследующими, являются Каменев и Зиновьев. Каменев женат на сестре Троцкого, Ольге Давидовне, весьма вульгарно играющей роль великой княгини царского времени, великосветской дамы, патронессы-аристократки, меценатки, покровительницы и руководительницы артистическим миром столицы. Люди, имевшие в это время возможность слышать и знать всякие внутрикремлевские сплетни (я тоже о них слышал, но они как-то немедленно из меня вылетали) уверяли, что сестра Троцкого сыграла немалую роль в обострении отношений между ним и Каменевым. И это уже не слух, а факт, что в конце 1924 г. Каменев, поддерживаемый Зиновьевым, первый внес предложение об исключении Троцкого из Политбюро, а немного ранее ленинградский губернский комитет, разжигаемый Зиновьевым, выступил с требованием даже изгнать Троцкого из партии и раз навсегда прекратить о нем всякие разговоры. Сталину, конечно, было весьма приятно, что развенчание Троцкого, — а его он ненавидит больше чем кого-либо, производится не только им одним. Но он подчеркивает, что занимает в отношении к Троцкому «объективную» позицию. Он против исключения его из Политбюро, тем более против исключения из партии, против «отсечения» Троцкого, и в то же время готовит первый отсекающий Троцкого удар. Делая на Пленуме ЦК в январе 1925 г. доклад о Троцком, Сталин обвиняет его «в стремлении превратить идеологию РКП в модернизированный большевизм без ленинизма». Он доказывает, что, в конечном счете, современный троцкизм есть «фальсифицированный коммунизм в духе приближения к европейскому образу псевдомарксизма, т. е. социал-демократии». При такой характеристике Троцкого не может быть и речи, чтобы он мог занимать пост председателя Военно-Революционного Комитета СССР и быть народным комиссаром обороны. Место Троцкого отдается уже в 1924 г. Фрунзе, при поддержке Сталина начавшего в военном ведомстве вытеснять отовсюду Троцкого. Снимая Троцкого с поста наркома

обороны, Пленум ЦК требует от него смириться, предупреждая, что в случае продолжения фракционной работы Троцкий будет удален не только из Политбюро, но и из состава ЦК. Е. Ярославский, член ЦК, говоря со Стекловым о решении Пленума (разговор мне передал Стеклов), назвал его «в некотором роде историческим»:

— До сего времени мы все находились под влиянием гипноза — до Троцкого нельзя дотрагиваться. С ним можно полемизировать, не стесняясь в выражениях, но никаких практических последствий из этой полемики быть не должно. Он может что́ угодно писать, и нельзя им написанное не печатать. У него, так сказать, постоянное кресло в первых рядах Политбюро и это место, вне зависимости от обстоятельств, как бы пожизненное. Несколько лет назад, еще при Ленине, он стал народным комиссаром по военным делам и в сознании его, да и других, этот пост тоже стал как бы пожизненным. Январский пленум всю эту систему заклинаний разметал. Он не только удалил его от всякого влияния в военном ведомстве, но твердо и ясно сказал: если и дальше скверно будешь себя вести, — выгоним из Политбюро, выгоним из ЦК, а, может быть, даже из партии. Теперь для всех, и в том числе и для Троцкого, стало ясно, что с ним не шутят, шутить не будут; время, когда он сам, и мы за ним, считали его вроде некоторой святыни, до которой дотрагиваться нельзя, — безвозвратно прошло.

В своих воспоминаниях Троцкий пишет, что «уступил военный пост без боя, даже с внутренним облегчением, чтобы вырвать у противников орудие инсинуации насчет моих военных замыслов». Указание на уступку без боя, даже «с внутренним облегчением», говорит, что готовность воевать с верхами у Троцкого, в это время, подсечена так сильно, что ее почти нет. Думаю, что Ярославский был прав, говоря что в январе 1925 года Троцкий ясно понял, что с ним больше «шутить не будут» и что одолеть Политбюро он не сможет.

В феврале о Троцком ничего не слышно. Ни в марте, ни в апреле. Но в конце апреля проносится слух, что произошла где-то встреча Сталина с Троцким, что они имели большой и важный разговор и после долгого объяснения, будто бы решили помириться; поэтому Троцкий, выплывая из своего почти двухгодового небытия, скоро получит какой-то очень важный хозяйственный пост.

Была ли эта встреча? Был ли у них разговор? Или это только домыслы досужей фантазии — на этот счет никто не мог мне дать твердого ответа. В нашу «Лигу наблюдателей» сведения об этом впервые пришли от Рязанова, директора Института Маркса и Энгельса, но когда от него стали добиваться точнее сказать — где и когда, как произошла эта встреча Сталина с Троцким, Рязанов на это ответил: «Тайнами мадридского и кремлевского дворцов не ведаю и потому за всякими деталями о таинственной встрече Сталина с Троцким нужно обращаться не ко мне, а к кому-то другому». Однако никакого другого, твердо знающего этот факт, человека не нашлось, и о встрече ни в одном из своих сочинений и воспоминаний сам Троцкий не говорит. Но вот что крайне любопытно. Вскоре, именно после слуха об этой таинственной встрече, появилось сооб-

щение, что Троцкий назначен членом президиума ВСНХ, начальником Электротехнического управления, председателем научно-технического отдела ВСНХ и председателем Главного Концессионного Комитета. Не могу точно сказать, когда произошло это назначение, но точно знаю, что 31 мая происходило торжественное открытие Теплотехнического института имени профессора Гриневецкого и профессора Корша, и на нем, впервые в своей новой должности, от президиума ВСНХ и его научно-технического отдела выступил Троцкий. Мимоходом скажу, что директором в этом институте был проф. Рамзин — один из главных обвиняемых (и доносчиков!) в будущем процессе 1930 г. «вредительской контрреволюционной промышленной партии». Выступление Троцкого, — о нем стало известно за несколько дней, — имело шумный успех. Помещение института было до отказа набито публикой, в том числе студенческой молодежью. Троцкистский дух, царствовавший в 1923 г. среди студентов-коммунистов высших учебных заведений, был в это время сильно сбит репрессивными мерами, проводимыми по указанию ЦК особой комиссией, в которую входил начинавший свою карьеру студент Маленков. Тем не менее, потрепанное, загнанное в подполье троцкистское течение среди студентов еще существовало. Послушать Троцкого, о котором так давно ничего не было слышно, пришли и все представители находящегося в Москве дипломатического корпуса. Блестяще сказанная Троцким речь о технике вызвала несмолкаемый гром аплодисментов, причем можно было быть уверенным, что если бы даже его речь была менее яркой, она у части публики — у студенческой молодежи — вызвала бы не менее горячие аплодисменты. Наверху преследовали, жестоко щипали Троцкого, но внизу еще существовали какие-то восторгавшиеся им группы, с именем Троцкого связывавшие героические страницы октябрьской революции и гражданской войны.

Цитируя в своей речи Тютчева —

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

Троцкий заявил, что людям пореволюционной России совершенно чужды мысль и чувства, вкладываемые прежними поколениями в слова Тютчева. Россия не есть страна каких-то чудес, не поддающихся анализу ума, могущих быть только предметом веры. В ней нет никакой недоступной пониманию мистической стати. Ее всю можно измерить «если не аршином, так метром». После речи Троцкого, воспользовавшись удобным моментом, к нему подошел В. А. Кожевников, издатель существовавшего в 1904—1905 годах в Москве весьма солидного ежемесячного журнала «Правда», с большими симпатиями к марксизму (мне тоже довелось быть его сотрудником).

— Вы, — заявил он Троцкому, — считаете, что для понимания России нужно изгнать негодные представления о ней Тютчева. В таком случае следует бросить многое, что говорил о России Ленин.

С помощью цитат из его речей и статей я могу неопровержимо показать и доказать, что, характеризуя события, нами пережитые с 1917 г., он все время прибегает к слову *«чудо»*. Он считает *чудом*, что такая отсталая страна, как Россия, оказалась во главе всего передового мирового движения; *чудом*, что за лозунгами, брошенными партией, пошли десятки миллионов; *чудом*, что страна смогла в кратчайший срок произвести неслыханную по своему размеру аграрную революцию; *чудом*, что русский народ мог перенести столько страданий, нужды, лишений; *чудом*, что он дал такой отпор помещикам и капиталистам. Раз страна являет один за другим примеры необычайных чудес, в таком случае прав Тютчев: у России действительно особенная стать, и ее общей меркой мерить никак нельзя!

Не знаю, что ответил на это Троцкий, но ответ его Кожевникову, как он мне сказал, очень не понравился, так как, пожимая плечами, он назвал его «дешевой бутадой пробующего остроумничать гимназиста».

Вхождение Троцкого в состав президиума ВСНХ, конечно возбудило у многих любопытство: что за этим последует, — что он будет делать? Приведу пример такого любопытства. Вероятно месяц спустя, я, в качестве заместителя редактора «Торгово-Промышленной Газеты», был вызван им дать объяснение по поводу жалобы на газету и на меня со стороны одного инженера-коммуниста, сотрудника Электротехнического управления, председателем которого стал Троцкий. Жалоба была яростной и довольно пакостной, но дело все было столь пустым, что я теперь даже не могу вспомнить, о чем главном шла речь, почему в этот вопрос замешали Троцкого, который, кстати сказать, оказался целиком на моей стороне. Дело разбиралось в какой-то маленькой комнатке ВСНХ, где больше чем на десять человек места не было. Но любопытство к Троцкому, к тому что он делает, что говорит, было тогда так велико, что в комнатку набралось из всех отделов ВСНХ более тридцати человек, за недостатком места принужденных уже не сидеть, а стоять. Троцкий не мог не видеть, что эти люди пришли только из любопытства, только на него посмотреть, но это смотрение, очевидно, не было ему неприятным. Он не сделал ни малейшего жеста, чтобы из переполненной народом комнаты, в которой трудно было дышать, удалить лиц никакого отношения к разбираемому делу не имеющих. Троцкий любил, чтобы им любовались.

Помню и другой случай, говоривший о том же любопытстве. Происходило заседание президиума ВСНХ под председательством Дзержинского. На нем присутствовали члены президиума — Пятаков с его неизменным спутником Юлиным (в 1936 г. расстрелянным по делу Пятакова), Ломов, Манцев, Межлаук, Долгов (единственный беспартийный в президиуме), С. П. Середа, о котором много лет позднее, уже в эмиграции, с величайшим удивлением узнал, что он принадлежал к ордену масонов. Даже малейшей мысли, что среди большевиков могут быть масоны, у меня никогда не было. Во время заседания в зал тихонько, незаметно, вошел Троцкий и скромно сел где-то вдали от президиума. Его появление произвело

огромный эффект: какой-то шок. Все повернули в его сторону головы и в этом положении как бы застыли. У всех был почему-то смущенный вид, а Дзержинский, приподнявшись со стула, стал просить Троцкого сесть за стол вместе с другими членами президиума. В это время в зале заседания, как это обычно бывало, число сотрудников ВСНХ, обязанных присутствовать — так как президиум разбирал подведомственные им вопросы — не превышало тридцати или сорока человек. Но как только по ВСНХ пронесся слух, что на заседание президиума пришел Троцкий, весь зал оказался буквально переполненным. Потом смеялись: полный сбор, как на Шаляпина. Ожидали, что Троцкий что-то скажет, но ожидания оказались тщетными; со скрещенными на груди руками он просидел все заседание, не произнеся ни слова. Это было его первое и, кажется, последнее появление на заседаниях президиума ВСНХ. Больше на них он не приходил. Не без связи с этим, любопытство к Троцкому стало быстро падать, к тому же главную массу сотрудников ВСНХ он к себе не притягивал. Если бы нужно было выбирать: Дзержинский или Троцкий, — подавляющее большинство спецов ВСНХ высказалось бы, конечно, за Дзержинского. Все знали, что Троцкий талантливый человек, замечательный оратор, превосходный писатель и среди коммунистов не имеет себе равных по способностям. И все-таки, как выразился один сотрудник ВСНХ (он же участник «Лиги наблюдателей»): «Троцкого нельзя брать всерьез, с ним неизвестно куда придешь».

Это замечание мне кажется теперь очень глубоким. С тех пор как кончилась гражданская война, Троцкого, на самом деле, «не брали всерьез», и так («не берясь никем всерьез») прошли двадцать последних лет его жизни, прерванной в Мексике ударом *«альпенштока»* [104] в голову. То, что он делал, ничем не оканчивалось и никому ничего не давало. Он развивал огромную энергию и все оказывалось несерьезным. В этом трагедия Троцкого.

* * *

Большой ошибкой не будет, если скажу, что это происходило в первой половине июля 1925 года. Я сидел в кабинете Савельева и говорили мы с ним не о редакционных делах, а о Лейпциге. Я знал Лейпциг в качестве туриста, а Савельев там учился в университете. Как раз в этот момент, без предупреждения, без стука в дверь, таким был его обычай, так он входил и в мой кабинет, появился Краваль. Тогда фабриковали красных профессоров и он был среди них. Кроме того, он был заведующим отдела труда ВСНХ. Симпатичным его нельзя назвать. Круглое, мучнистое, рыхлое лицо; холодные, неприятно-разглядывающие белесоватые, рачьи глаза и речь вся из коротких, отрывистых, командующих, лающих фраз. Кто-то наверху (то ли Сталин, то ли Молотов) протежировал Кравалю, отсюда в его поведении важность от чувства близости к звез-

---

104 «Альпеншток» — это палка с заостренным железным наконечником. Ред.

дам. А так как у Савельева было обостренное чутье к людям, имеющим ход к партийным вершинам, он относился к Кравалю с почтением и называл его по имени и отчеству.

Протежируемый важными персонами Краваль в последующие годы сделал большую карьеру. В 1934 г. он начальник Центрального Статистического Управления и в качестве такового принимает активное участие в организации всех *лживых* и *безобразных* статистических сведений, которые начиная с 1930 г. публикует Советское Правительство (до 1929 г. советская статистика была превосходной, дала ряд высокоценных исследований). Объявленный замечательным организатором статистики (лживой статистики!), Краваль в январе 1937 г. дирижирует всесоюзной переписью населения, долженствующей, по его словам и убеждениям всей советской печати, показать «экстраординарный рост населения в стране победившего социализма». В 1934 г. население СССР Статистическим Управлением исчислялось в 168 миллионов душ и к 1937 г., по тем же рассчетам, должно было увеличиться на 12 миллионов. Перепись производится, но так плохо и неряшливо, результаты ее так плачевны, что опубликование ее запрещено. Вместо ожидаемых 180 миллионов душ, она показала только 156 миллионов. Испорченная перепись заменяется в январе 1939 г. новой, определяющей с помощью всяких правд, а может быть и неправд, население СССР в 170 миллионов душ. Краваля тогда уже нет: объявленный вредителем — он, по одним сведениям, расстрелян в 1937 г., по другим — ввержен пожизненно в тюрьму. В июле 1925 г., в день, о котором я говорю, никто не мог бы предположить, что его ждет такая судьба. Это был человек уверенно шагающий по «восходящей линии», обладающий привилегией знать, что̀ говорят в самых высоких сферах партийного Олимпа.

Вынимая из своего портфеля какую-то книгу (лишь потом я узнал, что это за вещь) и издали показывая ее Кравалю, Савельев спросил:

— А об этом что̀ скажете, Иван Адамович?

Краваль тявкнул:

— Сталин правильно об этом сказал: Троцкий *«на брюхе подполз к партии»*.

Савельев в восторге от фразы:

— Хе-хе-хе! Действительно, на брюхе подполз!

Краваль тем же отрывчатым, командующим тоном:

— Ну да, приполз на брюхе, а низ оставил открытым, чтобы плеткой по нем били. Напрасно старается, высоко уже не подымется. Все ограничится полным собранием сочинений.

Ничего не понимая в этом разговоре партийных авгуров, кроме того, что речь идет о Троцком, я вышел из кабинета Савельева и пошел в ВСНХ. Встретился там с одним весьма симпатичным троцкистом Б., с которым часто перекидывался словечком. В самых туманных словах передав, что̀ слышал в кабинете Савельева, я спросил — что̀ за статью написал Троцкий, где она помещена?

— Да это не статья, а письмо в редакцию на днях вышедшего номера «Большевика». Разве вы его не видели? Это ужас, просто

ужас! Непонятно, зачем Лев Давидович это сделал. Ведь таким письмом он голову на плаху положил. Он сам себя омерзил . . .

— Да в чем дело? Что такое Троцкий написал?

— Ничего вам не скажу. Прочитайте, может быть догадаетесь, почему такую вещь Троцкий не должен бы писать.

Возвратившись в редакцию я попросил, чтобы мне купили последний, только что вышедший, номер «Большевика» (1925 г., № 16), а когда его принесли, немедленно взялся за напечатанное в нем письмо Троцкого. И сразу все стало понятным: и грубые слова Краваля, и язвительное хихикание Савельева, и ужас, с которым о письме Троцкого говорил Б., его поклонник. А чтобы это стало понятным и другим, — сделаю следующие предварительные пояснения.

Месяца три перед этим, благодаря вниманию ко мне А. И. Рыкова и Ф. Э. Дзержинского, я был отправлен лечиться в Берлин. Операция, на которую я рассчитывал, не могла быть сделана, вместо нее было прописано терапевтическое лечение, не требовавшее пребывания в госпитале и оставлявшее у меня довольно много свободного времени. Я решил им воспользоваться, чтобы ознакомиться с иностранной социалистической литературой, недопускаемой в СССР (в частности с сочинениями, преиобретающего большую известность Г. де Мана), и с кое-какой русской эмигрантской литературой.

В это время в берлинском Торговом Представительстве служила Мария Федоровна Андреева, бывшая артистка Художественного Театра, с 1903 или 1904 г. жена Максима Горького. Моя жена и я ее хорошо знали в 1914—1916 гг., вместе с Максимом Горьким она очень часто бывала у нас. В 1921 г. Горький и Андреева уехали из России в Германию и там разошлись. В 1925 г. Горький, уже с другой женщиной (Бенкендорф), жил в Италии в Соренто, а у Андреевой был новый друг в лице Петра Петровича Крючкова, служившего, как и Андреева, в берлинском Торгпредстве. Это был незаметный, небольшой человечек, как будто скромный, конфузливый. Андреева была старше его минимум лет на пятнадцать, и относилась к нему с оттенком материнского попечения. Андреева, конечно, знала — о чем я узнал позднее — что Крючков осведомитель, тайный агент ГПУ. Имя его стало широко известно публике по знаменитому процессу 1938 г. с его главными обвиняемыми в лице Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского. Крючков обвинялся в убийстве, по приказанию Ягоды, сына Горького — Максима Пешкова — и в соучастии, вместе с доктором Плетневым и Левиным, в убийстве самого Максима Горького. Обвинения против Крючкова, приставленного ГПУ в качестве секретаря следить за Горьким, составлены рекордно-бессмысленно. Обвинители (Вышинский) не пожелали сделать ни малейшего усилия, чтобы преступлениям, якобы сделанным Крючковым, придать вид хотя бы какой-нибудь вероятности.

Придя как-то к Андреевой, я попросил ее достать для меня комплекты «Социалистического Вестника» за 1923—1924 гг. Он издавался в Берлине, но я не хотел видеться с его редакторами, моими

бывшими товарищами. Мне придется еще об этом писать — мои взгляды (как и всей «Лиги наблюдателей) на НЭП, на то, что происходит в стране и что должна делать интеллигенция, настолько расходились с идеологически-политической позицией «Социалистического Вестника», что свидание с редакцией, разговоры с ней, могли окончиться лишь взаимными укорами, обвинениями и враждебными стычками. Зачем тогда видеться! Такого же мнения придерживались и двое из членов нашей «Лиги наблюдателей». Попадая в эти годы за границу, они избегали встречи с редакторами «Социалистического Вестника» и избегали не только из страха подвергнуться каре ГПУ.

В Москве от Савельева, начиная с 1923 г., я получал для «осведомления» почти все виды эмигрантской литературы (позднее в это дело были внесены ограничения — вместо номеров эмигрантской прессы в натуре, давались тетради с соответствующим образом препарированными цитатами). Получая «Социалистический Вестник» я заметил, что все-таки он не попадает ко мне регулярно. Из одного разговора с Ломовым, несколько раз делавшего в «Большевике» обзоры эмигрантской литературы, я имел основание заключить, что отдел печати ЦК, через аппарат которого проходила эмигрантская пресса, не хотел, чтобы читались некоторые номера «Социалистического Вестника» даже высокого ранга коммунистами. М. Ф. Андреева, слывшая прежде, как и Горький, большевичкой и ставшая коммунисткой, была «персоной» в берлинском Торгпредстве и легко и скоро достала из его библиотеки для меня комплекты «Социалистического Вестника» за 1923 и 1924 гг. В комнату, которую мы с женой занимали в пансионе фрау Симон на Иохимштраленштрасе, эти комплекты, если не ошибаюсь, принес тот же Крючков. Думаю, что об этом он начальству ГПУ ничего не сообщил. Вероятно Андреева, дружески к нам относившаяся, ему внушила не делать меня и мою жену объектами доноса.

«В годы 1923 и 1924 осведомленность «Социалистического Вестника» о том, что делается в самых высоких советских сферах, была замечательной. В журнал попадали такие секретные материалы, которых не знали даже имеющие большой чин члены коммунистической партии. Недавно праздновалось 35-летие «Социалистического Вестника» и два его редактора в 1923 и 1924 гг. — Р. А. Абрамович и Д. Ю. Далин здравствуют и по днесь.[105] Если нет какихлибо особенно препятствующих причин, им теперь следовало бы (для истории) раскрыть тайну, от кого и через кого они имели в руках материалы, из которых некоторые стали потом известны лишь из секретного доклада Хрущева на XX съезде партии.

Просматривая в Берлине «Социалистический Вестник», я впервые познакомился, правда в несколько искаженном виде, с так называемым «завещанием» Ленина, с его мыслями о Госплане, с его запиской о национальностях, где Ленин снова и снова повторяет свой знаменитый прогноз:

---

[105] Р. А. Абрамович умер в 1963 году, а Д. Ю. Далин в 1962 году. Ред.

«Сотням миллионов в Азии предстоит выступление на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами. Завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся побежденные и угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный, тяжелый бой за их освобождение».

В номере «Социалистического Вестника» от 28 мая 1924 г. напечатаны два письма Троцкого в ЦК и ЦКК — одно от 8 октября, другое от 24 октября 1923 г. Это те два письма, которые вызвали в составе Политбюро злобу и ненависть против Троцкого. О существовании первого письма и приблизительном его содержании я знал. В первой части моих записок я на него указал. На соединенном заседании Пленума ЦК и президиума ЦКК было постановлено, что письмо Троцкого, равно как и заявление «46 оппозиционеров», не оглашать и за пределы ЦК не выносить. Но тогда, т. е. в 1923 г., я ничего не знал о письме Троцкого от 24 октября. Какие-то смутные клочки из него до меня долетали, но я их не мог связывать с письмом Троцкого, самое существование которого мне было неизвестно. О чем же он писал в этом письме? Сдерживая свой гнев, Троцкий с иронией говорит о поисках членов Политбюро найти разногласия между Лениным и им в таких областях, где не было даже признаков разногласия.

«Одним из центральных вопросов, является поднятый Лениным вопрос о реорганизации Рабкрина и ЦКК. Замечательно, что даже этот вопрос изображался и изображается как предмет разногласий между мною и Лениным, тогда как этот вопрос, подобно национальному, дает прямо противоположное освещение группировкам в Политбюро. Совершенно верно, что я очень отрицательно относился к старому Рабкрину (Рабоче-Крестьянская Инспекция. — Н. В.). Однако, Ленин в статье своей «Лучше меньше — да лучше» дал такую уничтожающую оценку Рабкрина, которую я никогда не решился бы дать: «Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают, что хуже поставленного учреждения, чем учреждения Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого Наркомата нечего и спрашивать». Если вспомнить, кто дольше всех стоял во главе Рабкрина (с 1919 по май 1922 им управлял Сталин! — Н. В.), то не трудно понять против кого направлена эта характеристика, равно как и статья по национальному вопросу. Как же, однако, отнеслось Политбюро к предложенному Лениным проекту реорганизации Рабкрина? Бухарин *не решался печатать статью Ленина,* который со своей стороны настаивал на ее *немедленном помещении.* Надежда Константиновна Крупская сообщила мне об этой статье по телефону и просила вмешаться с целью скорейшего напечатания статьи. На немедленно созванном, по моему предложению, Политбюро все присутствующие: *Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, — были не только против плана Ленина, но и против помещения статьи.* Особенно резко и категорически возражали члены Секретариата (т. е. Сталин и его

подручные. — Н. В.). Ввиду настойчивых требований Ленина о том, чтобы статья была ему показана в напечатанном виде, т. Куйбышев, будущий нарком Рабкрина, предложил на указанном заседании Политбюро отпечатать *в одном экземпляре* специальный номер «Правды» со статьей Ленина для того, чтобы успокоить его, *скрыв в то же время статью от партии.* Куйбышев, бывший член секретариата, был поставлен во главе ЦКК. Вместо борьбы против плана Ленина о реорганизации Рабкрина, был принят план — *«обезврежения»* этого плана. Получила ли при этом ЦКК (возглавляемая Куйбышевым) характер независимого, беспристрастного партийного учреждения, отстаивающего и утверждающего почву партийного права и единства от всяческих партийно-административных излишеств, — в обсуждении этого вопроса я здесь входить не буду, так как полагаю, что вопрос ясен и без того. Таковы наиболее поучительные эпизоды последнего времени, по части моей «борьбы» проти политики Ленина». [106]

Только читая в пансионе фрау Симон письмо Троцкого, я мог уже полностью оценить важность того, что мне месяцев пять до этого (приблизительно в ноябре 1924 г.) рассказывал Владимиров. Его рассказ, в соединении с рассказом Троцкого, дает ясно понять, что происходило за спиной больного, разбитого параличем, Ленина. Обстановка, тогда сложившаяся около него, в некотором роде представляется фантастической. Ленин — творец большевистской партии. Без него она не была бы такой, чем стала. Ленин — творец октябрьской революции. Без него ее, может быть, и не было бы. Он дал партии философию, теорию, политику, тактику; без него она была бы голой. В самые трудные минуты он умел выводить партию из трясины. Партия была всем обязана Ленину и естественно, что всякое слово его, всякое его указание для нее было священным. В январе 1923 г. больной вождь пишет статью с рядом предложений будущему XII съезду партии и посылает ее для напечатания в «Правду», и с нею происходит нечто почти невероятное! Эпигоны и эпигончики, такая мелочь как Калинин и Куйбышев, не желают печатать статью Ленина и осмеливаются об этом нахально заявлять. Ленин лишается ими права высказывать свой взгляд. Это невероятно, но это факт. Крупской — жене больного, еще вчера всемогущего диктатора, приходится униженно просить поместить статью, искать для нее протекцию.

Что же случилось?

Полный ответ на это дает знаменитая фраза Сталина: *«Ленину капут».* Раз «капут», раз разбитый параличем Ленин выздороветь не может, тогда нечего с ним церемониться и к нему прислушиваться. Эту мысль Сталин очевидно внушил и другим членам Политбюро, раз они решили, что статью Ленина можно отвергнуть совершенно, так же как и сотни других статей. Поистине шутовское, издевательское отношение к Ленину обнаружил Куйбышев: отпе-

---

[106] «Социалистический Вестник», 28 мая 1924 г., стр. 11—12.

чатать только один номер «Правды» с этой статьей. Пусть парализованный старик воображает, что его произведение читают сотни тысяч людей. Ленина нужно обмануть, а статью его от партии скрыть — вот решение синклита. Для меня, после письма Троцкого, стала совсем по-новому звучать фраза Ленина:

> «Я еще не умер, а *они*, со Сталиным во главе, меня уже похоронили». [107]

Когда Владимиров мне о ней передал, слову *«они»* я не придал значения. Казалось, что оно попало в текст, на уста, случайно, для стилистического орнамента. Оказалось, что это не так. Желание не считаться с волей Ленина обнаружил ведь не только *«он»*, один Сталин, но и *«они»*, другие особы, среди которых Троцкий называет Рыкова, Бухарина, Калинина, Куйбышева, Молотова, но не упоминает Каменева и Зиновьева.

Но почему с таким напором, без всякого уважения к воле Ленина, забраковало Политбюро статью Ленина «Как реорганизовать Рабкрин»? Из крайне осторожных объяснений Владимирова, боящегося сказать лишнее слово, мне стала, не совсем, но более или менее, понятна та новая организация управления партией и страною, которую, перед полным своим закатом, обдумывал Ленин. Он явно не хотел управление страною оставлять в руках функционировавшего во время его болезни Политбюро. Он находил недостаточным вместо Сталина поставить кого-то другого на пост генерального секретаря. В диктаториальную организацию власти он хотел внести какой-то «демократический» дух. Для этого считал нужным расширить состав ЦК, придать огромный авторитет ЦКК (Центральной Контрольной Комиссии), значение которой должно было увеличиться от опоры ее на реорганизованный Рабкрин.

> «Члены ЦКК, — указывал Ленин, — под руководством своего президиума — должны систематически работать над просмотром всех бумаг и документов Политбюро. Члены ЦКК, обязанные в известном числе присутствовать на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая *не взирая на лица* должна будет следить за тем, чтобы *ничей* авторитет не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел». [108]

Члены ЦКК, по замыслу Ленина, приобретали значение возвышающее их над членами Политбюро. Они делались его постоянными *контролерами*. Политбюро не уничтожалось, но, с принятием всего что предлагал Ленин, несомненно теряло прежнее значение единого, всесильного, верховного, стоящего над государством и партией органа. Против такого умаления Политбюро и восстали его члены, особенно Сталин и сталинские подручные в Оргбюро и Секретариате. Они видели в этом опасную передвижку власти в сторону каких-то новых элементов, тогда как, по их убеждению, власть *ни в коем случае* не должна была выходить из рук узенькой груп-

---

[107] См. стр. 306—307. Ред.
[108] Ленин. Соч., том XXVII, стр. 404—405. Цитировано по памяти. Ред.

пы *«старых большевиков»*. Ни малейшего намерения отказываться от своего положения эти «старые большевики» не имели. Отсюда их вывод: статью Ленина отвергнуть, не печатать и от партии скрыть. Беда только в том, что скрыть ее трудно. О ней знает Троцкий и требует ее помещения. От намечаемой Лениным реорганизации власти он предполагает не потерять, а для себя лично нечто и приобрести. Он может разоблачить, что члены Политбюро скрывают от партии обращение к ней Ленина. Возглавляемое Сталиным Политбюро из этого положения находит следующий выход: лживо (для сведения Троцкого) заявив, что оно согласно со статьей Ленина и никаких возражений против нее не имеет, оно одновременно с этим решает практическое проведение предложений Ленина *обезвредить*, сделать так, чтобы, под покровом нескольких внешних изменений (увеличения числа членов ЦК и ЦКК), фактически осталось прежнее положение, т. е. всем по-прежнему продолжала командовать маленькая группка, во главе с генеральным секретарем.

После этого необходимого предисловия, я, со знанием того что мне дал берлинский «Социалистический Вестник», могу возвратиться к письму Троцкого в «Большевике». Это письмо, во многих отношениях загадочное, бросающее малоприятный, нелестный свет на Троцкого, следовало бы полностью привести. К сожалению, я этого здесь сделать не могу. Из русского отдела Университетской библиотеки на rue Vacquerie номер «Большевика» (№ 16 за 1925 г.) в порядке какого-то заказа отправлен, как мне пояснили, на некоторое время в Бритиш Музеум. Ждать, пока журнал вернется, — а это может быть очень не скоро, — для меня неудобно. Вместо перепечатки письма или обширных из него извлечений, прибегну, увы, к небольшим выпискам, сделанным мною много лет назад, когда я затевал писать о том времени, о котором сейчас и пишу.

В своем письме Троцкий резко критикует книгу Макса Истмэна "Since Lenine Died". Этот молодой и талантливый американец, с большим даром наблюдения, два года жил в России, был пламенным защитником октябрьской революции, поклонником Ленина, особенно Троцкого, биографию которого начал писать. Критикуя положение дел в России после смерти Ленина, Истмэн изображает советскую ситуацию в том же духе, как это делал Троцкий. На него он ссылается и во многом повторяет, с горечью отмечая, что революционная атмосфера России настолько разрядилась и выродилась, что персонифицирующая всю революцию фигура Троцкого смята, отодвинута на задний план, принижена, подвергнута недопустимым нападкам.

О книге Истмэна, полной по его адресу похвал, Троцкий мог и не писать. А он взялся за нее, чтобы выругать Истмэна и представить его *клеветником* на партию. И когда читаешь его критику, тут же всплывает предположение, что Троцкий топчет Истмэна чтобы *в чьих-то глазах* представить себя человеком, далеко ушедшим от того времени, когда он немилосердно поносил партийное руководство в своем «Новом Курсе», а критика Истмэном партии от «Нового

Курса» совсем не отходит. Зло уцепившись за Истмэна, только для того, чтобы перед кем-то оправдаться, Троцкий сопровождает свой маневр поражающей лживостью. Вот что, например, он пишет:

«Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключает возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся к этому письму (какая ложь! — Н. В.), как и ко всем другим и сделал из него выводы применительно к обстоятельствам момента. Всякие разговоры о сокрытом или нарушенном «завещании» представляют собой *злостный вымысел*(!!) и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интереса созданной им партии. Не менее ложным является утверждение Истмэна, будто ЦК хотел замолчать (т. е. не печатать) статьи Ленина о Рабкрине (Троцкий лжет и не краснеет! — Н. В.) Разногласие, возникшее по этому поводу в ЦК, если здесь вообще можно говорить о «разногласии», имело совершенно второстепенное значение, касаясь лишь вопроса о том — сопровождать ли опубликование статьи Ленина заявлением ЦК относительно того, что нет никаких оснований опасаться раскола. Но и этот вопрос был единогласно разрешен в том же заседании, причем все наличные члены Политбюро и Оргбюро ЦК подписали обращение к партийным организациям, в котором говорится:

«Не вдаваясь в этом чисто организационном письме в обсуждение возможности исторических опасностей, вопрос о которых вполне своевременно поднят тов. Лениным в его статье, члены Политбюро и Оргбюро, во избежание возможных недоразумений, считают необходимым с полным единодушием заявить, что во внутренней работе ЦК совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какое бы то ни было основание для опасения раскола.

Под этим документом не только имеется, наряду с десятью других, моя подпись, но самый текст его был написан мною (27 января 1923 г.). Так как под этим письмом, выражающим *единодушное отношение* ЦК к предложению Ленина о Рабкрине, имеется и подпись т. Куйбышева, то тем самым попутно опровергается и другое ложное утверждение Истмэна, будто во главе Рабкрина был поставлен Куйбышев, как противник организационного плана Ленина».

Если бы привести целиком все письмо Троцкого, впечатление от его «предприятия» было бы еще более тяжелым. Даже и то, что я цитирую, — уважение к Троцкому не создает. Слишком уж много в его словах рассчитанной, сознательной лжи. Он утверждает, что с завещанием Ленина внимательно ознакомился XIII съезд партии. Это же ложь — на съезде потихоньку, в порядке секретном, о со-

держании его рассказали только избранным, отобранным лицам. О желании Ленина снять Сталина с поста генерального секретаря партии, съезд, конечно, ничего не знал. Впервые полностью завещание Ленина было напечатано в Америке тем же Истмэном, во Франции — Савариным; до этого, кроме десятка людей, о нем никто толком ничего не знал. Троцкий говорит, что письмо Ленина не имело характер «завещания»; о словах можно спорить, но сам-то Троцкий, — об этом он писал, — видел в нем именно завещание, «бесспорной целью» которого, будто бы, было облегчить Троцкому «руководящую работу», дать ему «возможность стать заместителем Ленина», «его преемником на посту председателя Совнаркома». Троцкий называет ложью указание Истмэна, что в Политбюро большинство его членов не желало печатать статью Ленина «Как реорганизовать Рабкрин», однако в своем письме от 24 октября 1923 г. Троцкий поименно перечислял членов Политбюро, отказавшихся печатать статью Ленина, считавших нужным ее скрыть. Не означает ли это, что в *июле 1925 г.*, толкаемый особыми мотивами, Троцкий доносил кому следует, что он от этого своего письма и обвинения отказывается? Троцкий сообщает, что выражая «единодушное отношение» к предложению Ленина о Рабкрине, все члены Политбюро подписали написанное Троцким 27 января *1923 г.* организационное письмо. Но к чему сообщать об этом в июле *1925 г.*, когда Троцкому более чем хорошо стало известным, что «единодушие» в Политбюро только лукавый маневр, за которым последовало «обезврежение», сознательное невыполнение предложений Ленина. Ведь, Троцкий знал о желании верхушки партии скрывать написанные больным Лениным вещи, задевающие некоторых членов ЦК, и он в своем «совершенно секретном письме, адресованном *6 марта 1923 г.*, ясно об этом говорит (это тоже я узнал из «Социалистического Вестника»).

По словам Краваля, Сталин сказал, что с письмом в «Большевик» Троцкий «на брюхе подполз к партии», т. е. к той командующей части ее, которая его не выносила, так же как он ее, но к которой, тем не менее, он счел нужным «подползнуть». Он делал это с огромным для себя унижением. Своею критикой Истмэна он показал, что готов считать ошибкой, почти клеветой, то, что сам раньше писал о ЦК и Политбюро.

Что в июне 1925 г. его толкало на это? В брошюрке Троцкого «Что и как произошло», изданной в 1929 г. в Париже, есть такая фраза: «Здесь не место обсуждать, правильно ли было *ценою величайших личных уступок* стремиться сохранить почву для коллективной работы».

По-видимому, максимум этих величайших личных уступок был сделан Троцким именно в указанное время, когда он считал возможным называть злостными вымыслами, клеветой на партию, факты, о которых он раньше писал. Что дало Троцкому это унижение? Со свойственным ему цинизмом Краваль отвечает на это хлесткими словами: «Троцкий ползет на брюхе, но напрасно старается. Высоко он уже не подымется. Все ограничится полным собранием сочинений».

Что означают последние слова, навеянные, разумеется, тем, что до ушей Краваля долетело сверху?

Даты, в отличие от речей и разговоров, я запоминаю плохо, поэтому не могу сказать, когда в газетах появилось объявление, что Государственное Издательство РСФСР выпускает собрание сочинений Троцкого. Мне кажется, что это было в августе, вскоре после появления письма Троцкого. Полное собрание сочинений должно было состоять из 27 томов, из них трем полагалось выйти в 1925 г., а остальные намечены к выходу, по одному в месяц, в течение 1926 и 1927 годов. Право «обильно» издаваться, выпускать собрание своих сочинений уже имел Зиновьев, и вот, с 1925 г., такую возможность приобрел и Троцкий. Кроме удовлетворения авторского самолюбия, появлялась большая, весьма осязательная, материальная выгода: высокий гонорар, уплачиваемый вне зависимости от того, как распространяются напечатанные вещи. Члены Политбюро, как все важнейшие особы режима, имели достаточно хорошо поставленный «и стол и дом». Масса их потребностей удовлетворялась, так сказать, натурой, нужды они ни в чем не имели; жилище в Кремле, дачи около Москвы, дворцы в Крыму или на Кавказе не требовали от них денежных затрат и, тем не менее, почти все они стремились увеличить свои денежные ресурсы с помощью «авторского гонорара». Имеем ли мы право сказать, что приятная перспектива видеть не только полное собрание сочинений, но и большой приложенный к нему гонорар, толкнула Троцкого смириться и «на брюхе подползти к партии»? Такое объяснение, выдвигаемое крайними ненавистниками Троцкого, нельзя поддерживать, оно слишком мелко. Объяснения нужно искать в области других мотивов, о которых мне придется еще говорить. Скажу с полной уверенностью, что на обуздание себя вплоть до «подползания» Троцкий пошел не потому, что общая политика правительства обнаруживала некий сдвиг в сторону желательного для Троцкого направления. Наоборот, никогда еще она не входила в такое острое противоречие с воззрениями и желаниями Троцкого. Все первые месяцы 1925 г. (от удаления Троцкого с поста наркома обороны до его письма в редакцию «Большевика») было, можно сказать, *расширением и углублением НЭП-а*. За самое короткое время деревня получила ряд больших льгот. Уменьшен бьющий ее сельскохозяйственный налог; хозяйственным («кулацким») элементам деревни дано право прибегать и к аренде земли, и к найму рабочей силы; постановлено не относить к тем же кулацким, буржуазным элементам ряд кустарей деревни; строжайше предписано устранить все существующие препятствия к крестьянской торговле на базарах. В самой категорической форме внушено, что борьба с частным капиталом должна вестись на почве экономического соревнования, а не сводиться к административному нажиму, уничтожающему самые основы установленного Лениным НЭП-а. Чтобы лучше охватить дух, царивший в первые месяцы 1925 г. следует обратиться к произносившимся тогда речам вождей. Они говорили такие вещи, которые немного позднее будут в их устах просто невозможными. Так, в апреле, Бухарин, обращаясь к

крестьянам, призывал их *«обогащаться»*, развивать свое хозяйство, не беспокоясь, что «вас прижмут». Бухарин пояснил, что кулак, накопляющий капитал, даже если он при этом изрядно эксплуатирует своих батраков, все же не есть подлежащая только полному осуждению, одиозная фигура. «Такой кулак накопляет, получает деньги, вносит вклады. Мы получаем добавочные ресурсы в виде этих вкладов и эти ресурсы пускаем в оборот так, как это нам выгодно, а не так, как выгодно кулаку. Этими средствами мы можем кредитовать середняцкую кооперацию и тянуть середняцкую массу к хозяйственному подъему».

Бухаринский приказ «обогащаться», копирующий знаменитый призыв короля Луи Филиппа — „enrichissez vous!", был верхушкой партии официально дезавуирован. Заявлено, что частное накопление в задачи партии не входит, но когда с критикой, по этому поводу, Бухарина попробовала выступить «вдовствующая» Крупская, ее статья, направленная в «Правду», не была напечатана. На ее протест и крик других, что так неуважительно с Крупской обращаться нельзя, Сталин ядовито ответил, что Крупская — ординарный член партии, ровно ничем от других не отличается и должна не думать о каком-то особенном, будто бы ей свойственном положении. Мимоходом скажу, что Крупская, бросившись одно время в оппозицию, от которой, — сообразив, что быть в ней невыгодно, — быстро отошла, в первые же годы после смерти Ленина явно для всех показала, что она существо небольшого размера, ума небольшого и, если прежде казалось, что она что-то собою представляет, то это был только отсвет от Ленина.

Дезавуирование лозунга «обогащайтесь» отнюдь не помешало тому, что он в другой словесной форме появился через две недели после речи Бухарина на устах Рыкова на XIV конференции партии.

> «Наше отношение к этому слою (кулакам), — говорил Рыков, — должно строиться по аналогии с отношением к частному капиталу в городе... Административными мерами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции.
>
> Необходимо прекратить административный зажим этого слоя. Если мы хотим обеспечить дальнейший экономический рост деревни, нужно создать условия для вполне легального найма батраков и облегчить аренду земли... Ограничение, закрывавшее совершенно двери в кооперацию для этого слоя, должно быть отменено. Но наряду с этим необходимо принять меры, гарантирующие партию от перехода командных пунктов кооперации в руки буржуазного слоя крестьянства. При предоставлении условий *для свободного накопления в кулацких хозяйствах*, увеличивается темп накопления во всем хозяйстве, быстрее возрастает общенациональный доход, увеличиваются материальные возможности в отношении реальной хозяйственной поддержки малоимущих бедняцких хозяйств, рас-

ширяются возможности уменьшения избыточного населения».[109]

Речи подобные тем, что произносили Бухарин, Рыков, приводили в бешенство сторонников оппозиции и, конечно, были отвратительны для Троцкого. Крайне характерен один разговор Смилги с Середой, при начале которого мне случайно пришлось присутствовать. Нападая на С. П. Середу, который был противником оппозиции, Смилга говорил:

— Неужели вы не чувствуете, что от речей Алексея Ивановича (Рыкова Смилга не любил) продохнуть нельзя, они душат? Неужели не обоняете, что они пропитаны запахом возрождающегося кулачества? При таких речах от марксизма и тени не остается. Товарищам, работающим в деревне, ныне строго предписывается изгнать из своей головы самую идею классовой борьбы. Борьба с кулаком делается не только невозможной, но даже подлежащей самому *суровому осуждению. На пути такого осуждения Сталин пошел дальше всех*. Это уже предел.

Действительно, первые месяцы 1925 г. Сталин держал поражавшие всех нас речи. Его речь 9 мая об итогах XIV конференции партии и другая — в Свердловском институте стали темою долгих и самых оживленных обсуждений среди беспартийной интеллигенции, народников, эсеров и у нас в «Лиге наблюдателей». Тот самый Сталин, вскоре после этого ставший проповедовать разжигание борьбы, раскулачивание и насильственные колхозы, в 1925 г. категорично и властно осудил *«разжигание классовой борьбы»*. В первой половине 1925 г. он объявил себя сторонником «умирения», смягчения, устранения резких форм классовой борьбы и стал проповедовать вместо борьбы *«соглашения»* и *«взаимные уступки»*.

Сталин говорил:

«Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни приходят к выводу, что основная задача партии — это *разжечь классовую борьбу в деревне*. Это, товарищи, неверно. Это пустая болтовня. Не в этом теперь наша главная задача. Это перепевы *старых меньшевистских песен из старой меньшевистской энциклопедии*. Мы не должны разжигать классовую борьбу. Наоборот, должны всячески *умерять* борьбу на этом фронте, регулируя ее в порядке *соглашений* и *взаимных уступок*, ни в коем случае не доводя ее до резких форм, до столкновений. Возможно, что в некоторых случаях кулачество само начнет разжигать классовую борьбу, попытается довести ее до точки кипения, попытается придать ей форму бандитских или повстанческих выступлений, но тогда лозунг разжигания классовой борьбы будет уже не нашим, а лозунгом контрреволюционным.

Главное теперь, — говорил Сталин, — это включить крестьянство в систему хозяйственного строительства через кооперацию кредитную, сельскохозяйственную, кооперацию потребительскую, ко-

---

[109] XIV Конференция Российской Коммунистической Партии (большевиков). Госиздат 1925, стр. 85—86. Курсив автора. Ред.

операцию промысловую. На одной трескотне о «мировой политике», о Чемберлене и Макдональде теперь далеко не уедешь. У нас пошла полоса хозяйственного строительства».

Эту, вдруг выплывшую под влиянием Рыкова, сталинскую установку представляется крайне интересным сопоставить с тем, что о политике большевизма в это время писал «Социалистичекий Вестник». Это тем более интересно, что на «меньшевистскую энциклопедию« Сталин ссылается. В докладной записке заграничного бюро меньшевиков, направленной германским социал-демократам, говорится:

> «Мы полагаем, что основной задачей пролетарской партии должна быть организация политического и экономического сопротивления пролетариата против возрождающейся (в России) буржуазии. Большевистская партия идет обратным путем. Она делает ставку на кулацкое (капиталистическое) хозяйство в деревне, она допускает неограниченный рабочий день и ненормированные условия труда сельскохозяйственных рабочих. Она снижает налоги и предоставляет льготы частному капиталу, Она не только *не разжигает классовой борьбы в крестьянстве*, но проповедует социальный мир между кулаком и безлошадником, между хозяином и батраком».

Критикуя большевизм под тем же углом зрения, с позиции той же «классовой борьбы», «Социалистический Вестник» в мае 1925 г. утверждал, что власть поворачивается лицом к крепкому крестьянству к кулаку.

> «Теория классовой борьбы замещается теорией гармонии интересов крепкого крестьянства и деревенской бедноты. Кооперативные иллюзии правого крыла старого народничества в обновленной и упрощенной форме воскресают в качестве последнего слова коммунистической мудрости». [110]

Всем нам, бывшим меньшевикам, входившим в «Лигу наблюдателей», Сталин был уже давно глубоко противен. Мы считали его хамом, лжецом, человеком некультурным, обтесанным топором самого примитивного марксизма. Мы его не любили, тем более что знали, что он на всех нас смотрит как на «хорьков». Но когда в 1925 г. он произносил свои речи против разжигания классовой борьбы, за ее смягчение, за устранение классовых столкновений методом сговора, взаимных уступок, соглашений, мы в этом пункте, в этом вопросе, были целиком на его стороне, согласными с ним, а не с теми, кто призывал к разжиганию классовой борьбы. Все участники нашей «Лиги наблюдателей», одни — в большей, другие в меньшей степени, были уже «ревизионистами», уже отошли или отходили от ортодоксального марксизма. (Этот отход лично у меня стал особенно силен в 1908 г.) Поэтому, мы были против «меньшевистской энциклопедии», в то время неукоснительно, в духе ортодоксального марксизма, державшейся за теорию классовой борьбы. Мы были за Сталина и против «Социалистического Вестника» еще и потому,

---

[110] «Социалистический Вестник», № 9, 14 мая 1925 г., стр. 8.

что понимание «Социалистическим Вестником» совершавшейся в России эволюции, якобы идущей к полному господству кулацко-буржуазного капиталистического строя считали *абсолютно неверным*, а пропаганду этого понимания делом очень вредным. Не подлежит никакому сомнению, что у «Социалистического Вестника» было очень много общего с взглядами троцкистской оппозиции, твердившей что «власть слезает с пролетарских рельс», и «кулак, нэпман, спец с каждым днем расширяет и увеличивает свое влияние, а пролетариат свертывается».

**
*

Во время пребывания Троцкого в ВСНХ мне пришлось несколько раз иметь с ним разговоры. Один из них, оставивший неприятный и странный осадок, помню очень хорошо.

При ВСНХ, в научно-техническом отделе, начальником которого стал Троцкий, находилась целая сеть научно-исследовательских институтов: химический институт имени Карпова, аэродинамический институт, химико-фармацевтический, институт прикладной геофизики, гидравлики, силикатов, теплотехнический институт, институт по удобрениям, прикладной минералогии, электротехнический и другие. Я хотел, чтоб о своей деятельности, задачах, исследованиях, достижениях — эти институты, систематичнее и более широко, чем это до сих пор делалось, осведомляли публику, пользуясь для этого страницами «Торгово-Промышленной Газеты». Рассчитывая получить от Троцкого содействие в этом деле, я отправился к нему. Это было осенью, кажется в октябре. Нашел его не в помещении Научно-Технического Управления на Мясницкой, а в здании Главного Концессионного Комитета на Петровке. Он сидел в пальто, был очевидно болен, лицо серо-желтое. Узнавши по какому делу я к нему пришел, он, и вероятно не только потому, что был болен, начал с явным раздражением говорить, что в нашу промышленную среду нужно научное и техническое знание вливать, по выражению Писарева «не ведрами, а бочками сороковыми». Среди командующей части хозяйственников — Троцкий имел в виду коммунистов — почти нет людей серьезно интересующихся достижениями мировой техники. У нас грызут ее клочки в пределах ходящих «шпаргалок». Шпаргальщики не дают себе труда заглянуть, что делается в научно-исследовательских институтах. Около каждого из шпаргальщиков находится старый «спец» довоенной выделки и, предоставляя им говорить коммунистические речи, за нос ведет их куда ему нужно, у нас ведь эпоха «спецогосподства».

В замаскированной форме, впутывая в вопрос полемику со своими противниками в Политбюро, Троцкий язвительно говорил:

— Ужасающее техническое невежество и наша косность связываются с выплывшим старорусским националистическим кличем «мы все можем», «мы можем всех шапками забросать». Эта уверенность разжигается тем, что мы без всякой мировой революции, без помощи мирового пролетариата, якобы способны построить социализм в одной стране. Ненавистники перманентной революции, число кото-

рых выросло и растет прямо пропорционально ненависти к октябрьской революции, утверждают, что мы можем построить социализм не только в одной стране, а, если понатужиться, даже и в одном уезде.

(Об этом, насмехаясь, направо и налево говорил Радек).

Вдаваться во внутрипартийную полемику, говорить об этом с Троцким, я считал более чем неудобным и пытался перевести разговор в другую область.

— Мне кажется, товарищ Троцкий, что вы сильно преувеличиваете нашу косность. Достаточных знаний у нас, конечно, нет, это бесспорно, но желание уйти от незнания у нас огромно, в том числе у тех, кого вы называете «шпаргальщиками». Мы с большой энергией ставим в последнее время ряд новых производств, в некоторой мере уменьшающих нашу отсталось. Известно, что в сравнении с Германией мы колоссально отставали в области химии, но уже во время войны начали производить кое-какие новые химические фабрикаты. До этого в России не было производства, например, ни фенола, ни парафина, ни бензола, а в 1916 г. последнего произвели более полутора миллионов пудов.

— Откуда вы берете эту цифру?

— Из книги проф. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности».

— Гриневецкий! Первоклассный инженер-техник, первоклассный изобретатель, на теплотехническом институте совершенно справедливо стоит его имя. Но ведь в то же время он невыносимый, махровый реакционер. Послевоенная перспектива у него вся в том, чтобы ничего не оставить от октябрьской революции. Лишь вследствие отсутствия у нас пламени планового творчества — а без планирования нет социализма — от сужения больших плановых задач до горизонта «шпаргальщика», Гриневецкий сделался вроде пророка, учителя планирования. Убежденный защитник капитализма, он сумел многим шпаргальщикам представить в привлекательном виде даже сплошную отсталость индустрии царского времени.

— Можно ли сказать, что среди них господствовала лишь отсталость и больше ничего у них не было? Если взять не всю металлургию, а, например, южно-русскую, она по своему техническому оборудованию и своей производительности превосходила западноевропейскую, уступая лишь американской. В 1912—1913 гг. я впервые, к моему удивлению, узнал, что на юге выплавка чугуна на одну печь превышала на 25—28 процентов выплавку в Германии и более чем на 50 процентов выплавку в Англии.

— При желании быть чересчур «объективным» — не исключено, что вы, товарищ Валентинов, найдете еще большие достижения и в других областях довоенной России. Но если бы они действительно были таковыми, почему меньшевики (мне сейчас кажется, что Троцкий сказал «вы меньшевики») с такой настойчивостью доказывали, что в русской действительности нет ни малейших экономических предпосылок, условий, чтобы вести более смелую политику, а не такую, что замыкается узкими пределами трусливой

буржуазной революции. Впрочем, не продуманной мыслью о наличности или отсутствии, так называемых, экономических предпосылок руководствовалась меньшевистская борьба против антикапиталистической, антибуржуазной октябрьской революции. Как это ни странно, но все, якобы марксистское, в действительности — схоластическое, социально-политическое мировоззрение меньшевизма основывается целиком на одной только фразе, заимствованной у Маркса: страны передовые показывают странам отсталым картину их собственного будущего. Эта фраза, в значительной степени с помощью Плеханова, превращена меньшевиками в некий непреодолимый исторический закон и на нем строилась меньшевистская тактика в 1905—1907 гг. и в 1917 г. Страны отсталые должны повторить путь стран, ставших передовыми. Так как в передовых странах не произошло устранения капитализма и буржуазии от власти, нам нечего думать о том в России. Меньшевистские головы были так загипнотизированы картиной неизбежного повторения у нас буржуазно-капиталистической истории передовых стран Европы, что возможность другого пути считали авантюрой, чем-то вроде самовольного ухода планеты с траектории, предначертанной ей законами вселенной. При столь фаталистическом взгляде на историю, роль пролетариата должна была оцениваться исключительно низко. Воля его должна быть связанной. Сходить с протоптанной колеи Запада, «передовых» стран, ему не полагалось. Как в передовых странах все должно было у нас окончиться буржуазией с фактической властью и социал-демократией в оппозиции. Никакой другой картины исхода революции меньшевики не имели и тезисы Ленина, в апреле 1917 г., ими были приняты как сумасшедшее изобретение.

Все, что передаю (точно, но кратко), Троцкий говорил с нескрываемым раздражением. А это начало раздражать и меня. Его поведение я считал бестактным. Мне захотелось пустить в него шпильку, ведь я пришел с ним говорить о деле, а не вести диспут об идеологии меньшевизма.

— Вы, товарищ Троцкий, нападаете на меньшевизм, но я отнюдь не призван здесь перед вами его защищать. На это у меня нет никаких прав, полномочий и, главное, качеств. Во-первых, еще летом 1917 г., расходясь с меньшевиками по многим важным вопросам, я вышел из меньшевистской партии, во-вторых, уйдя в 1904 г. от большевиков к меньшевикам, я, по их признанию и собственному сознанию, никогда хорошим, последовательным меньшевиком не был. Я никогда, вопреки тому что меня почему-то называли «видным меньшевиком», не играл в партии роли, хотя бы отдаленно, хотя бы в тысячной доли, приближавшейся к той, что играли вы в 1903 г., после съезда, в 1904 г. и в первой половине 1905 г. В 1903 г., когда я был большевиком и в Женеве встречался с вами на разных собраниях, на диспутах — превосходно помню, — как все видели в вас талантливейшего, самого подлинного представителя и выразителя меньшевизма.

— Прекрасно понимаю, — с неприятной усмешкой сказал Троцкий, — с какой целью вы делаете заезд в прошлое, в Женеву. Про-

шу только заметить, что в лоне меньшевизма я пребывал только, и ни минуты больше, чтобы понять сущность меньшевизма, а сделав это, немедленно от него уйти. Осенью 1905 г., когда мы с Парвусом бросили лозунг «без царя, а правительство рабочее», существовала социально-политическая обстановка, особенно способствовавшая пониманию, что от меньшевизма нужно скорее уйти. Лозунг «без царя, а правительство рабочее» бесповоротно рвал с идеей буржуазной революции. Если царизм опрокинут и власть в руках рабочего правительства, устои буржуазно-капиталистического общества в России неизбежно будут сотрясены и треск отразится повсюду в мире. Лозунг, открывая дорогу перманентной революции, сразу выметал из головы меньшевистскую псевдомарксистскую схоластику. Прошлая история так называемых «передовых стран», переставала быть священным каноном, консервативным заклинанием, связывающим волю к революционному действию. Зная, что повинуясь темным мотивам, в которых открыто не признаются, некоторые люди по сей день и час утверждают, что я в чем-то значительном остался по-прежнему меньшевиком. Об этом сорте людей можно сказать, что для достижения своих целей — они не стесняются быть даже идиотами.

Уходя я сказал Троцкому:

— Лев Давидович, позвольте спросить: не находите ли вы все-таки странным наш разговор? Вот я, заместитель редактора органа ВСНХ, в сущности, как все мы, чиновник ВСНХ, пришел к вам — своему начальству, тоже чиновнику, но очень высокостоящему, по делам научно-технических институтов. А вместо разговора о них, получился разговор на довольно неясную политическую тему, мало имеющую отношения к научно-техническому управлению.

На это последовал следующий ответ:

— То что вас удивляет, говорит лишь о том, что ни мне и, повидимому, ни вам, несмотря на пребывание в среде, наполненной чиновничьим, приказным духом, еще не удалось окончательно превратиться в настоящих чинуш-бюрократов, ничего кроме последнего приказа начальства не знающих, ни о чем кроме этого приказа не говорящих и ничего кроме как о нем не думающих.

Заграницей имя Троцкого было почти таким же громким, как имя Ленина. Иностранная печать, более чем часто, в самом фантастическом виде, сообщала, что затевает Троцкий, что говорят о нем. После всяких нелепых слухов об его уничтожении, назначение Троцкого в ВСНХ сразу на три важных поста естественно привлекло к себе внимание, вызвав много заметок в печати Франции, Англии, Германии. Одна из таких заметок, о назначении Троцкого «диктатором по электрификации России» с целью покрыть ее множеством электрических станций, попала в руки французского инженера Шарля Буало, в 1904 г. женившегося на жившей во Франции моей сестре. Его я не знал, никогда не видал; живя в Киеве в 1909—1910 гг., даже не знал, что в это время Буало и сестра жили почти рядом в Одессе, где он служил в бельгийском обществе, строившим электрический трамвай и электрическую станцию. По-

том чета Буало уехала из России и он строил электрические станции в Алжире и Бейруте. Жизнь в довоенной России оставила в его памяти столь приятные воспоминания, что он хотел, при первом же удобном и подходящемся случае, вернуться в Россию, а после революции это можно было сделать лишь поступив на службу в советское хозяйство. Заметки во французской печати о назначении Троцкого «диктатором электрификации» привели Буало к убеждению, что для получения работы ему нужно обратиться именно к Троцкому, а о полномочиях и власти его Буало имел до смешного преувеличенные представления. Узнав, что я служу, как и Троцкий, в ВСНХ и могу быть ему полезным, Буало решил, что ходатайство о приеме на службу в советское хозяйство нужно вести через меня и при моем посредстве. Он полагал, что это ускорит получение им ответа и увеличит шансы, чтобы он был благоприятный. С этим делом я и пошел к Троцкому. Это было до разговора с ним, о котором я только что говорил. Всяких предложений, особенно от иностранных коммунистов, поступало в ВСНХ множество, но в отличие от других стран, из Франции их почти не было. Может быть, поэтому — весьма почтительное обращение Буало к Троцкому, как мне показалось, заинтересовало его. Он потребовал, чтобы Буало прислал не только обширнейшую curriculum vitae, но все, что может характеризовать его как серьезного и знающего инженера. Выполняя эти требования, Буало собрал и через месяц прислал мне груду всяких документов: оттиски своих статей, помещенных в технической прессе, содержание докладов, сделанных им в разных научных обществах, ряд брошюр, в их числе довольно объемистая книжечка, напечатанная Буало в 1924 г. под следующим заголовком: „Un problème nationale Electrification Générale du Territoire“. На эту книжку он просил Троцкого — «диктатора по электрификации России», обратить свое «благосклонное внимание». Все это я передал Троцкому, но после этого дело как бы заглохло. Чтобы его подтолкнуть, я решил снова пойти к Троцкому. Сверх ожидания, он меня не принял. Не потому ли что мой разговор с ним в октябре был ему неприятен? Его секретарь (кажется Сермукс, позднее сосланный и погибший) заявил, что я должен написать, по какому делу желаю видеть Троцкого. С некоторым удивлением я выполнил это бюрократическое требование и с тем, что написано, секретарь к Троцкому и пошел. После довольно продолжительного отсутствия, секретарь появился и принес мне следующий ответ:

— Лев Давидович больше не несет обязанности ни начальника Электро-Технического Управления, ни председателя Научно-Технического отдела ВСНХ. Ходатайство Буало нужно направить к другому лицу.

На просьбу выдать мне присланные Буало материалы и документы — Троцкий, опять-таки через секретаря, ответил, что их у него нет, он все передал своему заместителю в Научно-Техническом Отделе, академику Ипатьеву. А когда неделю спустя за этими материалами я обратился к Ипатьеву, тот сказал, что дела Буало у него нет, никогда не было, он никогда о нем не слышал и Троцкий никогда о нем ничего не говорил.

После ухода Троцкого из Научно-Технического отдела, временно председателем его стал Веньямин Свердлов. Его называли «вдовствующим братом». Он был братом знаменитого Якова Свердлова, на пост которого — «президента республики» — после его смерти, поставили Калинина. Веньямин Свердлов — странная фигура (я даже не уверен, был ли он в партии) — вращался как свой человек среди коммунистических сановников, принадлежащих, главным образом, к лагерю Рыкова. К Троцкому он относился не только отрицательно, а с каким-то пренебрежением. Узнав, что я ищу, куда и к кому попало «дело» Буало со всеми относящимися к нему документами, Свердлов насмешливо спросил:

— Вы передали его лично Троцкому?

— Да, лично ему.

— В таком случае могу сказать, что оно наверное нигде не зарегистрировано и безвозвратно пропало на следующий же день поступления его в руки Троцкого.

— Неужели он такой беспорядочный человек?

— Вопрос не в этом. Троцкий вступил в ВСНХ не для того, чтобы заниматься микроскопическими вопросиками, вроде приема на службу вашего Буало. Эти делишки он брал в руки и тут же их бросал в сорную корзину, не обременяя себя думою о них. Научно-Технический отдел и Электро-Техническое Управление ему нужны были только как *трамплин для прыжка много выше*.

— Куда же выше?

— О том нужно спрашивать самого Троцкого. Если только он скажет.

Представляется исключительно важным установить, когда я услышал от секретаря Троцкого, что он ушел из ВСНХ. Боюсь ошибиться, кажется это было в конце января 1926 г. Следовательно, вступив на работу в ВСНХ в конце мая, Троцкий через восемь месяцев ее уже бросил. Что случилось, что вызвало у него такое решение? Он дает на это ответ в своих воспоминаниях, вышедших в Берлине в 1930 г. (см. его «Моя Жизнь», том II, стр. 262—263). В это время он был уже на положении эмигранта, человека насильно высланного из СССР. То, что по этому поводу написал Троцкий, ныне кое-кому, даже многим, может казаться правдоподобным, верным, точно изображающим факты, а для меня, как и других свидетелей 1925—1926 гг., видевших в это время Троцкого, знавших, что он делает, — его воспоминания, его рассказы о пребывании в ВСНХ шокируют своей ложностью. Это какое-то до неузнаваемости, всеискажающее кривое зеркало. Говоря о назначении его сразу на три должности в ВСНХ, Троцкий пишет:

> «Выбор их происходил за моей спиной и определялся специфическими соображениями: изолировать меня от партии, завалить текущей работой, поставить под особый контроль».[111]

Можно было думать, что после почти двух лет (с конца XII съезда) ничегонеделания Троцкий с удовольствием возьмется за

---

[111] Л. Троцкий. Моя Жизнь. Берлин 1930, том II, стр. 261.

предложенную ему интересную хозяйственную работу. Он сам заявил, что не сопротивлялся снятию его с поста наркома обороны еще и потому, что не военные, а хозяйственные вопросы стали его больше всего интересовать. А из его слов вытекает, что за свою новую работу он принялся чуть ли не со скрежетом зубовным, видел в ней лишь заговор против себя, желание врагов «изолировать его от партии», задавить «текущей работой». Но если предложенная ему в ВСНХ работа есть «изолирование от партии», тогда все коммунисты в ВСНХ работающие, как все коммунисты занятые вообще в хозяйственных предприятиях, от партии изолированы. Не подчеркивает ли этим Троцкий свое желание иметь какое-то особенное положение: заниматься партийными делами самого высокого порядка, без малейшей нагрузки черной, вульгарной, текущей работы, словом, быть в партии «аристократом».

> «Я сделал *тем не менее* добросовестную попытку сработаться на новых основах. Приступив к работе... я ушел в нее с головой. Больше всего меня заинтересовали научно-технические институты... Я усердно посещал многочисленные лаборатории, с огромным интересом присутствовал на опытах, выслушивал объяснения лучших ученых, штудировал в свободные часы учебники химии и гидродинамики и чувствовал себя наполовину администратором, наполовину студентом.[112]

Плохо верится, что Троцкий ушел «с головой» в работу. Если бы это было так, спустя восемь месяцев он ее не бросил бы. В Научно-Техническом Отделе ВСНХ большую роль играл ловкий, умевший всюду себя показать, инженер Лапиров-Скобло. Он был постоянным сотрудником «Торгово-Промышленной Газеты» и часто приходил ко мне в редакцию. После ухода Троцкого из ВСНХ Лапиров-Скобло в «конфиденциальной» беседе поведал, что «у Льва Давидовича не хватило терпения посетить все подведомственные ему научно-технические институты». Он несколько раз бывал в химическом институте имени Карпова, но эти визиты вызывались не интересом к химии, институту, опытам, там проделывавшимся. Директором института был А. Н. Бах, в молодости народоволец, написавший в начале 80-х годов брошюрку «Царь Голод», в течение десятилетиий бывшую главным орудием агитации среди народной массы. Уехав из России, Бах потом долго жил в Женеве, сделался ученым химиком. После октябрьской революции он возвратился в Россию, стал коммунистом и с 1922 г. директором основанного еще в 1919 г. химического института. Троцкий знал Баха по Женеве в 1904 г. и в 1925 г. приезжал к нему в институт для разговоров на разные политические темы.

— Нужно думать, — иронически говорил Лапиро-Скобло, — что в других институтах для Троцкого интересных собеседников не было и по сей причине во многие из них он так и не заглянул.

> «В качестве начальника электротехнического управления, я посещал строющиеся электростанции и совершил, в частности, поездку на Днепр, где производились подготовительные рабо-

[112] Ibid, стр. 261—262.

ты для будущей гидростанции... Чтобы застраховать гидростанцию от просчетов я организовал американскую экспертизу».[113]

В сентябре 1925 г. Троцкий во главе экспедиционной комиссии Госплана, действительно выезжал на Днепр, к Запорожью. О результатах этой экспедиции он докладывал Украинскому ЦИК и Совнаркому и написал статейку, помещенную в «Правде» и других газетах. В это время происходило торжественное празднество по случаю 200-летия Академии наук, на которое из всех стран съехалось много иностранных ученых. Троцкий намеревался, от имени Научно-Технического Управления ВСНХ, произнести перед ними речь и был очень недоволен, что вместо него это сделал Лапиров-Скобло, так как самому Троцкому пришлось ехать на Днепрострой. Что же касается других строющихся станций, Троцкий посещал их так лениво, что это в ВСНХ вызывало удивление и разговоры. На осмотр новых машин на электростанции Шатурка он потратил, как говорили, полчаса, а такому удовольствию, как охота в районе этой станции отдал целый день. Работою на своем новом поприще Троцкий себя отнюдь не обременял. По словам Лапирова-Скобло, это стало очевидным уже на третий месяц его вхождения в ВСНХ,

«Свою новую работу, — пишет Троцкий, — я пытался связывать не только с текущими задачами хозяйства, но и с основными проблемами социализма. В борьбе против тупоумного подхода к хозяйственным вопросам («независимость» путем самодовлеющей изолированности) я выдвинул проблему разработки сравнительных коэффициентов нашего хозяйства и мирового... По самому существу своему проблема сравнительных коэффициентов вытекавшая из признания господства мировых производительных сил над национальными и означала поход против реакционной теории социализма в отдельной стране».[114]

Не буду говорить о построении «социализма в отдельной стране». Этого вопроса я уже касался и об этом в своем месте (в третьей части моих записок) еще придется говорить.[115] Замечу, что заявление Троцкого, будто он в 1925 г. выдвинул проблему разработки системы сравнительных коэффициентов, поражает непростительной развязностью, с какой он приписывает себе то, что ему не принадлежит, не есть плод его инициативы. Иностранные отделы Госплана и ВСНХ уже давно разрабатывали всякие «сравнительные коэффициенты», не дожидаясь толчка или приглашения Троцкого. Их экономические исследования были солидными, серьезными, а такого качества у Троцкого в этой области не было. Будучи талантливым, ярким публицистом, способным к широчайшим интересным, пусть спорным, обобщениям социалистического и политического характера, он никогда не был сведущум экономистом. За всю свою

---

[113] Ibid, стр. 262.
[114] Ibid, стр. 262—263.
[115] О существовании третьей части записок Валентинова никаких сведений получить не удалось. Ред.

жизнь не написал ни одной достойной внимания экономической работы. До 1925 г. самое большое, что в этой области он дал, был его доклад о ножницах на XII съезде в 1923 г. В этом отношении его никак нельзя сравнивать, например, с Бухариным и не случайно, что экономическую доктрину оппозиции пробовал устанавливать Преображенский, хотя верховным вождем оппозиции был Троцкий.

> «Я читал по вопросам своей новой деятельности доклады, выпускал книжки и брошюры». [116]

Странно, очень странно, что я, служивший в ВСНХ одновременно с Троцким и, в качестве заместителя редактора «Торгово-Промышленной Газеты», следивший и обязанный следить за выходящей экономической литературой, никак не могу вспомнить — какие это книжки и брошюры во время своего пребывания в ВСНХ написал Троцкий по вопросам своей новой деятельности? А ведь он говорит о них во множественном числе!

Сообщив об этих книжках и брошюрах, Троцкий переходит к преследовавшим его врагам. Мы вступаем тут в область, где перемешана злоба, фантазия, истерика.

> Принимать бой на этой почве [на какой?] противники не могли [почему?] и не хотели. Они формулировали для себя положение так: Троцкий создал себе новый плацдарм. Электротехническое управление и научные институты стали их теперь беспокоить [почему?] почти так же, как ранее военное ведомство и красная армия. Сталинский аппарат шел за мною по пятам [!!!]. *Каждый* практический шаг мой становился поводом для сложной закулисной интриги. Каждое теоретическое обобщение питало невежественную мифологию «троцкизма». Практически работа моя была поставлена в невозможные условия. Я не преувеличу, если скажу, что значительная доля творчества Сталина и его помощника Молотова была направлена на организацию вокруг меня прямого саботажа. Получать необходимые средства стало для подчиненных мне учреждений почти невыполнимой задачей. Лица, работавшие в этих предприятиях, боялись за свою судьбу или, по крайней мере, за свою карьеру». [117]

Сталин и Молотов были уже тогда бесповоротно пакостными особами, но все же читать, что пишет Троцкий, невыносимо. Ведь это выдумка до боли самолюбивого, до потери сознания раздраженного, оскорбленного человека. Что это за люди, которые работая с Троцким, боялись за свою карьеру? Уж, конечно, не Бах. Будущий сталинский лауреат, академик и директор «биохимического Института имени Баха» делал карьеру, несмотря на то, что к нему приезжал «шептаться» Троцкий. Ни Лапиров-Скобло, ни Флаксерман, более других связанные с Троцким по работе, никакого ущемления своей карьеры не чувствовали. Абсолютная выдумка, что, мстя Троцкому, его противники саботировали, не выдавали средств под-

---

[116] Л. Троцкий. Моя Жизнь, стр. 263.
[117] Ibid.

ведомственным ему учреждениям. Во-первых, всякие хлопоты о финансировании вел Флаксерман (коммунист), и Троцкий в это дело почти не вмешивался. Во-вторых, хотя 1925 г. был годом «режима экономии», научно техническим учреждениям не отказывали в средствах. Цифры, сколько они получали, у меня нет, но твердо знаю, что получали даже институты, вследствие мелкоты, ничтожности своей деятельности совсем не заслуживающие поддержки. А затем, что значат эти слова: сталинский аппарат шел за мною по пятам? Чего ему было бояться Троцкого, по словам Сталина, униженно «на брюхе подползнувшего к партии»? В январе 1926 г. Троцкий ушел из ВСНХ, однако это не помешало ему быть снова выбранным в члены Политбюро, в отличие от Каменева, из члена Политбюро превратившегося в кандидата. Давая объяснение, почему он ушел из ВСНХ, Троцкий заканчивает следующими словами:

> «Попытка отвоевать себе политические каникулы, таким образом, явно не удалась. Эпигоны уже не могли остановиться на полдороге. Они слишком боялись того, что сами сделали. Вчерашняя клевета тяготела над ними и требовала от них сегодня удвоенного вероломства. Я кончил тем, что потребовал освободить меня от электротехнического управления и научно-технического института».

Все эти слова не имеют никакого отношения к 1925 г. и уходу Троцкого из ВСНХ. Его жалобы на «удвоенное вероломство» преждевременны. Да, его изгнали из партии. Но это было не в 1925 г., а в 1927. Его выслали в Среднюю Азию, в Алма-Ата. Но это было в январе 1928 г. На пароходе «Ильич» привезли в Константинополь и насильно высадили на берег. Но это было в январе 1929 г. В 1930 г., вспоминая эти события, Троцкий мог бы с негодованием кричать:

— Вот что они со мною сделали! Вот как святотатственно, вероломно они поступили со мною — главным лицом октябрьского переворота и, в качестве организатора Красной Армии, спасителя революции.

Повторяю, это не относится к 1925 г. Он живет в это время в Кремле, он член Политбюро, эпигоны его очень не любят, так же, как и он их, но это еще не объясняет его уход из ВСНХ, а между тем это обстоятельство требует объяснений, так же, как и другое — какие мотивы толкали Троцкого написать в июле письмо в «Большевик»?

Попробую дать ответ на этот вопрос. Поручиться головою, что он верен во всех своих частях не могу. В нем есть элементы гипотетические, однако эта гипотеза разделялась не мною одним. Ее разделяли и другие участники «Лиги наблюдателей» и они, более чем я, принесли ей разные доказательства.

Начинать надо с вопроса — была или не была таинственная встреча Сталина с Троцким, где после долгого разговора они временно помирились? Слухи о ней ходили, как покажу ниже, долетели и до берлинского «Социалистического Вестника», а дыма без огня не бывает. Встреча несомненно состоялась, но где, когда? Можно

предположить, что она произошла на Кавказе, там первые месяцы 1925 г. жил Троцкий. Что же касается даты встречи, ее нужно отнести, вероятно, к концу марта или началу апреля. У той, как и у другой стороны, были веские мотивы встречу замалчивать. Нужно знать, что в том политическом образовании, которое Рязанов называл «Закаси» (Зиновьев, Каменев, Сталин), — т. е. тройке, господствовавшей в 1923—1924 гг., обнаружилась в начале 1925 г. трещина: Зиновьев начал «брыкаться». У него не были стычки личного характера со Сталиным, различия в понимании ленинизма и разногласия в вопросе о построении социализма в одной стране. У Сталина, любившего, как говорилось тогда, «финтить» (позднее это называлось «маневрированием»), явилась мысль сильнейшим образом вооружить Троцкого против Зиновьева. Нельзя допустить, чтобы в Политбюро Зиновьев выступал вместе с ним. Помешать их опасному единению он мог, толкая Троцкого против Зиновьева. Это легко можно было сделать: Сталину нужно было только рассказать со всеми подробностями, как Зиновьев в конце 1924 г. пускал все самые отвратительные средства, чтобы выбросить Троцкого из Политбюро и даже из партии.

Троцкий был нужен Сталину по другой, более важной причине. Город Елизаветград, где родился Зиновьев, был в его честь — председателя Исполкома Коммунистического Интернационала — переименован в Зиновьевск.[118] Сталин не мог успокоиться, если у других есть то, чего нет у него. Ему нужно тоже иметь «свой город». Петроград превратился в Ленинград — почему бы Царицыну не стать «Сталинградом»? Разве не в нем в 1919 г., якобы обнаружился, развернулся, военный, полководческий талант Сталина? Но нельзя добиваться переименования Царицына без уверенности, что Троцкий не подгадит в этом деле, не сорвет операцию каким-либо разоблачением, сильно бьющим Сталина. Ведь за целый ряд проступков, Ленин, по настоянию Троцкого, отстранил Сталина от командования войсками в Царицыне и заставил его покинуть город. Чтобы переименование Царицына произошло гладко, без возражений и разоблачений, нужно Троцкого «умаслить», чем-то ему польстить, обещая содействие исполнению какого-то его большого желания. Da ut des! На этой почве, надо думать, и состоялась их встреча. Что мог Сталин обещать Троцкому? Мы видели, что Троцкий был сразу выдвинут на три должности в ВСНХ, но в его глазах, по словам Веньямина Свердлова, это было только «трамплином» для «прыжка выше».

В разговоре с Троцким Сталин легко мог ему сказать: берите сначала эти три должности в ВСНХ, входите таким образом в ВСНХ и подождите немного, через некоторое время мы Дзержинского с поста председателя ВСНХ снимем, а вас попросим этот важнейший пост занять.[119] Ничего невозможного в таком предложении

---

[118] Хорошо не знаю, как после убийства Зиновьева он стал называться.

[119] Есть ряд сообщений, косвенно подтверждающих, что Сталин предлагал Троцкому именно место Дзержинского. Еле вырвавшийся из СССР французский троцкист Victor Serge, в своих мемуарах „Le Tournant Obscur", появившихся в 1951 г., писал, что, приехав из Ленинграда в Москву, он слышал,

Троцкий, по-видимому, не видел. Пост председателя ВСНХ ему очень улыбался. Дзержинского он считал человеком «великой взрывчатой страсти», но узким, несамостоятельным, неспособным занимать большое место. Он пишет об этом в своих мемуарах (см. «Моя жизнь» том II). Он критически относился к Дзержинскому, когда тот сменил его на посту наркома транспорта, хотя все знали, что Дзержинский лучше, чем Троцкий, справился со своими функциями. Столь же критически судил Троцкий и деятельность Дзержинского в ВСНХ. Великий и злой сплетник Бах, с которым любил шептаться Троцкий, передавал со смешком следующие слова, слышанные им от Троцкого: «Ленин говорил, что всякий коммунист должен быть чекистом, примем это; из этого все-таки никак не следует, что даже очень большой чекист может управлять и планировать промышленность на шестой части земной суши».

Это явная шпилька по адресу Дзержинского. Получив от Сталина уверения, что тот в Политбюро будет его выдвигать на место Дзержинского, Троцкий, конечно, знал, что это не пройдет, если он по-прежнему будет считаться вождем оппозиции, отстаивать ее взгляды. Тогда почему бы не назначить Пятакова председателем ВСНХ! Поскольку Троцкий находится в оппозиции, против его кандидатуры в ВСНХ восстанут и Рыков, и Бухарин, и Томский, и Ворошилов, и председатель ЦКК Куйбышев. С целью устранить это большое препятствие Троцкий и написал свое письмо в «Большевик», *«на брюхе подполз к партии»* (вспомните слова Краваля!). Сознательным искажением фактов, им самим установленных, критикой книги Истмэна он старался показать, что за последнее время сильно изменился. Теперь должно быть понятным, почему о своей встрече обе стороны считали нужным умалчивать. Троцкому нужно было скрыть, что он рассчитывал на содействие Сталина для «прыжка выше», а Сталину — скрыть, что «умасливал» Троцкого с целью беспрепятственного переименования Царицина. Крайне любопытный запоздалый и искаженный отзвук этой истории мы находим в «корреспонденции из Москвы», помещенной в номере от 15 октября 1925 г. «Социалистического Вестника»:

> «В центре олимпийской борьбы богов — фигура Троцкого. Говорят, с ним стакнулся *Сталин* и усиленно выдвигает его. Дух Троцкого в ВСНХ чувствуется уже сильно. Правит еще ведомством народного хозяйства Дзержинский, но никто в стенах ВСНХ не сомневается, что его славу скоро затмит Троцкий. Те, кто лягнули опального Льва, теперь ходят по коридору ВСНХ и поджилки у них трясутся от страха». [120]

что «Сталин делает разные предложения Троцкому и даже предлагает ему управление индустрией» „Staline faisait des avances à Trotsky allant jusqu'à lui offrir le portfaille de l'Industrie", стр. 98. „Portfaille" индустрии и есть главенство в ВСНХ. О том же говорится и в корреспонденции из Москвы, помещенной в номере от 20 июня 1925 г. «Социалистического Вестника». Она сообщает, что назначение Троцкого на разные должности в ВСНХ есть, по слухам, «ступенька» в замещении им Дзержинского.

[120] «Социалистический Вестник», № 19, 15 октября 1925 г., стр. 14—15.

Самое интересное в этой корреспонденции, конечно, следующее место: «Говорят, с ним *стакнулся* Сталин и усиленно выдвигает его». Это показывает что, несмотря на желание обеих сторон ее скрыть, — слух о встрече Сталина с Троцким был распространен и дал место тем комментариям, которые я выше привел. Все остальное в корреспонденции далеко от истины. Я помню, что, прочитав ее, сразу понял, что ее автор в ВСНХ не бывал; о том, что там *осенью* происходило не имеет никакого понятия; вероятно, живет далеко от Москвы, куда с огромным запозданием долетел потерявший всякую актуальность слух, что Сталин усиленно выдвигает Троцкого. Потом я слышал, что эта корреспонденция была отправлена находившимся в ссылке в Пензе меньшевиком, рабочим А. Н. Смирновым. Так ли это — утверждать не могу.

Что же вышло из встречи Сталина с Троцким?

Первый получил ему нужное, — без сопротивления Троцкого Царицын превратился в Сталинград. А «собеседника» своего Сталин обманул и хотя Троцкий «на брюхе подполз к партии», прекратились все разговоры о замещении им Дзержинского. Издание полного собрания сочинений Троцкого было допущено, но одного этого, чтобы забыть полученный им афронт, ему было мало. Каким образом искушенный в партийных интригах и обманах Троцкий мог попасть на удочку, на приманку Сталина, — трудно объяснить. Он не мог не знать, что все члены Политбюро скептически относятся к его способности руководить хозяйственной жизнью и вряд ли допустят, чтобы он был председателем ВСНХ. Об этом ему было прямо и ясно заявлено еще в 1923 г. в ответ на его агрессивное письмо от 8 октября.

«Троцкий хочет, — заявило тогда Политбюро, — чтобы ЦК назначил его для руководства нашей хозяйственной жизнью. Ничем не доказано, что он может направлять хозяйственную жизнь. Опыт с Наркомпути показал обратное. Троцкий был при Ленине членом Совнаркома, членом СТО. Он ни разу ни при Ленине, ни без него не посетил Совнарком.

Будучи в Берлине в апреле 1925 г., я только тогда и из все того же, уже цитированного номера от 28 мая 1924 г. «Социалистического Вестника», узнал, что в ответе Политбюро находятся приведенные строки, подтверждающие сведения, полученные в «Лиге наблюдателей» от Рязанова.

Весьма возможно, что первые месяцы своего назначения в ВСНХ Троцкий в чаянии «прыжка выше» вошел, по его выражению, с головою в работу, но к началу осени он уже понял, что обманут и сделал огромную ошибку, посылая письмо в «Большевик». Оно было покаянием без ожидаемого профита. Только одно унижение. Отсюда охлаждение к работе, раздражение против «идиотов», считающих его меньшевиком, против «шпаргальщиков», строющих «социализм в одной стране», словом, то настроение, которое так явно проявилось в разговоре со мною в октябре. Политика Политбюро в 1925 г., с речами Рыкова о разрешении кулакам арендовать землю и нанимать батраков, с речами Сталина против «разжигания классо-

вой борьбы», глубоко претила Троцкому. Он должен был остро чувствовать «омерзение» от своего подползания к Политбюро, ведущего такую политику. Попытка примириться с Политбюро должна была считаться им тем более ошибочной, что в конце 1925 г. и Зиновьев, и Каменев, не соглашаясь с расширением НЭП-а, стали приближаться ко взглядам Троцкого. При таком настроении и полном охлаждении к работе, Троцкий отказался от своих должностей в ВСНХ, дав потом, пять лет спустя, *выдуманное, ложное объяснение своему уходу.*

В 1926 г. Троцкий все время болел. Он числился в это время на службе только в Концессионном Комитете, надо же где-нибудь служить, и всем было известно, что он почти ничего там не делает. Да, и делать там было нечего; существующими у Комитета маленькими делами ведал его заместитель и друг Иоффе. В апреле 1926 г. Троцкий уехал лечиться в Германию, подвергся там какой-то операции и несколько окрепший возвратился в Москву. «Политические каникулы» кончены, о подползании к Политбюро теперь не может быть и речи. Он хочет «разогнать политические сумерки, нависшие над страной», повести борьбу против «кулака, нэпмана, бюрократа-специалиста». Оппозиция объединяется и, возглавляемая уже не одним Троцким, а вместе с ним и Каменевым, и Зиновьевым, бросается в атаку на Политбюро и на стоящих за ним ЦК и ЦКК. На наших глазах в 1926 и 1927 г. оппозиционеры как мотыльки летят на огонь и погибают. Это жалкая картина. К концу 1927 г. вся оппозиция разбита, ее главари изгнаны из партии, сняты с руководящих постов, многие высланы из Москвы и Ленинграда.

Мне, как и многим другим, были противны до отвращения применявшиеся Политбюро приемы в борьбе с оппозицией; в частности, дикие разгоны собраний оппозиционеров и их обструкция специально для этого подбираемыми ревущими командами. Но оппозиция погибла не от этого. За исключением очень небольших групп, у нее не было поддержки в стране. В самом деле — на симпатии каких классов она могла рассчитывать? Разумеется, не крестьянства, так как требовала нажима на дереню, суровых мер против зажиточных крестьян-кулаков и пропагандировала колхозы. Не было у нее поддержки и со стороны «бюрократов», беспартийной интеллигенции, специалистов, инженеров, техников, считавших вредной и демагогической социально-экономическую программу оппозиции, чувствовавших, что за нею стоит какое-то возвращение к военному коммунизму. Беспартийная интеллигенция отталкивалась и от внешней политики оппозиции, требовавшей революционизирования Востока и особенно Китая. С равнодушием относилась к оппозиции подавляющая часть рабочих двух главных политических центров — Москвы и Ленинграда. Зиновьев жестоко ошибался, предполагая, что в Ленинграде, где он был более восьми лет наместником, рабочие по первому же его зову станут за него. Рабочая масса в то время *сытая и как никогда еще так хорошо не питавшаяся,* жившая лучше чем в царское время, пользовавшаяся рядом привилегий, шла за правительством, не обнаруживая вкуса к авантюрам, перетасовкам, революциям. Экстраординарность положения в том и за-

ключается, что, превратив в ничто, разбив в пух и прах оппозицию, Политбюро, или, точнее сказать, Сталин и примкнувшая к нему самая бездарная часть Политбюро — Калинин, Ворошилов, Куйбышев, Молотов — перенимают основные лозунги разбитой оппозиции, начинают, по словам Троцкого, жить «обломками и осколками идей этой оппозиции»: свертывание НЭП-а, уничтожение частного капитала, кулаков, организация колхозов, ускоренный темп индустриализации. В мозг Сталина и Ко входит в крайней, потом обнаружится — в чудовищной форме, идея Преображенского о строительстве социализма на базе «первоначального накопления». Из всех этих элементов и начнет слагаться «сталинизм».

Для интеллигенции, и особенно участников «Лиги неблюдателей», *1925 год был особенным годом*. Это был разлив радостных иллюзий, «наивных мечтаний», по словам Соколовского на меньшевистском процессе 1931 г. Мы были охвачены ложной уверенностью, что все идет превосходно, в стране происходит здоровая эволюция, создающая строй, в котором, как говорил Владимиров, *можно жить всем классам общества*. Велико же было смятение интеллигенции, когда в конце 1926 г., и еще сильнее и очевиднее — в 1927 г., обнаружилось, что политика главенствующей части Политбюро ведет страну к чему-то действительно похожему на возвращение к эпохе военного коммунизма. Об этом, с прямо относящимися сюда беседами с А. И. Рыковым, я и предполагаю рассказать, в третьей и последней части моих записок. Я тогда приведу и одну незабываемую беседу с Пятаковым, объяснившего мне, что во имя партии можно и должно в 24 часа изменить все свои убеждения и заставить себя считать черное белым. Большевики, — говорил он мне, — это «партия делающая все невозможное возможным». [121]

---

[121] Как уже было указано в примечании № 115, сведений о третьей части воспоминаний Валентинова не имеется. Что касается «незабываемой беседы с Пятаковым», то она была напечатана в «Новом Журнале» № 52, за 1958 год. В этой статье Валентинов ярко описывает дальнейшую судьбу Пятакова, его уход из оппозиции и присоединение к лагерю Сталина. Особенно примечателен в этой статье последний разговор между Валентиновым и Пятаковым, в котором последний пытался оправдать перемену своей позиции на том основании «что во имя партии можно... заставить себя считать черное белым». Ред.

ГЛАВА IX

ОРГАН ВСНХ — «ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА»

Когда в конце 1921 г. обнаружилось, что политика НЭП-а открывает возможность иметь осмысленную общественную работу, я еще не решил, где буду служить. Выбор был обширный: можно было предложить свои услуги (и они наверное были бы приняты) Госплану, ВСНХ или Наркомфину, Наркомату Земледелия, Центросоюзу. Меньше всего думал я о возвращении к газетной и редакторской работе. Я знал, что в этой области, где с максимальной силой проявляется идеология большевизма, бывшему меньшевику, ставшему «беспартийным», грозят тяжелые ущемления свободы мысли. Лучше быть «чиновником», делать какую-то, хотя бы узкую, но полезную общественную работу, чем быть журналистом, редактором и навлекать на себя нападки за несогласие с большевистской линией и идеологией. Случилось как раз то, чего я не предполагал: после нескольких лет ухода от газетной работы, именно за нее-то я и взялся и стал ее выполнять с огромным интересом, с увлечением, без угрызений совести за допускаемое «приспособленчество», за конформизм, которого я в то время и не чувствовал. Вот как произошло это возвращение к газетной работе, наложившее печать на целый период моей жизни, кончившийся в декабре 1928 г. переездом в Париж на службу в Торговое Представительство СССР, а в конце 1930 г. — переходом в эмиграцию.

Летом 1922 г. я получил приглашение от М. А. Савельева прийти к нему для переговоров по делу, «интересующему президиум ВСНХ». Оказалось, что меня как «спеца» — опытного журналиста — приглашают вступить в редакцию только что начавшей выходить «Торгово-Промышленной Газеты», наладить ее правильный выход и выпуск. Редакция, или как говорили тогда дирекция, этого органа ВСНХ состояла из трех лиц, самым главным из них был М. А. Савельев, принадлежавший к той категории большевиков, которых, вне зависимости от возраста, называли «старыми». Он был членом большевистской партии до 1917 г., принимал какое-то участие в революции 1905—1907 гг., а в 1911—1913 состоял в Петербурге членом редакции большевистского журнала «Просвещение». Будучи малодеятельным членом президиума ВСНХ в 1921—1922 гг. и не совсем удачным редактором журнала «Народное Хозяйство», Савельев, однако, стал с 1924 г. (покажу потом в какой обстановке

и благодаря чему) высоко котироваться в партии как опытный редактор «Торгово-Промышленной Газеты». С 1926 г., оставаясь ее редактором, он делается заместителем директора «Истпарта», редактором его журнала «Пролетарская Революция». В 1929 г. Савельев покидает «Торгово-Промышленную Газету» и, так как заслуги его в качестве редактора этой, ставшей очень важной, газеты признаются большими, он делает возносящую его кверху карьеру: он директор Института Ленина, член коллегии редактирующей сочинения Ленина, редактор «Известий» Центрального Исполнительного Комитета СССР и позднее, в 1930 г., на короткое время, даже редактор «Правды». С 1931 г. Савельев — заместитель председателя Коммунистической Академии, а с 1932 г. действительный член Академии наук. В «Большой Советской Энциклопедии», выходившей в сталинское время, Савельев именуется «видным членом Коммунистической партии и Советского Государства». В партии его все знали и называли в глаза Максом (его имя Максимилиан), а за глаза «толстым Максом», не стесняясь прибавлять, что он делает карьеру потому, что умеет сидеть на чужой спине. Замечание, как увидим, не лишенное основательности.

Вторым членом дирекции был П. Н. Муравьев, коммунист с небольшим стажем, неизмеримо более способный чем Савельев, но ненадежный человек, отчаянный пьяница, накидывающийся на водку и вино и, даже после небольших порций винопития, засыпавший где бы то ни было и во всех самых неудобных положениях. Он был яростным противником НЭП-а, считал что его введение загадило всю революцию, и пьянство свое объяснял разочарованием в революции, «погибшей от нэповской грязи». Скоро после моего вступления в редакцию, он куда-то исчез. Одно время он был кем-то вроде комиссара при знаменитых тюрьмах на Соловецких островах и, приехав в Москву, зайдя ко мне, рассказывал о быте и обычаях в этих тюрьмах такие вещи, которые казались выдумкой, созданной самой разнузданной фантазией.

Третьим членом редакции был проф. Е. С. Каратыгин, в царское время дослужившийся до высокого чина действительного статского советника, светского генерала. До октябрьской революции он был главным редактором всех изданий министерства финансов и торговли, в том числе «Торгово-Промышленной Газеты». Это он предложил, чтобы ВСНХ, проводя политику НЭП-а, под тем же названием издавал газету. При вводе Каратыгина в редакцию предполагалось, что он будет очень полезен в органе ВСНХ, но этого не случилось по той простой причине, что мысли, навыки, способы ведения «Торгово-Промышленной Газеты» царского времени, совсем не подходили для такой же газеты в советское время. Каратыгина, как и Муравьева, мне не пришлось видеть долго в «Торгово-Промышленной Газете». По требованию ГПУ он был удален из нее по следующему поводу. Во время командировки за границу, Каратыгин в Париже встретился с сотрудником эмигрантской газеты «Возрождение» и в беседе с ним дал злую критику советских порядков и жизни. Не знаю, было ли в этом интервью названо имя Каратыгина или сделаны на него намеки, но ГПУ без больших за-

труднений установило, кто давал это интервью. По возвращении в СССР, Каратыгин не был арестован и из ВСНХ его не уволили, но удалили из редакции «Торгово-Промышленной Газеты».

В 1931 г. от мягкого отношения эпохи НЭП-а к специалистам уже не осталось и следа, и Каратыгин, без всякого суда, был расстрелян. Главным основанием к тому была беседа с ним, напечатанная в эмигрантской газете.

После исчезновения Муравьева и увольнения Каратыгина, единственным и ответственным редактором «Торгово-Промышленной Газеты» остался М. А. Савельев, и я согласился быть его заместителем. Должен признаться, что сначала пошел на это побуждаемый, если хотите, главным образом «спортивными» соображениями. Мне хотелось знать — можно ли что-либо сделать из «Торгово-Промышленной Газеты», если не стесняться прибегать к самым сильным ударам и колотить направо и налево, не взирая на лица. За двадцать предшествовавших лет участия в самых разнообразных газетах, от самых маленьких до такого Левиафана как «Русское Слово» — самой большой газеты довоенного времени, я никогда не видел, никогда не имел дела с таким рекордно-уродливым изданием, как орган ВСНХ в 1922 г., редактируемый Савельевым, Муравьевым, Каратыгиным. Сотрудники газеты (первое время все беспартийные) не чувствовали и не знали, что им делать; им никто не говорил, что от них требуется. Материал самого низкого качества, характера случайного, безобразной обработки или без признаков правки — посылался в типографию невероятно поздно. Разметка номера газеты, указание что должно в ней идти, производилось с неумелостью и небрежностью поразительными. В типографии ночью выпускал газету и ее корректировал поэт Янтарев. Он приходил поздно и не желал делать ни малейшего напряжения, чтобы улучшить и ускорить верстку. «Раз газета советская, — говорил он, — значит неизбежно она будет иметь вид советский, т. е. похабный вид. Исправлять ее все равно невозможно, поэтому нечего волноваться, нечего по-пустому затрачивать энергию». К газете с великим презрением относились старый метранпаж и его помощник; вследствие царящих в газете хаоса, небрежности и неумелости, они принуждались работать до $5^1/_2$—6 часов утра, вместо того, чтобы уйти домой раньше 3 часов. Во всех газетах (за исключением только «Правды», даже если они редактировались весьма важными коммунистами, весь материал должен был просматриваться цензором из Главлита. Цензор, приставленный к «Торгово-Промышленной Газете», появлялся в типографии очень поздно и задерживал сдачу в печать набранных и уже сверстанных страниц. Не буду перечислять все пороки газеты. Их было великое множество. Для общей ее характеристики достаточно указать, что когда другие московские газеты утром, как то и полагается, появлялись в продаже, «Торгово-Промышленная Газета» еще только печаталась. В утреннюю экспедицию этого дня она никогда не попадала, а только на следующий день. Номер, например, от четверга появлялся в пятницу, номер от пятницы — в субботу. Такое положение, делая газету посмешищем, недостойно носящим имя «органа ВСНХ», вызвало категорическое требование

президиума ВСНХ принять самые экстренные меры, чтобы улучшить качество газеты, сделать ее помощницей ВСНХ и обеспечить ее своевременный выход. Указание, что для этого нужно обратиться ко мне, дал председатель (в 1921—1922 гг.) ВСНХ Богданов. Я знал его еще до войны. Он служил тогда инженером в городском самоуправлении Москвы, а я работал в качестве помощника редактора, в действительности фактического редактора, в «Русском Слове». Нет надобности говорить, к каким самым суровым, подчас грубым мерам, диктаторски я прибегал, чтобы вытащить газету из ямы, поставить ее на ноги. Я всем заявил, чтобы мне не мешали, а если будут мешать, брошу все и уйду. И ни Савельев, ни тем более Муравьев и Каратыгин, мне не мешали, только с любопытством следили, что́ получится из моего нажима на всё и всех. Ради курьеза укажу, что мальчишке цензору, коммунисту, я предложил взятку в 25 рублей в месяц с тем, чтобы он приходил в типографию раньше и не чинил никаких препятствий в сдаче материала в печать. Такую взятку цензор получал, кажется, года два. С заменой его другим цензором и, главное, после твердо положенного хода выпуска газеты, — выплата этой дани стала ненужной и прекратилась.

«Торгово-Промышленная Газета», — по замыслу Савельева, находившего это оригинальным, — имела сначала вид многостраничной тетради небольшого формата. Русская публика к такой внешности ежедневной газеты не привыкла. Газета такого формата ей кажется «ненастоящей». Зная это и имея в виду бо́льшую легкость верстки газеты, я предложил перевести ее на большой формат с соответствующими для этого наименованиями, заголовками и шрифтом. Савельев очень сопротивлялся изменению внешности газеты, но, будучи не в состоянии побороть мою настойчивость, пошел на уступку. Я указываю на это крошечное, совсем не важное разногласие, чтобы подчеркнуть, что в течение шестилетней совместной с Савельевым работы даже таких разногласий между нами почти не было. Было, может быть, два — притом их нельзя назвать большими. С его стороны, как моего ближайшего коммунистического начальства, так и со стороны членов президиума ВСНХ, я всегда видел *только большое внимание*.

Кроме президиума ВСНХ и Савельева, у меня, как у всех работающих в прессе, было еще одно начальство — в лице отдела печати Центрального Комитета Партии. О том, что за мною он «наблюдает», я узнал из следующего происшествия. В 1923 г. Савельев уехал на несколько месяцев за границу, посланный по каким-то делам Коминтерна. Хотя я был его «заместителем», но в качестве «беспартийного» и бывшего меньшевика возглавлять официально газету в отсутствии Савельева не мог. Посему временно функции «ответственного редактора» были возложены на коммуниста В. П. Новикова, управляющего делами президиума ВСНХ. В газетном деле он ничего не понимал, в ее ведение не вмешивался, в редакцию никогда не приходил, но с большим удовольствием принимал деньги, которые я ему посылал за (ни в чем не проявлявшуюся) работу временного редактора. В 1924 г. Савельев снова уехал в какую-то таинственную командировку. На этот раз его официальным

заместителем был назначен Г. И. Ломов, член президиума ВСНХ, начальник Центрального Управления Промышленной Пропаганды и Печати («ЦУП»), человек культурный, интеллигентный, умеющий, в отличие от Новикова, написать дельную статью, но так же, как и Новиков, не обнаруживший ни малейшего желания меня контролировать и вмешиваться в то, как я веду газету (Новиков и Ломов погибли в эпоху сталинского неистовства 1937—1938 гг.). Но отдел печати ЦК, очевидно на основании каких-то поступивших к нему доносов, нашел, что, находясь вне всякого контроля, я присвоил себе слишком много прав и распоряжаюсь в газете, как ее «полновластный хозяин». Чтобы стеснить меня, отдел печати, не предупреждая меня ни единым словом, решил, что Биткер — коммунист, работавший в это время в Военном Управлении ВСНХ, изредка пишущий в «Торгово-Промышленной Газете», должен приходить в редакцию и прочитывать наиболее важный материал, пускаемый мною в печать. (Биткер погиб в 1937 г., обвиненный в тех же не совершенных им преступлениях, как и Пятаков). Когда он пришел в первый раз и самым вежливым образом попросил показать идущие в номер статьи, я это сделал без всякой мысли, что пришел «контролер». Даже понравилось, что в составе ВСНХ есть люди, которые близко интересуются составлением газеты. Когда Биткер с такой же целью пришел второй раз, я начал раздумывать, что это значит, а при его приходе в третий раз — я передал ему статьи и в его присутствии, с тем, чтобы он это видел, написал следующее заявление Г. И. Ломову:

> «Сильно ухудшившееся состояние моего здоровья (язва желудка, болезнь печени) не позволяет мне нести обязанности заместителя редактора и я прошу Вас освободить меня от занимаемой должности».

Написанное на бланке «Торгово-Промышленной Газеты» и датированное 1 октября 1924 г. заявление, почти немедленно вернулось ко мне обратно со следующей надписью Ломова:

> «Категорически отказать. Пусть тов. Валентинов говорит об этом с фактическим редактором тов. Савельевым, когда он вернется. Если т. Валентинов хочет лечиться — все сделать для этого».

Этот «документ», как и некоторые другие, о которых мне еще придется говорить, я сохранил. Он говорит об очень многом. Несколько лет спустя такого рода демонстрации, учиняемые против *отдела печати ЦК* человеком беспартийным, да еще бывшим меньшевиком, станут вещью просто *немыслимой, невозможной*. Из страха подвергнуться самым большим репрессиям, их никто уже делать не будет, вся политическая атмосфера и отношение к «спецам» к 1927—1928 гг. изменится.

Ломов, конечно, понял, что под моим заявлением кроется демонстрация и, естественно, захотел узнать, чем она вызвана: «Что вы больны — это мне известно, но ведь, кроме болезни, тут есть и другое — что же это?» Я все ему рассказал. О посылке в газету Биткера в качестве контролера он ничего не знал и согласился со

мною, что в этом деле «отсутствовал элементарный такт». Отправившись в отдел печати ЦК, Ломов заявил, что меня незаслуженно обидели, что если я уйду из «Торгово-Промышленной Газеты», где моя работа ценится и Рыковым, и Дзержинским, он не видит, кто мог бы меня заменить. В отделе печати, хотя и считали, что подавая в отставку я обнаружил «буржуазное самолюбие» и «уподобился капризной прима-балерине», все-таки пошли на попятную — Биткера убрали. Дело на этом и окончилось и потом «ущемлений», идущих от отдела печати, *я больше уже не испытывал.* И так как ни с этой стороны, ни со стороны моего ближайшего начальства, ни со стороны председателя ВСНХ — я никаким воздействиям, задевающим мое достоинство или самолюбие, не подвергался, могу сказать, что работа моя в «Торгово-Промышленной Газете» в этом отношении протекала в исключительно благоприятных условиях. Было время, когда, с 1922 по 1925 г., ко мне с большой враждебностью относился заместитель председателя ВСНХ Г. Л. Пятаков. Он знал, что я весьма критикую его «оппозиционную идеологию», принадлежу к тем, кого он называл «стопятьдесят-процентными нэповцами». Если бы Пятаков не знал, что мне покровительствуют Рыков и Дзержинский, он, конечно, постарался бы меня выжить из «Торгово-промышленной газеты». Но после моей статьи, о которой я говорил в главе об «Освоке», и после того как ему стало известно с каким великим интересом я отношусь к его детищу — Освоку (Особое совещание по воспроизводству основного капитала промышленности), отношение ко мне Пятакова резко изменилось, стало дружеским.

Была ли для меня интересной работа в «Торгово-Промышленной Газете»? Я имею в виду, конечно, время, когда после уймы затраченных на нее нервов и сил, она стала регулярно выходящим изданием. Могу сказать, что, начав с 19 лет иметь самостоятельный заработок, я никогда уже больше не имел, связанной с заработком, такой увлекательной, такой интересной, столь близкой к жизни, приносящей столько знания — работы, как в годы редактирования «Торгово-Промышленной Газеты».

ВСНХ состоял из планирующих, регулирующих, управляющих промышленностью отделов и учреждений. Под его началом находились десятки крупнейших трестов и синдикатов, тысячи самых больших фабрик и заводов. «Торгово-Промышленная Газета» была для ВСНХ необходима, без нее он не мог осуществлять свое над всем руководство, тем более что, после введения НЭП-а, перед промышленностью все время вставала груда совершенно новых для нее вопросов. «Торгово-Промышленная Газета помогала ВСНХ их ставить, разрешать, разъяснять хозяйственникам. И поскольку я «делал» газету, у меня было приятное сознание, что самым *активным образом* участвую в огромном процессе строительства, хозяйственного возрождения нашей страны. Забитая, разоренная, почти умершая в годы военного коммунизма промышленность, в эпоху НЭП-а каждый месяц поднималась, шла вперед крупными скачками. В 1922 г. ее общая продукция еле достигает 21 проц. довоенного уровня; в 1923 г. она — 30 проц. В годы управления ВСНХ Дзер-

жинским — темпы восстановления промышленности замечательно растут: в 1924 г. она достигает 39 проц. довоенного уровня, в 1925 г. — 65 проц., в 1926 г. — 90 проц. Наряду с этим подъемом, появляются новые производства, до этого не существовавшие в России или находившиеся в зачаточном состоянии: механизация угольной добычи, текстильное машиностроение, новые химические фабрикаты, точная механика, радиотехника, станкостроение, строительство гидростанций, тракторостроение и т. д. За всеми ростками нового нужно было, и было интересно, следить. И не только следить, а на страницах газеты предлагать, указывать на что нужно обращать внимание, какое новое производство организовать. «Торгово-Промышленная Газета» самым энергичным образом участвовала во всех кампаниях, ведущихся ВСНХ: составление правильных калькуляций себестоимости и годовых балансов хозяйственных предприятий, снижение цен, установление амортизационных фондов, повышение производительности труда, борьба за режим экономии и т. д. В поле зрения газеты входили решительно все вопросы развивающейся промышленности: увеличение основного и оборотного капитала, снабжение предприятий топливом, электроэнергией, сырьем, транспортными средствами, сбыт продукции, обучение рабочей силы, создание инженерно-технических кадров, отношение между трестами, заводами и рабочим персоналом.

Помогая ВСНХ, нужно было эти и другие вопросы освещать в статьях «Торгово-Промышленной Газеты», а для этого находить сведущих авторов, с помощью их поучать советских хозяйственников и, в то же время, поучаться самому. В этом был особенный интерес работы — постоянное увеличение знания, открытие неизвестных сторон промышленной жизни, и не в какой-либо одной отрали индустрии, а во всех ее областях. Думаю, ни один университет, ни одна академия, никакие самые объемистые книги, не могли бы мне дать то конкретное знание, то накопление самых разнообразных экономических знаний, которые постепенно, из месяца в месяц, в течение шести лет, приносила редакторская работа в «Торгово-Промышленной Газете» и посещение деловых заседаний президиума ВСНХ и его важнейших отделов. Уже к концу второго года моей работы в газете, она стала превращаться в большой орган. Каждый месяц в ней появлялась двухстраничная «вкладка» со всеми важнейшими статистическими данными о ходе производства в предприятиях, подотчетных ВСНХ СССР. Указывалась их продукция в денежной и натуральной форме, число занятых в отраслях рабочих, число отработанных ими часов, их средняя выработка и т. д. Каждый месяц появлялась вкладка, составленная сотрудниками Промбанка (Промышленного банка), посвященная вопросам финансирования и кредитования промышленных и торговых предприятий, руководимых ВСНХ. По мере нужды появлялась вкладка, освещающая снабжение промышленности сырьем сельскохозяйственного происхождения: хлопком, шерстью, льном, коноплей, сахарной свеклой, кожей, подсолнухом и т. д. Кроме того, выпускались вкладки, в которых с финансовой, экономической и тех-

нической стороны освещались проблемы увеличения основного капитала промышленности и его амортизация.

Уклоняясь сильно в сторону, не могу не сказать об одном лице, которое всплывает в памяти в связи с вкладкой «Промбанка». Статьи и всякие данные, составляющие эту вкладку, часто приносил Д. С. Навашин — один из сотрудников Промбанка. Приходя ко мне в газету, он обнаруживал такую скромность, которая производила неприятное впечатление: мне несколько раз приходилось просить его не стоять предо мною, а садиться, не ожидая для этого приглашения. Через несколько лет, работая уже в парижском Торговом Представительстве, я снова встречался с Навашиным, но тогда от его московской скромности не оставалось и следа. Он был важен, почти величествен, он занимал пост одного из директоров советского банка на avenue de l'Opera (этот банк, открыто обслуживая французскую коммунистическую партию и ее предприятия, беспрепятственно существует и по днесь). В конце 1930 г., покидая советскую службу, я ушел в эмиграцию. Почти одновременно со мною то же самое сдалал и Навашин, однако он не превратился, как мы все, в скромного эмигранта. Он явно не нуждался в средствах, жил очень широко, имел огромные связи всюду, в частности в высших французских кругах (его другом был, например, de Monzi), он был членом французской масонской ложи, что еще более расширяло область его связей. Кажется, в 1933 г. он опубликовал двухтомную на французском языке работу, посвященную анализу мирового рынка. Меня его работа не интересовала, я ее не читал и не могу сказать — ценна ли она и какую линию в ней проводил Навашин. В 1938 г., когда, как всякое утро, Навашин со своими собаками гулял по Булонскому лесу, к нему кто-то подбежал и двумя выстрелами из револьвера убил наповал. Следствие по этому громкому в то время делу не установило ни причины убийства, ни личности убийцы. После смерти Навашина ходили слухи, что он, внешне покинувший советскую службу и якобы отошедший от Москвы, на самом деле от нее не уходил, а лишь маскируясь положением эмигранта, тайно выполнял очень важные поручения советской власти, в их числе покупку и отправку оружия испанским коммунистам. Ходил также слух, что Навашин, по настоянию ГПУ, стал сотрудником Intelligence Service, но в этом положении двойного агента запутался, не угодил ГПУ и был им убит. L'Humanité — центральный орган французских коммунистов, стремясь отвлечь от мысли, что к убийству Навашина может иметь отношение ГПУ, рьяно и до смешного малоубедительно доказывал, что он убит Гестапо. Навашин несомненно принадлежал к авантюристическим загадочным личностям, которые во всех странах мира вращаются в орбите коммунистической партии и ГПУ. Любопытно, что первое указание быть «осторожным» в сношениях с Навашиным дал мне и П. А. Берлину Менжинский, племянник того Менжинского, который с 1926 г., после смерти Дзержинского, был главою ГПУ. Его племянник служил вместе со мною и Берлином в 1929—1930 гг. в парижском Торгпредстве.

Возвращусь, однако, к «Торгово-Промышленной Газете». Повторяю, работа в ней представляла для меня огромный интерес. Можно было из месяца в месяц ясно видеть, как растет влияние газеты, как на нее ссылаются и постоянно цитируют, в том числе и в эмигрантской печати. Но работа в ней была вместе с тем до последней крайности тяжела. Она отнимала все силы, все время, почти ничего не оставляла для отдыха. В 8 часов утра я принимался за чтение «Правды», «Известий», «Экономической Жизни», «Труда», «Гудка», «Финансовой Газеты». Я был обязан это делать. В качестве редактора газеты я должен быть в курсе всего, что пишет и дает советская печать. К чтению газет постоянно прибавлялось чтение журналов — «Плановое Хозяйство», «Экономическое Обозрение», «Большевик» и всяких специальных экономических изданий. Окончив чтение, после завтрака уезжал к 12 часам в редакцию. Работа здесь начиналась с редакционного совещания, с присутствием на нем всех главных сотрудников. Его задачей было наметить предварительно, хотя бы в общих чертах, физиономию очередного номера газеты, главное содержание его отделов. Говорю: предварительно, так как поступающий позднее, в течение дня, материал — экономическая информация, отчеты о заседаниях и работе разных отделов ВСНХ, Госплана, других Наркоматов, или правительственные декларации — часто заставлял намеченную программу номера всю изменять и перестраивать. Полезный обычай начинать день коротким, в 20—25 минут, редакционным совещанием, я заимствовал из «Русского Слова», где такой порядок был введен в 1911 г. В. М. Дорошевичем. После редакционного совещания начинался прием и разговоры с многочисленными посетителями газеты — хозяйственниками, директорами заводов, инженерами, сотрудниками ВСНХ, посещение заседаний отделов ВСНХ, подборка к номеру статей, прочитывание и редактура направляемого в типографию материала, наконец, составление окончательной разметки номера. Раньше $8^1/_2$—9 часов вечера я почти никогда домой не возвращался. И здесь работа не прекращалась: обычно я приносил в своем портфеле не менее десяти, а иногда даже более, статей, за один только день поступивших в редакцию. Помню, однажды, за день поступило *27 статей*. Никогда ни в одной газете, где приходилось работать, ни в «Русском Слове», ни в «Киевской Мысли» не приходило со стороны такого огромного количества статей. Этот *поток статей*, не случайное явление и *весьма заслуживает внимания*. В нем сказывался живой интерес к возрождению, развитию хозяйственной жизни, который проявил, после введения НЭП-а, *широкий слой беспартийных людей-специалистов*, а подавляющее число посылаемых в «Торгово-Промышленную Газету» статей было написано ими. Выступая с указанием существующих в промышленности недостатков, с предложениями их устранить, выдвигая новые методы работы или новые производства, — этот слой беспартийных людей тем свидетельствовал, что не довольствуется только ролью пассивного исполнителя распоряжений начальства, а желает быть *активным участником в строительстве новой жизни*.

Об огромной творческой мысли, проявленной беспартийными специалистами в разных комиссиях Освока (Особого совещания по воспроизводству основного капитала), я уже говорил.[122] В редакцию поступали, конечно, и статьи подписанные коммунистами (иногда очень важными) — председателями трестов, синдикатов, директорами заводов, стремившимися на страницах органа ВСНХ показать своему начальству, как они работают, что предпринимают, как идут дела во вверенных им предприятиях. Но мы — в газете — знали, что такие статьи, поскольку они не ограничиваются рассуждениями общего характера, а обнаруживают особое, специальное знание, в своем большинстве писаны не начальниками коммунистами, а «неграми», состоящими при них на службе, — все теми же беспартийными инженерами и специалистами. В 1924—1926 гг., в годы правления Дзержинского, в газету поступало ежемесячно «со стороны» не менее *трехсот* статей, причем беспартийные экономисты, специалисты-инженеры не боялись выступать с предложениями и мыслями, которые не совпадали с тем, что в данное время возглашало начальство ВСНХ. В этом смысле, в правление «грозного» шефа ГПУ — Дзержинского, существовала несомненно какая-то *свобода мысли и высказывания*. После смерти Дзержинского и приходом на его место Куйбышева в воздухе почувствовалась перемена, выразившаяся иным отношением к беспартийным работникам: их стали меньше ценить, к ним меньше прислушиваться, а потом и меньше доверять. В прямой связи с этим, падает число статей, поступающих в газету от беспартийных специалистов. В середине 1927 г. бывали дни, когда в газету не приходила уже ни одна статья. *Люди избегают высказываться*. А после разгрома, в конце 1927 г., троцкистской оппозиции, ссылки многих оппозционеров, особенно после шахтинского процесса (май-июнь 1928 г.), не только беспартийных, но и коммунистов охватывает страх: лучше молчать, чем рисковать своим положением за какую-нибудь не понравившуюся начальству статью. Мысль прячется, рот закрывается — надвигается эпоха сталинизма и сталинских пятилетних планов. Никакие статьи в редакцию уже не поступают. Прежде от авторов не было отбоя, теперь за авторами приходится гоняться и, если они соглашаются писать, то только на темы начальством одобренные.

В течение свыше пяти лет все поступающие в газету статьи не только мною читались, но те, которые предназначались к печати мною же правились и перерабатывались. Такую дополнительную к прочей редакторской работе нагрузку пришлось взять на себя потому, что, несмотря на все поиски, ни Савельев, ни я, не могли найти для этой работы вполне подходящего сотрудника со вкусом и чутьем к экономическим и техническим вопросам, с некоторыми литературными способностями, умением сделать более живыми, более ладными обычно тяжеловесные неприглядные статьи, приходившие в редакцию.

---

[122] Глава 6-я, часть 6. Ред.

В груде статей, поступающих в редакцию, часть была малоценная, иногда негодная или повторявшая мысли, уже высказанные другими, но были вещи очень дельные, но столь большого объема (вместо 5—6 страниц на пишущей машинке, иногда 20—25), что их приходилось полностью переделывать, затрачивая на это долгое время, а потом еще тратить время на разговоры с их авторами, как правило недовольными произведенными сокращениями. Наконец, среди поступающих в редакцию статей были такие, что ставили совершенно *новые, и крайне интересные,* проблемы, не обсуждавшиеся ни в ВСНХ, ни в Госплане, ни в каком-либо экономическом журнале. Эти статьи часто сопровождались сложными техническими указаниями и расчетами, об основательности которых я не мог судить в силу отсутствия требуемых для этого совершенно специальных знаний. Если авторы таких статей жили вне Москвы, с ними приходилось вступать в большую переписку, прося присылки дополнительных объяснений. Если они жили в Москве, их нужно было просить прийти в редакцию, дать объяснение, разъяснение трудно усваиваемых частей их статей. Работа над статьями, начинавшаяся у меня с 9 часов вечера, тянулась, как правило, почти до двух часов ночи. И все-таки это не был конец моего рабочего дня. Около моей постели стоял телефон, соединяющий меня с типографией, где печаталась «Торгово-Промышленная Газета». Выпускающий номер имел право обращаться ко мне всегда, даже и после трех часов ночи, когда, вследствие получения каких-либо телеграмм, правительственных постановлений, вставала необходимость сильно изменить составленную мною разметку номера.

Чтó при такой нагрузке, такой занятости оставалось у меня для отдыха? От трех часов ночи до восьми часов утра, оставалось пять часов для сна и больше ничего. Из 24 часов, по меньшей мере 18 отдавалось работе. Выдерживать такое напряжение в течение нескольких лет подряд не мог ни один, самый здоровый, человек на свете, а я был болен. За свою работу я получал самую высшую ставку. Мне давали более длительный, чем другим, летний отпуск. Автомобили в то время в Москве были «люксом», ими пользовались лишь высокостоящие правительствующие персоны и, хотя к таковым я не принадлежал, мне присылали машину, отвозящую меня в полдень в редакцию и в девять часов вечера доставлявшую домой. В 1925 году, зная что моя болезнь (язва желудка) очень мешает работать, меня, по указанию председателя Совнаркома Рыкова, согласованного с пожеланием председателя ВСНХ Дзержинского, послали в Берлин для операции и лечения у специалистов. Сопровождать меня в Берлин (при выдаче на это соответствующей валюты) было разрешено моей жене, а такого рода разрешение не было обычным. Как бы не были значительны все эти знаки ко мне внимания, они не устраняли невыносимый по тяжести характер моей работы. И здесь уместно поставить вопрос: в какой мере Савельев мне помогал ее нести, а если не помогал, то почему?

Как почти все коммунисты большого ранга, Савельев совмещал работу в разных учреждениях: Истпарте (история партии), Институт имени Ленина, редактировал какие-то партийные справочники.

Первое время, когда я только что вступил в редакцию «Торгово-Промышленной Газеты», Савельев присматривался (скажу — с любопытством) к тому, что я делаю, и брал на себя прочтение некоторых статей. Скоро все это прекратилось. Приехав из своей таинственной командировки за границу, он нашел твердо установленный мною распорядок редакционной жизни и не обнаружил намерения его изменять. Он приезжал ненадолго в редакцию, принимал людей по делам, не имеющим никакого отношения к газете, а когда его жена (красивая, элегантная женщина, бывшая следователем ГПУ) звонила ему по телефону, немедленно бросал все и уезжал домой. Я считал своим долгом сообщать ему, что идет в номере, какую кампанию мы затеваем, кому я заказал статьи, с кем виделся из начальства ВСНХ, что оно мне говорило. Кроме моих сношений с председателем и с членами президиума ВСНХ (к чему он относился, я бы сказал, с большой настороженностью), его ничто более не интересовало. Вкус к экономике, в особенности к конкретным экономическим вопросам, а не к абстрактной идеологии, у него совершенно отсутствовал. Ему было приятно, когда начальство хвалило тот или другой хорошо сделанный номер «Торгово-Промышленной Газеты», или какую-нибудь удачно проводимую ею кампанию. Такая удача могла приписываться и ему, укрепляла его партийное положение, повышала его реномэ — как «ответственного редактора», «руководителя» газеты, хотя никакого руководства он не осуществлял. Он часто ездил завтракать в Кремль в столовую Совнаркома, где имел возможность встречаться с теми, кто принадлежал к «коммунистической знати». Если в разговоре с ними ему удавалось узнать о некоторых готовящихся декретах, взглядах членов Политбюро на тот или иной вопрос, о темах подлежащих (или желательных) освещению в печати, Савельев летел в редакцию, вызывал в свой кабинет дактило и начинал диктовать статью именно на указанные темы. После долгих часов корпения над статьей, она приносилась ко мне с просьбой — «поправить немножечко стиль», и даже не ожидая этой поправки, Савельев уезжал. Он был глубочайше убежден, что я не испорчу его статью, а улучшу. Его статьи, правда очень редкие, были для меня сущим мучением. Савельев вообще писал очень плохо, туманно, а его, не писанные от руки, а продиктованные, статьи — были ужасны. Лишь немногие писатели, ораторы, журналисты, способны, диктуя, давать сразу хорошо смонтированный текст, а не груду плохо связанных фраз. Над статьями Савельева, идущими без подписи передовыми, мне приходилось сидеть по несколько часов, уничтожать их скачкообразный вид, переделывать строение фраз, догадываться об их смысле, вставлять, обычно отсутствующие у Савельева, соединяющие фразы, слова, и потом заставлять дактило переписывать. Почти всегда — на следующий день утром — Савельев звонил ко мне и довольным тоном говорил: «Не правда ли, статейка не плоха?»

«Экономическую жизнь», орган СТО (Совета Труда и Обороны), почти такого же объема, что и орган ВСНХ, но имевший дело не с вопросами одной промышленности, а со всеми отраслями хозяйственной жизни, вели три лица: ответственный редактор — комму-

нист Крумин, его заместитель — коммунист Кактынь и их помощник — заведующий редакцией М. И. Эйшискин, бывший меньшевик, в течение нескольких лет до войны редактор самой большой на юге газеты — «Киевской Мысли». То, что делали в «Экономической Жизни» эти три лица, и даже больше того, что они делали (ибо у Эйшискина были помощники, которых у меня не было), выпадало на долю меня одного в «Торгово-Промышленной Газете». Помощи от Савельева я никогда не имел. Я несколько раз убеждал его взять, в качестве второго его заместителя, какого-нибудь подходящего для этого коммуниста, как то и было в первые месяцы существования «Торгово-Промышленной Газеты», когда в ней еще работал Муравьев. Я хотел с этим вторым заместителем поделить работу и, так как, например, торговый отдел, как на это указал Дзержинский, был хуже промышленного отдела газеты, взяться за него, его реорганизовать и улучшить. У Савельева проглядывало явное нежелание иметь коммуниста своим заместителем. Савельев абсолютно мне доверял, и не только моим журналистическим и редакторским способностям. Он прекрасно знал, что никаких интриг против него я не веду и, хотя во много раз опытнее его, не покушаюсь занять его место уже потому, что в качестве «беспартийного» человека быть ответственным редактором по партийным правилам все равно быть не могу. Иное дело, если на посту заместителя появился бы какой-нибудь, более или менее крупный, партиец с нужными газете способностями. Увидя, что Савельев ничего не делает, он несомненно стал бы его критиковать в партийных кругах, в отделе печати, наносить этим такой ущерб престижу «Макса», что встал бы вопрос о замене Савельева этим заместителем или каким-нибудь другим лицом. Чтобы не подвергнуться обвинениям в лени и неспособности работать, Савельев был бы вынужден принять в той или иной форме постоянное и активное участие в редакционной работе. Такая перспектива его совсем не привлекала. Приглашение второго заместителя, сильно облегчая мою работу, самому Савельеву, кроме хлопот и весьма возможных неприятностей, ничего доброго не сулило. Поэтому он хотел, чтобы единственным заместителем был и оставался только я и больше никто. За моей спиной он чувствовал себя спокойным, свободным, работой не обремененным, имеющим возможность делать еще что-то «партийно важное», а это, помимо увеличения его заработка, способствовало продвижению к более высоким командным постам (большую партийную карьеру Савельев делал очень умело). На мои жалобы, что я физически не в состоянии нести тройную нагрузку, он неизменно отвечал: «Вам не нужно столько работать, не тратьте времени на посещение заседаний в ВСНХ, раньше уезжайте из редакции, осуществляйте только «верховное руководство», а исполнение всяких работ возложите на других. Конечно, если ведется какая-нибудь анкета или кампания, вам нужно за ними 'присматривать', но в это время всем другим не занимайтесь».

Такого рода советы показывали, насколько Савельев был далек от понимания, что ведение газеты требует не артистических «верховных» налетов, а настойчивой ежедневной работы, без которой

«Торгово-Промышленная Газета» не стала бы тем, чем стала, а продолжала бы быть негодным изданием 1922 г. Видя, что без принятия каких-то экстраординарных мер, без приглашения, на чем я настаивал, в редакцию новых работников и моего заместителя, изнуряющая меня работа не уменьшится, я решил в ультимативной форме добиваться освобождения от обязанностей заместителя редактора. В этом смысле и написал посланное Савельеву заявление. По этому заявлению можно хорошо себе представить как *отличается эпоха НЭП-а от последующего времени.* Самочувствие и положение не только мои, но и всех бывших меньшевиков в годы управления ВСНХ Дзержинским глубоко отличается от их положения под Куйбышевым. Два с половиной года позднее *ни один беспартийный,* тем более *бывший меньшевик,* не осмелился бы сделать своему коммунистическому начальству заявление, хотя бы отдаленно схожее с тем, что я написал Савельеву, при чем рассчитывая, что он должен показать его Дзержинскому. За такое заявление, за «свободный» тон, автора его выгнали бы немедленно со службы, а, может быть, и арестовали. А в царствование Сталина наверное бы расстреляли или отправили в концентрационный лагерь. Шахтинский процесс, потом процесс «Промышленной партии» в 1930 г., процесс меньшевиков в 1931 г. — ясно показали, что сталинизирующаяся коммунистическая партия намерена видеть в беспартийных специалистах и бывших меньшевиках только рабски ей повинующийся безмолвный аппарат. Вот что я писал Савельеву.

> «Ваше предложение, чтобы я продолжал быть заместителем ответственного редактора, вел все ответственные кампании, осуществлял «верховное руководство» промышленным и торговым отделом — по существу дела очень мало освобождает меня от той работы, которую я вел до сих пор. Состояние моего здоровья не позволяет мне продолжать эту работу. Поэтому, поскольку серьезно ставится вопрос о раскрепощении меня от излишней работы, я, возвращаясь к моему заявлению, поданному Вам еще в августе, прошу принять такое предложение:
>
> 1. — С 22 октября, после выпуска вкладки о воспроизводстве основного капитала промышленности, я просил бы до 1 ноября освободить меня от всякой работы. Мозговое переутомление дошло до крайности и кратковременный отдых является непременным условием самой возможности продолжения работы.
>
> 2. — С 1 ноября я могу возвратиться к работе, но отнюдь не в качестве заместителя ответственного редактора, а в качестве только редактора торгового отдела в широком смысле этого слова. В качестве такового могу взять на себя чтение, заказ, редактуру всех статей по торговле и кооперации и одновременно руководство торговым отделом в смысле обрисовки рынков и цен.
>
> 3. — На меня не должна возлагаться никакая иная работа сверх очерченной выше. Заранее прошу признать мое законное пра-

во быть *глухим* и *немым* по отношениею ко всему, что не входит в круг очерченных для меня этим договором обязанностей. На этом пункте я особенно останавливаюсь, так как боюсь, что ежедневная практика сначала маленьких, потом больших дополнительных работ, обращений, консультаций и т. д., постепенно, обходным путем, расширит объем работ настолько, что под видом нового положения у меня останется томительное старое. Формальное расписание работ с целью разгрузки меня происходило неоднократно — в апреле, августе, октябре 1923 г., марте 1924, августе 1925, но не было случая, чтобы моя фактическая нагрузка от этого уменьшилась. Прошу Вас согласиться твердо, что этого не должно быть. Будем, как говорили в старой Москве, *«свято и ненарушимо на том крест целовать»*.

4. — Чтобы мое устранение от роли «делателя» газеты не вызвало первое время перебоев в работе, я посоветовал бы для усиления редакции немедленно пригласить ответственного литературного секретаря. И не секретаря-техника из «Биржевки», а серьезного работника с литературной сноровкой и экономическим ответственным кругозором. Б. И. Стражевский, из всех имеющихся кандидатур, наиболее подходящ. Полагаю, что его приглашение дало бы возможность осуществить следующую организационную структуру газеты. Я беру на себя половину газеты (всю торговую часть — торговую информацию и статьи), на долю новых людей — заведующего редакцией Рокаха, литературного секретаря Стражевского, остается другая половина, которую они должны делать совместно, опираясь на Розенблита и на заведующего промышленным отделом Спиваковского. Вся подготовительная работа представляется потом на рассмотрение ответственного редактора, утверждающего размерку очередного номера.

5. — Жалование мое я получаю как «спец», а не как заместитель ответственного редактора и, следовательно, нужно полагать, что уход с поста заместителя на размерах моего жалования не отразится.

6. — В течение 3-х лет работы в «Торгово-Промышленной Газете» я часто выполнял работу *за трех*, а бывало и *за четырех человек*, но никогда не ставил вопроса о вознаграждении за это. Проводя политику жесткой экономии в редакции (Вам это известно более чем кому-либо), я систематически отказывался от всяких дополнительных выдач. К сожалению, вижу, что в моей практике были элементы никому и ни на что не нужного сентиментального подвижничества. Ныне, учтя это, я прошу Вас поставить вопрос о дополнительной работе в несколько иной форме. Жалование я получаю за выполнение круга обязанностей, перечисленных в пункте 2-м этого заявления, их достаточно много и нагрузка работой более чем значительна».

Мое заявление послано Савельеву 14 октября 1925 г., а ответ на него получил только 20 октября. До этого дня он избегал встречи со мною, очевидно еще не зная, как и что мне ответить. Пост заместителя редактора «Торгово-Промышленной Газеты» утверждался председателем ВСНХ — сначала Рыковым, потом сменившим его Дзержинским. Без оповещения последнего, без на то его согласия, отказаться от моей должности, оставить ее, я не имел права. Из рассказа самого Савельева и весьма его дополняющего рассказа Ломова, в качестве начальника Центрального Управления Печати при ВСНХ, посвященного во всю эту историю, я узнал следующее. Заявление мое Савельев *не показал* Дзержинскому, вероятно не хотел сообщать тому, что в редакции я выполнял работу «за трех». Он просто сообщил, что я болен, прошу освободить от заместительства редактора, дав в газете более легкую работу. Дзержинский на это сказал — ему известно, что я болен, насиловать меня нельзя и как бы это и не было досадно, просьбу мою нужно удовлетворить, но меня нельзя отпускать, не отметив в приказе ВСНХ *«ту громадную работу»*, что я вел и благодаря которой газета стала ценным помощником ВСНХ. Появление в приказе по ВСНХ такой похвалы по моему адресу, думаю, не улыбалось Савельеву. В нем не было бы упоминания, что и Савельев тоже работал (это, как в басне Крылова: — «мы пахали») в деле превращения газеты в ценного помощника ВСНХ. Но особого предлога поминать Савеньева в тот момент не было и, полагаю, он стеснялся о том просить Дзержинского. Не знаю уж как, с помощью каких доводов, Савельеву удалось убедить Дзержинского не отмечать мой отказ от заместительства в приказе по ВСНХ. Вместо этого Дзержинский дал Савельеву указание составить и выдать мне самую лестную аттестацию моей работы в газете. Савельев сделал ее в следующем виде: отвечая на просьбу освободить меня от обязанностей заместителя редактора, он на моем заявлении написал:

> «Констатируя громадную работу, проделанную Николаем Владиславовичем Валентиновым по превращению «Торг. Пром. Газеты» в руководящий орган нашей промышленности и торговли, считаясь с состоянием его здоровья; пункты выдвинутые Н. В., принимаю, в том числе и пункт об оплате, как само собою подразумевающееся, о чем я не раз и указывал ему. Во время моих отъездов из Москвы, считал бы необходимым оставлять заместительство Н. В. Валентинова».

Согласие покинуть свой пост я получил, но по причинам, о которых скажу ниже, все осталось только на бумаге и потом вплоть до начала 1928 г. я продолжал нести прежнюю работу. Савельев был, конечно, очень доволен, что после больших разговоров и заявлений (не в первый раз) все осталось по-прежнему. Это позволяло ему и впредь отдавать «Торгово-Промышленной Газете» минимальное время, и спокойно знать, что газета ведется хорошо, что я его не подведу и никаких неприятностей ему не сделаю. Возвращение к прежнему положению Савельев рассматривал, как результат его «дальновидной дипломатии». На собрании коммунистов — сотруд-

ников «Торгово-Промышленной Газеты» и ЦУП, — а о том, что там говорилось мне немедленно стало известно, — Савельев говорил:

— Валентинов хотел большой пост променять на меньший, стать ординарным сотрудником редакции. К этому нельзя относиться серьезно, хотя бы уже потому, что у него слишком велика привычка *командовать*. Я знал, что отказавшись быть заместителем редактора, он не ограничится работой в одном отделе, этого для него мало, а непременно будет *влезать* во все другие отделы, а так как его авторитет среди сотрудников велик и его слушаются, фактически останется прежнее положение. Вот почему я и отсоветовал Ф. Э. Дзержинскому официально санкционировать в приказе отказ Валентинова быть зам. редактора. Будь это сделано и стало бы всем известно, Валентинову было бы уже неловко идти на попятную, как-либо нарушать узаконенное приказом новое положение. А раз этого нет, а есть лишь *келейный сговор* между мною и им, его легко изменить тем же *келейным* образом.

Отсоветовая говорить обо мне в приказе по ВСНХ, Савельев тем самым «весьма дипломатично» превратил в *«келейный»* документ ту аттестацию меня, которую мне выдавал Дзержинский. Не опубликованная в приказе, она тем не менее существует. Без прямого на то указания Дзержинского, Савельев не захотел бы и, во всяком случае, не посмел бы объявлять, что орган ВСНХ превращен в руководящий орган промышленности и торговли «благодаря огромной работе» *бывшего меньшевика*. Однако, мой случай совсем не является единственным. Было время, когда высшее коммунистическое начальство ВСНХ, сначала Рыков, потом Дзержинский, считало не только нужным, а даже своим долгом указывать на «громадную работу», которую в советском хозяйстве делают бывшие меньшевики, не втискиваясь при этом в коммунистическую партию, подобно, например, Хинчуку, в прошлом члену ЦК меньшевистской партии. С этой точки зрения представляет действительно *исключительный* интерес похвала, с которой Дзержинский говорил о меньшевиках: Соколовском, Гинзбурге, Кафенгаузе и других. В главе «Дзержинский в ВСНХ СССР» я полностью привел его слова. Они дошли до прямо заинтересованных в этом лиц и вызвали самые оживленные комментарии в нашей «Лиге наблюдателей», усиливая в ней тот оптимизм, с которым еще в 1925 г. наш кружок смотрел на советскую эволюцию. Следует пояснить, что разговор Дзержинского с Савельевым о бывших меньшевиках возник, когда зашла речь о выдаче мне похвальной аттестации. В связи с этим Дзержинский и сказал, что не я один, но и другие бывшие меньшевики заслуживают такой же большой похвалы.

Я сказал, что после моего заявления об уходе от заместительства — все осталось по-прежнему. Это не совсем так. Кое в чем моя работа была облегчена. Выпускающему газеты было запрещено телефонными обращениями тревожить меня после 12 часов ночи. Установлено, что для решения возникающих ночью больших вопросов следует обращаться к самому Савельеву, а по вопросам меньшей важности — обращаться к Спиваковскому, назначенному в качестве заведующего редакцией быть моим помощником. Все осталь-

ное осталось для меня как прежде. Четыре молодые коммуниста (Спиваковский, Рокак, Лейтес, Хавин), посланные отделом печати для обучения мною «газетному знанию» и усиления партийного состава в редакции, были хорошими, прилежными учениками, неукоснительно выполняющими все мои указания, но собственной инициативы у них не было.

Один из них (Рокак), которого я попытался выдвинуть на пост заведующего редакцией, показал себя в этой функции совершенно не годным. Его пришлось заменить другим сотрудником — я выше называл его — Спиваковским. С ним стало немного лучше, все же не то, что нужно. Не совсем оправдал надежды и приглашенный новый сотрудник (Стражевский, бывший коммунист), которому я предлагал поручить чтение и правку статей. Он далеко не всегда чувствовал чтó в них важно, а чтó нет. Словом, не вдаваясь в подробности, скажу, что редакционный комитет из *восемнадцати* сотрудников, считая в том числе репортеров, не был настолько силен, инициативен, активен, экономически чуток и подготовлен, чтобы без постоянного его подталкивания, наблюдения за ним, без руководства им, быть способным поддерживать завоеванный престиж «Торгово-Промышленной Газеты». В его составе я не видел никого, кто мог бы стать заместителем редактора и освободить меня от того, что я называл «каторжной работой». Бросить же газету на произвол судьбы, я ни за что не хотел. При этом искании себе заместителя станет понятно, что я обратил большое внимание на появившегося в 1926 г. в газете нового сотрудника — В. С. Богушевского. Партийный стаж его не был велик. Он сделался коммунистом после октябрьской революции, но, благодаря своей интеллигентности, некоторым знаниям, способности «ораторствовать» и не совсем плохо, хотя трафаретно, писать, — стал постепенно подниматься на лестнице партийной иерархии. И вдруг его карьера оборвалась. Он имел неосторожность написать в «Большевике» статью, в которой доказывал, что деревенский кулак «не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, а вымирающие уже *единицы*». Статья, не лишенная аргументов и, между прочим, весьма правильных указаний, что в советской печати нет ясного определения, кого считать кулаком, вызвала припадок бешенства у Сталина: как сметь отрицать существование такого врага, как кулак! Некоему Сулкову было поручено в «Большевике» ответить Богушевскому и от имени начальства объявить, что его статья вредная, стремится спасти кулаков и их «ввести в состав полноправных советских граждан». Открывая собою знаменитую галерею кающихся, Богушевский униженно, почти слезно, просил прощения за написанную им статью, всенародно отказываясь от всех высказанных в ней мыслей. Секретариат партии все-таки согнал Богушевского с занимаемого им поста, сделал на несколько месяцев безработным, а потом передал в отдел печати ЦК, постановивший его направить на самую маленькую работу в «Торгово-Промышленную Газету». Когда об этом объявили Савельеву, тот, всегда боящийся, что ему пошлют какого-нибудь нежелательного, опасного для него заместителя, с некиим страхом спросил: «На какую же должность вы присылаете к

нам в газету Богушевского?» На это ему ответили: «Отдайте его под начало Валентинова. Пусть тот хорошенько ему шею мнет».

С усмешкой сообщая об этом, Савельев мне сказал, чтобы я избрал для Богушевского такого рода работу, которая согласуется с высказанным на этот счет приказом Отдела Печати. «Мять шею» Богушевскому у меня никакого поползновения не было. Мне было жалко его. Он был послушен, скромен, — я бы сказал, — напуган, унижен и об одном только молил, чтобы партийная пресса перестала его травить как «защитника кулаков».[123] Я давал Богушевскому править некоторые статьи, назначал темы, на которые он должен был писать без подписи передовые статьи, тщательно при нем их исправлял, требовал, чтобы он всегда — для получения газетного знания, присутствовал на всех редакционных совещаниях. В конце концов, достиг того, что Богушевский кое в чем мне стал помогать. Однако тяжесть моей работы от этого уменьшилась не на много, тем более, что я начал организовывать в газете новый большой отдел, посвященный прикладной науке и технике. Не работая столько как прежде, я все-таки работал 13 или 14 часов в сутки и к концу 1927 г. мозговое переутомление достигло крайней степени, сопровождаясь невыносимыми головными болями с судорогами и потерей сознания. Хирург профессор Хорошко, полагал, что нельзя обойтись без трепанации черепа, так как головные боли связанные, по его предположению, с опухолью в мозгу, являются последствием удара по голове, когда-то нанесенного мне полицейской саблей. В противоположность ему, доктор Краммер, тот самый, что лечил Ленина, находил, что такой операции делать не нужно, но необходимо *надолго* бросить всякую работу в газете, о ней абсолютно не думать и лучше всего для этого уехать за границу, например в Германию, в какую-нибудь специальную санаторию. О моем состоянии здоровья через Савельева и сестру своей жены (она работала в секретариате «Торгово-Промышленной Газеты») узнал А. И. Рыков и снова, это уже во второй раз, сделал все, чтобы я смог отправиться за границу. Выехав туда в январе 1928 года, я жил в санатории Либенштейн в Тюрингии, где меня, с помощью сильнейших доз снотворного, лечили, главным образом, сном — 10—12 часов в сутки. Доктора не без основания считали, что болезнь моя развилась на почве многолетнего недостатка сна. Оправляясь понемногу от болезни, я твердо решил ни при каких обстоятельствах больше не работать в «Торгово-Промышленной Газете» и окончательно ее покинуть. Быть в ней только рядовым, простым, сотрудником мне никак не удастся, а быть кем-то больше этого, т. е. опять иметь отношение к руководству, значило бы возвращение к губящей меня работе. Отказаться от какой-либо руководящей должности побуждали и другие мотивы.

С 1922 г. работая в ВСНХ, активно участвуя во всех его кампаниях, всемерно поддерживая их, я не делал чего-то, что резко бы противоречило моим убеждениям. Основную хозяйственную по-

---

[123] Сталин в одной из своих речей назвал Богушевского «конченным человеком».

литику правительства, за исключением некоторых ее частей, я принимал, и то, что проводил в ВСНХ, например, Дзержинский, считал правильным. Не могу сказать, чтоб совсем не было никакого «приспособленчества», но важно, что *большого морального разлада* с тем, что делалось в стране, я не ощущал. Наоборот, был оптимистический взгляд в будущее и вера в спасительную, созидающую новые формы, эволюцию. Но с конца 1926 г., а в особенности в 1927 г., в советской атмосфере начинают появляться и укрепляться явления, веяния, со страхом оцениваемые в интеллигентской среде, создающие в ней, и в том числе в нашей «Лиге наблюдателей», растущий пессимизм, а потом и панику. Часть нашего кружка начинает думать, что происходит очень опасный перелом правительственной политики, уводящий ее от НЭП-а, в какую-то неизвестную, не обещающую ничего хорошего, сторону. Под влиянием разных соображений и причин, в том числе одного *большого и важного разговора с Рыковым*, я отталкивался от этих пессимистических выводов. Однако, прежнее самочувствие исчезло, сомнения появились и у меня, уже не было уверенности, что, следуя за правительственной политикой, не разойдусь с моими убеждениями. Отсюда, естественно, желание совершенно уйти из «Торгово-Промышленной Газеты», где, не будучи рядовым сотрудником, мне пришлось бы проводить политику, за которую морально я уже не мог нести ответственность. Ни на минуту тогда не приходила в голову мысль, что могу или хочу стать эмигрантом, но я думал, что стоит пожить за границей подольше, чтобы прочнее восстановить здоровье. Считая, что лучше всего мой категорический отказ от дальнейшего участи в «Торгово-Промышленной Газете» сделать до моего возвращения в Москву, я и послал Савельеву соответствующее этому заявление.

Как-то испарилось из памяти, что я написал. Помню только, что после описания назначенного мне в санатории Либенштейна курса лечения, я писал, что начинаю понемногу приходить в себя и оказываюсь даже способным совершать прогулки вместе с некоей очень глупенькой, но хорошенькой фрейлен Baumeister. А после этого введения я умолял Савельева в терминах, возможно весьма неудачных, не чинить препятствий к моему уходу из газеты, так как продолжение в ней работы для меня будет смертельной опасностью. Вот какое письмо в ответ я получил от М. А. Савельева.

«Многоуважаемый Николай Владиславович,

Я получил на днях наконец-то Ваше письмо. Из него можно заключить, что Вы основательно лечитесь, довольны санаторием и даже Fr. Baumeister не нарушает правильного биения Вашего пульса (я, конечно, этим не хочу опорочить ее, наверное, отличных качеств, особенно по линии Kinder, Kirche, Küche, трех «К», как говорят немцы).

В Вашем письме Вы опять и совершенно категорически ставите вопрос об уходе из «Торгово-Промышленной Газеты». Вы знаете, Николай Владиславович, что редакция предпринимала всегда все возможное, чтобы Вы, ее активнейший работник, остались в ее недрах. Но поскольку в этом письме Вы ставите

это «как единственную Вашу цель» и считаете данный момент наиболее к тому подходящим — очевидно другого выхода нет. Я говорил по этому поводу с В. В. Куйбышевым и получил на этот счет его принципиальное согласие. Я хотел бы только думать, что Ваш уход из газеты ни в коем случае не нарушит длительных хороших отношений, которые установились у нас в процессе все же многолетней совместной работы. Работать в газете стало мне очень трудно. Задачи усложняются, народа нет, штаты душат. После получения Вашего письма, мы приступили к попытке наладить отдел науки и техники собственными силами. На это дело я поставил Розенблита. Стражевский сидит на статьях. Вы пишете, что не прочь бы остаться в Берлине или Париже. В Париже — как Вам известно, в качестве торгпреда Ю. Л. Пятаков, который, я не сомневаюсь, с величайшей охотой привлек бы Вас на работу. В Берлине я мог бы написать Бегге [торгпред], самое теплое письмо, если бы понадобилось.

Валентине Николаевне [моей жене] мы выплатили по 15 апреля. Очевидно, приблизительно к этому времени Вы будете здесь.

27 марта 1928 г. Привет.

М. Савельев».

Уверенность Савельева, что Пятаков «с величайшей охотой» возьмет меня к себе на службу — подтвердилась очень скоро, но я об этом буду еще говорить в другом месте и здесь повторяться не буду. [124] Возвратясь в Москву в конце апреля, после почти четырех месяцев отсутствия из СССР, я узнал, что в разных кругах и разговорах все время приходится натыкаться на имя Сталина. Первый раз об «Иосифе» я услышал у Савельева. Я пришел к нему, принося для его жены духи какой-то модной тогда парижской фирмы. Советские дамы были очень падки на заграничные духи. Я не успел сказать Савельеву и десяти фраз, как раздался звонок и появился Молотов. Милостиво спросив меня о моем здоровьи, Молотов разлегся на диване и стал жаловаться Савельеву:

— Спать, спать хочу! Всю ночь провозился в спорах с Иосифом. Ты не можешь себе представить до чего Сталин *теперь* стал упрям.

Считая, что мое присутствие может мешать их разговору о разных партийных делах, я поспешил уйти.

Недели через две после этого на квартире Савельева, по поводу моего ухода из «Торгово-Промышленной Газеты», был организован «прощальный вечер». На нем присутствовала вся редакция и почтить меня пришел с супругой Куйбышев — председатель ВСНХ. Без всякого стеснения он пил больше чем кто-либо из присутствующих и, сидя рядом со мною, обращался ко мне с вопросами, которые иначе, как нелепыми, назвать нельзя. Услышав от меня (мы пили в это время кофе), что самый крепкий кофе я пил в 1913 г.

---

[124] См. примечание № 121. Ред.

в Константинополе в кофейне на берегу Золотого Рога, — Куйбышев, поминутно прикладываясь к рюмке с ликером, спросил:

— А зачем вы попали в Константинополь?

— Попал туда в качестве туриста.

— Но что там может быть интересного? Ничего.

— Помилуйте, Константинополь — один из интереснейших мировых городов. Ведь это древняя Византия, игравшая такую роль в российской истории. В Константинополь стоит попасть ради хотя бы одного такого памятника, как храм Святой Софии, превращенный турками в мечеть. Остатков великого прошлого, исторических достопримечательностей там масса. Из памяти, например, не выходит существующая в подземельи старинная цистерна, производящая сказочное впечатление. Свод этого подземелья поддерживается множеством мощных, великолепных колонн. Можно с факелами в руках, — без огня там темь, — в этом подземельи плыть на лодке. Вода этого резервуара составляет целое озеро.

— А зачем эта цистерна?

— В ней держали запасы воды на случай осады города.

— Константинополь стоит на проливе, на воде. Зачем тогда воду в цистернах держать? Просто помпами качать.

— Да ведь вода пролива — морская, соленая и помп тогда не было.

Узнав, что я был не только в Турции, но и в Греции, в Афинах, — Куйбышев рассмеялся.

— Это уже чистая потеря времени! Ведь Афины теперь городишко, вроде какого-нибудь нашего Бузулука.

— Ну, как можно сравнивать с Бузулуком Афины с их Акрополем, Парфеноном, Эрехтеоном, Пропилеями, Никой Аптерос — ведь тут колыбель европейской культуры.

Куйбышев, все более и более пьянеющий, отмахивался от моей попытки сказать хотя бы несколько слов об Афинах и греческой культуре и с пьяной настойчивостью повторял без всякого смысла одну и ту же фразу:

— Это все вещи (какие?) одного и того же порядка, одного и того же порядка. Это все никому теперь абсолютно не нужно. Нам нужны не Афины. Это все вещи одного и того же порядка. Что нам нужно? Вот Сталин недавно одной фразой все замечательно определил: *нужна индустриализация и настоящая, а не с плюгавенькими темпами.*

Я смотрел на Куйбышева и думал: этот маленький человек — председатель ВСНХ, стоит во главе страны!!

Третий раз я услышал с особым ударением имя Сталина от Л. Г. Дейча, жившего, как ему и полагалось, в доме отдыха для ветеранов революции. Он мне рассказывал, что Плеханов, после 37 лет эмигрантской жизни заграницей, приехав в Россию, очень хотел побывать в деревне Гудаловка, недалеко от Липецка. Там в имении его отца протекали его детство и юность. Незадолго до смерти (в 1918 г.) он просил свою жену — Розалию Марковну — вместо него побывать в Гудаловке. В 1928 г. Розалия Марковна, в сопровождении Л. Г. Дейча, туда поехала во второй раз в связи с органи-

зацией в Липецке музея имени Плеханова. Дейч с ужасом рассказывал, что в деревню возвратились порядки военного коммунизма. Снова бесчинствуют отряды ГПУ, отнимают у крестьян хлеб, закрывают рынки, производят повальные обыски.

— Мы с Розалией Марковной видели, как сотни телег, растянувшись на километры, везут реквизированное зерно в приемные пункты. Около телег с мрачными лицами шагают крестьяне. Сзади этого кортежа отряд ГПУ, а на передней телеге громадное красное знамя и плакат: «Красные обозы везут хлеб нашему дорогому социалистическому правительству». Мы с Розалией Марковной в Липецке добивались узнать: откуда идет распоряжение реквизировать хлеб и организовывать эти насильственные обозы. Ведь НЭП не отменен, почему же снова воскрешаются приемы военного коммунизма? Нам по секрету объяснили, что распоряжение идет не по «советской линии», а по «линии партийной» за подписью Сталина.

Четвертый раз услышал я о Сталине от Ю. М. Стеклова, с ним у меня были давние и хорошие отношения. В течение нескольких лет он был редактором «Известий» Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. Его передовые читала вся Россия. «Известия» считались и считаются органом «советской власти», «Правда» — органом Центрального Комитета партии. В половине 1925 г. Стеклов был снят с поста редактора «Известий» и замещен И. И. Степановым-Скворцовым. В этой деградации Стеклова, в связи с его какими-то грехами, сыграл большую роль Сталин, к которому Стеклов относился самым презрительным образом: он обычно называл его «невежественным грузином». Потеряв свое прежнее положение и получив назначение на маленькую должность председателя Комитета по заведованию учебными заведениями ЦИК, Стеклов все-таки остался жить, как при Ленине, в Кремле в прекрасной квартире, составлявшей часть бывшего женского монастыря (он назывался Вознесенским). Узнав, что я только что приехал из-за границы, Стеклов попросил меня и мою жену его навестить. Стеклов долго жил заграницей и, в сущности, только о ней, о Париже, Берлине у нас и шла беседа. Но, улучив момент, когда жена Стеклова повела мою жену показать квартиру, я обратился к Стеклову с просьбой «конфиденциально» объяснить, что такое происходит в СССР и почему, приехав из-за границы, я то и дело теперь слышу имя Сталина.

— Что происходит? — прошипел Стеклов. — Вот что: нас, вас, все население скоро будет обучать марксизму бандит Сталин. А кроме бандитского понимания марксизма сей бандит другого не знает. Я вам все сказал и больше о том меня не спрашивайте. Перейдем к разговору на другую тему.

Стеклов, по дошедшим заграницу слухам, был расстрелян в конце 1937 года.

Пятый раз на имя Сталина натолкнуло следующее случившееся со мною происшествие. Я шел, держа руки в карманах, через Лубянскую площадь, переименованную в площадь Дзержинского, ибо на ней помещалось ГПУ, шефом которого он был до половины

1926 г. Вдруг ко мне подбегает кто-то, схватывает обе руки так крепко, что рук из карманов я вынуть не смог. Это длится всего несколько секунд, я даже не могу себе дать отчет, что значит это нападение средь белого дня против здания ГПУ! Нападающий — белобрысый парень в черном пальто, вежливо снимает свою кепку и просит прощения за беспокойство: он, видите ли, ошибся, принял меня за своего знакомого. Пробормотав это, парень скрывается. Недалеко от Лубянской площади, находилось помещение «Торгово-Промышленной Газеты», куда она перебралась в 1927 г. Я захожу туда к моим прежним сотрудникам и первый, кого я встречаю — это Зет. Его фамилию здесь не сообщаю, он, вероятно, еще жив и вредить ему не хочу. Еще в бытность мою в газете я совершенно случайно узнал, что этот симпатичный и мягкий коммунист был обязан в качестве секретного сотрудника тайно посещать ГПУ и там докладывать о всем, что могло казаться подозрительным в поведении и словах сотрудников «Торгово-Промышленной Газеты». Не знаю, должен ли он был доносить о Савельеве, но обо мне он был обязан это делать (имею в виду период *после смерти* Дзержинского) и однажды я шутливо спросил его, много ли он написал «доносов» на меня. Зет, с залившимся краской лицом, очень взволнованный, ответил мне: «Клянусь жизнью моей матери, что никогда, никакого вреда я вам не делал». Я уверен, он говорил правду. Вреда не только мне, но и другим сотрудникам газеты, он не делал. Обязанности доносителя ему несомненно были неприятны, он ходил в ГПУ, лишь повинуясь партийной дисциплине. Ведь говорил же Ленин: «Хороший коммунист должен быть чекистом».

Когда я рассказал Зет о происшествии на площади, он спросил:

— Около вас в это время проезжал ли какой-нибудь автомобиль?

Я ответил:

— Да, в нескольких шагах от меня, впереди меня, проехала закрытая машина.

— В таком случае я вам объясню в чем дело. В автомобиле несомненно ехал Сталин. Его передвижения теперь тщательно оберегаются. Вы шли с руками опущенными в карманы. Значит, могли незаметно в одной из них держать револьвер и при удобных для этого обстоятельствах стрелять в человека в автомобиле. Поэтому агент ГПУ, увидев, что вы идете не по тротуару, а посреди площади, держа руки в карманах, бросился на вас, ловко стиснув руки, дав в это время машине возможность далеко уехать.

— Но, — спрашиваю, — откуда у Сталина такая подозрительность? Почему он думает, что кто-то хочет на него покуситься и его нужно особенно тщательно охранять? Почему нет этой подозрительности у других членов Политбюро — у Рыкова, Томского, Бухарина, Калинина? Я вчера встретил Бухарина на Тверской улице, он без всякой боязни шел среди толпы, как все простые смертные. Почему такой страх у Сталина? Еще недавно у него этого не было. Когда он читал лекции в Свердловском университете, тот, кто хотел бы на него покуситься, мог бы сделать это вполне свободно.

Зет пожал плечами.

— Я человек маленький. Всего, что делается, особенно наверху, знать не могу. Знаю только, что два последних публичных выступления Сталина потребовали от ГПУ огромную мобилизацию охраны.

В заключение еще несколько слов о Савельеве. Ловко маневрируя, умея прислониться и к одной, и к другой — самой важной верхушечной фигуре, он все-таки до конца 1925 или начала 1926 г. главную свою «ориентацию» держал в направлении к Рыкову. Возвратившись в 1928 г. из-за границы, я немедленно заметил, что равнение на Рыкова им явно оставлено. Рыков был вполне заслонен Сталиным и Молотовым. Через год, т. е. в 1929 г., к пятидесятилетию Сталина, выйдет сборник статей Калинина, Куйбышева, Кагановича, Ворошилова, Микояна, Орджоникидзе и других, присягающих на верность Сталину и объявляющих его великим вождем партии и страны. В число авторов этого сборника, коронующего Сталина, попал и М. А. Савельев, озаглавивший свою статью: «Сталин — продолжатель дела Ленина». В 1929 г. Савельев был уже редактором «Известий» ЦИК СССР,[125] а я служил в Париже в советском торговом представительстве и редактировал его орган: «La Vie Economique des Soviets». Узнав, что я интересуюсь постановкой туризма вообще и, в частности, во Франции, Савельев обратился ко мне с просьбой написать для «Известий» статью, в которой наметить, опираясь на опыт Европы, — чтó нужно сделать для широкого привлечения иностранных туристов в СССР. Прося гонорар за эту статью передать моей сестре (для этого я за нее и взялся), я написал большую, свыше 600 строк, статью, под заглавием «Как привлекать иностранных туристов в СССР», она помещена в «Известиях» в номере от 8 августа 1929 г. Анализируя разные туристские маршруты, их организацию, затрагивая до сих пор не тронутую в советской печати тему, статья эта, как мне писали, имела большой успех, по-моему, весьма двусмысленный. Спорная в ряде своих утверждений (я, например, считал, что Москва более интересна для иностранцев, чем Ленинград), она на редкость не подходила ко времени. Она могла быть ко двору в 1955, но отнюдь не в 1929 г. О каком привлечении иностранных туристов могла быть речь, когда уже входили в жизнь сталинские пятилетки, начиналась эпоха раскулачивания, террора, голода, холода. Страна на десятилетия замуровывалась, запиралась от взора иностранцев, а не открывалась для их приезда.

Этой двусмысленной статьей и закончилось мое участие в московской печати.

---

125 После ухода Савельева из «Торгово-Промышленной Газеты» редактором ее стал Богушевский. Он буквально ползал перед Куйбышевым. Ему простили его грехи и после съезда 1934 г. сделали даже членом Комиссии Партийного Контроля. Однако, после 1934 г. я уже не встречал его фамилии в советской печати. Вероятно, он, как тысячи других, был угроблен Сталиным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УЧАСТНИКИ «ЛИГИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ»

1) В. Г. Громан. Экономист-статистик. Активнейший член президиума Госплана.

2). Проф. Л. Б. Кафенгауз. Начальник статистического отдела ВСНХ СССР. При Временном Правительстве — товарищ министра Торговли и Промышленности.

3) Н. В. Валентинов-Вольский (он же Юрьевский). Фактический редактор органа ВСНХ «Торгово-Промышленная Газета».

4) П. Н. Малянтович. Выдающийся московский адвокат. Министр юстиции Временного Правительства.

5) Э. Л. Смирнов (Гуревич). В моей рукописи назван «Юристом». Старый литератор, знаток европейской политики. Влиятельный сотрудник Института Маркса—Энгельса.

6) В. А. Левитский. Очень известный в Москве врач-общественник, специалист по гигиене труда. Председатель московского губернского исполнительного комитета до октябрьской революции.

7) Вл. Ник. Малянтович — брат П. Н. Это «Икс» в моей рукописи. Известный московский адвокат. Постоянный защитник политических в царское время, защитник подсудимых в советское время, в частности — обвиненных в шахтинском процессе.

8) Мария Викторовна Малянтович — его жена. Давняя участница революционного и общественного движения. Это ее я называю «Кассандрой».

9) Проф. Букшпан. Экономист. Не всегда присутствовал на собраниях кружка.

За исключением Букшпана и д-ра Левитского все остальные лица прежде принадлежали к меньшевистской партии или таковыми себя считали.

В. Г. Громан — был главным обвиняемым в меньшевистском процессе 1931 г. Приговорен к 10 годам тюрьмы. Мне — его старому другу — абсолютно непонятно как мог он дойти до унизительного и лживого покаяния на этом процессе. Все-таки он на суде ни слова не произнес о «Лиге наблюдателей».

Проф. Кафенгауз — был сослан куда-то в Среднюю Азию. Неизвестно жив ли он.

Н. Н. Маллитович — по слухам — расстрелян в эпоху кровавых чисток 1937—1938 гг.

Смирнов (Гуревич) умер и будто бы умер и Левитский. Остальные лица, может быть, еще живы. Из страха им повредить, пока ни в коем случае нельзя оглашать состав «Лиги наблюдателей».

23 июля 1956 г. *Н. В.*

Книги издательства «Телекс»

С. П. Мельгунов «Красный террор в России»
1-е изд. — 1979 (совместно с изд-вом «BRANDY»)
2-е изд. — 1989

З. Гиппиус «Петербургские дневники»
1-е изд. — 1982 (совместно с изд-вом «Орфей»)
2-е изд. — 1990

Л. Ежевский «Катынь-1940»
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1985
3-е изд. — 1987

«СССР-Германия, 1939»
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1989

«СССР-Германия, 1939-1941»
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1989

С. П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков»
1-е изд. — 1985
2-е изд. — 1989

«Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»
1-е изд. — 1986
2-е изд. — 1989
3-е изд. — 1991

Даниэл О. Грэм «Космический щит»
1988

«Хрущев о Сталине»
1-е изд. — 1988
2-е изд. — 1989

Коран — 1989

П. А. Столыпин — «Речи, 1906-1911» — 1990

«Большевики, 1903-1916» — 1990

А. Голдберг — Американские профсоюзы — 1990

С. Падовер — Джефферсон, третий президент — 1991

С. Невинс, Г. Коммаджер — История США — 1991

С. П. Мельгунов — Судьба императора Николая II после отречения — 1991

Г.М. Дейч — Еврейские предки Ленина — 1991

П. Смирнов — История Христианской Православной Церкви — 1991

Н. Валентинов — НЭП и кризис партии — 1991